

Высшее профессиональное образование

РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Учебник

Филология

ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Под редакцией Л. Л. Касаткина

Допущено

*Министерством образования и науки Российской Федерации
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности «Филология»*

Москва

ACADEMA
2005

УДК 800.87+808.2(075.8)
ББК 81.2Рус-67я73
Р892

Авторы:

*С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, О. Г. Гецова, К. Ф. Захарова, Л. Л. Касаткин,
И. Б. Кузьмина, О. Н. Мораховская, Е. В. Немченко, В. Г. Орлова, О. Г. Ровнова*

Рецензенты:

кафедра общего языкознания Московского педагогического государственного
университета (зав. кафедрой — доктор филологических наук, профессор

И. Г. Добродомов);

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского
языка им. В. В. Виноградова РАН *В. Б. Силина*;

кандидат филологических наук *Е. М. Сморгунова*

Утверждено к печати Ученым советом Института русского языка
им. В. В. Виноградова РАН

Русская диалектология: Учебник для студ. филол. фак. высш.
Р892 учеб. заведений / С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, О. Г. Гецова
и др.; Под ред. Л. Л. Касаткина. — М.: Издательский центр
«Академия», 2005. — 288 с.

ISBN 5-7695-2007-8

В учебнике рассказано об основных явлениях, закономерностях, на-
блюдаемых в фонетике, словообразовании, морфологии, синтаксисе и лек-
сике современных русских говоров, приведены сведения по группировке
русских говоров. В книге помещены диалектологические карты, рисунки,
фотографии, помогающие усвоить теоретические положения.

Для студентов филологических факультетов высших учебных заведений.

УДК 800.87+808.2(075.8)
ББК 81.2Рус-67я73

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом
без согласия правообладателя запрещается*

ISBN 5-7695-2007-8

© Бромлей С. В., Булатова Л. Н., Гецова О. Г. и др., 2005
© Издательский центр «Академия», 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основная задача учебника «Русская диалектология» — познакомить студентов с одной из разновидностей общенародного русского языка — русским диалектным языком в его современном состоянии, дать описание его системы и показать группировку русских говоров. В ряде случаев в учебнике приводится исторический комментарий, позволяющий увидеть современные явления на фоне языковых процессов прошлого, а также показаны те процессы, которые идут в говорах в настоящее время. Поэтому студенты и преподаватели могут использовать материал учебника также в курсах «Историческая грамматика русского языка» и «Современный русский литературный язык».

Русские говоры, хотя и испытывают влияние литературного языка, сохраняют свою специфику, которую должен знать учитель-словесник, работающий в диалектных условиях. Данный учебник может быть использован в качестве справочника и руководства в такой работе.

Учебник «Русская диалектология» должен служить основой и в работе, ведущейся в университетах и педуниверситетах по изучению говоров родного края. Преподаватели и студенты найдут в нем богатый материал для описания диалектного ландшафта своей области (края), выделения групп говоров и выяснения их истории, изучения диалектных черт в городском просторечии и в речи местной интеллигенции.

При изучении русской диалектологии в университетах и педуниверситетах теоретический материал, изложенный в учебнике, должен закрепляться при анализе диалектных текстов и выполнении специальных упражнений. Поэтому вместе с учебником и в соответствии с ним выходит: Русская диалектология: Учебное пособие для практических занятий / Под ред. Е. А. Нефедовой. В курсе «Русская диалектология» может также использоваться работа: Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. — М., 1999. К этой книге прилагаются магнитофонные кассеты с теми же звучащими текстами, которые расшифрованы и прокомментированы в хрестоматии. Таким образом, студенты могут не только читать тексты в транскрипции, но и слышать их реальное звучание.

В конце каждого раздела учебника приведен список дополнительной литературы, которая включает основные работы по дан-

ной тематике, вышедшие за последние десятилетия. Издания областные, малотиражные, а также вышедшие в XIX—начале XX в., практически недоступны для большинства студентов, поэтому они не включены в библиографические списки. В каждом вузе преподаватели, ведущие курс «Русской диалектологии» и проводящие диалектологическую практику, могут дополнить эти списки литературой, имеющейся в библиотеках города.

Учебник отражает достижения русской диалектологии за последние десятилетия. Он написан в соответствии с программами по курсу «Русская диалектология», принятыми в большинстве университетов России. Впервые в учебник по русской диалектологии введены глава «Словообразование» и раздел «Русские диалекты в свете языковой политики».

Учебник подготовлен коллективом диалектологов Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН. Все они (за исключением О. Г. Ровновой) принимали непосредственное участие в создании «Диалектологического атласа русского языка», данные которого положены в основу учебника. В числе авторов также доцент МГУ им. М. В. Ломоносова О. Г. Гецова. Учебник написан с позиций Московской лингвистической школы, Московской школы лингвистической географии.

Авторами глав и разделов являются: С. В. Бромлей — «Диалектные различия в морфологии», «Глагол», кроме раздела «Категория вида и способы глагольного действия» и раздела «Причастие и деепричастие», «Лингвистическая география»; Л. Н. Булатова — «Введение», кроме раздела «Русские диалекты в свете языковой политики», «Имена», «Современные морфологические процессы в русских говорах»; О. Г. Гецова — «Словообразование»; К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова — «Диалектное членение русского языка», кроме § 182, 189; Л. Л. Касаткин — «Русские диалекты в свете языковой политики», «Фонетика», § 182 «Архангельская (Поморская) группа» и § 189 «Донская группа»; И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко — «Синтаксис»; О. Н. Мораховская — «Лексикология и лексикография»; Е. В. Немченко — «Причастие и деепричастие»; О. Г. Ровнова — «Категория вида и способы глагольного действия».

ВВЕДЕНИЕ

ПРЕДМЕТ И ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

§ 1. Литературный язык и диалекты. Диалектология — это наука о территориальных разновидностях языка (диалектах). Термин «диалектология» происходит от греческих слов *dialektos* ‘разговор, говор’ и *logos* ‘понятие, учение’.

Помимо литературного языка, в принципе единого для всех говорящих по-русски, существуют и другие разновидности русского языка, употребление которых ограничено определенной социальной средой (профессиональные языки, жаргоны) или определенной территорией (народные говоры). Первые называются социальными диалектами, а вторые — территориальными диалектами (или просто диалектами), а также говорами.

Диалекты следует отличать от просторечия. Просторечие — это разговорный язык людей, не владеющих литературными нормами, но не ограниченный определенной территорией.

Социальные диалекты имеют свои лексические особенности, но у них нет своей фонетической и грамматической системы. Фонетика и грамматика социальных диалектов не отличаются от системы литературного языка или говоров, ответвлениями которых они являются.

Территориальные диалекты, как и литературный язык, имеют свою фонетическую и грамматическую систему и могут, следовательно, служить для говорящих на этих диалектах единственным средством общения. Поэтому территориальные диалекты (в дальнейшем изложении — диалекты) вместе с литературным языком являются основными разновидностями русского языка. Эти разновидности во многом противоположны друг другу.

Различие между диалектами и литературным языком заключается не только в территориальной приуроченности диалектов и внетерриториальности литературного языка, различаются они и по своим функциям. Литературный язык — это язык государственности, политики, науки, искусства — словом, язык культуры. В своей особой форме он является также бытовым языком образованных людей. Диалекты служат разговорным языком

преимущественно сельского населения. На диалектной основе создаются также произведения фольклора.

С различием функций связаны и другие различия литературного языка и диалектов: 1) литературный язык имеет и письменную и устную формы, а диалекты — только устную; 2) литературный язык имеет строгие обязательные нормы, которые отражены в учебниках по русскому языку, поддерживаются словарями и другими справочными изданиями. Поэтому литературный язык называют также нормированным или кодифицированным. Нормы диалектов не отличаются такой строгостью и поддерживаются только традицией; 3) многообразию функций литературного языка соответствует богатство его стилей. Для диалектов характерна слабая стилистическая дифференциация.

Между литературным языком и говорами существует взаимодействие, характер которого изменяется на протяжении истории.

Русский литературный язык возник на основе московского говора и в дальнейшем испытывал влияние диалектов, которое становилось тем слабее, чем отчетливее оформлялись и строже охранялись нормы литературного языка. Начиная с того периода, когда складываются орфоэпические нормы литературного языка, влияние диалектов на него проявляется преимущественно в лексических заимствованиях из говоров (так из говоров в литературный язык вошли слова *шуршать*, *зеленя́*, *тайга*, *бублик* и многие другие). Влияние литературного языка на говоры, напротив, возрастало на протяжении его истории и особенно интенсивным стало в наше время. Благодаря обязательному среднему образованию, а также распространению в современной деревне радио и телевидения литературный язык оказывает на диалекты сильное влияние, которое приводит к их постепенной нивелировке. Лучше всего диалектные черты сохраняются в языке старшего поколения, особенно женщин. Но, видоизменяясь и утрачивая некоторые прежние черты, диалекты и в наше время сохраняются в качестве разговорного языка сельского населения.

§ 2. Основные единицы диалектологии. Основной единицей территориальных диалектов является говор. Г о в о р — это язык одного или нескольких соседних населенных пунктов, однородных в языковом отношении. В своей совокупности говоры образуют диалектный язык. Но диалектный язык это не просто совокупность говоров, а сложное целое, по отношению к которому каждый говор может рассматриваться как его частная разновидность.

Можно выделить два аспекта изучения диалектного языка. Первый — изучение структуры диалектного языка, т.е. установление соотношений между системами разных говоров, образующих в совокупности диалектный язык (подробнее об этом говорится в разделе «Русский язык в его наречиях и говорах»). Второй аспект — изучение территориального распределения варьирующихся эле-

ментов диалектного языка и основанная на таком изучении группировка говоров (подробнее об этом рассказывается в разделах «Лингвистическая география» и «Диалектное членение русского языка»). Изучение сходства и различий между говорами дает возможность выделить территориальные объединения говоров различного ранга. Наиболее крупные объединения говоров — наречия. В русском языке выделяются два наречия: Северное и Южное, между которыми лежит полоса среднерусских говоров, сочетающих в себе черты обоих наречий. Каждое из наречий, а также среднерусские говоры включают в себя более мелкие объединения — группы говоров.

СВЯЗЬ ДИАЛЕКТОЛОГИИ С ДРУГИМИ НАУКАМИ

§ 3. Диалектология и история языка. Диалектология связана с целым кругом лингвистических (и шире — филологических), а также исторических наук.

Современные говоры наряду с памятниками письменности служат важнейшим источником истории языка. Дело в том, что исторические изменения русского языка протекали неравномерно на разных частях территории, занимаемой русским народом, а иногда принимали различное направление. Так, например, особая фонема /ѣ/, утраченная литературным языком, до сих пор сохраняется в некоторых говорах. А там, где эта фонема утратилась, она в одних говорах совпала с /е/ (*л'ес, с'ено*), а в других с /и/ (*л'ис, с'ино* и т. п.). Еще пример. Окончание *-á* в им. п. мн. ч., первоначально свойственное только существительным ср. р., захватило и другие классы существительных: муж. (*лесá, городá, домá* и др.), а в некоторых говорах и жен. р. (например, *деревня́, матеря́*). По интенсивности процесса распространения этого окончания одни говоры (например, смоленские) уступают литературному языку, а другие (например, тамбовские) опережают его. Итак, различные диалектные системы отражают процесс изменения языка. По меткому определению основателя Московской диалектологической школы Р. И. Аванесова (1902 — 1982), отдельные диалектные системы, выстроенные в один ряд, представляют собой «историю языка в ее пространственной проекции»¹. Уже одно это показывает, какое значение имеет диалектология для истории языка.

Следует также отметить, что не все черты живого разговорного языка прошлых эпох отражены в памятниках письменности. Этому препятствовали и письменная традиция, которая связывала писца,

¹ Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. — М., 1964. — С. 24.

и характер жанров письменности, ограничивающий (в силу их содержания или стиля) отражение в памятниках богатства разговорного языка народа. К тому же сохранившиеся памятники письменности неравномерно отражают русский язык различных эпох на разной территории его бытования.

Но и в случаях, когда те или иные явления живого языка отражены в памятниках письменности, их интерпретация часто требует обращения к фактам современных говоров. Так, например, известный историк русского языка, замечательный отечественный языковед XX в. Л. Л. Васильев обнаружил в двух памятниках XVI в. знак каморы ($\overset{\frown}{o}$) над буквой *o* в некоторых словах. Звуковое значение этого знака было им разгадано благодаря открытию О. Брока, норвежского слависта, занимавшегося также изучением русских говоров, в том числе тотемского говора Вологодской губернии. В этом говоре, как отметил О. Брок, различались два вида *o*: *o* «закрытое» и *o* «открытое» (см. об этом § 18). И оказалось, что знак каморы стоит над буквой *o* именно в тех словах, где в говоре произносится *o* «закрытое».

Таким образом, без учета диалектных данных невозможно построение исторической грамматики, т. е. того раздела истории языка, который изучает изменение системы народно-разговорного языка и отдельных элементов этой системы.

Но сами диалекты тоже изменяются во времени, происходит взаимодействие говоров, перестраивается их группировка. Эти изменения изучает специальная дисциплина истории языка — историческая диалектология. В отличие от исторической диалектологии науку о современных территориальных разновидностях языка (предмет нашего курса) называют описательной диалектологией.

Историческая грамматика и историческая диалектология изучают один и тот же объект — историю народно-разговорного языка, но изучают его в различных аспектах: историческая грамматика занимается общим направлением в изменении системы этого языка, а историческая диалектология — историей его диалектного варьирования. И для обеих дисциплин истории языка данные описательной диалектологии имеют важнейшее значение. Особенно это относится к исторической диалектологии, которая ретроспективно воссоздает историю диалектов на основе сопоставления современных диалектных явлений и их территориального распространения (подробнее см. раздел «Лингвистическая география»).

Но без диалектологии не может обойтись и история литературного языка, так как литературный язык возник на основе определенного диалекта и в дальнейшем продолжал испытывать в той или иной мере диалектное влияние. Однако для истории литературного языка роль диалектов по сравнению с памятниками письменности второстепенна.

§ 4. Диалектология и другие филологические науки. История языка была первой областью лингвистики, где нашла свое применение диалектология. Одно время на диалектологию так и смотрели как на вспомогательную дисциплину истории языка. В настоящее время все больше укрепляется в науке понимание того, что данные диалектологии должны использоваться и в тех областях лингвистики, которые обращены не к прошлому, а к настоящему и будущему.

Так, представление о типологии современных языков остается неполным, если типологические исследования ограничивать материалом литературных языков, игнорируя диалектные данные. Изучение современных процессов в говорах может дать ценный материал также для лингвистического прогнозирования и практической работы в области культуры речи. Однако до сих пор диалектологические знания, к сожалению, еще недостаточно используются для всех этих целей.

Поскольку фольклор создается на диалектной основе, диалектология имеет существенное значение для ф о л ь к л о р и с т и к и. К диалектологии приходится обращаться и литературоведам, так как элементы диалектной речи (диалектизмы) используются многими писателями в различных идейных и эстетических целях.

§ 5. Диалектология и история народа. Язык — социальное явление, и как всякое социальное явление он связан с историей народа. Это в полной мере относится и к диалектам. Поэтому естественна связь диалектологии с историей народа и такими историческими дисциплинами, как археология и этнография.

Диалектные различия — свидетельства известной изоляции говорящих на этих диалектах. Если такой изоляции не существует сейчас, значит она была в прошлом. Так, границы современных диалектных явлений отражают (с поправкой на позднейшие изменения) границы таких исторических общностей, как феодальные княжества с их сферами влияния или (значительно реже) племенные границы.

Сравнение говоров Сибири, Донской земли и других мест, заселенных русскими сравнительно поздно, с говорами территории, где первоначально сложились русские диалекты, позволяет проследить, откуда шло заселение областей позднейшей колонизации.

Черты иноязычного происхождения в русских говорах свидетельствуют о длительных контактах русского и иноязычного населения на той или иной территории.

Так диалектные данные помогают историку воссоздать исторические пути русского народа. Если данные описательной диалектологии служат одним из источников для истории народа, то историческая диалектология не только дает материал для историков, но и сама не может обойтись без обращения к истории народа. Свидетельства летописей и других документов, археологические данные об этническом составе населения определенной территории, о политических, экономических и культурных связях этого

населения помогают историку диалектов установить время и место (а иногда и причины) возникновения многих диалектных явлений. Например, есть говоры, в которых употребляется только одна аффриката (*овца, отец, цай, цистый* и т. п.). Это явление называется цоканьем. Цоканье свойственно преимущественно севернорусским говорам. Но есть оно и в некоторых рязанских (в так называемых мещерских) говорах. Не значит ли это, что там раньше был говор севернорусского типа, который потом изменился под влиянием южных говоров? Исторические данные подсказывают другой ответ. На территории этих рязанских говоров жило финское племя мещера, в языке которого не было двух аффрикат. Цоканье в говорах Рязанской области — это местное явление, возникшее под иноязычным влиянием.

Следует особо остановиться на связях диалектологии и этнографии. Это связи двухсторонние. С одной стороны, крестьянские постройки, орудия труда, бытовые предметы и одежда, а также старинные обряды имели раньше (а отчасти сохранили и в настоящее время) местные различия, которые изучает этнография. С этими различиями часто бывает связано и различие в названиях соответствующих предметов или понятий. Поэтому изучение диалектной лексики, относящейся к старому крестьянскому быту, невозможно без знания этнографии. Но, с другой стороны, и сами диалектные названия предметов и понятий крестьянского быта являются важными этнографическими признаками. Таким образом, изучение взаимоотношений между предметом и его названием необходимо и для диалектологов и этнографов.

Особенно важно подчеркнуть, что границы этнографических различий часто совпадают с границами диалектов. Например, распространение двух видов женской одежды: *понёвы* и *сарафана* (см. § 145) в основном совпадает соответственно с территорией Южного и Северного наречий.

Наряду с изучением истории и этнографии края изучение местных говоров является важным компонентом краеведческой работы.

ПРИМЕНЕНИЕ ДИАЛЕКТОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ЯЗЫКА И В ПРАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ ПО КУЛЬТУРЕ РЕЧИ

Знание диалектологии практически необходимо учителю-словеснику. Работая в сельской местности, учитель-словесник преподаёт нормы литературного языка детям, которые говорят на диалекте. В процессе изучения литературной нормы ученики делают в устной и письменной речи ошибки, связанные с различиями между системой литературного языка и системой их родного диалекта, —

«диалектные ошибки». Такие ошибки встречаются и у учеников городских школ.

Чем лучше знает учитель диалектологию, тем легче понимает он природу подобных ошибок и тем скорее находит нужные приемы, чтобы помочь детям усвоить нормы литературного языка.

Так, например, известно, что большинство орфографических ошибок связано с нейтрализацией фонем в слабых позициях. На приведении фонем к сильной позиции основаны школьные правила правописания безударных гласных, глухих и звонких согласных и др.

Но в разных диалектах свои законы позиционных чередований звуков: условия сильного и слабого положения фонем могут быть иными, чем в литературном языке, а значит, должны варьироваться и приемы проверки.

Так, например, во многих окающих говорах фонемы /у/ и /о/ совпадают в начале слова во втором предударном слоге (например, глаголы *убивáть* и *обивáть* там произнесут одинаково, с гласным [у] в начале слова, а *уби́ть* и *оби́ть* — по-разному). Можно использовать эту закономерность с целью проверки правописания гласных во втором предударном слоге. Так, ученик может проверить правописание слова *огурéц* по уменьшительному *огúрчик*, правописание глагола *увидáть* по глаголу *увидеть* и т.п. Прием очень полезный, потому что примеры с ударением на проверяемой гласной не всегда можно подобрать.

Учитель должен не только знать родной говор своих учеников, но и уметь сопоставить его систему с системой литературного языка. Иначе некоторые ошибки учащихся останутся непонятными, потому что диалектные ошибки не всегда непосредственно отражают факты этого диалекта. Например, ученик пишет «начала косит», «пошли отдохнут», хотя в его говоре, как и в литературном языке, инфинитив оканчивается на *-т'* (*косить, отдохнуть*). Откуда появилась такая ошибка? Дело в том, что в этом говоре форма 3-го л. глаголов оканчивается на *-т'* (*он косить, он отдохнёт*). Ученик пишет эти формы с мягким знаком на конце. Его поправляют, и у него складывается представление, что в глагольных окончаниях не нужно писать *ь* после *т*, хотя это *т* произносится мягко. Эту закономерность ученик распространяет и на форму инфинитива, которая в его речи часто совпадает с формой 3-го л.: *он говори[т']*, *не надо говори[т']*. Природа такой ошибки выявляется лишь при сопоставлении системы говора и литературного языка.

Очень важно, чтобы изучение норм литературного языка не вызывало у школьника представления о второсортности, «неправильности» их родного диалекта.

Здесь многое зависит от такта учителя и от глубины его понимания культурно-исторической и эстетической ценности диалектов.

Изучение современных процессов в диалектных системах также должно быть поставлено на службу методике преподавания русского языка в диалектной среде. Известно, что отход от диалектного произношения под влиянием литературного языка может происходить постепенно, распространяясь сначала на одни фонетические позиции, а потом на другие. Эту последовательность целесообразно учитывать в орфоэпической работе с учащимися.

Знание диалектологии пригодится учителю-словеснику и на уроках литературы.

В произведениях классической и современной литературы часто используются элементы диалектной речи (диалектизмы) для характеристики персонажей или для создания местного колорита. Для полного понимания таких произведений требуются диалектологические знания.

Учитель должен уметь объяснить ученикам значение диалектных слов, которые встречаются в изучаемых в школе произведениях литературы, и раскрыть эстетическую роль диалектизмов в этих произведениях. Желательно также научить школьников самостоятельно обращаться к диалектным словарям или, по крайней мере, познакомить их со словарями такого типа.

Практическое применение диалектологии не должно ограничиваться школой. Диалектологические знания могут найти то или иное применение в различных направлениях работы в области культуры речи. В частности, данные диалектологии желательно учитывать и в работе по усовершенствованию орфографии. Так, например, неоднократно выдвигались предложения писать одинаково непроверяемые гласные разного происхождения *тапор, сабака, сапог, капуста* или *топор, собака, сопог, копушта*. Противники этих предложений указывали, что это нововведение было бы очень неудобным для носителей оканья, а оканье является пока еще весьма распространенной и устойчивой диалектной чертой, которая сохраняется в речи даже очень образованных людей.

РУССКИЕ ДИАЛЕКТЫ В СВЕТЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

§ 6. Уважительное отношение к диалектам в XIX—начале XX в.
В середине XIX в. в русском обществе пробуждается широкий интерес к жизни народа, его быту, верованиям, обычаям, фольклору. Меняется и отношение к диалектам, которые еще в первой половине XIX в. рассматривались многими учеными-языковедами как «искажение», «порча» литературного языка. Во второй половине XIX в. среди широкой общественности складывается уважитель-

ное отношение к народной речи. Огромную роль в этом сыграл «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, впервые вышедший в 1863—1866 гг. и с тех пор многократно переиздававшийся. Среди 200 тысяч слов этого словаря около 80 тысяч диалектные, собранные В. И. Далем по всей России.

В рекомендациях лингвистов и педагогов содержались указания на то, что в школе необходимо изучать русский язык во всех его разновидностях. К. Д. Ушинский одной из целей преподавания языка в школе считал «усвоение форм языка, выработанных как народом, так и литературой»¹. А. А. Шахматов писал: «Из обзора русских наречий, из знакомства с живыми говорами учащийся вынесет уважение к идее народности. Он увидит народ не в одних блестящих проявлениях культурной и государственной жизни, не в одних полководцах и сановниках, писателях и художниках — он усмотрит русский народ в непосредственных проявлениях его духовной жизни <...>. Все это приблизит учащегося к самому народу и вызовет в нем уважение к его прошлому, а также веру в него, в его будущее»².

Эти идеи легли в основу методики преподавания русского языка в советской школе в начальный ее период. В эти годы рекомендуется уважительное отношение к речи учащихся, говорящих на диалекте. Учителя вместе с учащимися проводят наблюдения над живой речью населения края, в том числе и над ее диалектными особенностями, собирают фольклорный материал. Положительно оценивается использование диалектизмов в художественной литературе и критикой.

§ 7. Взгляд на диалекты с 1930-х гг. как на пережитки прошлого. Но затем это отношение к народной диалектной речи резко меняется. Связано это было с изменением отношения к крестьянству — основному носителю диалектов. Социальные преобразования в деревне в 1920—1970-е гг. были направлены на уничтожение крестьянства как класса, на превращение крестьян в сельскохозяйственных рабочих. Массовая коллективизация крестьян и уничтожение самых рачительных хозяев под лозунгом борьбы с кулачеством в 1920—1930-е гг., грабительская политика, приводившая к массовому обнищанию и вымиранию от голода целых деревень, заставляла крестьян, особенно молодежь, любой ценой переселяться в город. Кампания 1960—1970-х гг. по ликвидации так называемых «неперспективных» деревень усугубила положение.

В результате этих социальных преобразований говоры многих деревень перестали существовать вместе с самими деревнями. Кре-

¹ Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения: В 2 т. — Т. 2. — М., 1954. — С. 682.

² Шахматов А. А. К вопросу об истории преподавания русского языка в средних учебных заведениях // Труды Первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях. — СПб., 1904.

стьяне, переехавшие в города и перевезенные из разных мест в одно, утрачивают многие исконные языковые черты, а дети, воспитывающиеся в городах и районных центрах, больше подвержены влиянию литературного языка. Нарушается естественная языковая связь поколений.

Изменения эти в значительной степени обусловлены сформировавшимся в 1930-е гг. негативным отношением к крестьянству как классу и к крестьянской народной культуре, народному быту, диалектам как языку деревни. Кроме того, с 1930-х гг. политиками и философами выдвигается идея интернационализации и сближения национальных культур и языков, постепенного отмирания различных языков в социалистическом обществе и формирования единой социалистической культуры и единого языка, в основе которого должен лежать русский литературный язык. В соответствии с этим диалекты русского языка объявлялись пережитком прошлого, отклонением от литературного языка, его извращением. Диалектизмам в речи носителей литературного языка объявлялась беспощадная война.

В этом же направлении менялась методика преподавания русского языка в диалектной среде. Целью ее становилось, как писал А. В. Текучев, «устранение диалектизмов всех видов из речи учащихся. Перед учеником-диалектоносителем стоит очень сложная задача: живя в окружении взрослых, таких же диалектоносителей, как и он сам, освободиться от свойственных его речи привычных с детства диалектизмов и овладеть литературной речью»¹. Конечная цель этой борьбы — полное вытеснение диалектов литературным языком.

Эта социальная и языковая политика нанесла русскому языку значительный ущерб. Происходящее в настоящее время, в большой мере в связи с этой политикой, нивелирование диалектов, утрата ими черт, отличающих их друг от друга и от литературного языка, — это утрата части их языкового богатства, обеднение общенародного языка.

Проводившаяся у нас языковая политика имела и другие отрицательные последствия. «Найдутся, вероятно, и такие учителя, — писал В. И. Чернышев в 1912 г., — <...> которые ведут в школе открытую и последовательную борьбу со всем языком деревни <...>. У ученика такой школы образуется понятие, что нет хуже языка, как язык своей семьи и деревни <...>. Такая школа принесет учащимся в ней большой вред, который будет тем значительнее, чем успешнее она утвердит в своих питомцах враждебное отношение к народному языку <...>. Всякое наступательное движение по отношению к народному языку при ничтожной и только кажущейся пользе принесет страшный, непоправимый вред в разных отноше-

¹ Текучев А. В. Преподавание русского языка в диалектных условиях. — М., 1974. — С. 11.

ниях: моральном, педагогическом, образовательном»¹. Воспитание в детях отрицательного отношения к языку своих родителей, своих предков — это воспитание безнравственности. Вместе с тем это и воспитание в жителях деревни комплекса неполноценности.

§ 8. Диалекты — богатство русского языка. О русском языке говорят как об одном из самых богатых языков мира. Богатство языка — это в первую очередь богатство его синонимии, возможность один и тот же смысл передать разными способами. Диалекты как раз и дают такую возможность в силу разнообразия словарного состава, грамматических и фонетических средств. В 17-томном академическом «Словаре современного русского литературного языка» около 120 тысяч слов, а в словнике только одного из многочисленных региональных диалектных словарей, не включающих слова, полностью совпадающие с литературными, — «Архангельского областного словаря» 180 тысяч слов.

Языковое богатство русских диалектов отражает и различное видение говорящими окружающего мира. Одно и то же семантическое пространство в разных говорах может члениться по-разному, что проявляется в разном количестве слов — названий элементов этого пространства и в различии их взаимосвязей. Так, в одних русских говорах, как и в литературном языке, лингвистическое время членится на прошедшее, настоящее и будущее, а в других выделяются еще перфект и плюсквамперфект (давнопрошедшее). В литературном языке существует одно название для незрелой лошади — *жеребёнок*. А в говорах чаще всего встречаются три названия возрастных периодов жеребенка: первый период — *сосун, сосок, со́ска, лошо́нок, лоша́к, коня́жка, селёток, озíмок, перевозíмок*; второй период — *стрига́ч, стрига́н, стригу́н, стрíга, стрíжка, стрижа́к, ле́тошник, лонца́к, лонщи́на, перезíмок, полу́торник*; третий период — *третья́к, третья́ка, трехле́ток, троеле́ток, у́чка, первопа́шка, гуля́к, боро́нка, боро́ныш, боро́нщик, боро́нник, бороновáлка* и др. Встречается и более дробное членение, которое может усложняться различиями по полу.

Разное видение одного и того же предмета в различных говорах проявляется и в том, что в этом предмете выделяются разные признаки, мотивирующие его название. Предмет, таким образом, связывается с разными понятиями, а слово — с разными родственными словами; например, *ухва́т* (от *хватать, хватить*), *рога́ч* (от *рогатый*), *ручни́к* (от *ручной*), *емки́* (от *имать* 'брать').

Основная цель учителя, работающего в диалектной среде, — научить школьников литературному языку. Но литературный язык не должен вытеснить у них тот язык, которым они владеют с детства, — местный говор. Литературный язык многообразен: в разных ситуациях мы используем различные его стили. В деревенском об-

¹ Чернышев В. И. Избранные труды: В 2 т. — Т. 2. — М., 1970. — С. 531.

щении должен сохраняться местный говор. И благородная цель учителя — показать ребенку, что этот говор обладает всеми необходимыми качествами для выполнения своей роли, а в некотором отношении он и богаче литературного языка. Воспитание любви и уважения к местному говору — вторая важная цель учителя деревенской школы. Естественно, что учитель и сам должен хорошо знать этот говор, понимать его особенности.

Диалекты русского языка — реальность настоящего времени. Их исчезновения не произойдет и в ближайшем будущем. Однако они заметно изменяются, деградируют. Кроме действий, направленных на задержку разрушения русских диалектов, нужна и наиболее полная фиксация их современного состояния. Во многих сельских и районных школах существуют этнографические музеи, сохраняющие предметы старого быта, старой местной культуры. И точно так же необходимо создавать в этих школах, в диалектологических кабинетах вузов фонды магнитофонных записей речи представителей местных говоров. Эти записи уже сейчас представляют собой бесценные памятники русской народной культуры, со временем же их значение неизмеримо возрастет.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЕГО НАРЕЧИЯХ И ГОВОРАХ

§ 9. Диалектный язык. Русский национальный язык представляет собой сложное единство: сложное, потому что он включает в себя, как уже говорилось, многие разновидности (литературный язык, просторечие, территориальные и социальные диалекты), но все же единство, поскольку во всех этих разновидностях достаточно общих черт, чтобы люди, пользующиеся различными разновидностями языка, понимали друг друга и воспринимали речь собеседника как русскую.

Сложное единство представляет собой не только русский национальный язык в целом, но и такие его компоненты, как литературный язык (с его устной и письменной формой, разнообразием стилей) и диалектный язык (с его территориальным варьированием).

Понятие диалектного языка, введенное в науку Р. И. Аванесовым и разработанное его школой, неразрывно связано с характером сходства и различий русских говоров. Несмотря на значительные различия между говорами русского языка, их объединяют многие общие черты. Единой для всех говоров является большая часть словарного фонда; много общих черт в фонемной организации говоров; и особенно значительно единство их грамматического строя. На фоне этого единства выступают многочисленные различительные элементы, т. е. элементы языка, свойственные одним

говорам (группам говоров, наречиям) в отличие от других. Эти элементы образуют соотносительные ряды. Например, оканье и аканье, т.е. различие фонем /о/ и /а/ в безударных слогах (*ст[о]лы́* и *т[а]зы́*, ср. *ст[о]л* и *т[а]з*) или их неразличение (*ст[а]лы́* и *т[а]зы́*); различные по говорам формы слова *свекровь*: *свекро́вь*, *свекро́вья*, *свекро́вя*, *свекро́ва*, *свекра́*, *свекры́*; различные названия приспособления для вынимания горшков из печи: *ухва́т*, *рога́ч*, *емки́* (или *емо́к*). Такие соотносительные ряды получили в науке название **междиалектных соответствий** (или **соответственных явлений**). Каждый из членов такого ряда имеется в одних говорах и отсутствует в других, где ему соответствует иной член того же ряда.

Значительная общность систем разных говоров, а также бо́льшая или меньшая регулярность в соотношении их различительных элементов (особенно высокая в фонетике) позволяют рассматривать системы отдельных говоров (так называемые **микросистемы**) как варианты одной общей системы (**макросистемы**), присущей диалектному языку в целом. В диалектном языке есть постоянные элементы (они одинаковы для всех говоров) и подвижные (варьирующиеся по говорам). Подвижные элементы в составе всего диалектного языка представлены междиалектными соответствиями (т.е. рядом диалектных вариантов, взаимозаменяющих друг друга в разных говорах), а в каждом говоре — определенным членом этого ряда. В некоторых говорах могут сосуществовать разные члены междиалектного соответствия, но это частный (хотя и весьма распространенный) случай.

Таким образом, понятие диалектного языка дает возможность компактно описать диалектные различия русского языка (микросистемы), установить характер и пределы диалектного варьирования каждого элемента его системы.

§ 10. Типы диалектных различий. Диалектные различия, структура междиалектных соответствий очень разнообразны.

1. Различаться по говорам могут отдельные элементы языка: звуки, грамматические формы, слова, а также целые системы этих элементов: чередования звуков в разных позициях, системы окончаний в парадигме слова и т.п. Первые различия называются **простыми**, а вторые **сложными**. Так, к простым диалектным различиям относятся реализация фонемы /л/ в звуке зубном [л] или альвеолярном [л̥], окончание *-ов* или *-ох* в род. п. мн. ч.: *быко́в*, *домо́в*, *пра́здников* или *быко́х*, *домо́х*, *пра́здникох*, к сложным диалектным различиям — различие или совпадение в одном звуке аффрикат /ц/ и /ч/, различие или совпадение форм дат. и тв. п. мн. ч.: *к дома́м*, но *за дома́ми* или *к дома́м* и *за дома́м* и т.п.

2. Диалектные различия в области фонетики и грамматики часто носят **регулярный** характер. Так, если в говоре окают, то фонемы /о/ и /а/ различаются в безударном положении (в любом

слоге или только в предударном) во всех словах и словоформах, где эти фонемы находятся в соответствующей позиции; а в акающих говорах во всех таких словах и словоформах происходит совпадение фонем /о/ и /а/. Если на одной территории говорят *красны лёнты*, а на другой *красные лёнты*, то такое соотношение окончаний им. п. мн. ч. действительно по крайней мере для всех прилагательных с безударными окончаниями, а в некоторых говорах и вообще для всех прилагательных.

Членами междиалектных соответствий могут быть и изолированные факты — различия в отдельных словах или словоформах: разные названия одного и того же предмета, различия в фонемном составе слова или в его грамматической форме в тех случаях, когда эти различия не связаны с различием системы (фонетической или грамматической). Например, слово *хлев* известно в говорах с фонемой /х/ и с фонемой /к/ (*хлев* и *клев*), хотя в фонетической системе и тех и других говоров есть обе эти фонемы. Такой же изолированный характер носит различие рода существительного *зверь*, которое в одних говорах относится к мужскому, а в других к женскому роду.

3. Междиалектные соответствия могут иметь два или более членов. Многочленные диалектные соответствия больше всего характерны для лексики: например, *льди́ны* : *крь́ги* : *йкры* : *пли́ты* : *глы́бы* и другие, менее распространенные, названия; *причи́тáть* : *пла́кать* : *выть* : *вопи́ть* : *голоси́ть* (по покойнику)¹. Многочленные междиалектные соответствия бывают также в фонетике и в грамматике. Но для грамматики и фонетики более характерны двучленные междиалектные соответствия (например, оканье и аканье, окончание род. п. ед. ч. существительных 1-го скл. -и (-ы) или -е: *у реки́*, *от сестры́* или *у рекé*, *от сестрэ́*) или такие многочленные соответствия, которые могут быть сведены к сочетанию двучленных, выделенных по разным признакам (см. пункт 4).

4. Диалектные варианты могут различаться по одному или разным признакам (одноплановые и многоплановые различия). Примером различия служит качество долгого глухого шипящего. В одних говорах он может быть мягким, а в других твердым; и мягкий и твердый шипящий может быть или щелевым или иметь смычный элемент. Таким образом, междиалектное соответствие включает в себя четыре члена: [ш́'] : [ш́] : [ш'ч'] : [шч], но они попарно противопоставлены друг другу 1) по мягкости-твердости: [ш́'] и [ш'ч'] : [ш́] и [шч] и 2) по наличию или отсутствию смычного элемента: [ш́'] и [ш́] : [ш'ч'] ([ш'т́ш']) и [шч] ([штш]). Пример однопланового различия — принадлежность к 1-му или 2-му скл.

* Знак «:» указывает, что данные элементы относятся к одному междиалектному соответствию.

существительных муж. р. с суффиксом -ушк: *батюшка, дедушка, парнишка* или *батюшко, дедушко, парнишко* и т. п.

5. Некоторые диалектные элементы языка не образуют соотносительных рядов. Например, в северных говорах употребляется слово *горбуша*, которое обозначает особый вид косы, похожей на большой серп (см. рис. 1 на с. 204). Слово *горбуша* отсутствует и не имеет эквивалента в говорах той территории, где этот вид косы неизвестен. Диалектные различия, при которых тот или иной элемент одних говоров отсутствует и не имеет своего эквивалента в других говорах, получили в русской диалектологии название *непротивопоставленных* в отличие от *противопоставленных*, т. е. образующих соотносительные ряды. Непротивопоставленные диалектные различия представлены в диалектном языке междиалектным соответствием с нулевым членом. Они связаны не только с названиями предметов и явлений, имеющих местный характер (внелингвистический фактор), но и с особенностями самих диалектных систем. Например, в одних говорах есть специальные названия для хорошей погоды (*вёдро*), а в других нет. В некоторых говорах есть синтаксическая конструкция, выражающая значение неизбежности (например: *быть тому случиться* 'то неизбежно должно случиться'), а в большей части русских говоров это значение не получает специального грамматического выражения.

Однако в тех случаях, когда непротивопоставленные различия объясняются внутрilingвистическими факторами, грань противопоставленных и непротивопоставленных различий является условной. Непротивопоставленные различия, выделяемые в пределах одного фрагмента системы, могут оказаться противопоставленными при рассмотрении более крупного фрагмента. Так, название хорошей погоды не имеет эквивалента в ряде говоров (непротивопоставленное различие). Но если сравнивать не отдельные слова, а всю систему обозначений погоды в разных говорах, то получим противопоставленное различие: членами междиалектного соответствия будет различное устройство данного участка лексической системы (т. е. состав и соотношение названий погоды).

Еще один пример. В некоторых говорах Архангельской, Вологодской, Новгородской и Псковской областей употребляется сложная форма прошедшего времени *был пришел* и т. п., которая обычно называется формой давнопрошедшего времени. Эта форма выражает особые значения прошедшего времени, в частности значение действия, предшествующего другому действию, имевшему место до момента речи, например: *В сентябре снег был высыпал, а октябрь был теплый; Песни была пела, танцевала была, а когда замуж вышла — нет: дети пошли, некогда было.* В других говорах нет соотносительной формы с тем же значением. Следовательно, здесь можно говорить о непротивопоставленном различии. Но если рассматривать данную форму не изолированно, а в составе всей системы

времен в разных говорах, то данное различие выступит как элемент противопоставленного различия: система, в которой различаются три формы времени, противопоставлена системе из четырех форм.

Так простые непротивопоставленные различия могут выступать как элементы сложного противопоставленного различия.

§ 11. Сосуществование различных членов междиалектного соответствия в одном говоре. Как уже говорилось выше, различные члены междиалектного соответствия (диалектные варианты) могут встречаться и в одном говоре. Например, в некоторых говорах произносятся взрывной и щелевой заднеязычный согласный (*гром* и *уром*, *дугá* и *дууá* и т. д.), хотя /г/ и /ҕ/ в масштабе всего диалектного языка являются различительными элементами Северного и Южного наречий. Существительные среднего рода с ударением на основе в одних говорах имеют в вин. п. окончание -о, в других -у (*посеять прóсо* и *посеять прóсу*). Но возможно употребление обоих вариантов в одном и том же говоре. Сосуществование в одном говоре разных диалектных вариантов обычно отражает динамику говора: один из вариантов вытесняется (но еще не вытеснен) другим вариантом либо под воздействием соседнего говора, либо под влиянием литературного языка. Сосуществование двух вариантов может отражать также определенную стадию спонтанного развития говора. Так, например, существительные на -мя, сохраняющие в литературном языке особенности древнего склонения основ на согласные, во многих говорах отходят к одному из основных современных типов склонения. При этом в одном и том же говоре Южного наречия возможно колебание в их склонении по 1-му или 2-му типу.

Иногда сочетается действие разных факторов, подчас противоположного направления. Например, внутренняя тенденция к унификации падежных форм существительных в мн. ч. вызывает широкое распространение окончания род. п. -ов на те классы существительных, которые раньше имели другие окончания: *ба́бов*, *се́длов*, *родíteлев* и т. п. Но влияние литературного языка задерживает вытеснение прежних форм: *баб*, *седел*, *родíteлей* и т. п., и оба варианта сосуществуют в одном говоре.

Дополнительная литература

Аванесов Р. И. О двух аспектах предмета диалектологии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования / Отв. ред. Р. И. Аванесов. — М., 1965. — С. 24—35.

Бромлей С. В. Роль описательной диалектологии в характеристике общих свойств структуры языка. (К постановке вопроса.) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1979. — Т. 38. — № 2. — С. 108—116.

Булатова Л. Н. О применении московской фонологической теории к изучению орфографии в условиях местного диалекта // Язык: изменчи-

вость и постоянство: К 70-летию Л. Л. Касаткина / Науч. ред. М. Л. Каленчук. — М., 1998. — С. 15—21.

Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. Р. И. Аванесова. — М., 1962. — Глава 1. Лингвистическая география и структура языка.

Калнынь Л. Э. Значение трудов Р. И. Аванесова для теории диалектологии // Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рождения Р. И. Аванесова / Отв. ред. Н. Н. Пшеничнова. — М., 2002. — С. 47—52.

Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. Введение. — М., 1999.

Оссовецкий И. А., Орлова В. Г., Строганова Т. Ю. Народные говоры // Русский язык и советское общество / Под ред. М. В. Панова. [Т. 4] Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. — М., 1968. — С. 131—211.

Русская диалектология. Введение / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. — М., 1964.

СУПЕРСЕГМЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ

§ 12. Сегментные и суперсегментные единицы. В речевом потоке выделяются различные фонетические единицы: сегментные и суперсегментные. Сегментные единицы линейны, это разные отрезки речевого потока: звук, слог, фонетическое слово, фонетическая синтагма, фраза. Звук — наименьшая, кратчайшая сегментная единица. Каждая следующая по величине сегментная единица состоит из более мелких: слог из звуков, фонетическое слово из слогов, фонетическая синтагма из фонетических слов, фраза из фонетических синтагм.

Объединение этих единиц в более крупные сегментные единицы осуществляется благодаря суперсегментным, или просодическим, единицам, которые как бы накладываются на сегментные. К таким суперсегментным единицам относятся слоговость/неслоговость звуков, ударение и интонация. Особая суперсегментная единица — темп речи.

§ 13. Слог. Слог как сегментная единица представляет собой линейную последовательность звуков. Один звук в слоге — слоговой (слоγοобразующий), остальные — неслоговые.

Диалектные различия в строении слога в русском языке связаны с характером слоговых и неслоговых звуков, с их соотношением в слоге, с местом слогораздела.

Во всех говорах русского языка гласные выступают обычно как слоговые, слогообразующие звуки, а согласные как неслоговые, неслогообразующие. Различия между говорами состоят в характере отступлений от этой общей закономерности.

В значительной части говоров, как и в литературном языке, гласный звук [и] может быть неслоговым, когда он выступает на месте фонемы /j/: *мо[и̣]*, *по[и̣]дú*, *[и̣]елóвы[и̣]*. Во многих говорах неслоговым может быть также гласный звук [у] (иногда [о]), выступающий на месте /v/: *корó[ў]*, *корó[ў]ник*, *тра[ў]*, *тра́[ў]ка* (*тра[о̣]*, *тра́[о̣]ка*) или на месте /л/: *во[ў]к* (*во[о̣]к*), *ста[ў]*, (*ста[о̣]*) (см. § 38, 39, 46).

Во многих русских говорах известны дифтонги. Шире всего распространены [и̣е̣] и [у̣о̣]: *л[и̣е̣]с*, *хл[и̣е̣]б*, *с[и̣е̣]но*; *кор[у̣о̣]ва*, *сел[у̣о̣]*, *к[у̣о̣]т*. В некоторых говорах произносятся [е̣и̣], [о̣у̣], [е̣о̣], [и̣о̣],

[ēa], [iā], [iū]: с[ēи]рп, г[о̄у]д, н[е̄о]с, н[ӣо]с, п[е̄а]тый, п[ӣа]тый, л[ӣу]ди (см. § 20, 22). Дифтонги могут быть равновесными, когда оба гласных обладают одинаковой силой и длительностью. Дифтонги могут быть также восходящими, когда первый гласный дифтонга неслоговой, а второй слоговой: л[ӣе̄]с, к[ӯо̄]т, или нисходящими, когда первый гласный дифтонга слоговой, а второй неслоговой: л[ӣе̄]с, к[ӯо̄]т. У восходящих и нисходящих дифтонгов длительность и интенсивность слогового гласного значительно превышает длительность и интенсивность неслогового гласного.

В южнорусских говорах, главным образом в Юго-Восточной зоне (см. карту 11 на с. 257), наблюдается тенденция к утрате (диерезе) безударных гласных. При этом количество слогов в слове может уменьшаться на один либо оставаться прежним. В последнем случае вместо утраченного гласного слоговую функцию выполняет соседний согласный. Чаще всего такими слоговыми бывают наиболее звучные согласные — сонорные: мо[л̣]тобóец, зó[л̣]то, п[р̣]давáть, стó[р̣]жем, без пá[м̣']ти, вь́[н̣']су, лозí[н̣]чка. Слоговость шумных согласных проявляется в их большей напряженности: [т̣]порá, вь́[с̣]пано, у[ч̣']теля́. По-разному произносятся [з̣]давáть (сдавать) и [з̣]давáть (задавать), вь́[у̣]нем (выгнем) и вь́[у̣]ним (выгоним), вь́го[д̣]но (выгодно) и вь́га[д̣]но (выгадано), [п̣]левáли (плевали) и [п̣]ливáли (поливали), зя[т̣'] пустíл (зять) и зя[т̣'] пустíл (зятя). В этих парах напряженность слоговых щелевых согласных проявляется в большей долготе, слоговых взрывных звонких — в большей долготе смычки, слоговых взрывных глухих — в придыхательности. При этом напряженный шумный слоговой согласный может не озвончаться перед следующим звонким шумным и не оглушаться перед следующим глухим: [с̣]беру́ (соберу), лó[ж̣]чка (ложечка), бá[б̣]шка (бабушка), выхó[д̣']те (выходите).

Слоговые согласные не типичны для русского языка. Стремление избежать слоговости согласного нередко приводит к восстановлению гласного. При этом наблюдаются ошибки с точки зрения места и качества исконного гласного: к[э̄]лдовáя (кладовая), пох[э̄]лпочí (похлопочи), я́б[э̄]лков (яблок), нóж[ы̄]ницы (ножницы), мóк[эн'т̣'] (мокнет).

Во многих акающих говорах существует тенденция устранять начальные сочетания согласных в слове. В говорах Юго-Западной зоны перед группой согласных развился протетический гласный [и], реже [а]: ирвáть, иржáть, илб́ы, ильнá, имхí, испрáвка, исказáть, издéлать, ик тебé и т. п., арвáть, аржáть, алб́ы и т. п.; перед начальным в — [у]: увлéзть, увмéсте, уврóде, увскочíл, ув плен, ув школу и т. п. В слове ильнянóй (альнянóй) протетический гласный известен многим акающим говорам. Еще шире, в том числе и во многих окающих говорах, встречается надставка (протéза) гласного [а], [о] или [и] в слове аржанóй (оржанóй, иржанóй).

В говорах Юго-Восточной зоны начальная группа согласных часто разделяется вставными гласными. Такая вставка (эпентéза) гласного часто бывает в тех случаях, когда этот гласный образует второй предударный слог: *в[э]довá, к[э]лубн́ика, к[э]рап́ива, п[э]лохóй, п[э]шенó, с[э]морóдина, т[э]ворóг, л[и]нянóй* и т. п. Реже встречается такой эпентетический гласный в первом предударном слоге: *н[а]рáвиться, м[ы]нóго, х[э]леб, с[и]вет* и т. п.

Развитие протетических или вставных (эпентетических) гласных в начальных сочетаниях согласных было связано с тенденцией к утрате слоговости у первых согласных таких сочетаний. При этом сонорные и шумные согласные были в этих говорах в древнерусском языке слоговыми благодаря большей, чем у следующего согласного, напряженности: *[р]вать, [р]жанóй, [л]бы, [л']нянóй, [м]хи; [с:]плест́и, [з':]д́елать, [кʰ] теб́е; [w]лез, [w]пол.*

В говорах Юго-Восточной зоны вставка гласного между согласными обычно наблюдается не только в начале слова, но и в других позициях: *уш[э]лá, зак[э]ричáл, трóд[э]но, лán[э]ти, вол[э]к.* Часто встречается подставка гласного в конце слова после согласного (эпitéза): *упадéш[а], кóсим[а], у н́их[а], в úгол[э], огóнь горéл[э].* Таким образом, в юго-восточных говорах структура слога приближается к простейшей: СГ (согласный + гласный).

В говорах Северо-Запада во многих словах наблюдается так называемое второе полногласие — произношение сочетаний *-оро-, -ере-, -оло-* между согласными на месте исконных *СьгС, *СьгС, *СьлС, *СьлС: *кóром (корм), гóроб (горб), гóрость (горсть), д́ерен (дёрн), ч́еревь (червь), с́ереп (серп), верёх (верх), дóлог (долг), хóлом (холм), ч́елон (челн)* и др. Это также приводит к увеличению количества слогов типа СГ.

Существуют различия между говорами и в месте слогораздела. При наличии внутри слова группы согласных в севернорусских говорах обычно образуются закрытые слоги: *кар-тош-ка, нель-зя, друж-ба, сед-ло, пус-ти;* в южнорусских и среднерусских говорах — открытые слоги: *ка-рто-шка, не-льзя, дру-жба, се-дло, пу-сти.*

§ 14. Ударение. Словесное ударение — суперсегментная единица, объединяющая слоги в фонетическое слово. В фонетическом слове есть один ударный слог и могут быть безударные слоги. Ударный слог отличается от безударных большей длительностью, силой, тоном, особым качеством звуков — тембром. Использование этих способов выделения ударного слога в разных говорах имеет свои особенности.

Соотношение длительностей разных гласных в слове создает ритмическую структуру слова. Типы этой структуры в разных говорах различны.

Для русского литературного языка А. А. Потебня предложил формулу, условно оценивающую «тоническую силу» ударного и

безударных гласных: 1-2-3-1, где 3 единицы соответствуют ударному гласному, 2 — первому предударному, 1 — остальным безударным, например *перерéжем, привинти́ли, нападáла*. Эта формула примерно соответствует соотношению длительности ударного и разных безударных гласных. Такое же соотношение длительности гласных в слове наблюдается и во многих русских говорах. Однако в говорах существуют и другие типы ритмической структуры слова.

Во многих севернорусских говорах безударные гласные почти не отличаются по длительности. Несколько бо́льшая длительность гласного первого предударного слога по сравнению с другими безударными гласными в таких случаях неотличима на слух, хотя и обнаруживается при помощи специальных приборов, в частности компьютерного анализа. При этом безударные гласные могут незначительно отличаться от ударного гласного либо это отличие более существенно. Ритмическая структура слова таких говоров может быть определена как 2-2-3-2 или 1-1-3-1. Такие типы диалектологи называют «рубленой» речью, или «стаккато».

В севернорусских говорах встречается и такой тип ритмической структуры слова, когда слоги с более и с менее длительным гласным перемежаются: 2-1-3-1. В этом случае гласный первого предударного слога уступает по длительности гласному второго предударного слога.

Тип ритмической структуры слова, характерный и для «старомосковского» произношения, встречается в ряде среднерусских говоров. В этом типе гласный первого предударного слога равен по длительности ударному гласному или даже длительнее его: 1-3-3-1. В таких говорах ударный гласный выделяется большей напряженностью и тоном. Напряженность мышц артикулирующих органов отражается на тембре гласного. Тон при этом на гласном первого предударного слога обычно повышается, а на ударном гласном понижается.

В южнорусских говорах с диссимилятивным аканьем и яканьем (см. § 25, 29, 30) своеобразие ритмической структуры слова проявляется в следующем. Гласный первого предударного слога, выступающий на месте фонем неверхнего подъема, может иметь разную длительность в зависимости от качества ударного гласного. Перед ударным гласным нижнего подъема [а] гласный первого предударного слога по длительности приближается к гласному второго предударного слога и может быть даже короче его; тип такой ритмической структуры 1-1-3-1: *накопáла, продава́ли, вылетáла, наглядя́т-ся*. Перед ударным гласным верхнего подъема [и, ы, у] гласный первого предударного слога по длительности приближается к ударному гласному и может быть даже длительнее его; тип такой ритмической структуры 1-3-3-1: *подари́ла, раздобы́ла, разогну́лся, наряди́лись, пересы́пать, унесу́тся*. В этом случае ударный гласный отличается от первого предударного более низким тоном и особым тембром.

Диалектные различия могут относиться также к месту ударения в словах и в отдельных грамматических формах. Эти различия не являются собственно фонетическими.

Различия в месте ударения могут характеризовать слово во всех его формах: *крапíва, крапíвы, крапíве* и т. д. — *крапивá, крапивы́, крапивé* и т. д., и точно так же *ту́ча* — *тучá, свёкла* — *свекла́, засуха* — *засу́ха, спинá* — *спи́на, сосна́* — *со́сна, то́лстый* — *толсто́й, глупый* — *глупо́й, ди́кий* — *дикóй, молодóй* — *моло́дый, родно́й* — *ро́дный, хо́лодно* — *холодно́, вéсело* — *веселó, тепло́* — *те́пло*. Это собственно лексические различия.

Различия в месте ударения могут относиться к отдельным грамматическим формам. Часть таких различий характеризует принадлежность данного слова к морфологическому типу с подвижным ударением (акцентная парадигма *с*), или неподвижным на основе (акцентная парадигма *а*), или на окончании (акцентная парадигма *в*): *водá, во́ду* — *водá, воду́; рука́, ру́ку* — *рука́, руку́; коза́, ко́зу* — *коза́, козу́; смотрю́, смóтришь* — *смотрю́, смотри́шь; кошу́, ко́сишь* — *кошу́, коси́шь; курю́, ку́ришь* — *курю́, кури́шь* — *ку́рю, ку́ришь*.

Различия в месте ударения отдельных грамматических форм могут носить и чисто морфологический характер. Так, глаголы с постоянным ударением на окончании могут в форме 2-го л. мн. ч. изъявительного наклонения иметь ударение на первом или втором гласном окончания: *несéте (несёте), сидíte* — *несетé (несетё), сидитé (сидитё)*; местоимения *никто, ничто* могут в формах род. и дат. п. также иметь ударение на первом или на втором гласном окончания: *никогó, ничегó, никому́, ничему́* — *никóго, ничóго, никóму, ничóму*.

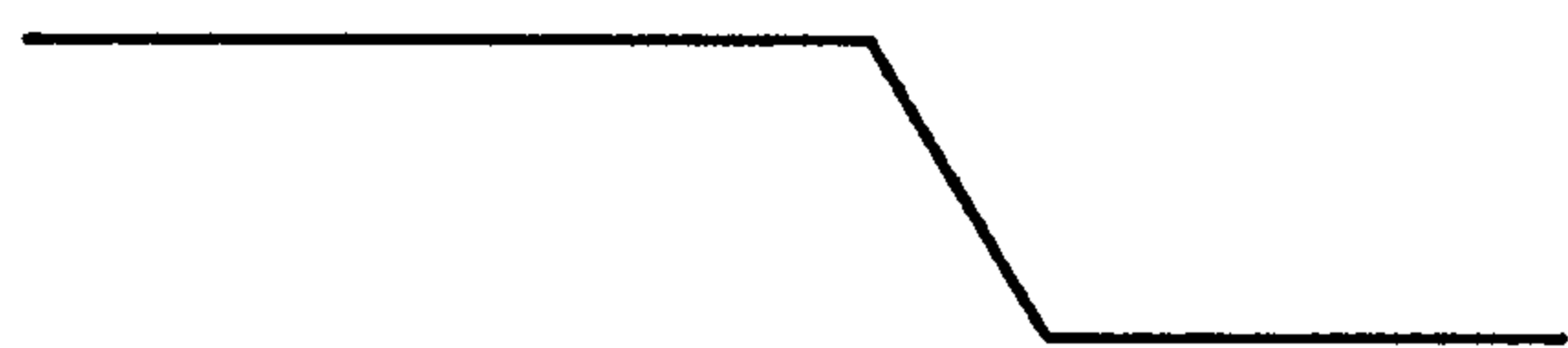
§ 15. Интонация. Интонация — суперсегментная единица, объединяющая фонетические слова в фонетические синтагмы и фонетические синтагмы во фразы.

Основным интонационным средством является повышение и понижение тона в разных точках фонетической синтагмы и фразы. Диапазон изменения тона от крайнего нижнего уровня к крайнему верхнему может быть у говорящих различным в разных говорах. От литературного языка многие севернорусские говоры отличаются бóльшим диапазоном изменения тона, а южнорусские — меньшим. Поэтому севернорусская речь часто более напевна, а южнорусская — более монотонна.

Существует несколько типичных тональных контуров (ТК) — движений тона на протяжении фонетической синтагмы. Они являются одним из средств интонационных конструкций (ИК), которые характеризуются кроме тональных контуров также количественно-динамическими и тембровыми средствами. В каждом ТК есть его центр — слог, на который падает главное ударение фонетической синтагмы (в приведенных ниже

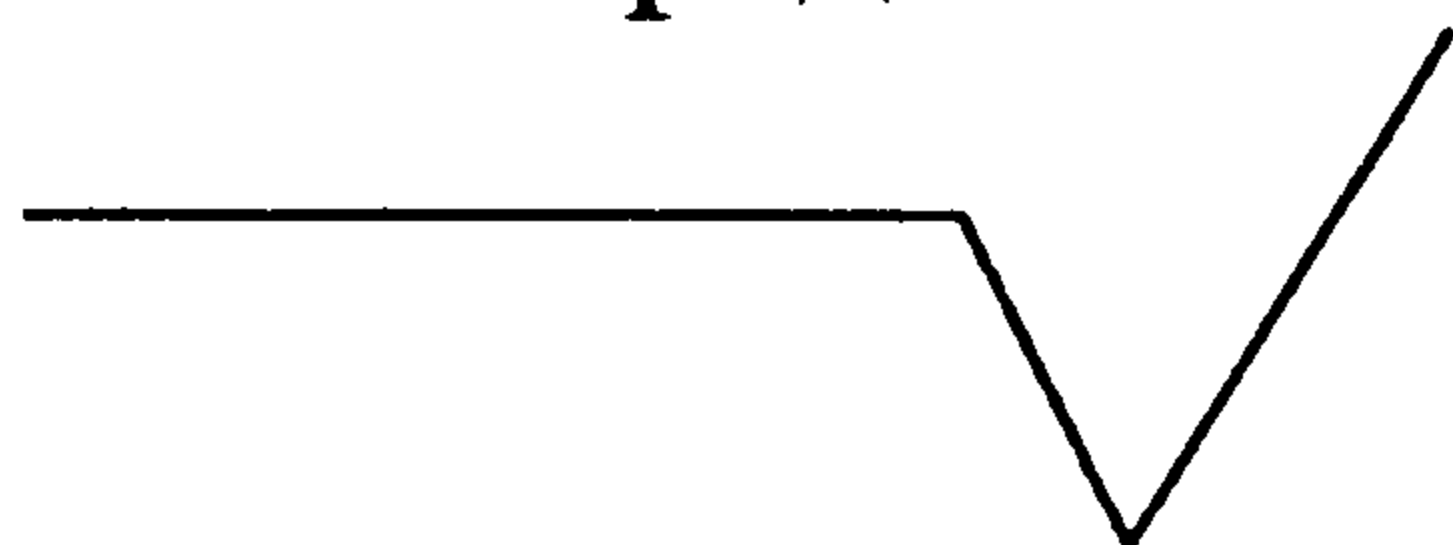
примерах он выделен), во многих ТК здесь происходит наиболее значительное изменение тона.

В литературном языке и многих говорах при утверждении тон в центре ТК резко понижается и сохраняется низким в постцентральной части, это ТК-1, представляющий ИК-1:

Андрей на заводе был.

Во многих севернорусских говорах и в некоторых западных южнорусских при утверждении используется другой тональный контур — ТК-4 (представляющий ИК-4), при котором в центре происходит нисходящее движение тона, а в постцентральной части — восходящее до уровня выше среднего:

Андрей на заводе был.

Для оформления общего вопроса, т. е. вопросительного предложения без вопросительного слова, в литературном языке и многих говорах используется ТК-3 (представляющий ИК-3), при котором в центре тон резко повышается, а в постцентральной части понижается ниже среднего уровня:

Андрей на заводе был?

При отсутствии постцентральной части, как и при ее наличии, в таком вопросительном предложении в литературном языке повышение тона начинается с начала центра ТК:

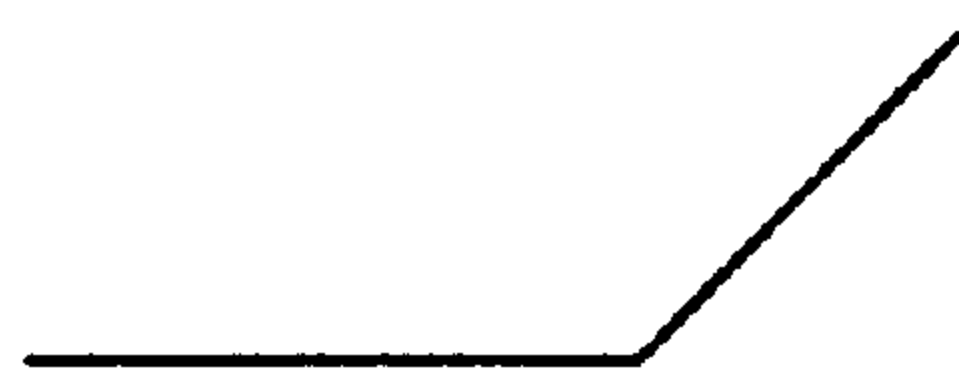
Андрей был?

Во многих севернорусских и некоторых западных южнорусских говорах при оформлении общего вопроса употребляется разновидность ТК-2 (которая встречается и в литературном языке, где может использоваться, в частности, для обозначения эмоционально выраженного удивления). Эта разновидность ТК-2 характеризуется тем, что в предцентральной части и в центре тон почти на одном уровне, а основное его изменение происходит в начале постцентральной части, где тон резко повышается и остается высоким:

Андрей на заводе был?

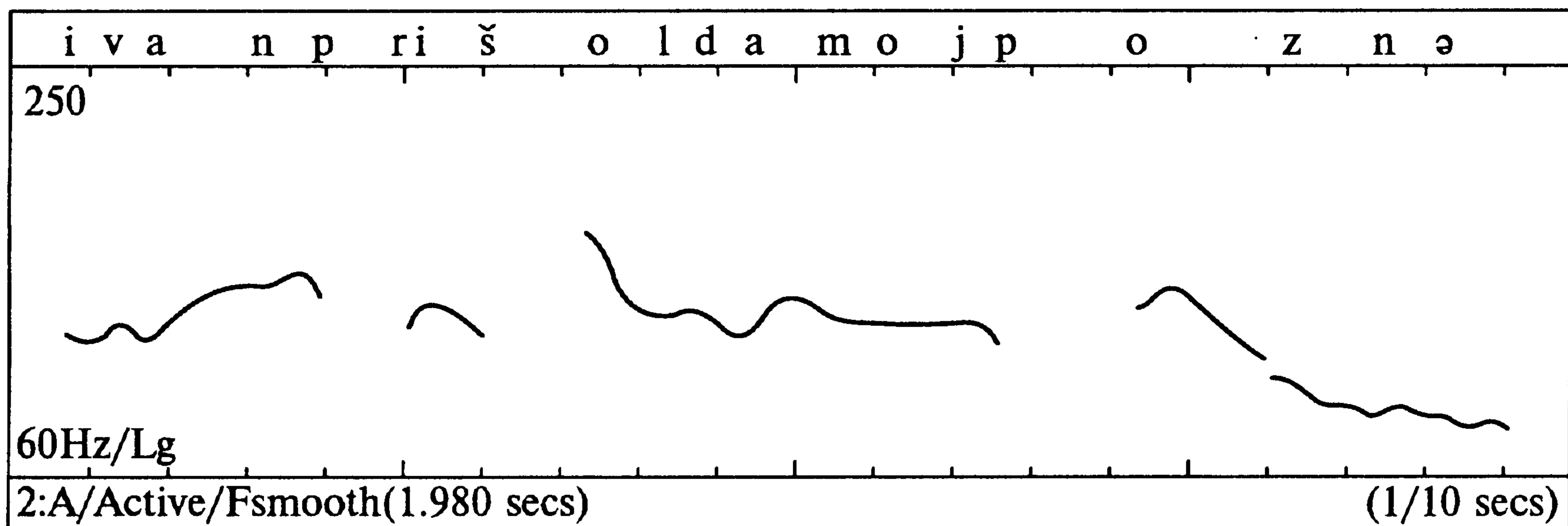
При отсутствии постцентральной части в этом случае повышение тона начинается в конце гласного центра:

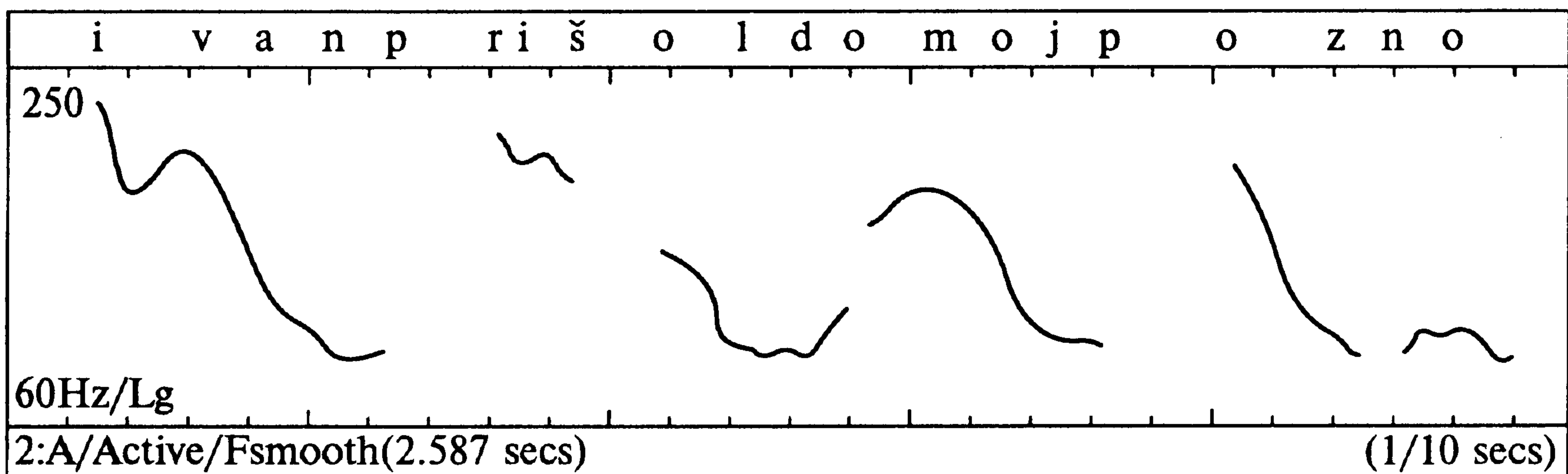
Андрей был?

Таким образом, одни и те же синтаксические конструкции могут оформляться в разных говорах разными ТК.

Интонация помогает членить речевой поток на отрезки — фонетические синтагмы и фразы. Но сами эти отрезки в разных говорах бывают неодинаковы. Во многих севернорусских говорах существует тенденция превращать каждое фонетическое слово в отдельную фонетическую синтагму. В этих говорах каждое фонетическое слово интонационно оформлено: оно начинается с более высокого тона, который к концу слова понижается.

a

б

Интонограммы фразы *Иван пришел домой поздно*: а) в литературном языке; б) в архангельском говоре.

§ 16. Темп речи. В разных ситуациях люди говорят то быстрее, то медленнее. Есть различия и в индивидуальном темпе, характеризующем речь отдельных лиц. Однако исследования темпа речи разных представителей одного и того же говора обнаружили, что можно говорить о среднем темпе речи одного говора. Измеряется он средним количеством звуков, произносимых в секунду. При этом одни и те же слова с одним и тем же количеством звуков в разных говорах могут произноситься в сходных ситуациях с разной скоростью: в одних говорах быстрее, в других медленнее. Объясняется это тем, что между говорами существуют различия в темпе речи.

Наиболее быстрый темп отмечен в севернорусских говорах с ритмической структурой слова типа 1-1-3-1 и 2-2-3-2. Средний темп здесь составляет 17 звуков в секунду. Но при ускоренном темпе речи здесь может произноситься до 22 звуков в секунду, при замедленном — до 12. Речь представителей такого говора звучит, как скороговорка.

Наиболее медленный темп в среднерусских говорах с растяжкой первого предударного гласного типа 1-3-3-1. Средняя скорость речи здесь 12 звуков в секунду, а ее колебания могут быть от 8 до 16 звуков в секунду.

Темп речи остальных говоров может приближаться к одному из этих двух типов либо быть средним между ними.

СЕГМЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ

ВОКАЛИЗМ

Характер диалектных различий в области вокализма и консонантизма. Диалектные различия в области вокализма (системы гласных, от лат. *vokalis* 'гласный') и консонантизма (системы согласных, от лат. *consonans* 'согласный') могут касаться:

1) состава фонем: двум фонемам одного говора соответствует одна фонема другого говора;

2) системы фонем: а) данная позиция в одном говоре является для ряда фонем сигнификативно сильной: в этой позиции данные фонемы различаются, а в другом говоре она слабая: в этой позиции происходит совпадение, нейтрализация этих фонем; б) некоторые фонемы противопоставлены в одном говоре по одному дифференциальному признаку, а в другом говоре по другому;

3) функциональной нагрузки фонем: одни и те же морфемы могут в своем составе иметь в одном говоре одну фонему, а в другом говоре другую;

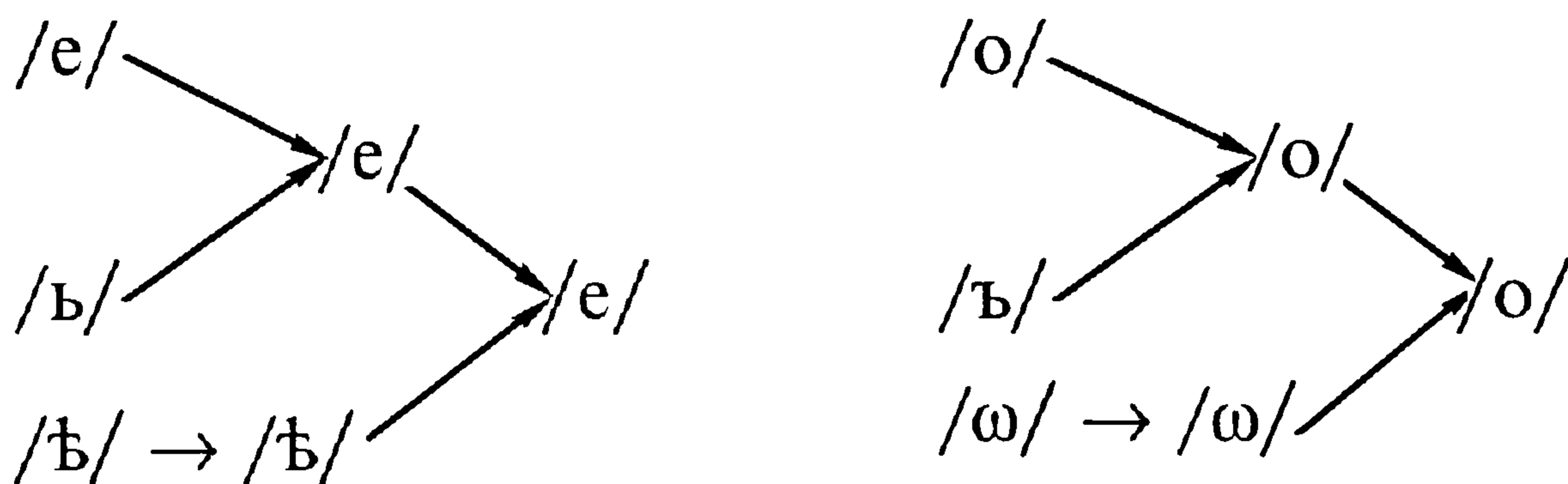
4) звукового облика фонем: одна и та же фонема в разных говорах может быть представлена разными звуками.

УДАРНЫЙ ВОКАЛИЗМ

§ 17. **Сильная позиция для гласных фонем во всех говорах.** Состав гласных фонем в разных русских говорах неодинаков. Сильной позицией, в которой различается наибольшее количество гласных фонем, является положение под ударением перед твердым согласным. В этой позиции в русском литературном языке и во многих русских говорах выделяется 5 гласных фонем: /и/, /у/, /е/, /о/, /а/. В других говорах гласных фонем может быть больше.

§ 18. **Фонемы /е/, /о/, /ѣ/, /ѡ/.** Фонемы /е/ и /о/ в русском литературном языке и в большинстве говоров с пятифонемной системой гласных под ударением представлены звуками среднего подъема [e] и [o]: л[е]с, в[ѣ]ра, от[ѣ]ц, в[е]рх, [ѣ]тот (этот); к[о]т, кор[о]ва, г[о]д, с[о]н.

Фонемы /е/ и /о/ литературного языка и говоров с пятифонемной системой гласных возникли из четырех фонем предшествующей системы, включавшей семь фонем: /е/ из /е/ и /ѣ/ («ять»), /о/ из /о/ (называемой по одной из реализаций «о открытым») и /ѡ/ (называемой по одной из реализаций «о закрытым»). В этих говорах с пятифонемной системой гласных, как и в литературном языке, фонемы /е/ и /ѣ/, /о/ и /ѡ/ совпали, перестали различаться. В некоторых же русских говорах различие /е/ и /ѣ/, /о/ и /ѡ/ сохраняется. Эта семифонемная система сложилась в свою очередь на основе девятифонемной системы древнерусского языка после паде-

ния редуцированных гласных /ѣ/ и /ѡ/, когда /ѣ/ совпала с /о/ «открытым», а /ѡ/ — с /е/.

В говорах, различающих /е/ и /ѣ/, /о/ и /ѡ/, фонемы /ѣ/ и /ѡ/ могут реализоваться дифтонгами [иѣ] и [уѡ], у которых изменение тембра происходит за счет понижения подъема гласного: л[иѣ]с, л[иѣ]то, в[иѣ]ра, св[иѣ]т, с[иѣ]но, хл[иѣ]б; к[уѡ]т, кор[уѡ]ва, дв[уѡ]р, мн[уѡ]го, сел[уѡ]. В некоторых же говорах типичными представителями /ѣ/ и /ѡ/ являются [ѣ] и [ѡ] — гласные верхне-среднего подъема, при образовании которых язык занимает в ротовой полости более высокое положение, чем при образовании [е], [о]: л[ѣ]с, в[ѣ]ра, хл[ѣ]б; к[ѡ]т, кор[ѡ]ва, сел[ѡ]. Звуки [ѣ] и [ѡ] называ-

ют «е закрытым» и «о закрытым», так как при их образовании рот более закрыт, чем при образовании [e], [o]¹.

В говорах, различающих /e/ и /ѣ/, /o/ и /ω/, фонемы /e/ и /o/ могут реализоваться звуками [e], [o], или [ɛ], [ɔ], или [e̞], [o̞]: в[e]рх, от[é]ц; з[o]д, з[ó]лото, или в[ɛ]рх, от[é]ц; з[ɔ]д, з[ɔ]лото, или в[e̞]рх, от[e̞]ц; з[o̞]д, з[o̞]лото. Звуки [ɛ], [ɔ] — гласные средне-нижнего подъема. При их образовании язык занимает в ротовой полости более низкое положение, а рот открыт шире, чем при образовании [e], [o]. Поэтому звуки [ɛ], [ɔ] называют «е открытым» и «о открытым». Кроме того, [ɔ] характеризуется меньшей огубленностью, т. е. меньшим напряжением и вытянутостью губ, чем у [o]. У дифтонгов [e̞], [o̞] изменение тембра происходит за счет повышения подъема гласного.

Различие между гласными звуками, представляющими фонемы /ѣ/ и /e/, в некоторых говорах сопровождается различием согласных, предшествующих этим гласным: перед /ѣ/ произносятся мягкие согласные, а перед /e/ — твердые или полумягкие: [в'и̞]ра, [в'э]ра, но [вэ̞]рх, [вэ]рх, [вэ̞]рх или [в'е̞]рх, [в'э]рх, [в'е]рх.

В говорах, различающих /e/ и /ѣ/, в одних морфемах, корневых и аффиксальных, выступает фонема /e/, а в других морфемах — фонема /ѣ/. На месте этих фонем произносятся разные звуки: от[e̞]ц или от[é]ц, от[é]ц, но т[и̞]ло или т[é]ло; с[e̞]рп или с[ɛ]рп, с[e]рп, но с[и̞]рый или с[é]рый. А в говорах с одной фонемой /e/ на месте /e/ и /ѣ/ в тех же морфемах произносится один и тот же гласный звук. Точно так же в говорах, различающих /o/ и /ω/, в одних морфемах выступает /o/, а в других — /ω/: л[o̞]б или л[ɔ]б, л[o]б, но л[у̞]дка или л[ó]дка; ведр[o̞]м или ведр[ó]м, ведр[ó]м, но ведр[у̞] или ведр[ó]; слеп[o̞]й или слеп[ó]й, слеп[ó]й старик, но у слеп[у̞]й или слеп[ó]й старухи. А в говорах с одной фонемой /o/ на месте /o/ и /ω/ в тех же морфемах произносится один и тот же гласный звук.

§ 19. Состав гласных фонем. Известны русские говоры, в которых сохранилось различие /e/ и /ѣ/, но на месте /o/ и /ω/ выступает одна фонема /o/. Таким образом, в русских говорах может быть пять гласных фонем — /и/, /у/, /e/, /o/, /а/, шесть — /и/, /у/, /ѣ/, /e/, /o/, /а/ и семь — /и/, /у/, /ѣ/, /ω/, /e/, /o/, /а/.

В говорах этих типов, как и в литературном языке, на месте одних и тех же гласных фонем произносятся разные звуки в зависимости от соседства твердых или мягких согласных. Так, фонема

¹ В русских диалектологических работах для обозначения закрытых гласных [e] и [o] употребляются кроме знаков современного Международного фонетического алфавита [ɛ], [ɔ] также прежние знаки МФА [e̞], [o̞] или еще более ранние — [ê], [ô]. «Крышка» над буквой использовалась в транскрипции также для обозначения напряженного гласного.

/а/ реализуется звуком [а] после твердых согласных и [·а] после мягких: *сто*[ла́] — *ко*[н'·а́]; фонема /и/ реализуется звуком [и] после мягких согласных и звуком [ы] после твердых: *го*[н'й́] — *дер*[жы́]. Разные гласные звуки относятся в этих случаях к одной фонеме, потому что они выступают в разных позициях, позиционно чередуются.

В некоторых вологодских говорах не сформировалось противопоставление согласных по твердости/мягкости (см. § 50). Здесь произносятся твердые согласные не только перед [ы], но и перед [и]: [сй́]то — [сы́]то, [пй́]ли — [пы́]ли. Выступая в одной и той же позиции, звуки [и] и [ы] здесь представляют разные фонемы /и/ и /ы/, противопоставленные по ряду. В таких говорах звук [и] сдвинут в передне-средний ряд (как в украинском языке), а [ы] в задний ряд. В соответствии со звуками [·а], [·о], [·у] литературного языка, которые произносятся после мягких согласных, здесь могут произноситься дифтонги [ӗа], [ӗо], [йу] или гласные передне-среднего ряда [ӑ], [о̆], [ў] после твердых согласных: *ме*[нӗа] или *ме*[нӑ] (*меня*), *рас*[тӗо]т или *рас*[то̆]т (*растёт*), *в*[сйу] или *в*[сў] (*всю*). Эти звуки являются представителями особых фонем /ӑ/, /о̆/, /ў/, противопоставленных фонемам /а/, /о/, /у/ по ряду; ср.: *сос*[нӗа]к (*сосняк*) — *сос*[нӑ], *ле*[тӑ]т (*летят*) — *ле*[тӑ]ть. Таким образом, в этих говорах система гласных включает 12 фонем: /и/, /ы/, /ў/, /у/, /ѣ/, /е/, /ѡ/, /ѡ/, /о̆/, /о/, /ӑ/, /а/.

§ 20. Система гласных фонем. В русских говорах при отсутствии различий в составе фонем могут наблюдаться различия в системе фонем, т. е. в их взаимоотношениях друг с другом.

1. Большинству севернорусских говоров известно чередование на месте ѣ звуков [е] ([йе], [ӗ]) с [и] в зависимости от твердости/мягкости следующего согласного: (С'еС || С'иС': [с'э̆н]о ([с'йэ̆н]о, [с'э̆н]о) — *на* [с'йн'е]; х[л'э̆б]а (х[л'йэ̆б]а, х[л'э̆б]а) — х[л'иб'е]ц; [б'э̆л]ый ([б'йэ̆л]ый, [б'э̆л]ый) — [б'ил'е]нький; о[д'э̆н]у (о[д'йэ̆н]у, о[д'э̆н]у) — о[д'йн'е]ш, а также [в'йн'ик] (*веник*), [м'йс'яц] (*месяц*), *поне*[д'йл'ник] и др.

Фонемы	Позиции	
	С'ГС	С'ГС'
/ѣ/	[йе], [ӗ]	
/и/	[и]	

Такое чередование представляет собой результат перехода [йе] в [и], происшедшего в новгородском диалекте древнерусского языка перед слогом с гласным переднего ряда.

В говорах, знающих это чередование и сохранивших фонему /ѣ/, в позиции С'ГС' происходит совпадение, нейтрализация фонем /ѣ/ и /и/ в звуке [и]: [т'йэл]о ([т'эл]о) — в [т'йл'е] и [м'ир] — в [м'йр'е].

В этих говорах звук [и] в позиции С'ГС' в одних морфемах представляет фонему /Ѣ/, в других морфемах — фонему /и/.

В говорах, не знающих такого чередования, фонемы /Ѣ/ и /и/ различаются и в позиции С'ГС, и в позиции С'ГС': [т'иел]о ([т'ѣл]о), в [т'иел']е (в [т'ѣл']е) — [м'ир], в [м'и́р']е. Звук [и] в позиции С'ГС' является здесь представителем только фонемы /и/.

В говорах с пятифонемным составом гласных фонем чередование [е] || [и] на месте прежней фонемы /Ѣ/ в позициях С'ГС || С'ГС' отражает чередование фонем /е/ || /и/: *т/ѣ/ло* — в *т/и́/ле*.

В отдельных среднерусских говорах с пятифонемной системой гласных фонем [и] между мягкими согласными может произноситься не только на месте прежней фонемы /Ѣ/, совпавшей здесь с /е/, но и на месте прежней фонемы /е/ (возникшей из древнерусских /е/ и /ь/): [д'ин'] (*день*), [п'ин'] (*пень*), [д'и́в']ять, [д'и́с']ять, [с'и́л']ский.

2. Многим севернорусским говорам известно чередование [а] после мягкого согласного перед твердым с [е] между мягкими согласными, т.е. С'аС || С'еС': *г[р'áз]ный* — *по г[р'ѣз']и*, [п'áт]ый — [п'ѣт']ница, *г[л'áн]у* — *г[л'ѣн']ет*, *гу[л'áл]а* — *гу[л'ѣл']и*, *в[с'áк]ого* — *в[с'ѣк']ие*, а также *п[р'ѣн']ик*, [ц'ѣй]ник (*чайник*), [д'ѣд']ина (*дядина*) и др. В таких говорах возникла поговорка: *Не до обедни, коли много обрѣдни*.

Фонемы	Позиции	
	С'ГС	С'ГС'
/а/	[а]	[е]
/е/	[е]	

В говорах, знающих это чередование, в позиции С'ГС' происходит совпадение, нейтрализация фонем /а/ и /е/ в звуке [е]: *в[з'ал]* — *в[з'ѣл']и* и *к[р'ес]т* — *к[р'ѣс']тик*.

В этих говорах звук [е] в позиции С'ГС' в одних морфемах представляет фонему /а/, в других морфемах — /е/.

В прошлом на месте этих чередующихся гласных [а] || [е] произносился дифтонг [ѣа], который и сейчас обнаруживается в архаических говорах. Перед слогом с гласным переднего ряда [ѣа] изменялся в [е], в других позициях — в [а].

В говорах, не знающих чередования С'аС || С'еС', фонемы /а/ и /е/ различаются и в позиции С'ГС, и в позиции С'ГС': *в[з'ал]*, *в[з'áл']и* — *к[р'ес]т*, *к[р'ѣс']тик*. Звук [е] в позиции С'ГС' представляет здесь только фонему /е/.

§ 21. Сфера употребления гласных фонем. В русских говорах при отсутствии различий в составе и системе фонем могут наблюдаться различия в сфере употребления тех или иных фонем, что отражается на их функциональной нагрузке — количестве морфем, где выступают эти фонемы.

1. В некоторых говорах, знающих произношение [и] между мягкими согласными на месте /Ѣ/, встречается произношение [и] на месте /Ѣ/ и перед твердыми согласными: л[и́]то, м[и́]сто, б[и́]лка, хл[и]б, д[и]д, см[и]х, н[и]т. В этих случаях на месте прежней фонемы /Ѣ/ выступает фонема /и/. Отдельные примеры такого произношения могли возникать в результате действия аналогии: в[и́]тры по аналогии с в[и́]тер, н[и]л (нел) по аналогии с н[и]ть, н[и́]ли, н[и́]сня (неть, нели, песня). Подобные примеры отмечаются на территории почти всего Северного наречия. Более последовательно это явление встречается в некоторых новгородских говорах, где изменение /Ѣ/ > /и/, как полагают некоторые историки русского языка, носило фонетический характер.

В некоторых говорах, знающих произношение [е] между мягкими согласными на месте /а/, встречается произношение [е] на месте /а/ и перед твердыми согласными, где [е] является представителем фонемы /е/. Подобные примеры возникали в результате действия аналогии: [е] из позиции С'ГС' переносился на место [а] в позиции С'ГС: г[р'э́з']и, г[р'э́с'] (грязь) и г[р'э́з']ный; [л'э́г']ешь, [л'э́г']ет и т.д. и [л'э́г]у.

2. В говорах русского языка, как и в литературном языке, наблюдаются результаты проходившего в прошлом процесса изменения [е] в [о] перед твердым согласным: о[в'о́с], бе[р'о́з]а, ве[с'о́л]ый, при[н'о́с], те[л'о́н]ок. Но в некоторых говорах этот процесс не происходил или был непоследовательным, в результате чего в современных говорах в таких словах произносится [е]: о[в'э́с], бе[р'э́з]а, ве[с'э́л]ый, при[н'э́с], те[л'э́н]ок. Нередко в таких говорах перед [е] произносится и немягкий согласный — твердый или полумягкий: о[в'э́с] или о[в'э́с], бе[р'э́з]а или бе[р'э́з]а.

Говоры с последовательным отсутствием перехода [е] в [о] в настоящее время уже не встречаются. Широко распространено в говорах Южного наречия и встречается в некоторых севернорусских говорах произношение ударного [е] в окончаниях глаголов I спр.: ид[э́]м, нес[э́]м, ид[э́]ш, нес[э́]ш и т.п. при обычном [о́] в других морфемах: о[в'о́]с, те[л'о́]нок и т.п. В корнях и суффиксах [е], не перешедший в [о́], отмечается обычно лишь в отдельных словах.

Замена [е] на [о́] могла происходить не фонетическим путем, а по аналогии. Так, в говорах, знающих непереход [е] в [о́], произносится [о́] в тех окончаниях и суффиксах, где [о] выступает и после твердых согласных: жил[ь] [jó], ко[н'о́]м, уго[л'о́]к, как се[л'о́], дво[р'о́]м, ку[с'о́]к. Под влиянием таких форм, как *той*, *одной*, возникло широко распростра-

ненное в говорах произношение форм местоимений *мо[jó]й, тво[jó]й, сво[jó]й*.

В говорах, различающих /e/ и /ѣ/ и переживших переход [e] в [’o], сфера употребления /e/ ограничивается небольшим кругом лексики. Это отдельные слова иноязычного происхождения (*лента, газета* и т. п.), в том числе и церковнославянизмы (*крест, небо* — в противоположность русизмам *крѣстный, нѣбо* и др.), некоторые приставки (*бѣздарь, перѣвраный, нѣкогда*) и слова, в которых [e] не изменился в [’o] благодаря положению перед поздно отвердевшим согласным (*серп, пѣрвый, деревѣнский*).

3. Русские говоры, знающие /o/ и /ω/, различаются по некоторому набору морфем, в которых в одних говорах выступает /o/, в других — /ω/. Такие колебания между /o/ и /ω/ по говорам могут быть под ударением в корнях слов *воин, вол, дрозд, плоть, покров, ровный, сорок, тот* и некоторых других, а также в окончаниях: 1) -o им. п. ед. ч. существительных среднего рода типа *селó* и глаголов прошедшего времени среднего рода типа *зашлó*; 2) -oю (-ой) тв. п. ед. ч. существительных, прилагательных и личных местоимений типа *женóю, злóю, мнóю*; 3) -огó, -егó род. п. ед. ч. местоимений типа *тогó, егó*.

4. В одних южнорусских говорах выступает /a/, в других /o/ в таких словах, как *вáришь — вóришь, тáщишь — тóщишь, вáлишь — вóлишь, кáтишь — кóтишь, плáтишь — плóтишь, лóвишь — лáвишь, сóлишь — сáлишь* и др.

Возникло это диалектное различие тогда, когда древнее неподвижное ударение на окончании в формах настоящего времени этих глаголов стало в части говоров заменяться подвижным ударением. Обусловлено было появление этой диалектной черты аканьем — совпадением /o/ и /a/ в первом предударном слоге в одном звуке (см. § 25). Когда в формах *в[а]рúшь, с[а]лúшь* и др. ударение передвигалось на корень, говорящие должны были заменить предударный гласный [a] ударным [a] или [o]. В одних случаях этот выбор говорящими ударного гласного соответствовал его этимологии, в других случаях нет.

5. Во многих западнорусских говорах, а также в говорах, распространенных возле Онежского озера, на месте [o] перед /j/ встречается произношение [ы] и [э] (после [г], [к], [х] возможны [и] и [е]): *м[ы]ю, р[ы]ю, молод[ы]й, худ[ы]й, т[ы]й (тот), так[ы]й, глух[ы]й* или *м[э]ю, р[э]ю, молод[э]й, худ[э]й, т[э]й, так[э]й, глух[э]й (та[к’э]й, глу[х’э]й)* и т. п.

§ 22. Качество звуков, представляющих одни и те же фонемы. Диалектные различия могут быть связаны с качеством звуков, представляющих одни и те же фонемы в одних и тех же позициях. Так, в говорах с пятифонемной системой гласных фонемы /e/, /o/ обычно бывают представлены звуками [e], [o], но в некоторых из этих говоров — звуками [e̞], [o̞] или [ɛ], [ɔ]. Основными представителя-

ми фонем /Ѣ/, /Ѡ/ в одних говорах являются дифтонги [иѐ], [уѠ], в других — монофтонги [ѐ], [Ѡ]. Основными представителями фонем /е/, /о/ при семифонемной системе гласных в одних говорах являются дифтонги [еи], [оу], в других — монофтонги [ѐ], [Ѡ], в третьих — [е], [о]. Фонемы /а/, /о/, /у/ после мягких согласных могут быть представлены, как и в литературном языке, звуками [·а], [·о], [·у] с очень кратким [и]-образным начальным элементом: [м'и̇а]со, [л'и̇о]н, [н'и̇у]х. В архаических южнорусских говорах в этом положении возможны дифтонги [иа], [ио], [иу]: [м'иа]со, [л'ио]н, [н'иу]х. Звук [ы] в одних говорах среднего ряда, в других отодвинут в задний ряд — [ы̇].

БЕЗУДАРНЫЙ ВОКАЛИЗМ

§ 23. Условия, влияющие на количество и качество безударных гласных. Значительное разнообразие систем безударного вокализма в русских говорах связано с различием разного количества гласных и с их качеством в различных позициях.

Основными условиями, влияющими на количество и качество безударных гласных, являются соседство этих гласных и их положение по отношению к ударению. Так, на реализацию гласного влияет характер стоящих перед и после него согласных: твердые они или мягкие, шипящие или нет, а также положение гласного в абсолютном начале слова (т. е. в неприкрытом начальном слоге) и в абсолютном конце слова (т. е. в конечном открытом слоге). Наибольшее число диалектных различий наблюдается в первом предударном слоге, есть особенности произношения гласных и в других безударных слогах.

В безударном положении может различаться меньше гласных, чем под ударением. Так, не имеют своих особых реализаций в этих позициях фонемы /Ѡ/ и /Ѣ/; фонема /Ѡ/ совпадает в одном звуке с /о/, фонема /Ѣ/ (выступающая только после мягких согласных) совпадает с /е/ или /и/.

ГЛАСНЫЕ ПЕРВОГО ПРЕДУДАРНОГО СЛОГА ПОСЛЕ ТВЕРДЫХ СОГЛАСНЫХ

§ 24. Оканье. Основными типами безударного вокализма являются оканье и аканье. О к а н ь е — наиболее характерная черта Северного наречия, а к а н ь е — Южного наречия.

Оканье в широком смысле — различие в безударных слогах хотя бы части гласных фонем неверхнего подъема. Оканье в узком смысле — различие в безударных слогах после твердых согласных фонем /о/ и /а/, произношение безударного звука [о] на месте

/o/ (и /ω/) и звука [a] на месте /a/: *в[ó]ды* — *в[о]да́*, *сн[о]н* (*сн[у̇]н*, *сн[о̇]н*) — *сн[о]на́* и *тр[á]вы* — *тр[а]ва́*.

	На месте фонем	Гласный первого предударного слога
Оканье	/o/, /ω/	[o]
	/a/	[a]

Вместо безударного [o] может произноситься в одних говорах более закрытый звук [ọ], иногда совпадающий с [y], в других говорах — более открытый [ɔ], в третьих — гласный среднего ряда среднего подъема [ə]: *в[ọ]да́*, *в[y]да́*, *в[ɔ]да́*, *в[ə]да́*.

В некоторых словах в первом предударном слоге под влиянием акающего литературного произношения установилось правописание буквы *a* на месте этимологического *o*: *расска́з*, *рабо́та*, *расти́* (ср. *ро́сказни*, *хлеборо́б*, *рост*), *бара́н*, *забо́та*, *стакáн* и др. В окающих говорах эти слова произносятся с предударным [o]: *р[o]ска́з*, *р[o]бо́та*, *р[o]сти́*, *б[o]ра́н*, *з[o]бо́та*, *ст[o]кан* и др.

В некоторых окающих говорах в отдельных словах отмечается произношение предударного [o] на месте этимологического *a*: *з[o]бо́р*, *д[o]ле́кий*, *рук[o]ва́*, *ск[o]за́ть*, *д[o]ва́ть* и др.

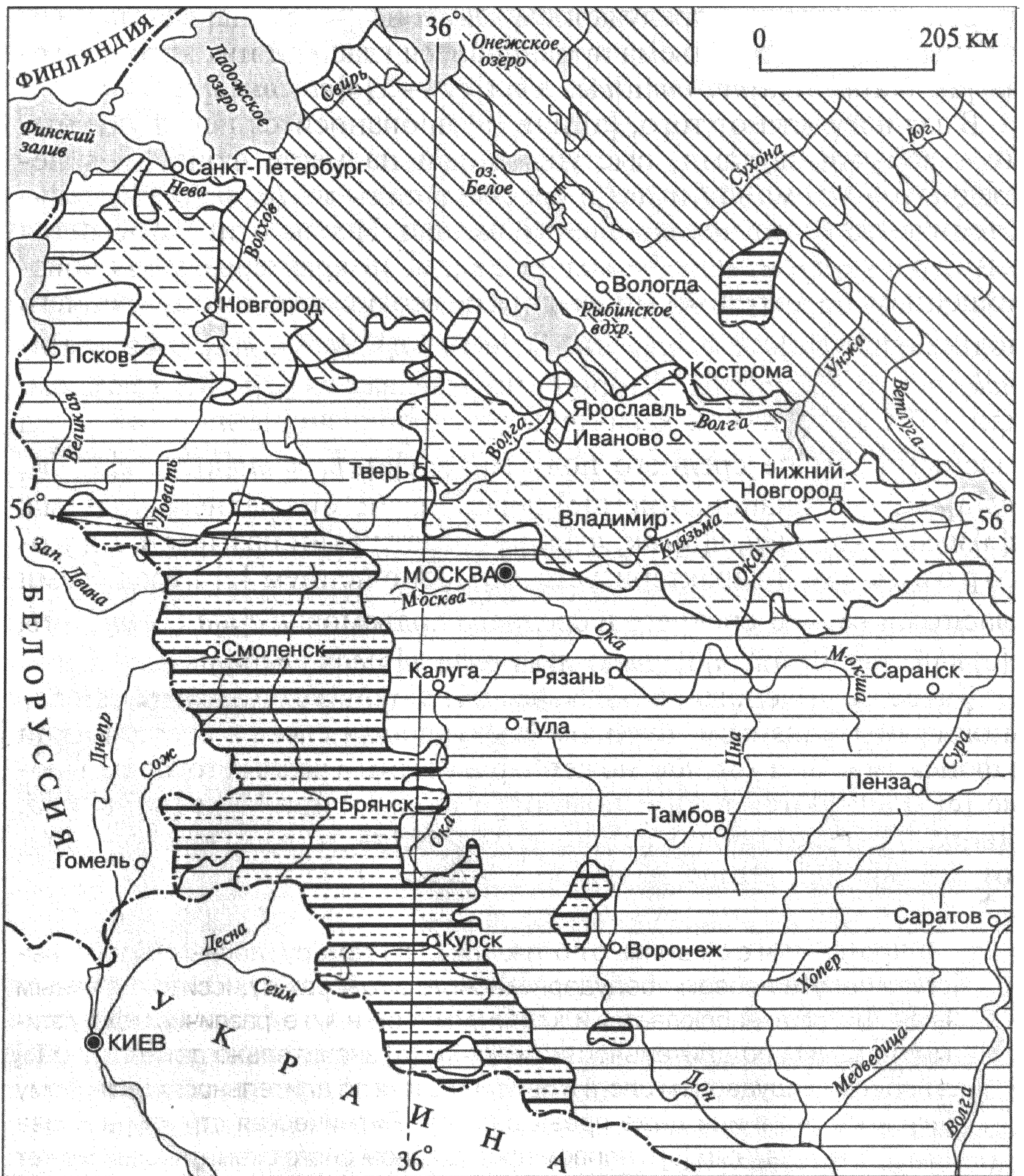
Вытеснение в этих словах предударного [a] звуком [o] объясняют значительным преобладанием в потоке речи слов с предударным [o] по сравнению с [a], а также стремлением говорящих оградить нормы диалекта от воздействия акающего литературного произношения, в результате чего увеличиваются различия между этими типами вокализма.

§ 25. Аканье. Аканье в широком смысле — это неразличение гласных фонем неверхнего подъема в безударных слогах, в узком смысле — неразличение /o/ и /a/ в безударном положении после твердых согласных при совпадении их в части позиций в звуке [a].

Есть два основных типа аканья: диссимилятивное и сильное (недиссимилятивное). Диссимилятивное аканье распространено в западной части Южного наречия и в Чухломском акающем острове Костромской области. Большинство остальных акающих говоров, как и литературный язык, характеризуются сильным аканьем.

При сильном аканье /o/ и /a/ совпадают в первом предударном слоге всегда в [a] (точнее в [ạ], в ином обозначении [a^э] или [a^б], т. е. в звуке несколько более закрытом, чем ударный [a]): *с[ó]вы*, *тр[á]вы* — *с[а]ва́*, *с[а]вы́*, *с[а]ву́* и *тр[а]ва́*, *тр[а]вы́*, *тр[а]ву́*.

При диссимилятивном аканье на месте /o/ и /a/ произносится в первом предударном слоге звук [a] или [ə] в зависимости от того, какой гласный под ударением. Принцип диссимиляции заключается в том, что перед ударным гласным нижнего подъема не может быть гласный того же подъема: перед ударным [a] произносится гласный среднего подъема [ə] (иначе говоря, если под

Карта 1. Океанье и аканье

ударением [а], то в предударном слого не-[а]), а перед ударным гласным верхнего подъема произносится гласный нижнего подъема [а]: *с[а]вѣ́, с[а]вѹ́, тр[а]вѣ́, тр[а]вѹ́ — с[э]вѣ́, тр[э]вѣ́.*

В зависимости от того, [а] или [э] произносится перед ударными гласными звуками, выступающими на месте фонем верхне-среднего подъема /ѣ/ и /ѡ/ и среднего подъема /е/ и /о/, выделяются три типа диссимилятивного аканья. Первый тип называется *жиздринским*, или *белорусским*, и характеризуется произношением [а] перед всеми гласными верхне-среднего и среднего подъемов: *к с[а]вѣ́, к тр[а]вѣ́, с[а]вѡ́й, тр[а]вѡ́й, л[а]мтѣ́й, л[а]птѣ́й, н[а]сѡ́к, пл[а]тѡ́к.* Второй тип называется *архаическим*, или *обоянским*, и характеризуется произношением [а] перед гласными верхне-среднего подъема: *к с[а]вѣ́, к тр[а]вѣ́, с[а]вѡ́й, тр[а]вѡ́й* и произношением [э] перед гласными среднего подъема: *л[э]мтѣ́й, л[э]птѣ́й, н[э]сѡ́к, пл[э]тѡ́к.* Третий тип называется *пороховским* и характеризуется произношением [э] перед всеми гласными верхне-среднего и среднего подъемов: *к с[э]вѣ́, к тр[э]вѣ́, с[э]вѡ́й, тр[э]вѡ́й, л[э]мтѣ́й, л[э]птѣ́й, н[э]сѡ́к, пл[э]тѡ́к.*

Качество гласного «не-[а]», выступающего в говорах с диссимилятивным аканьем в первом предударном слого в соответствии с фонемами /а/ и /о/, /ѡ/ может варьировать в разных говорах. Кроме [э] отмечаются в этой позиции гласные типа [э] и [ы]: *в[э]дѣ́, в[ы]дѣ́.* Нередко наблюдается лабиализация этого гласного — [э°], [о], [у]: *в[э°]дѣ́, в[о]дѣ́, в[у]дѣ́.*

Кроме качественного различия по тембру гласных [а] и [э], выступающих в первом предударном слого в говорах с диссимилятивным аканьем, часто наблюдается и количественное различие между этими гласными по длительности: гласный [а] значительно длительнее [э] в первом предударном слого и приближается по длительности к гласному ударного слога или даже превышает ее. Ритмическая структура слова (см. § 14) с гласным [э] в первом предударном слого схематически может быть обозначена как 1-1-3-1, а с гласным [а] в этой позиции как 1-3-3-1.

На всей территории Южного наречия — среди говоров с указанными типами диссимилятивного аканья и среди говоров с сильным аканьем — отмечены говоры с таким типом диссимилятивного аканья, при котором основные различия между гласными звуками, выступающими на месте фонем /а/ и /о/, /ѡ/ в первом предударном слого, связаны с их длительностью. Перед гласными верхнего подъема произносится долгий гласный, а перед гласным нижнего подъема — краткий. Качественно же, т.е. по тембру, эти гласные различаются незначительно и относятся к одному и тому же звукотипу [а]. Различия в тембре этих звуков сводятся к тому, что долгий предударный [а] более открытый звук по сравнению с кратким [а], который более точно может быть обозначен как [а̠] или [а°] (такой же звук в первом предударном слого произносится и в литературном языке): *в[а̠]дѣ́ — в[а:]дѣ́.*

В некоторых говорах с диссимилятивным аканьем в звуке [э] первого предударного слога совпадают не только фонемы /а/ и /о/, /ω/, но и /и/: б[ы]к — б[ы]кú, б[о]к — в б[а]кú, но б[э]кá — бока и быка; с[э]рáя — сарая и сырая.

Качество гласного первого предударного слога может перед разными ударными гласными обуславливаться не только принципом диссимилятивности, но и принципом ассимилятивности. При ассимилятивно-диссимилятивном аканье перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъема произносится гласный нижнего подъема [а] (диссимилятивный принцип), а перед ударными гласными среднего и нижнего подъема произносятся гласные тех же подъемов: [э] перед [é], [ó], [а] перед [á] (ассимилятивный принцип). При этом перед ударными гласными верхнего подъема произносится долгий [а:], а перед [á] — [а̣] ([а^а]): с[а:]вú, с[а:]вú, тр[а:]вú, тр[а:]вú, к с[а:]вѣ, к тр[а:]вѣ, с[а:]вóй, тр[а:]вóй — л[э]мтéй, л[э]птéй, н[э]сók, пл[э]тók, с[а̣]вá, тр[а̣]вá.

Типы аканья						
Гласный 1-го предударного слога после твердого согласного в соответствии с фонемами /о/, /ω/ и /а/					Гласный под ударением	
сильное	диссимилятивное			ассимилятивно-диссимилятивное		
	1-й тип	2-й тип	3-й тип			
[а]	[а]	[а]	[а]	[а]		/и/, /у/
		[э]	[э]	[э]		/ѣ/, /ω/
	[а]			[а]		/е/, /о/
	[э]	[а]	[а]	/а/		

ГЛАСНЫЕ ПЕРВОГО ПРЕДУДАРНОГО СЛОГА ПОСЛЕ МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ

§ 26. Фонемы /у/, /и/, /ѣ/, /ω/. В первом предударном слоге после мягких согласных не бывает фонемы /ω/, а фонема /ѣ/ не имеет особой реализации, совпадая с /е/ или /и/. Фонема /у/ в этой позиции во всех говорах выступает в звуке [у], а /и/ — в звуке [и]: [л'ú]ди — [л'у]дéй, к[л'у]ч — к[л'у]чú; [л'и]ст — [л'и]стú, [м'и]р — [м'и]рúть. Поэтому диалектные различия в первом предударном слоге обусловлены реализацией гласных фонем /о/, /е/ (/ѣ/), /а/.

§ 27. Фонемы /o/, /e/, /a/ в окающих говорах; еканье, ёканье.

В окающих говорах в соответствии с /o — e — a/ в первом предударном слоге после мягких согласных перед твердыми выступают три основных типа вокализма.

Первый тип — различение трех гласных [o] — [e] — [a]: [н'ос] — [н'ос]ú, к[р'ес]т — к[р'ес]ты́, [л'ес] ([л'и́ес], [л'е́с]) — в [л'ес]ú, [п'ат]ый — [п'ат]áк.

Второй тип — различение двух гласных [e] — [a]: [н'ес]ú, к[р'ес]-ты́, в [л'ес]ú — [п'ат]áк.

Третий тип — неразличение всех гласных фонем неверхнего подъема, совпадение их в звуке [e]: [н'ес]ú, к[р'ес]ты́, в [л'ес]ú, [п'ет]áк; такой тип вокализма называется е к а н ь е м. Еканье встречается и в акающих говорах.

Произношение безударного [o] после мягких согласных называется ё к а н ь е м: [с'о]стрá, [в'о]сна́, б[р'о]вно́, [н'о]су́, [б'о]ру́, [п'о]ку́т.

При ёканье в говорах наблюдается разный охват лексики произношением [o] на месте предударного этимологического е. В среднерусских окающих говорах ёканье может быть наиболее последовательным, когда [o] произносится в любом слове на месте предударного этимологического е после мягкого согласного перед этимологическим твердым (кроме [e] в заимствованных словах и в приставках). В этих говорах [o] может выступать в некоторых словах и на месте *ѣ*: ц[в'ет] — ц[в'от]úт, [jél]а — [jод]á, [л'ес] — в [л'ос]ú и др.; но никогда произношение [o] не распространяется на все слова с этимологическим *ѣ*.

Во многих севернорусских ёкающих говорах наблюдается отступление от ёканья в личных формах глаголов типа [н'ес]ú, [н'ес]úт, [п'ек]ú, [п'ек]úт (при [o] в других словах), возникшее в результате выравнивания основы по другим формам, где не было перехода [e] в [o] перед мягким согласным: [н'ес']éшь, [н'ес']éт, [н'ес']éм, [н'ес']éте.

На месте *ѣ*, как и под ударением, в первом предударном слоге перед твердым согласным в окающих говорах может наряду с [e] произноситься [и]: [р'и]ка́, [д'и]ла́, с[т'и]на́. Звук [и] изредка отмечается в этой позиции наряду с [e] и на месте фонемы /o/ (этимологического е): [с'и]ло́, с[в'и]крóвь, [н'и]су́.

В соответствии с различением гласных неверхнего подъема перед твердыми согласными типов [o] — [e] — [a] и [e] — [a] в позиции перед мягкими согласными либо сохраняется частичное различение [e] — [a]: [н'ес']ú, к[р'ес']тúть, [р'ек']ú — [п'ат']ú, либо эти гласные совпадают в звуке [e]: [н'ес']ú, к[р'ес']тúть, [р'ек']ú, [п'ет']ú. Такое же совпадение этих гласных в звуке [e] перед мягкими согласными наблюдается и при их совпадении перед твердыми согласными.

В большинстве окающих говоров на месте *ѣ* между мягкими согласными произносится [и] в первом предударном слоге, так же как и под ударением: [р'и́к']и — [р'ик']ú, в [л'и́с']е — [л'ис']ни́к. Звук [и] наряду с [e] может произноситься и на месте исконного е (*ь*): [н'ис']ú, к[р'ис']тúть.

В говорах, знающих произношение на месте /а/ между мягкими согласными звука [е] под ударением, этот же звук произносится и в первом предударном слоге: [п'át]ый — [п'ет'] (пять) — [п'ат]ák — [п'ет']ú; по[т'án]ут — по[т'эн']ешь — по[т'ан]ú — по[т'ен']ú.

Основные типы различения гласных /о/ — /е/ (/ѣ/) — /а/ в первом предударном слоге после мягких согласных в окающих говорах:

Позиции Фонемы Типы вокализма	С'ГС				С'ГС'		
	/о/		/е/ (/ѣ/)	/а/	/о/	/е/ (/ѣ/)	/а/
	селó	несú	белóк	пятáк	селítь несú	белú	пятú
1) 1.1.1. — 1.1.1.	[o]	[o]	[e]	[a]	[e]	[e]	[a]
2) 1a.1.1. — 1.1.1.	[o]	[e]	[e]	[a]	[e]	[e]	[a]
3) 1a.1.1. — 1.2.1.	[o]	[e]	[e]	[a]	[e]	[и]	[a]
4) 1a.1.1. — 1.2.2.	[o]	[e]	[e]	[a]	[e]	[и]	[e]
5) 1a.1.1. — 1.1.2.	[o]	[e]	[e]	[a]	[e]	[e]	[e]
6) 1a.2.1. — 1.2.1.	[o]	[e]	[и]	[a]	[e]	[и]	[a]
7) 1.2.1. — 2.2.1.	[o]	[o]	[и]	[a]	[и]	[и]	[a]
8) 2.1.1. — 1.2.1.	[e]	[e]	[e]	[a]	[e]	[и]	[a]
9) 2.1.1. — 1.2.2.	[e]	[e]	[e]	[a]	[e]	[и]	[e]
10) 2.1.1. — 1.1.1.	[e]	[e]	[e]	[a]	[e]	[e]	[a]

Примечание. Цифры в обозначении типов вокализма указывают на звуки, произносящиеся на месте фонем /о/ — /е/ (/ѣ/) — /а/. В позиции С'ГС первая цифра соответствует /о/, вторая цифра — /е/ (/ѣ/), третья цифра — /а/. Цифра 1 обозначает [o] на месте /о/ (1a — [o] и в глагольных формах [e]), [e] на месте /е/ (/ѣ/), [a] на месте /а/. Цифра 2 обозначает [e] на месте /о/, [и] на месте /е/ (/ѣ/). В позиции С'ГС' четвертая цифра соответствует /о/, пятая — /е/ (/ѣ/), шестая — /а/. Цифра 1 обозначает [e] на месте /о/ и /е/ (/ѣ/), [a] на месте /а/. Цифра 2 обозначает [и] на месте /о/ и /е/ (/ѣ/), [e] на месте /а/.

§ 28. Фонемы /о/, /е/, /а/ в акающих говорах; еканье, иканье, яканье. В акающих говорах принцип неразличения гласных фонем неверхнего подъема в предударном слоге распространяется и на положение после мягкого согласного: /о/ — /е/ (/ѣ/) — /а/ в этой позиции совпадают в одном звуке. Качество этого звука определяет тип предударного вокализма, соответственно — *еканье, иканье* и *яканье*.

Еканье, как указывалось, — это тип безударного вокализма, при котором гласные фонемы неверхнего подъема в первом предударном слоге после мягких согласных совпадают в звуке [e]: [н'ес]ú, [р'ек]á, [п'ет]ák. Встречаются две разновидности еканья в зависи-

мости от того, какой звук произносится при этом перед мягким согласным. При сильном еканье в позиции С'ГС' также произносится [e]: [н'ес']*ú*, в [р'ек']*é*, [п'ет']*ёрка*; при умеренном еканье в этой позиции произносится [и]: [н'ис']*ú*, в [р'ик']*é*, [п'ит']*ёрка*.

Иканье — тип безударного вокализма, при котором все гласные фонемы, кроме /у/, совпадают в первом предударном слоге после мягких согласных в звуке [и]: [п'ил]*á* — [п'ил']*úть*, [н'ис]*ú* — [н'ис']*ú*, [р'ик]*á* — в [р'ик']*é*, [п'ит]*áк* — [п'ит']*ёрка*.

Еканье и иканье встречаются главным образом в среднерусских говорах. В XIX в. еканье было основной произносительной нормой литературного языка. С конца XIX в. в литературный язык стало проникать иканье, которое в настоящее время является основной нормой литературного языка, почти вытеснив из него еканье.

Яканье¹ — тип безударного вокализма, при котором все гласные фонемы неверхнего подъема совпадают в первом предударном слоге после мягких согласных всегда или в части позиций в звуке [а]. Выделяются три основных типа яканья: сильное, умеренное и диссимилятивное.

При сильном яканье в первом предударном слоге на месте гласных фонем неверхнего подъема произносится всегда [а]: н[']*а*с*ú*, н[']*а*сл*á*, н[']*а*с*ú*; в л[']*а*с*ú*, л[']*а*с*á*, л[']*а*с*úна*; н[']*а*тк*ú*, н[']*а*-т*áк*, н[']*а*т*ú*.

Умеренное яканье характеризуется зависимостью предударного гласного от качества следующего согласного: перед твердым согласным произносится [а], перед мягким согласным — [и] или [e]: [н'ас]*ú*, [н'ас]л*á*, в [л'ас]*ú*, [л'ас]*á*, [л'ас]о*к*, [п'ат]к*ú*, [п'ат]-к*á*, [п'ат]о*к* — [н'ис']*ú*, [л'ис']*úна*, [п'ит']*ú* или [н'ес']*ú*, [л'ес']*úна*, [п'ет']*ú*.

Диссимилятивное яканье характеризуется зависимостью предударного гласного от качества ударного гласного. При этом наблюдается диссимиляция, расподобление ударного и предударного гласных по подъему: перед гласным верхнего подъема [и], [ы], [у] произносится гласный нижнего подъема [а], перед гласным нижнего подъема [а] произносится гласный верхнего подъема [и]: н[']*а*с*ú*, н[']*а*с*ú*, в л[']*а*с*ú*, л[']*а*сн*ых*, л[']*а*с*úна*, н[']*а*тк*ú*, н[']*а*т*ы*, н[']*а*т*ú* — н[и]сл*á*, л[и]с*á*, н[и]т*áк*.

Основные типы предударного вокализма в акающих говорах следующие.

¹ Название «яканье» восходит к тому времени, когда вместо фонетической транскрипции использовалась орфографическая запись и звук [а] после мягкого согласного обозначался буквой я: н'*асú* — нясú. Этим же объясняется термин «ёканье» (писали нёсú), а также термин «еканье», который во многих современных работах заменяется фонетически более точным термином «эканье».

Тип вокализма			Гласный 1-го предударного слога после мягких согласных на месте /o/ — /e/ (/Ѣ/) — /a/ в позициях		Гласный под ударением
			С'ГС	С'ГС'	
иканье			[и]		любой
еканье	сильное		[e]		
	умеренное		[e]	[и]	
яканье	сильное		[a]		
	умеренное	тип 1	[a]	[и]	
		тип 2	[a]	[e]	
	диссимилятивное				

§ 29. Типы диссимилятивного яканья. Выделяется несколько типов диссимилятивного яканья. Гласные звуки, выступающие на месте фонем верхне-среднего подъема /Ѣ/, /Ѡ/ и среднего подъема /е/, /о/, в этих типах могут функционировать по-разному: одни из них как гласные верхнего подъема — перед ними произносится [а], другие как гласные нижнего подъема — перед ними произносится [и].

В большинстве современных говоров с диссимилятивным яканьем в первом предударном слоге после мягких согласных наряду с [а] могут также иногда произноситься гласные более верхних подъемов [ε] или [e]. Иначе говоря, в качестве безударных гласных, функционирующих как звуки неверхнего подъема, могут выступать звуки в диапазоне от [e] до [а]. Поэтому противопоставление гласных в этой позиции можно определить как [и] — не-[и]. При задонском подтипе архаического типа (см. ниже) [e] произносится в соответствии с [и] других типов.

Различия между /Ѣ/ и /е/, /Ѡ/ и /о/ во многих современных говорах утрачены, и на месте этих четырех фонем выступают три или две фонемы. В этих типах один и тот же предударный гласный произносится перед звуками, выступающими на месте исконных /Ѣ/ и /е/, исконных /Ѡ/ и /о/.

По мнению многих лингвистов, отсутствие этих различий между гласными фонемами и привело к формированию некоторых типов диссимилятивного яканья.

Большинство типов диссимилятивного яканья, очевидно, сложились до перехода [e] в [’о]. Поэтому во всех типах, кроме мосальского (см. ниже), перед ударным [’о] произносится тот же гласный, что и пе-

ред исконным [e], хотя в современных говорах звук [o] представляет уже не /e/, а /o/.

Утрата различий между /ѣ/ и /e/, /ω/ и /o/, совпадение их в одних и тех же гласных звуках и переход [e] в [o] во многих говорах привели к тому, что чередование [и] || [а] в некоторых типах диссимилятивного яканья утратило фонетическую позиционную обусловленность и превратилось в историческое чередование фонем. Поэтому при характеристике типов диссимилятивного яканья удобнее исходить не из того, какие гласные звуки произносятся под ударением в настоящее время (это важно при анализе конкретных говоров), а из того, какие фонемы выступали на месте этих гласных в прошлом.

Наиболее древние отношения в системе гласных отражает а р х а и ч е с к и й тип диссимилятивного яканья, представленный двумя подтипами — о б о я н с к и м и з а д о н с к и м. Обоянский подтип впервые был открыт в Обоянском уезде Курской губернии, задонский — в Задонском уезде Воронежской губернии. При этом типе перед исконными гласными верхне-среднего подъема ѣ, ω, как и перед гласными верхнего подъема, произносится [а], а перед исконными гласными среднего подъема е, о, как и перед гласным нижнего подъема, произносится [и] в обоянском подтипе и [e] в задонском. Обоянский подтип: в с[’а]лѣ, б[’а]лѣть, на р[’а]днѣ, с[’а]лѣ, с[’а]льцѣ, б[’а]лѣ, р[’а]днѣ — с[и]лѣ, б[и]лѣ, р[и]днѣ, с[и]лѣний, д[и]тѣй, кн[и]зѣй, с[и]лѣдка, зв[и]рѣк, н[и]тѣрка. Задонский подтип отличается от обоянского только произношением [e] вместо [и]: с[e]лѣ, б[e]лѣ, р[e]днѣ, с[e]лѣний и т. п.

Щ и г р о в с к и й тип впервые отмечен в Щигровском уезде Курской губернии. Этот тип характеризуется произношением [а] перед исконными ѣ, ω, о и [и] перед исконной е: в с[’а]лѣ, с[’а]лѣ, с[’а]льцѣ, с[’а]лѣ — с[и]лѣний, с[и]лѣдка.

С у д ж а н с к и й тип впервые отмечен в Суджанском уезде Курской губернии. Он характеризуется произношением [а] перед исконными ω, о и [и] перед исконными ѣ, е: с[’а]лѣ, с[’а]льцѣ, с[’а]лѣ — в с[и]лѣ, с[и]лѣний, с[и]лѣдка.

М о с а л ь с к и й тип впервые отмечен в Мосальском районе Калужской области. Этот тип известен и в витебских говорах белорусского языка, поэтому его называют также витебским. Он характеризуется произношением [а] перед [о] любого происхождения и [и] перед [е] любого происхождения: с[’а]лѣ, с[’а]льцѣ, с[’а]лѣ, с[’а]лѣдка — в с[и]лѣ, с[и]лѣний.

Д м и т р о в с к и й тип впервые отмечен возле города Дмитриева-Льговского Курской области. Он характеризуется произношением [а] перед исконным ω и [и] перед исконными ѣ, е, о: с[’а]лѣ, с[’а]льцѣ — в с[и]лѣ, с[и]лѣний, с[и]лѣдка, с[и]лѣ.

Ж и з д р и н с к и й тип впервые отмечен в Жиздринском уезде Калужской губернии. Этот тип известен и во многих белорусских го-

ворах, поэтому его называют также белорусским. Он характеризуется произношением [а] перед всеми гласными, выступающими на месте ъ, е, ѿ, о: в с[’а]лѣ, с[’а]лѣний, с[’а]лѣдка, с[’а]лѣ, с[’а]лѣцѣ, с[’а]лѣм.

Донской тип открыт в русских говорах на Дону. Он характеризуется произношением [и] перед всеми гласными, выступающими на месте ъ, е, ѿ, о: в с[и]лѣ, с[и]лѣний, с[и]лѣдка, с[и]лѣ, с[и]лѣцѣ, с[и]лѣм.

Типы диссимилятивного яканья	Гласные 1-го предударного слога на месте /о/ — /е/ (/ѣ/) — /а/	Ударные гласные
архаический	[и], [е] [а]	/ѣ/, /ѿ/ /е/, /о/
щигровский	[и] [а]	/ѣ/, /ѿ/, /о/ /е/, /’о/ из е
суджанский	[и] [а]	/ѿ/, /о/ /ѣ/, /е/, /’о/ из е
мосальский	[и] [а]	/ѿ/, /о/, /’о/ из е /ѣ/, /е/
дмитровский	[и] [а]	/ѿ/ /ѣ/, /е/, /о/
жиздринский	[а]	/ѣ/, /ѿ/, /е/, /о/
донской	[и]	/ѣ/, /ѿ/, /е/, /о/

Примечание. В таблице приведены этимологические ударные гласные. В современных говорах на месте ъ и е, ѿ и о могут произноситься одни и те же звуки [е] и [о]. На месте е перед твердым согласным обычно произносится [’о].

§ 30. Другие типы яканья. Кроме основных типов яканья существуют более сложные типы, характеризующиеся не одним, а двумя принципами, определяющими произношение [а] или [и] в первом предударном слоге.

На разные типы яканья может как бы накладываться принцип ассимилятивности, проявляющийся главным образом в про-

изношении [а] перед ударным [а]: с[’а]л^{а́}, б[’а]л^{к^{а́}}, р[’а]д^{н^{а́}}, д[’а]с^{я́т-ка}, стр[’а]л^{я́ть}, з[’а]т^{я́}.

Ассимилятивно-диссимилятивное яканье характеризуется принципом ассимилятивности при ударном [а] и принципом диссимилятивности в той или иной разновидности при других ударных гласных:

1) ореховский тип: с[и]л^{э́ний} — с[’а]л^{у́ться}, с[’а]л^{у́}, в с[’а]л^ь, с[’а]л^{о́}, с[’а]л^{ьцо́}, с[’а]л^{о́м}, с[’а]л^{ёдка}, с[’а]л^{а́};

2) новосёлковский тип: с[и]л^{э́ний}, с[и]л^{ёдка} — с[’а]л^{у́ться}, с[’а]л^{у́}, в с[’а]л^ь, с[’а]л^{о́}, с[’а]л^{ьцо́}, с[’а]л^{о́м}, с[’а]л^{а́};

3) култуковский тип: в с[и]л^ь, с[и]л^{э́ний} — с[’а]л^{у́ться}, с[’а]л^{у́}, с[’а]л^{о́}, с[’а]л^{ьцо́}, с[’а]л^{о́м}, с[’а]л^{ёдка}, с[’а]л^{а́};

4) кидусовский тип: в с[и]л^ь, с[и]л^{э́ний}, с[и]л^{ёдка} — с[’а]л^{у́ться}, с[’а]л^{у́}, с[’а]л^{о́}, с[’а]л^{ьцо́}, с[’а]л^{о́м}, с[’а]л^{а́};

5) бельский тип: в с[и]л^ь, с[и]л^{э́ний}, с[и]л^{ёдка}, с[и]л^{о́}, с[и]л^{ьцо́}, с[и]л^{о́м} — с[’а]л^{у́ться}, с[’а]л^{у́}, с[’а]л^{а́}.

В основе этих типов разные типы диссимилятивного яканья: в основе новосёлковского типа — щигровский, култуковского — мосальский, кидусовского — суджанский, бельского — донской. В основе ореховского типа лежит тип диссимилятивного яканья, не отмеченный в современных говорах.

Типы ассимилятивно-диссимилятивного яканья	Гласные 1-го предударного слога после мягких согласных на месте /o/, /e/ (/ѣ/), /a/	Гласные под ударением
ореховский	[и]	/e/
	[а]	/и/, /у/, /ѣ/, /ѡ/, /о/, /а/
новосёлковский	[и]	/e/, /’о/ из e
	[а]	/и/, /у/, /ѣ/, /ѡ/, /о/, /а/
култуковский	[и]	/ѣ/, /e/
	[а]	/и/, /у/, /ѡ/, /о/, /а/
кидусовский	[и]	/ѣ/, /e/, /’о/ из e
	[а]	/и/, /у/, /ѡ/, /о/, /а/
бельский	[и]	/ѣ/, /e/, /ѡ/, /о/
	[а]	/и/, /у/, /а/

Примечание. В таблице приведены этимологические ударные гласные. В современных говорах на месте ѣ и e, ѡ и o могут произноситься одни и те же звуки [e] и [o].

Ассимилятивное яканье характеризуется сочетанием принципа ассимилятивности перед [а] с иканьем, т.е. произношением [а] перед ударным [а] и произношением [и] в остальных позициях: н[и]сú, в л[и]сú, п[и]ткú, в[и]рсты́, л[и]сны́е, р[и]дý, с[и]лó, л[и]сók, л[и]тók; н[и]-сú, л[и]сúна, п[и]тú, с[и]мью, д[и]нькú, поб[и]лю́, н[и]сём, д[и]нёк, л[и]тёрка, в с[и]лб́, гл[и]дб́ть, д[и]тэй — н[а]сла́, л[а]са́, л[а]тка́; д[а]ся́тка, д[а]нька́, с[а]мья́, стр[а]ля́ть, см[а]я́лся, з[а]тья́.

Умеренно-ассимилятивное яканье отличается от умеренного яканья произношением предударного [а] не только перед твердыми согласными, но и перед мягкими согласными, например: н[а]сú, в л[а]сú, л[а]ткú, в[а]рсты́, л[а]сны́е, р[а]дý, л[а]тнó, л[а]сók, л[а]тók, н[а]сла́, л[а]са́, л[а]тка́ — н[и]сú, л[и]сúна, п[и]тú, с[и]мью, д[и]нькú, поб[и]лю́, в с[и]лб́, гл[и]дб́ть, д[и]тэй, н[и]сём, д[и]-нёк, л[и]тёрка, — д[а]ся́тка, д[а]нька́, с[а]мья́, стр[а]ля́ть, см[а]я́лся, з[а]тья́.

Типы яканья, сочетающие принцип ассимилятивности с иканьем и умеренным яканьем	Гласные 1-го предударного слога после С' на месте /о/, /е/, /а/		Гласные под ударением
	перед С	перед С'	
ассимилятивное	[и]		все, кроме /а/
	[а]		/а/
умеренно-ассимилятивное	[а]	[и]	все, кроме /а/
		[а]	/а/

Ассимиляция, уподобление предударного гласного ударному по подъему может проявляться не только перед ударным [а], но и перед ударными гласными других подъемов.

Возможно сочетание принципа диссимилятивности с принципом умеренного яканья.

При умеренно-диссимилятивном яканье в первом предударном слоге перед твердыми согласными произносится [а], как при умеренном яканье, а перед мягкими согласными — [а] или [и] в зависимости от ударного гласного, как при диссимилятивном яканье.

Известны три типа умеренно-диссимилятивного яканья:

1-й тип — перед мягкими согласными диссимилятивность как в жидринском типе диссимилятивного яканья: [и] произносится только перед /а/ — д[и]ся́тка, д[и]нька́, с[и]мья́, стр[и]ля́ть, см[и]я́лся, з[и]тья́ — н[а]сú, л[а]сúна, л[а]тú, с[а]мью, д[а]нькú, поб[а]лю́, в с[а]лб́, поб[а]лб́л, гл[а]дб́ть, с[а]льцó, пл[а]чó, т[а]пéрь, д[а]тэй, с[а]лэ́нье, н[а]сём, д[а]нёк, л[а]тёрка;

2-й тип — перед мягкими согласными диссимилятивность как в щигровском типе диссимилятивного яканья: [и] произносится перед /е/,

/o/ из е, /a/ — т[и]пéрь, д[и]тéй, с[и]лénье; н[и]сём, д[и]нёк, п[и]тёрка; д[и]нъка́, стр[и]лѣть, з[и]тъя́ — н[а]сú, л[а]сúна, п[а]тú, с[а]мью́, д[а]нъку́, поб[а]лю́, в с[а]лѣ́, поб[а]лѣ́л, гл[а]дѣть, с[а]льцо́, пл[а]чо́;

3-й тип — перед мягкими согласными диссимилятивность как в суджанском типе диссимилятивного яканья, например: [и] произносится перед /ѣ/, /e/, /o/ из е, /a/ — в с[и]лѣ́, поб[и]лѣ́л, гл[и]дѣть; т[и]пéрь, д[и]тéй, с[и]лénье; н[и]сём, д[и]нёк, п[и]тёрка; д[и]нъка́, стр[и]лѣть, з[и]тъя́ — н[а]сú, л[а]сúна, п[а]тú, с[а]мью́, д[а]нъку́, поб[а]лю́, с[а]льцо́, пл[а]чо́.

При диссимилятивно-умеренном яканье в первом предударном слоге перед твердыми согласными проявляется диссимилятивный принцип в выборе [а] или [и], [е], соответствующий жиздринскому типу диссимилятивного яканья, а перед мягкими согласными произносится всегда [и], как при умеренном яканье.

Известны два типа диссимилятивно-умеренного яканья. Перед твердыми согласными произносится [а] перед всеми ударными гласными кроме [а́]: н[а]сú, в л[а]сú, л[а]ткú, в[а]рсты́, л[а]сны́е, р[а]ды́, с[а]лó, л[а]тнó, к р[а]бóй, с[а]лóм, л[а]сóк, л[а]тóк; а перед [а́] произносится в верхне-днепровском типе [и]: н[и]сла́, л[и]са́, л[и]тка́; в чухломском типе [е]: н[е]сла́, л[е]са́, л[е]тка́.

Типы яканья, сочетающие принципы умеренного и диссимилятивного яканья		Гласные 1-го предударного слога после С' на месте /o/, /e/, /a/		Гласные под ударением
		перед С	перед С'	
умеренно-диссимилятивное	1-й тип — в основе жиздринский	[а]	[и] [а]	/a/ /и/, /у/, /ѣ/, /e/, /ω/, /o/
	2-й тип — в основе щигровский	[а]	[и] [а]	/e/, /'o/ из е, /a/ /и/, /у/, /ѣ/, /ω/, /o/
	3-й тип — в основе суджанский	[а]	[и] [а]	/ѣ/, /e/, /'o/ из е, /a/ /и/, /у/, /ω/, /o/
диссимилятивно-умеренное	верхне-днепровский	[и] [а]	[и]	/a/ /и/, /у/, /ѣ/, /e/, /ω/, /o/
	чухломской	[е] [а]	[и]	[a] /и/, /у/, /ѣ/, /e/, /ω/, /o/

Примечание. В таблице приведены этимологические ударные гласные. В современных говорах на месте ѣ и е, ω и o могут произноситься одни и те же звуки [e] и [o].

ГЛАСНЫЕ ПЕРВОГО ПРЕДУДАРНОГО СЛОГА ПОСЛЕ ШИПЯЩИХ И [Ц]

§ 31. Особенности произношения гласных первого предударного слога после [ш], [ж], [ц]. В большей части русских говоров исконно мягкие [ш], [ж], [ц] в настоящее время произносятся твердо. Но в период, когда складывались многие типы предударного вокализма, наблюдаемые в наше время, [ш], [ж], [ц] были, как правило, мягкими. Этим объясняется то, что в большей части современных говоров предударный вокализм после твердых [ш], [ж], [ц] соответствует вокализму после мягких согласных.

Например, в говорах с аканьем и умеренным яканьем гласные неверхнего подъема в первом предударном слоге после твердых согласных совпадают в [а] независимо от твердости или мягкости следующего согласного: [вад]á, [вад']é, т[рав]á, т[рав']é, а после мягких согласных — в [а] перед твердыми и в [и] перед мягкими согласными: [н'ас]ú — [н'ис']ú, [л'ас]ók — [л'ис']нúk, [п'ат]ák — [п'ит']ёрка. Гласные после шипящих соответствуют положению после мягких согласных: п[шан]ó — п[шын']úца, [жан]á — [жын']úх, [цан]á — в [цын']é, [жар]á — по [жыр']é.

Реже встречается соответствие вокализма после [ш], [ж], [ц] вокализму после исконно твердых согласных. Так, в окающих говорах: ж[о]на́, ж[о]ни́х, ж[о]лу́док, ж[о]лтóк, пш[о]но́, ш[о]птáть, ц[о]лу́ю — ш[а]ры́, ж[а]ра́, ш[а]га́ть, ц[а]ри́ца; в акающих говорах: ж[а]на́, ж[а]ни́х, пш[а]но́, пш[а]ни́ца, ц[а]на́, в ц[а]не́, ц[а]лу́ю; ж[а]ра́, по ж[а]ре́, ш[а]га́ть, ш[а]ги́. Однако и в том и в другом случае могут отмечаться отклонения в системе предударного вокализма.

Так, в окающих говорах, которым свойственно различие гласных неверхнего подъема в предударном слоге после твердых и после мягких согласных, может наблюдаться отсутствие их различения в положении после шипящих и наличие только звука [а] в соответствии с фонемами /o/ и /a/: в[о]да́, тр[а]ва́; [н'о]су́, в [л'е]су́, [п'а]та́к, но ж[а]на́, пш[а]но́, ж[а]ла́ть и ш[а]ры́, ж[а]ра́, ш[а]га́ть и т.п. При наличии на месте /o/ после мягких согласных только нелабиализованного гласного среднего подъема [e]: [с'е]стра́, [н'е]су́ и т.п. — после шипящих может произноситься [о]: ж[о]на́, ж[о]ни́х, ж[о]лу́док, ж[о]лтóк, пш[о]но́, ш[о]птáть.

В акающих говорах, характеризующихся наличием диссимилятивного принципа формирования вокализма, этот принцип проявляется и после шипящих согласных и [ц]. Так, при системе диссимилятивного яканья обоянского типа закономерно: ж[ы]на́тый, ж[ы]ла́, пш[ы]на́, ц[ы]на́; ж[ы]лтóк, с пш[ы]но́м, шш[ы]пóтка; кош[ы]ле́й, ож[ы]ре́лье — пш[а]но́, ж[а]но́й; ж[а]нѣ́, на пш[а]нѣ́, в ц[а]нѣ́. Однако нередко отмечаются отклонения: произношение ж[а]на́, пш[а]на́ и др. перед ударным [а] может свидетельствовать о движении вокализма в сторону умеренно-диссимилятивного яканья, примеры кош[а]лѣк, шш[а]пóтка,

лш[а]нóм — о развитии щигровского или суджанского яканья. В отдельных случаях при различных системах яканья отмечаются одни и те же отклонения, которые могут свидетельствовать о былой связи этих систем. Так, при сильном и жиздринском яканье отмечаются отклонения типа *ж[ы]л'бть*, *ц[ы]л'б'й*, *ж[ы]н'б* и т. п. При умеренном яканье отклонения типа *ж[ы]н'а*, *ж[ы]л'а*ть и *ж[а]н'б*, *ж[а]н'ился*, *ж[а]н'их* обнаруживают былую диссимильность в системе вокализма.

ПЕРЕХОДНЫЕ СИСТЕМЫ ОТ ОКАНЬЯ К АКАНЬЮ

В русских говорах встречаются системы предударного вокализма, переходные от различения гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге после твердых и мягких согласных (т. е. от оканья в широком смысле) к неразличению этих гласных (т. е. аканью в широком смысле). В этих системах фонемы /о/ — /е/ — /а/ перед одними ударными гласными различаются, а перед другими не различаются, совпадают в звуке [а].

1. Оканье с ассимильтивным аканьем — различение [о] и [а] после твердых согласных и [о] — [е] — [а] после мягких согласных перед твердыми и [е] — [е] — [а] после мягких согласных перед мягкими перед всеми ударными гласными, кроме [á], когда произносится [а] на месте всех гласных фонем неверхнего подъема: *с[о]в'инный*, *с[о]в'ы*, *с[о]в'у*, *с[о]в'ой*, *с[о]в'е* — *тр[а]в'инка*, *тр[а]в'ы*, *тр[а]в'у*, *тр[а]в'ой*, *тр[а]в'е*; *с[о]стр'ы*, *с[о]стр'у*, *с[о]стр'ой* — *л[е]с'ные*, в *л[е]с'у*, *л[е]с'ок* — *р[а]д'ну*, *р[а]д'но*, *р[а]д'ном*; *л[е]т'ит*, в *с[е]л'е*, *с[е]л'енье*, *с[е]л'едка* — *л[е]с'ник*, *б[е]л'еть*, *б[е]л'еный* — на *р[а]д'не*, *кн[а]з'ей*; но *с[а]в'а*, *тр[а]в'а*; *с[а]стр'а*, *л[а]с'а*, *р[а]д'на*; *ул[а]т'ят*, *см[а]ял'ся*, *гл[а]д'ят*.

2. Аканье с ассимильтивным оканьем — неразличение, совпадение /о/ и /а/ после твердых согласных в звуке [а] перед всеми ударными гласными, кроме [ó], перед которым различаются [о] и [а] после твердых согласных и [о] — [е] — [а] после мягких согласных перед твердыми и [е] — [е] — [а] после мягких согласных перед мягкими: *с[а]в'инный*, *с[а]в'ы*, *с[а]в'у*, *с[а]в'е*, *с[а]в'а*; *тр[а]в'инка*, *тр[а]в'ы*, *тр[а]в'у*, *тр[а]в'е*, *тр[а]в'а*; *с[а]стр'ица*, *с[а]стр'ы*, *с[а]стр'у*, *с[а]стр'а*; *л[а]с'ные*, в *л[а]с'у*, *л[а]с'а*; *гр[а]д'ы*, *гр[а]д'у*, *гр[а]д'а*; *л[а]т'ит*, *л[а]ч'у*, *л[а]т'ел*, *л[а]т'ат*; *б[а]л'ить*, *б[а]л'ю*, *поб[а]л'ел*, *см[а]ял'ся*; *р[а]д'нина*, на *р[а]д'не*, *кн[а]з'ей*, *гл[а]д'ят*; но *с[о]в'ой* — *тр[а]в'ой*; *с[о]стр'ой* — *л[е]с'ок* — *р[а]д'но*; *с[е]ст'ёр* — *б[е]л'ье* — *л[а]т'ёрка*.

3. Полнóвское оканье — неразличение, совпадение /о/ и /а/ после твердых согласных и /о/ — /е/ — /а/ после мягких согласных в звуке [а] перед ударными гласными верхнего подъема и различение перед остальными ударными гласными [о] — [а] после твердых согласных и [о] — [е] — [а] после мягких согласных перед твердыми и [е] — [е] — [а] после мягких согласных перед мягкими: *с[а]в'ы*, *тр[а]в'ы*; *с[а]в'у*, *тр[а]в'у*; *с[а]л'у*, *б[а]л'ку*, *р[а]д'ну*; *с[а]стр'ы*, *л[а]с'ные*, *р[а]д'ы*; *с[а]л'ить*,

б[а]лúла, р[а]днúна, но с[о]вóй — тр[а]вóй, с[о]вé — тр[а]вé, с[о]вá — тр[а]вá; с[о]лó, с[о]лóm, с[о]лá — б[е]лó, б[е]лók, б[е]лкá — р[а]днó, р[а]днóm, р[а]днá; в с[е]лé, с[е]лénье, с[е]лédка — б[е]лétь, б[е]лёнýй — на р[а]днé, кн[а]зéй.

4. Гдовское оканье — неразличение, совпадение /o/ и /a/ после твердых согласных и /o/ — /e/ — /a/ после мягких согласных в звуке [a] перед ударными гласными верхнего и нижнего подъема и различение перед гласными среднего подъема [o] — [a] после твердых согласных и [o] — [e] — [a] после мягких согласных перед твердыми и [e] — [e] — [a] после мягких согласных перед мягкими: с[а]вý, тр[а]вý, с[а]вú, тр[а]вú; с[а]вá, тр[а]вá; с[а]лú, б[а]лкú, р[а]днú; с[а]стрý, л[а]снýе, р[а]дý; с[а]лúть, б[а]лúла, р[а]днúна; с[а]лá, б[а]лкá, р[а]днá; но с[о]вóй — тр[а]вóй, с[о]вé — тр[а]вé; с[о]лó, с[о]лóm — б[е]лó, б[е]лók — р[а]днó, р[а]днóm; в с[е]лé, с[е]лénье, с[е]лédка — б[е]лétь, б[е]лёнýй — на р[а]днé, кн[а]зéй.

Тип вокализма	Гласные 1-го предударного слога								Гласные под ударением
	после твердых согласных		после мягких согласных						
			перед твердыми			перед мягкими			
	/o/	/a/	/o/	/e/	/a/	/o/	/e/	/a/	
оканье с ассимилятивным аканьем	[o]	[a]	[o]	[e]	[a]	[e]	[e]	[a]	/и/, /y/ /e/, /o/ /a/
	[a]								/a/
	[a]								/и/, /y/
аканье с ассимилятивным оканьем	[o]	[a]	[o]	[e]	[a]	[e]	[e]	[a]	/o/
	[a]								/e/
	[a]								/a/
полновское оканье	[o]	[a]	[o]	[e]	[a]	[e]	[e]	[a]	/и/, /y/ /e/, /o/ /a/
	[a]								/и/, /y/
	[a]								/e/, /o/
гдовское оканье	[o]	[a]	[o]	[e]	[a]	[e]	[e]	[a]	/и/, /y/ /e/, /o/ /a/
	[a]								/и/, /y/
	[a]								/e/, /o/

В говорах с этими типами вокализма может произноситься после мягких согласных наряду с [o] или вместо него [e], наряду с [e] или вместо него — [и].

Все эти типы встречаются на границе оканья и аканья. Полновский и гдовский типы вокализма отмечены в Псковской области.

ГЛАСНЫЕ ВТОРОГО ПРЕДУДАРНОГО И ЗАУДАРНЫХ СЛОГОВ

§ 32. После твердых согласных и в начале слова. Говоры с оканьем разделяются на две основные группы. В одних окающих говорах гласные [о] и [а] различаются в положении после твердого согласного во всех безударных слогах, это полное оканье: б[о]р[о]-дá, м[о]л[о]дóй — н[а]н[а]хáть, т[а]б[а]кóм; дóр[о]г[о] — вьíd[а]л[а], сéн[о] (им. п.) — сéн[а] (род. п.). Неполное оканье — различие [о] и [а] только в первом предударном слоге и совпадение их в других безударных прикрытых слогах в звуке [э], в конечном открытом слоге — в [э] или [а]: б[э]р[о]дá, м[э]л[о]дóй, н[э]н[а]хáть, т[э]б[а]кóм; дóр[э]г[э], вьíd[э]л[э] или дóр[э]г[а], вьíd[э]л[а]. Полное оканье — характерная черта Северного наречия, неполное оканье свойственно части среднерусских говоров.

В акающих говорах во втором и третьем предударных слогах и в заударных фонемы /о/ и /а/ после твердых согласных совпадают обычно в [э]: м[э]лодóй, тр[э]кторíст, н[э]н[э]писáли, гóр[э]д, на ху́т[э]ре. Известны и говоры (главным образом на западе, рядом с украинским и белорусским языками), в которых наряду с [э] в этой позиции часто произносится [а]: м[а]лодóй, тр[а]кторíст, н[а]н[а]писáли, гóр[а]д, на хут[а]ре.

В говорах с диссимилятивным аканьем зависимость гласных, которая проявляется в первом предударном слоге, может наблюдаться и в других предударных слогах: в соответствии с /о/ и /а/ произносится [э] перед [а] и [а] перед остальными гласными: н[э]н[а]сú — н[а]н[э]слá, н[э]д[а]шлú — н[а]д[э]шлá, б[а]с[и]кóм, г[а]л[у]бéй. Для заударного слога определяющим может являться подъем гласного в ударном слоге: на х[ú]т[а]ре, в ст[ó]р[а]ну, но [já]бл[э]чка, ст[á]р[э]му.

Во многих среднерусских говорах с неполным оканьем встречается произношение [у] на месте [о] в начале слова во втором предударном слоге: [у]дногó, [у]топрú, [у]блакá, [у]горóд. На территории восточных среднерусских акающих говоров в этом положении часто отмечается [и]: [и]дногó, [и]топрú, [и]гурéц.

В акающих говорах [э] во втором предударном слоге и в заударных слогах после твердых согласных может произноситься не только на месте /о/ и /а/, но и на месте /у/ и /и/ ([ы]): м[э]жикú, д[э]хотá, р[э]бакú; óк[э]нь, фáрт[э]к, вьír[э]л. Таким образом, в этих говорах может наблюдаться в данной позиции неразличение всех гласных фонем, совпадение их в звуке [э].

§ 33. После мягких согласных. Во втором предударном слоге после мягких согласных в о к а ю щ и х говорах с полным оканьем возможно различие трех гласных неверхнего подъема [о] — [е] — [а]: з[’о]рновы́е, н[е]тухú, н[’а]такú. Чаше наблюдается различие типа [е] — [а]: з[е]рновы́е, н[е]тухú, н[’а]такú. Обычным же является совпадение этих гласных в звуке [е]: з[е]рновы́е, н[е]тухú, н[е]такú.

В говорах с неполным оканьем гласные фонемы неверхнего подъема обычно совпадают в этой позиции в звуке типа [и] ([ь]): з[и]рновы́е, п[и]тухи́, п[и]таки́.

В заударных слогах после мягких согласных возможно различие [о] — [е] — [а]: *вы́н[’о]су, вы́л[е]зу, вы́т[’а]ну*. В корнях различие этих трех гласных встречается редко. Чаще же произносятся [е] — [а] или один гласный типа [е]: *вы́н[е]су, вы́л[е]зу, вы́т[’а]ну* или *вы́т[е]ну*. Обычно же различие этих трех гласных наблюдается в окончаниях: *по́л[’о], ка́мн[’о]м, зу́б[’о]м — в по́л[е], в ба́н[е]* (или *в по́л[и], в ба́н[и]*) — *с по́л[’а], ба́н[’а], к ба́н[’а]м, в зу́б[’а]х, хо́д[’а]т*.

Различие всех трех гласных [о] — [е] — [а] в окончаниях могло возникать не фонетическим путем, а в результате действия грамматической аналогии. Так, заударное ёканье часто встречается в тех окающих говорах, где нет ёканья предударного. В таких случаях заударное ёканье наблюдается обычно в окончаниях и возникло в результате обобщения звука, представляющего ту же гласную фонему под ударением: *го́р[’о] — звер[’о], ка́мн[’о]м — кон[’о]м, дере́вн[’о]й — земл[’о]й, зу́б[’о]в — кра[’о]в, ста́ро[’о] — мо[’о], ста́н[’о]ш — нес[’о]ш*.

В акающих говорах во втором предударном слоге после мягких согласных гласные фонемы неверхнего подъема совпадают в звуке типа [и] ([ь]): з[и]рновы́е, п[и]тухи́, п[и]таки́.

В заударных слогах после мягких согласных гласные фонемы неверхнего подъема в корневых морфемах обычно не различаются, совпадая с фонемой /и/ в звуке [и] ([ь]): *за́т[и]мно, за́св[и]тло, вы́гл[и]нул, вы́п[и]ла* (ср. *т[’о]мный, св[’е]тлый* или *св[и́е]тлый, гл[’а]нул, п[и]л*). В окончаниях же может наблюдаться частичное различие этих фонем: в соответствии с ними выступают два звука — [и] ([ь]) и [а] ([э]), закрепленные за определенными морфемами.

В безударных личных окончаниях глаголов I и II спр. в соответствии с /о/ и /и/ всегда произносится один и тот же звук, обычно это [и] ([ь]): в I спр. *нес[’о]ш и е́д[и]шь, ле́з[и]шь, сто́н[и]шь*, во II спр. *сид[’и]шь и е́зд[и]шь, во́з[и]шь, го́н[и]шь*. Так образуется общее спряжение (см. § 98).

В падежных окончаниях существительных в этой же позиции может в соответствии с /о/ и /а/ произноситься [а] ([э]): *с кон[’о]м и с ка́мн[’а]м* (с *ка́мн[’э]м*), *к рубл[’а]м и к ка́пл[’а]м* (к *ка́пл[’э]м*). На конце слова такое же различие: ср. формы им., род., предл. п. ед. ч. *поле, поля — по́л[’а]* (*по́л[’э]*), *о поле — о по́л[и]*, где в окончании им. п. — /о/, род. п. — /а/, предл. п. /е/ или /ѣ/; ср.: *бель[’о], бель[’а], о бель[’е]* или *о бель[’и]* (*о бель[’е]*).

В некоторых южнорусских говорах в заударном конечном закрытом слоге после мягких согласных звук [а] может произноситься не только на месте гласных фонем неверхнего подъема, но и на

месте /и/. Здесь скажут не только *вы́н[’а]с*, *вы́л[’а]з* (*вынес, вылез*), но и *ча́йн[’а]к*, *ба́р[’а]н*, *бро́с[’а]л*, *во́з[’а]шь*.

§ 34. Диереза и эпентеза гласных. Во многих южнорусских и среднерусских говорах наблюдается диереза (выпадение, эллипсис, редукция до нуля) безударных гласных. Обычно выпадают гласные второго предударного слога и заударные (в примерах они даны в скобках): *к(а)русéль*, *с(а)рафа́н*, *уч(и)теля́*, *обма́н(ы)вать*, *вя́з(а)ную*, *ма́льч(и)ка*, *рабо́т(а)л*, *женáт(ы)х*, *де́н(е)г*, *на ме́ст(о)*, *я́мк(а)*, *да́льш(е)*.

Обычно диереза гласного в слове факультативна, может зависеть от фразовой позиции, темпа речи, общего спада напряженности речевого отрезка. Однако в некоторых словах и морфемах диереза гласного обычна или встречается чаще, чем в других словах. Так, в некоторых говорах в приставках *пере-*, *про-* последний гласный во втором предударном слоге не произносится: *пер(е)несла́*, *пер(е)работала*, *пер(е)пыва́ли* (но *перешла́*, *переда́ли*); *пр(о)дава́ть*, *пр(о)води́ла*, *пр(о)несла́* (но *продáть*, *провóдит*). В частице и местоимении *это*, в частице *то* может не произноситься последний гласный: *Эт(о) тебе́*, *а эт(о) дочке*; *в эт(у) войну́*; *свёкор-т(о) пришёл*; *а мы́-т(о) сперва́ посе́яли*.

Диереза гласного часто компенсируется слоговостью предшествующего или последующего согласного, и количество слогов в слове не изменяется. Слоговость согласного проявляется в его повышенной интенсивности, длительности: *с:(а)поги́*, *да́льш:(е)*, *на прице́п(а)х*. Удлинение взрывного согласного может проявляться в увеличении его смычной фазы: *зараба́т:(ы)вали* или послевзрывной фазы, что приводит к возникновению придыхательных согласных: *я́мк^h(а)*, *жи́т^h(о) коси́ли*.

Слоговые согласные нетипичны для русского языка, поэтому у говорящих возникает стремление восстановить утраченный гласный. Иногда это стремление приводит к эпентезе, вставке гласного туда, где его раньше не было, что внешне выглядит как перестановка гласного и согласного: *к[э]лдова́я*, *пох[э]лпочи́*, *я́б[э]лков*, *мо́к[э]нть* (*мокнет*), *но́ж[ы]нцы*.

Эпентеза гласных между согласными может быть и в словах, где не произошла диереза гласного: *же́н[и]щины*, *го́р[и]сть*, *ве́р[и]хний*, *во́л[э]к*, *м[а]но́го*, *с[и]ве́т*.

КОНСОНАНТИЗМ

§ 35. Глухие и звонкие заднеязычные фонемы. Одна из наиболее ярких особенностей Южного наречия — произношение звонкого щелевого заднеязычного звука [ʏ] в соответствии с севернорусским и среднерусским [г]: [ʏ]олова́, [ʏ]роза́, ду[ʏ]а́, кру́[ʏ]лый. На конце слова на месте [ʏ] произносится [х]: дру́[ʏ]а — дру[х],

пиро[γ]á — пирó[х], но[γ]á — но[х]. Ср. в пословице: *Старый дру[х] лучше новых двух.* На месте [г] в этой позиции произносится [к]: *дру́[г]а — дру[к], пиро[г]á — пирó[к], но[г]á — но[к].*

В некоторых западных южнорусских говорах в соответствии с [γ] произносится звук [h], более типичный для украинского и белорусского языков. В отличие от [γ], который образуется в результате сближения задней части спинки языка с мягким нёбом, [h] образуется при сближении корня языка с задней стенкой глотки. Это глоточный, или фарингальный, звонкий щелевой согласный.

В южнорусских говорах три заднеязычные твердые фонемы: /γ/, /х/, /к/. Южнорусской звонкой фонеме /γ/ противопоставлена глухая /х/. Эти фонемы нейтрализуются в конце слова, совпадая в звуке [х]: *мо[γ]ú, во м[х]ú — мо[х]* (*мог* и *мох*). Третья заднеязычная фонема /к/ внепарная по глухости/звонкости.

В большинстве севернорусских и среднерусских говоров четыре заднеязычные твердые фонемы, парные по звонкости/глухости: /г/ — /к/ и /γ/ — /х/. Таким образом, одной звонкой заднеязычной южнорусской фонеме /γ/ в системе фонем севернорусских и среднерусских говоров соответствуют две: /г/ и /γ/. Однако функциональная нагрузка этих фонем очень различна. В подавляющем большинстве слов, где в сильной позиции выступает звонкая заднеязычная фонема, произносится [г] и лишь в очень немногих — [γ]. В части из них [γ] возник под влиянием норм церковно-славянского языка. Это такие слова, как *Бо́[γ]а — Бо[х], убó[γ]а — убó[х], бо[γ]áтой, бла́[γ]о — бла[х], бла[γ]одарíть, [γ]оспóдь, [γ]осудáрь* и некоторые другие. Сюда же относятся и звукоподражательные слова с /γ/, употребляемые при передаче криков животных: *[γ]о[γ]óчет, [γ]ор[γ]óчет, ре[γ]óчет, ро[γ]óчет, [γ]умчíт, [γ]úкает, [γ]áмкает.* К группе слов с /γ/ относятся и междометия типа *а[γ]á, о[γ]ó, у[γ]ú.* Кроме того, в некоторых севернорусских говорах [γ] произносится в окончании род. п. ед. ч. прилагательных и местоимений: *красно[γ]о, то[γ]ó.*

Фонема /γ/ в севернорусских и среднерусских говорах встречается лишь в нескольких словах, число которых уменьшается под влиянием литературного языка. В результате в этих говорах /γ/ может полностью вытесниться фонемой /г/. В таких говорах одна звонкая заднеязычная фонема — /г/.

Во многих современных русских говорах обнаруживается в отдельных словах произношение [к] на месте [х]. Такое произношение в словах *[к]лев, [к]оронíть, [к]úтор, [к]одíть* отмечается на обширной территории обоих наречий. Преимущественно в севернорусских говорах встречаются такие слова, как *[к]орошó, [к]рапéть, [к]озя́йка, [к]óлодно, [к]омúт, пасту́[к], жени́[к].* Однако ни одному русскому говору не известно полное вытеснение фонемы /х/ фонемой /к/.

Замена /к/ на /х/ в русских говорах объясняется воздействием на них финно-пермских языков: карельского, вепсского, марий-

ского, мордовского, коми, удмуртского, древних языков мери, чуди, мещеры, муромы, печоры и др. Фонетические системы этих языков не имеют звука [x].

На месте щелевых заднеязычных [ɣ], [x] встречается произношение двухфокусных лабиовелярных (губно-заднеязычных) [ɣ^w], [x^φ], артикуляция которых характеризуется одновременным сближением задней части спинки языка с задней частью нёба (заднеязычно-задненёбный фокус) и сближением губ (губной фокус): [ɣ^w]одóв, е[ɣ^w]ó, [x^φ]úтор, мо[x^φ].

§ 36. Чередование твердых заднеязычных с мягкими среднеязычными и переднеязычными. В соответствии с мягкими заднеязычными могут произноситься следующие звуки.

1. В некоторых южнорусских говорах [ɣ] при смягчении заменяется звуком [j]: но[ɣ]á — но[j]ú, но[j]é, сапо[ɣ]á — сапо[j]ú, в сапо[j]é, [j]úря, [j]úбель. Ученики южнорусских школ допускают ошибки на письме типа *Турьенев, деньи, на дорои, моила, воробьги, крыльгими, гих, гим* (вместо *их, им*). Эти ошибки говорят о том, что ученики путают способы обозначения на письме фонем /ɣ/ и /j/. А это свидетельствует о неразличении, нейтрализации /ɣ/ и /j/ в этих позициях, о противопоставлении /ɣ/ — /j/ как твердой и мягкой парных фонем.

Об этом же может говорить и произношение слова *где* как *йде, иде* во многих говорах, разбросанных по всей южнорусской территории. Смягчаясь перед следующим мягким согласным, [ɣ] изменялся в [j], который затем обычно переходил в гласный звук, так как в русском языке [j] может быть только рядом с гласным.

Изменение [ɣ] в [j] при смягчении раньше было свойственно, по-видимому, всему Южному наречию. Затем в соответствии с [ɣ] возник заднеязычный звук [ɣ'], отличающийся от среднеязычного [j]. В настоящее время во многих южнорусских говорах смягчение [ɣ] вызывает уже не [j], а [ɣ']: но[ɣ]á — нó[ɣ']и, на но[ɣ']é, сапо[ɣ]á — сапо[ɣ']ú, в сапо[ɣ']é, [ɣ']úря, [ɣ']úбель и т. п.

2. В некоторых говорах, главным образом среднерусских, вместо взрывных [к'], [г'] произносятся звуки [т'], [д']: ру[к]á — рú[т']и, ру[т']é, ре[к]á — ре[т']ú, ре[т']é, с[т']ирдá, [т']úслый, [т']исéль, [т']инó, но[г]á — нó[д']и, но[д']é, мо[д']úла, [д']úбель. В редких говорах наблюдается также произношение щелевого [с'] на месте [х']: со[х]á — со[с']é, оре[х] — орé[с']и, молодú[с']ин, [с']úтрый. В говорах с прогрессивным ассимилятивным смягчением заднеязычных согласных (см. § 52) произносится также *Вáнь[т']я, уголь[т']я́, день[д']я́м* и т. п.

Под влиянием литературного языка возникает отход от этого диалектного произношения. Раньше возникает он в тех словах, где [т'] чередуется с [к], позднее — там, где нет этого чередования. Произношение типа [т']úслый, с[т']ирдá становится лексикализованным. Наряду с ним в этих же говорах наблюдается уже и рú[к']и, в му[к']é.

§ 37. Твердые и мягкие заднеязычные фонемы. Ряд фактов свидетельствует о том, что в современных русских говорах заднеязычные фонемы противопоставлены по твердости/мягкости. Так, во многих говорах наблюдается произношение позиционно необусловленных мягких [к'], [г'], [х']. Во многих говорах формы настоящего времени глаголов I спр. типа *печь, беречь* образуются с мягкими [к'], [г'] перед [о]: *пе[к'о]шь, бере[г'о]шь* и т. п. В севернорусских говорах встречается словообразовательный тип прилагательных со значением высокой степени признака и ударным суффиксом *-áщ-* с мягким согласным конца производящей основы: *горь[к'á]щий, доро[г'á]щий, су[х'á]щий*. В говорах, знающих результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных (см. § 52), отмечаются случаи произношения [к'], [г'], [х'] после этимологических твердых и отвердевших согласных: *Нúн-[к']я, надóл[г']ё, Пáс[х']ю; морс[к']ёй, четвер[г']я, свёр[х']ю* и т. п.

В некоторых говорах, главным образом севернорусских, в отдельных словах отмечаются случаи неперехода [кы], [гы], [хы] в [к'и], [г'и], [х'и], происходившего еще в древнерусском языке: [кы]слый, с[кы]рдовать, мо[гы]ла, на[гы]шом, [гы]ря, кня[гы]ня, [хы]трый и при этом рú-[к'и], нó[г'и], сó[х'и]. В западных южнорусских говорах возможны формы множественного числа прилагательных *ка[кы]е, рúс[кы]е, ка[кы]х, рúс-[кы]х* и т. п. В большинстве этих говоров [и] и [ы] являются представителями одной фонемы /и/. Позиция перед этой фонемой — сильная для различения /к/, /г/, /х/ и /к'/, /г'/, /х'/.

В архангельских говорах в отдельных словах (словоформах) встречается произношение мягких заднеязычных на конце слова — в позиции, сильной по твердости/мягкости и для большинства других согласных фонем: *ле[к']* (повелительная форма глагола *лечь*), *поперé[к']* (*поперёк*).

Возможность произношения мягких [к'], [г'], [х'], в том числе и перед гласными непереднего ряда, существовала в новгородском диалекте еще в эпоху до падения редуцированных гласных. Об этом говорит, в частности, отсутствие здесь 2-й и 3-й палатализации заднеязычных согласных как фонетических процессов. Слова *кеп* (*цеп*), *кедить* (*цедить*), *кедилка* (*цедилка*), *нельга* (*нельзя*) и некоторые другие отмечены не только в древнерусских новгородских памятниках, но и в разных современных севернорусских и среднерусских говорах.

§ 38. Губные щелевые согласные. Бóльшая часть русских говоров, как и литературный язык, знает четыре губные щелевые фонемы, представленные в сильных позициях звуками [в] — [в'] — [ф] — [ф']. Другие говоры отличаются по составу фонем, по качеству воплощающих их звуков и по их позиционному распределению.

1. В древности русский язык, как и другие славянские языки, не знал фонем /ф/, /ф'/. Звук [ф] (как и [ф']) был чужд русской речи и проникал туда из греческого языка (через посредство церковнославянского) и из других соседних языков. Осваивая такие слова, как *Фёдор, Фома, Филипп, София, Афанасий, фараон, фарисей, февраль, фонарь, каллиграфия, сарафан, кафтан* и др., русские заимствовали и фонемы /ф/, /ф'/.

Однако и до сих пор в ряде русских говоров звуки [ф], [ф'] заменяются разными другими звуками. Чаще всего в соответствии с /ф/, /ф'/ перед гласными, кроме [у], произносятся сочетания [хв], [хв'] или [хw], [хw'], а также [хф], [хф'], [хφ], [хφ']: *хвáбрика, хвамíлия, хвáртук, хвонáрь, сарахвáн, телехвóн, Хвилíпп, Хвёдор, хвёрма* и т. п. или *хфáбрика, хфамíлия, хфáртук* и т. п. Перед [у], перед согласными и на конце слова обычно произносится [х]: *хунт, хурáжка, кóхта, хронт, тóхли; торх, тих, штрах*. В отдельных словах, главным образом в собственных именах, встречается наиболее древняя замена /ф/, /ф'/ на [п], [п']: *Прóся, Апрóська* (из *Ефросинья*), *Пилíпп, Пёкла, Никíпор, Сапрóн* и др. Шире круг таких имен в украинском и белорусском языках. Полностью отсутствуют фонемы /ф/, /ф'/ в Юго-Западной диалектной зоне и части рязанских говоров. Случаи же указанных замен этих фонем встречаются в большей части южнорусских говоров и во многих среднерусских и севернорусских.

2. На месте фонемы /в/ в современных русских говорах могут произноситься в сильной позиции два разных звука: губно-зубной [в] и губно-губной [w]. Звук [в] на конце слова и перед глухим согласным может чередоваться с [ф]: *тра[в]á — тра[ф], трá[ф]ка*. Чередующиеся звуки [в] || [ф] представляют фонему /в/, говоры с такой системой знают и фонему /ф/, которая является парной фонеме /в/ по глухости/звонкости. Такова же и звуковая система литературного языка.

В говорах, где губная щелевая звонкая фонема представлена звуком [w], на конце слова и перед согласным в середине слова ему соответствует [w] или [ǔ]: *тра[w]á — тра[w], трá[w]ка* или *тра[ǔ], трá[ǔ]ка*. (Звук [ǔ] произносится с немного вытянутыми в трубочку губами, звук [w] без этой огубленности.) Ослабление [w] может приводить также к произношению [o̞]: *трá[o̞]ка, тра[o̞]*. Эти звуки представляют фонему /w/.

В начале слова перед согласным в таких говорах часто на месте /w/ произносится [у]: [у]дová, [у]нóк, [у]мéсте, а также [у] гóрод, [у] Кúрске. Часто наблюдается позиционное распределение: [у] после паузы и согласного предшествующего слова || [ǔ] после конечного гласного предшествующего слова: *был [у] гóроде — была́ [ǔ] гóроде*.

Такое же распределение [у] || [ǔ] наблюдается в этих говорах и на месте фонемы /у/: *был [у] гóрода — была́ [ǔ] гóрода*. Таким образом, в этой позиции происходит нейтрализация /w/ и /у/.

В говорах древнерусского языка [w] встречался чаще, чем [в]. На протяжении истории русского языка идет постепенное вытеснение системы звуков [w] || [ǔ] системой [в] || [ф]. Раньше всего [в] заменяет [w] перед гласным. Поэтому в ряде современных говоров наблюдается система чередования [в] перед гласным || [w] ([ǔ]) в середине слова перед согласным и на конце слова: *тра[в]á — тра[w], трá[w]ка, дерé[w]ня* или *тра[ǔ], трá[ǔ]ка, дерé[ǔ]ня*.

В говорах, где /w/ представлена звуком [w] или чередованием [w]||[ў], в других говорах /в/ — чередованием [в]||[ў], фонемы эти непарные по глухости/звонкости, как и другие сонорные. В этих говорах обычно нет фонемы /ф/, нет и звука [ф].

Дальнейшее воздействие системы [в]||[ф] на систему [в]||[w] ([ў]) приводило в разных говорах к трем разным результатам.

В одних говорах на месте губно-губного [w] стали произносить губно-зубной [в] и перед согласными, в том числе и глухими, и на конце слова: *тра[в]*, *тра́[в]ка*, *дерé[в]ня*. Замена [w] на [в] здесь не затронула звонкости звука, а коснулась лишь места его образования.

В других говорах на месте [w] на конце слова и перед глухими согласными стали произносить губно-губной глухой [ф]: *тра[ф]*, *тра́[ф]ка*. Здесь происходила замена звонкого согласного глухим при сохранении губно-губной артикуляции.

В третьих говорах вместо *тра[w]*, *тра́[w]ка* (или *тра[ў]*, *тра́[ў]-ка*) стали говорить *тра[x]*, *тра́[x]ка*, а также *дро[x]*, *столо́[x]*, *домо́[x]*, *ла́[x]ка*, *де́[x]ка* и т.п. Здесь [w] ([ў]) на конце слова и перед глухими согласными заменялся не звуком [ф], а звуком [x], как это было и при заимствовании фонемы /ф/.

На месте [w] на конце слова и перед глухими согласными встречается также произношение двухфокусного лабиовелярного (губно-заднеязычного) [ф^x], артикуляция которого характеризуется одновременным сближением губ и сближением задней части спинки языка с задней частью нёба: *тра[ф^x]*, *сло[ф^x]*, *старико́[ф^x]*, *тра́[ф^x]ка*.

Говоры, сохраняющие произношение [w] ([ў]), знают выпадение этого согласного в интервокальной позиции рядом с лабиализованным гласным: *де́ушка*, *золóушка*, *трау́*, *на́ оду (на воду)*, *самоа́р*.

Изредка в говорах встречается произношение [j], [й] на месте губно-губного мягкого [w'] : *при[já]зана (привязана)*, *коро́[й]е (корове)*, *нас[й]ива́ют (навивают)*, *кро[й] (кровь)*, *любо́[й] (любовь)*, *ла́[й]ки (лавки)*, *де́[й]ки (девки)*. Такой [j], [й] после гласного перед [и] может выпадать: *оста́ила (оставила)*, *заиwа́ла (завивала)*.

§ 39. Боковые согласные. В бóльшей части южнорусских и среднерусских говоров, а также и в части среднерусских есть, как и в литературном языке, два боковых сонанта — [л] и [л']. Звуки эти зубные (при их образовании кончик языка смыкается с верхними зубами), боковые (воздушная струя проходит по бокам языка). Звук [л] веляризованный: задняя часть спинки языка приподнята к мягкому нёбу, а звук [л'] палатализованный: к твердому нёбу приподнята передняя часть спинки языка.

В Вологодской группе говоров Северного наречия и в некоторых южнорусских говорах вместо [л] произносится [l] — боковой передненёбный, или альвеолярный (кончик языка смыкается с

передней частью нёба — альвеолами). Звук этот называют также [l] «европейским», так как он очень похож на [l] английского, французского, немецкого и многих других европейских языков, в том числе и ряда славянских. Звук этот называют также [l] «средним», так как он не веляризован и поэтому производит слуховое впечатление как бы звука среднего между [л] и [л'].

Распределение звуков [l] и [л'] (точнее [l']) в говорах 2-го типа перед гласными не отличается от распределения звуков [л] и [л'] в говорах 1-го типа: [l] произносится перед гласными звуками непоследнего ряда — *бы[lá]*, *со[ló]ма*, *г[ly]хóй*, *с[ly]хá[la]*, а [л'] перед гласными передними — *ма[л'й]на*, [л'е]с, а также *гу[л'á]ть*, *к[л'у]к-ва*, [л'о]н.

Отличия между говорами 1-го и 2-го типов наблюдаются в распределении этих звуков в позициях перед согласными и на конце слова. В говорах 1-го типа в этих позициях могут произноситься и [л] и [л']: *ста[л]* — *ста[л']*, *у́го[л]* — *у́го[л']*, *ко́[л]ко* — *Ко́[л']ка*, *мо[л]чи́* — *ма́[л']чик*. В говорах 2-го типа в соответствии со звуком [л'] говоров 1-го типа произносится в этих позициях [l]: *на[l]то́*, *о[l]хá*, *хме[l]*, *учи́те[l]*. Это результат отвердения этого согласного в данных позициях в говорах 2-го типа. В соответствии же с [л] в говорах 2-го типа произносится в этих позициях [w] или [ǔ] (возможен и слаболабиализованный [ɔ]): *на́[w]ка*, *игó[w]ка*, *жо́[w]тый*, *сто[w]*, *да[w]* или *на́[ǔ]ка*, *игó[ǔ]ка*, *жо́[ǔ]тый*, *сто[ǔ]*, *да[ǔ]* (*на́[ɔ]ка*, *игó[ɔ]ка*, *жо́[ɔ]тый*, *сто[ɔ]*, *да[ɔ]*).

В говорах 3-го типа (архангельских, онежских) перед гласными произносятся звуки [л] и [л'] в соответствии с их распределением в говорах 1-го типа. Нет отличий между этими говорами и в произношении [л'] перед согласными и на конце слова. На месте же [л] говоров 1-го типа перед согласными и на конце слова в говорах 3-го типа произносится [w] или [ǔ] ([ɔ]). Например: *ходи́[л]а*, *се[л]о́*, [л]ук; *ходи́[л']и*, [л']энта, *бо́[л']ше*, *кры[л']цо́*, *бо[л']*, *сте́бе[л']*; *на́[w]ка*, *игó[w]ка*, *жо́[w]тый*, *сто[w]*, *да[w]* или *на́[ǔ]ка*, *игó[ǔ]ка*, *жо́[ǔ]тый*, *сто[ǔ]*, *да[ǔ]* (*на́[ɔ]ка*, *игó[ɔ]ка*, *жо́[ɔ]тый*, *сто[ɔ]*, *да[ɔ]*).

В говорах 4-го типа (часть великолукских, смоленских, брянских) произношение звуков на месте /л/, /л'/ является завершением соответствующего ареала в украинском и белорусском языках. Отличие этих говоров от говоров 3-го типа в том, что в позиции перед согласными и на конце слова на месте /л/ произносится [ɔ] или [ǔ] ([ɔ]) только в части слов: в глаголах прошедшего времени: *да[л]а́* — *да[w]*, *пош[л]а́* — *пошо́[w]*, *умы́[л]ась* — *умы́[w]ся*, в старом сочетании *зл* между согласными (Съ|С): *во[w]к*, *то́[w]стой* и некоторых других. В существительных же на конце слова выступает обычно [л]: *сто[л]ы́* — *сто[л]*, *по́[л]а* — *по[л]*. Этот же звук может выступать и перед согласным: *на́[л]очка* — *на́[л]ка*.

Позиции		Типы говоров			
		1	2	3	4
Перед гласными непредними		л	l	л	л
Перед гласными передними		л'	л'	л'	л'
Перед согласными и на конце слова	на месте [л]	л	w	w	w, л
	на месте [л']	л'	l	л'	л'

В говорах 1-го типа противопоставление согласных [л] — [л'] в позициях перед согласными и на конце слова отражает противопоставление фонем /л/ — /л'/ по признаку твердость/мягкость.

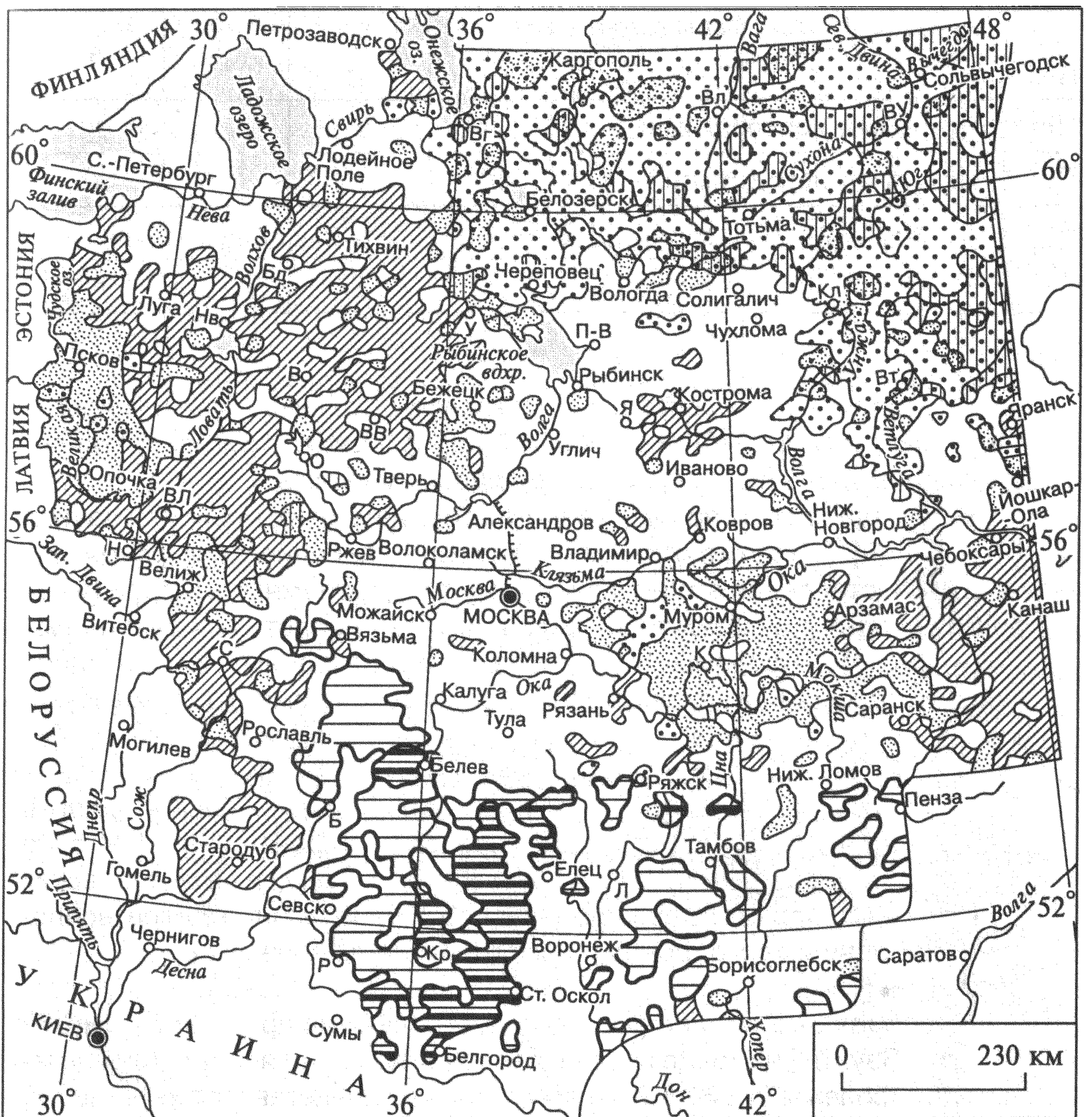
В говорах 2-го типа противопоставление в этих позициях звуков [l] — [w] ([j̥], [ɔ̥]) также отражает противопоставление двух фонем. Но противопоставление это не по признаку твердость/мягкость ([l] и [w] — звуки твердые), а по месту образования: [l] — представитель фонемы /л/, [w] ([j̥], [ɔ̥]) — фонемы /w/. В говорах 2-го типа фонема /w/ в позициях перед согласными и на конце слова представлена именно этими звуками: *дро[w]á* (или *дро[v]á*) — *дрó[w]ни* (*дрó[j̥]ни*, *дрó[ɔ̥]ни*), *дро[w]* (*дро[j̥]*, *дро[ɔ̥]*). Таким образом, чередование звуков [l] || [w] ([j̥], [ɔ̥]) в говорах 2-го типа (*ходú[l]а* — *ходú[w]*, *находú[w]ся*, *сто[l]á*, *насто[l]ный* — *сто[w]*, *ма[l]о*, *ма[l]чик* — *ма[w]*) отражает чередование фонем /л/ || /w/. Что же касается чередования [l] || [л'] типа *бы[l]á* — *бы[л']и*, то в архаических вологодских говорах оно представляет собой чередование звуков, воплощающих одну и ту же фонему, внепарную по признаку твердость/мягкость (см. § 50).

В говорах 3-го типа есть противопоставленные друг другу фонемы /л/ и /л'/. Звук [л'] на конце слова и перед согласными является представителем фонемы /л'/. Звук [w] в этих позициях представляет фонему /w/, а звуки [j̥], [ɔ̥] являются вариантами фонем /w/ и /л/.

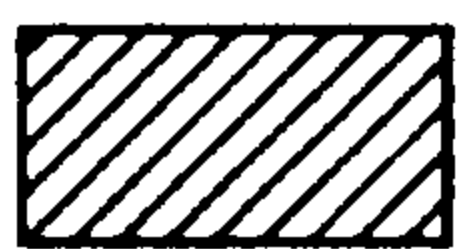
В говорах 4-го типа в одних и тех же позициях перед согласными и на конце слова противопоставлены три разные фонемы. Звук [л] здесь воплощает фонему /л/, звук [л'] — /л'/. Звук же [w] является представителем фонемы /w/.

§ 40. Аффрикатy. В русских говорах наблюдается большое разнообразие звуков, употребляющихся в соответствии с исконными *ц*, *ч*. Основное различие между диалектными системами по употреблению этих звуков сводится к трем типам: 1) различие двух аффрикат, 2) совпадение их в одной аффрикате, 3) отсутствию аффрикат.

В говорах главным образом центральных южнорусских и среднерусских, а также и некоторых севернорусских на месте *ц* и *ч* произносятся, как и в литературном языке, [ц] и [ч'], воплощающие две разные фонемы: [ц] *арь*, *кúри[ц]а*, *оте́[ц]*; [ч'] *ай*, *до́[ч']ка*, *не[ч']*.

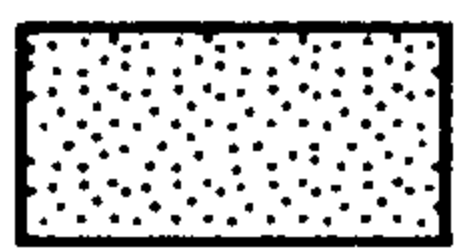

Отмечено различие твердых

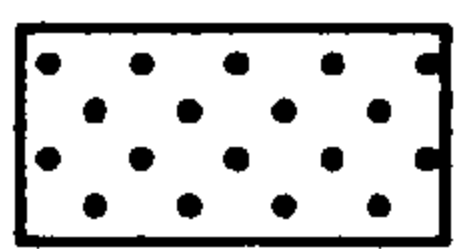

[ч]-[ц]:[ч] ай-ули[ц]а и т.п.

Отмечено совпадение

в [ц]:[ц] ай-ули[ц]а и т.п.

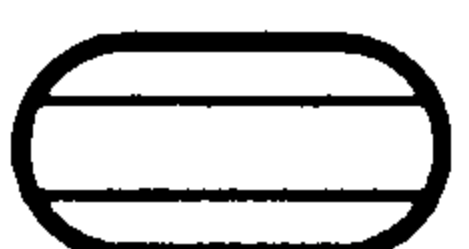
в [ц']:[ц'] ай-ули[ц']а и т.п.

в [ч']:[ч'] ай-ули[ч']а и т.п.

утрата затвора аффрикатой ц

утрата затвора аффрикатой ч

Буквами обозначены:

Б	Брянск	Кр	Курск
Бд	Будогощь	Л	Липецк
В	Валдай	Н	Невель
ВВ	Вышний Волочек	Нв	Новгород Великий
ВЛ	Великие Луки	О	Осташков
ВУ	Великий Устюг	П-В	Пошехонье- Володарск
Вг	Вытегра	Р	Рыльск
Вл	Вельск	С	Смоленск
Вт	Ветлуга	У	Устюжна
К	Касимов	Я	Ярославль
Кл	Кологрив		

Карта 2. Различение или совпадение согласных на месте ч и ц

Объединяет звуки [ц] и [ч'] и противопоставляет воплощенные в этих звуках фонемы другим фонемам то, что они — аффрикаты. Отличают [ц] и [ч'] три признака: [ц] — зубной твердый свистящий согласный, а [ч'] — передненёбный мягкий шипящий. Но в противопоставлении фонем, представленных этими звуками, участвует только один признак. В одних говорах у [ц] — [ч'] фонологически существенным, дифференциальным является признак твердость/мягкость, а место образования и свистящность/шипящность выступают как признаки сопутствующие, интегральные. В других говорах дифференциальным признаком в этом противопоставлении является зубность/нёбность (свистящность/шипящность), а твердость/мягкость выступает как признак интегральный.

Система с [ц] — [ч'] представляет собой продолжение наиболее древнего различения мягких аффрикат, отличаясь от него лишь тем, что произошло отверждение [ц']. В некоторых говорах произошло отверждение обеих аффрикат. Так возникла система с [ц] — [ч]. В этих говорах говорят [ц]арь, кúри[ц]а, отé[ц] и [ч]ай, дó[ч]ка, не[ч], [ч]ысто, у[ч]ытель, в[ч]эра́ и т.п. Впрочем, такая система может возникать и другим путем (см. ниже).

Этим системам противопоставлены системы с неразличением аффрикат, произношением на их месте одной аффрикаты. Наиболее древний тип этого явления — мягкое цоканье. Оно заключается в том, что на месте *ц* и *ч* произносится мягкий [ц']: [ц']арь, кúри[ц']а, отé[ц']; [ц']ай, дó[ц']ка, не[ц']. Вот народная шуточная характеристика, обыгрывающая эту диалектную черту: *Цереповцыне тоцьно англицяне, только нарицьё другоё.*

Разновидностью мягкого цоканья является палатальное, или, как его иногда называют, шепелявое цоканье. В этом случае на месте *ц* и *ч* произносится звук [ц''], при образовании которого спинка языка приближена не к передней части нёба, как у [ц'], а к средней. Звук [ц''] средненёбный.

В некоторых вятских и пермских говорах отмечается другая разновидность неразличения аффрикат — чоканье, совпадение аффрикат в звуке [ч']: [ч']арь, кúри[ч']а, отé[ч'], [ч']ай, дó[ч']ка, не[ч']. Эта диалектная черта отражена в дразнилке о вятичах: *Мы, вячки, ребята хвачки, семеры одного не боимси, а один на один и котомочку отдадим.* Впрочем, чоканье никогда не бывает «чистым». В говорах с чоканьем отмечают и произношение звуков [ц'], [ц''] в соответствии с *ц*, *ч*.

Мягкое цоканье было свойственно древнему новгородскому диалекту и землям, колонизованным новгородцами. Впоследствии мягкое цоканье на некоторых территориях претерпевало изменения, которые отражают современные говоры.

На окраинах ареала цоканья возникает твердое цоканье в результате отверждения аффрикаты: [ц]арь, кúри[ц]а, отé[ц] и [ц]ай, дó[ц]ка, не[ц]. Большой ареал твердого цоканья наблюдается в говорах к востоку от Москвы — на территории Московской, Владимирской, Ивановской, Рязанской, Нижегородской областей.

Постепенно под влиянием литературного языка и других говоров цоканье на окраинах ареала заменяется различием двух аффрикат. Пути этого изменения были разными на различных территориях.

Твердое цоканье могло трансформироваться в различие твердых [ц] — [ч]. Так, например, произошло на территории бывшей Новгородской и Псковской земель. О прежнем цоканье говорят употребляющиеся здесь изредка отдельные слова с [ц] на месте исконного ч, а также деепричастия на -чи, которые здесь употребляются в функции сказуемого. На месте ч в этих формах произносится [ц]: *он ушóд[ц]ы, пришóд[ц]ы, вы́шед[ц]ы*.

Другой путь трансформации цоканья — к различению [ц] — [ц'] : [ц]арь, кúри[ц]а, отé[ц] — [ц']ай, дó[ц']ка, не[ц']. Такое различие возникает и на месте мягкого цоканья, и на месте твердого. Отход от мягкого цоканья осуществляется в заимствовании инодиалектного [ц] на месте ц, отход от твердого цоканья — в заимствовании инодиалектного звука на месте ч в виде [ц'].

Различия в путях отхода от цоканья объясняются тем, как расценивают цокальщики противопоставление [ц] — [ч'] литературного языка и соседних говоров: как противопоставление твердого и мягкого согласного или как противопоставление свистящего и шипящего.

Переход от твердого цоканья к различению [ц] — [ч] обусловлен тем, что инодиалектный [ч'] расценивался цокальщиками как звук шипящий. Стараясь воспроизвести этот звук, цокальщики стали произносить звук, отличающийся от своего [ц] именно этим признаком, т. е. звук [ч].

Переход от цоканья, мягкого и твердого, к различению [ц] — [ц'] обусловлен тем, что цокальщики расценивали различие инодиалектных [ц] — [ч'] по признаку твердость/мягкость. Стараясь воспроизвести звук, отсутствующий в их говоре, цокальщики произносили звук, отличающийся от своего именно этим признаком. При мягком цоканье этим звуком был [ц] на месте ц, при твердом — [ц'] на месте ч.

§ 41. Щелевые согласные на месте аффрикат. В некоторых говорах (главным образом, запада Южного наречия, Южного Урала, некоторых вятских) на месте ц произносится [с], на месте ч — [ш'] : [с]арь, кúри[с]а, отé[с]; [ш']ай, дó[ш']ка, не[ш']. Произношение это вызвано утратой у аффрикат начальной фазы — смычки (затвора) и сохранением лишь второй фазы (ср. иное обозначение [ц] как [тс], а [ч'] как [т'ш']). Диалектная черта эта отражена в дразнилках: *Куриса на улисе яйсо снесла; Бежала овса мимо крыльса да как шлётнетса*.

Произношение [ш'] на месте ч встречается в южнорусских говорах на более широкой территории, чем [с] на месте ц. Объясняется это особенностями воздействия на говоры, знающие утрату затвора аффрикатами, литературного языка и соседних говоров с различием [ч'] и [ц]. Разница между [ш'] и [ч'] не связана с количеством фонем в системе:

как [ч'], так и [ш'] воплощают особую фонему, отличную от других фонем говора. Носители диалекта с [ш'] на месте ч обычно не замечают разницы между своим [ш'] и литературным и инодиалектным [ч']. Различие же между диалектным [с] и инодиалектным и литературным [ц] не только в звуках, но и в количестве фонем. При *с о к а н ь е*, т. е. произношении [с] на месте ц, в говоре на одну фонему меньше: фонема /с/ говора соответствует двум фонемам литературного языка и соседних говоров: /с/ и /ц/. Носители диалекта легко замечают это различие. Поэтому вытеснение диалектного [ш'] литературным и инодиалектным [ч'] происходит гораздо медленнее, чем вытеснение диалектного [с] литературным и инодиалектным [ц]. Так возникают системы с утратой за-творца лишь у аффрикаты [ч'].

Таким образом, на месте *ц* и *ч* в современных говорах наблюдаются следующие основные системы звуков:

Этимологические	Две фонемы					Одна фонема		
	аффрикаты			аффриката и щелевой звук	щелевые звуки	цоканье		чоканье
						мягкое	твердое	
ц'	ц	ц	ц	ц	с	ц' (ц'')	ц	ч'
ч'	ч'	ч	ц'	ш'	ш'			

§ 42. Согласные /с/, /з/, /с'/, /з'/. Фонемы /с/, /з/ в большинстве говоров, как и в литературном языке, представлены зубными звуками [с], [з], артикуляция которых характеризуется щелью, образованной передней частью спинки языка и верхними зубами, при этом кончик языка не напряжен и опущен к нижним зубам. В некоторых говорах в соответствии с /с/, /з/ произносятся передненёбные (альвеолярные) звуки [с̣], [з̣], при образовании которых кончик языка приподнят к верхним зубам, а основную щель (артикуляционный фокус) образуют передняя часть спинки языка и передняя часть нёба (альвеолы). Такие согласные производят акустическое впечатление «тусклых» звуков.

Фонемы /с'/, /з'/ в большинстве говоров, как и в литературном языке, представлены палатализованными [с'], [з']. Во многих среднерусских и севернорусских говорах и в некоторых южнорусских наблюдается шепелявенье, то есть произношение на месте /с'/, /з'/ палатальных звуков [с''], [з''] или звуков [ш''], [ж''], [ш'], [ж']. Различия в образовании этих звуков заключаются в следующем.

При произношении [с'], [з'] щель образуется между передней частью спинки языка и верхними зубами. При этом кончик языка опущен к нижним зубам, а передняя часть языка за артикуляционным фокусом приподнята к передней части нёба. При произношении [с''], [з''] щель образуется между средней частью языка и

средней частью нёба, а передняя часть языка пассивна и опущена к нижним зубам.

Шипящие звуки [ш''], [ж''] палатальные, а [ш'], [ж'] палатализованные. Их отличие от свистящих [с''], [з''] и [с'], [з'] в форме щели: шипящие звуки плоскощелевые, а свистящие — круглощелевые, при их артикуляции посредине языка образуется продольный желобок.

Наиболее древней реализацией фонем /с'/, /з'/ были [с''], [з'']. В ряде говоров эти звуки воплощают фонемы /с'/, /з'/ и в настоящее время. После отвердения шипящих звуков, воплощавших /ш/, /ж/, в реализации /с'/, /з'/ появились и [ш''], [ж''], а позднее и [ш'], [ж']. При этом фонемы /с'/, /з'/ и /ш/, /ж/ обычно не смешиваются.

Таким образом, в одних говорах произносят [с']*у́ла*, [с']*éно*, *ве*[с'], [з']*имá*, [з']*ерно́*, в других — [с'']*у́ла*, [с'']*éно*, *ве*[с''], [з'']*имá*, [з'']*ерно́*, в третьих — [с'']*у́ла* и [ш'']*у́ла* ([ш']*у́ла*), [с'']*éно* и [ш'']*éно* ([ш']*éно*), [з'']*имá* и [ж'']*имá* ([ж']*имá*).

§ 43. Согласные /ш/, /ж/. На месте /ш/, /ж/ могут выступать разные звуки.

1. В древнерусском языке в соответствии с /ш/, /ж/ произносились мягкие согласные, которые впоследствии отвердели. Однако в некоторых редких говорах до сих пор сохраняются мягкие [ш'], [ж']. Компактные группы таких говоров отмечены в Ивановской и Кировской областях.

В некоторых говорах мягкие [ш'], [ж'] в соответствии с /ш/, /ж/ позиционно не обусловлены и употребляются перед разными гласными, перед согласными и на конце слова: [ш']*итьё*, [ж']*у́ли*, [ш']*естóй*, [ж']*енá*, [ш']*ол*, [ж']*о́ны*, [ш']*ага́ть*, [ж']*а́рко*, [ш']*ум*, *хо*[ж']*у́*, *ду́*[ш']*но*, *мо́*[ж']*но*, *ба́тю*[ш']*ки*, *по́*[ж']*ня*, [ш']*ю*, *ру*[ж']*jó*, *бо́ль*[ш']*е*, *день*[ж']*о́нки*, *мы*[ш'], *ро*[ш'] (*рожь*). Однако гораздо чаще мягкие [ш'], [ж'] встречаются только в части этих позиций. Раньше всего утрачивается мягкость у [ш'], [ж'] перед [а], [у] и на конце слова. Дольше всего сохраняется она перед [и] и рядом с мягкими согласными.

2. В некоторых говорах отмечаются полумягкие [ш'], [ж']. Такое слуховое впечатление производят невелияризованные и непалатализованные согласные. У таких [ш'], [ж'] нет поднятия передней части спинки языка по направлению к твердому нёбу (палатализации), что наблюдается у мягких [ш'], [ж'], и нет поднятия задней части спинки языка по направлению к мягкому нёбу (велияризации), что наблюдается у твёрдых [ш], [ж] в части говоров.

3. В некоторых говорах Западной диалектной зоны наблюдаются сильно лабиализованные [ш°], [ж°]. При произношении этих звуков губы вытянуты в трубочку не только перед [у], [о], что бывает у всех согласных в русском языке, но и во всех остальных позициях.

4. Встречается, главным образом в севернорусских говорах, на месте твердых [ш], [ж] произношение звуков передненёбных, но круглощелевых. Такие звуки производят впечатление средних между [ш] и [с], [ж] и [з]: *ко́[ш^с]ка, [ш^с]у́ба, кру́[ж^з]ечка, [ж^з]и́ла*. От плоскощелевых передненёбных [ш], [ж] они отличаются формой щели, от круглощелевых зубных [с], [з] — местом образования щели.

Если при этом на месте /с/, /з/ тоже произносятся передненёбные круглощелевые [ç], [ʒ], то возникают условия для неразличения свистящих и шипящих щелевых согласных. Оно может сосуществовать и с неразличением свистящей и шипящей аффрикаты (цоканьем). Эта диалектная особенность отражена в дразнилке, обыгрывающей речь пинежан: *Покупáла по цетýри дéнезки, продава́ла по два грóсыка, барыса́ кúця кúцей, а дéнег ни копúоцки*.

Говоры с неразличением свистящих и шипящих щелевых согласных, произношением на их месте одного ряда согласных — передненёбных круглощелевых [ç], [ʒ] и [ç'], [ʒ'] или [с''], [з''] (наряду с произношением [ц'] или [ц''] на месте ч) на территории Европейской части России в настоящее время уже не встречаются, хотя в начале XX в. это явление отмечалось на Дону. Есть такие говоры в Сибири и на Дальнем Востоке, где неразличение свистящих и шипящих щелевых согласных в большинстве случаев возникло в результате иноязычного влияния.

Очевидно, что в древности это явление было свойственно и некоторым севернорусским говорам. Следы его — лексикализация данного явления, произношение свистящих на месте шипящих в отдельных словах. Так, широко распространено такое произношение в слове *зелéзо* (*железо*), нередко отмечается оно в словах *рого́за* (*рогожа*), *поро́зный* (*порожний*), *зо́тко* (*жёстко*) и др. При различении /с/ — /ш/, /з/ — /ж/ отдельные примеры со свистящими на месте шипящих отмечаются во многих говорах: *пр'исо́л, псын'у́ца, ма́туска, станы́, су́ба; мо́зно, у́зын, рзано́й, за́рко, зы́то* и др.

§ 44. Долгие шипящие и их соответствия. В современном русском литературном языке есть долгие мягкие шипящие [ш':], [ж':] (точнее, сочетания [ш'ш'], [ж'ж']): [ш':] *у́ка, и[ш':]у́, я́[ш':]ик, во́[ш':]ик, весну́[ш':]атый; ви[ж':]а́ть, во́[ж':]и, дро́[ж':]и, е́[ж':]у, до́[ж':]ик*. Полного параллелизма между этими звуками нет: [ш':] встречается во многих корнях, на стыках морфем, в разных позициях; [ж':] произносится только в немногих корнях и лишь частью говорящих на литературном языке. В настоящее время [ж':] постепенно заменяется твердым [ж:]: *ви[ж:]а́ть, во́[ж:]и, дро́[ж:]и, е́[ж:]у*, а в корне *-дожд-* сочетанием [жд']: *до[жд']я́, до́[жд']ик*. Наряду с [ш':], главным образом на стыке приставки и корня, существует и произношение [ш'ч']: *[ш'ч']у́стить, ра[ш'ч']есáть, ра[ш'ч']ертíть, и[ш'ч']ислéние*. Произношение [ш'ч'] в корнях и на стыке корня и суффикса еще в XIX в. было господствующим, говорили: [ш'ч']у́-

ка, *вѣ*[ш'ч']и, *тѣ*[ш'ч']а, *вѳ*[ш'ч']ик. Затем [ш'ч'] постепенно заменялось [ш':].

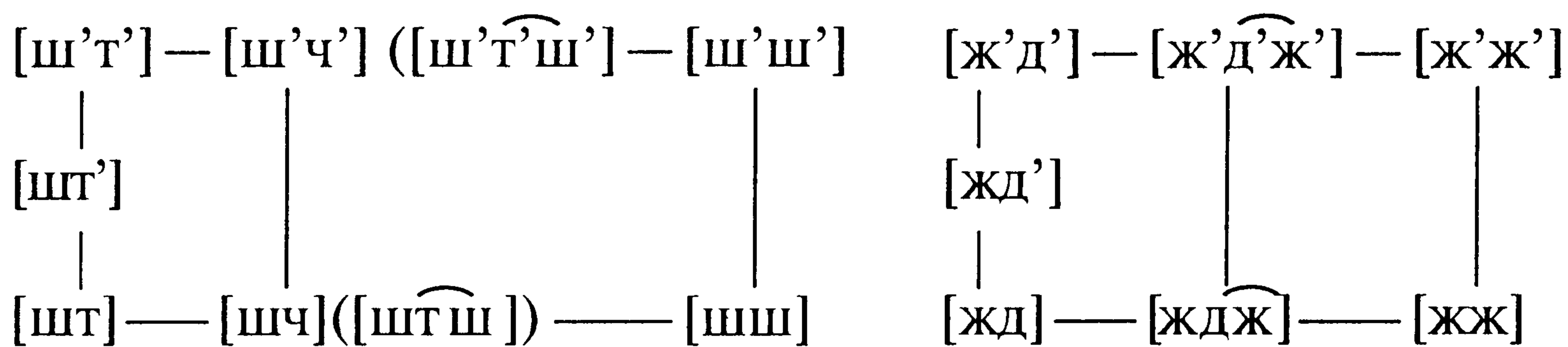
Произношение мягких [ш':], [ж':] встречается и в русских говорах, преимущественно это говоры центра, около Москвы. Но наиболее распространенным в русских говорах является произношение твердых звуков [ш:], [ж:]: [ш:]*у*ка, и[ш:]*у*, *я*[ш:]*ы*к, *вѣ*[ш:]*ы*; *вѳ*[ж:]*ы*, *дрѳ*[ж:]*ы*, *до*[ж:]*ы*. В некоторых говорах наблюдается позиционное распределение мягких и твердых долгих шипящих: произношение мягких звуков перед [и], [е] и твердых перед другими гласными: *тѣ*[ш:]*а*, *тѣ*[ш:]*у* — *тѣ*[ш':]и, *тѣ*[ш':]е; и[ш:]*у* — *и*[ш':]еш, и[ш':]*и*; *во*[ж:]*а*, *во*[ж:]*у* — *вѳ*[ж':]и, *во*[ж':]ей.

В ряде севернорусских говоров сохраняются более древние сочетания [ш'ч'] ([ш'т'ш']) и [ж'д'ж'] со смычным элементом в окружении щелевых: [ш'ч']*у*ка, и[ш'ч']*у*; *вѳ*[ж'д'ж']и, *ѳ*[ж'д'ж']у.

Во многих говорах Северного наречия и в западных южнорусских на месте этих звуков произносятся твердые сочетания [шч] ([штш]) и [ждж]: [шч]*у*ка, и[шч]*у*, *я*[шч]*ы*к, *вѣ*[шч]*ы*; *вѳ*[ждж]*ы*, *дрѳ*[ждж]*ы*, *ви*[ждж]*ать*, *дѳ*[ждж]*ы*к.

Изредка отмечается отсутствие конечного щелевого элемента и произношение [ш'т'], [шт'], [шт]; [ж'д'], [жд'], [жд]. Последние звуки этих сочетаний под влиянием предыдущего передненёбного согласного и сами могут образовываться в передненёбной области.

Соотношение этих диалектных вариантов может быть показано на схеме:

В соответствии с этими звуками в некоторых говорах на месте шипящих, чаще всего только мягких, могут произноситься свистящие согласные, обычно палатальные: [с''т''] или [с''ц''], [с''с'']; [з''д''], [з''д''з''], [з''з''].

Все эти звукосочетания занимают разное место в фонологических системах говоров. Звуки [ш':] и [ж':] часто рассматриваются как представители особых фонем. Однако больше оснований считать их сочетаниями [ш'ш'] и [ж'ж'], представляющими бифонемные сочетания. Остальные сочетания звуков также воплощают сочетания двух фонем. Решение того, какие конкретно фонемы воплощают эти звукосочетания, представляет известные трудности и связано с анализом многих фонетических закономерностей говоров.

Например, в соответствии с литературными [ш':], [ж':] в ряде вологодских и архангельских говоров произносятся сочетания [шч], [ждж].

При фонологической интерпретации этих сочетаний необходимо учитывать, в частности, следующие особенности этих говоров. Сочетания [шч], [ждж] произносятся здесь и на месте исконных *шт*, *жд*: [шч]аны́, [шч]о, [шч]аб, [шч]ык, [шч]ора; [ждж]ать, подо[ждж]ы́, одна́[ждж]ы. Причем такие [шч] и [ждж] возникают даже на стыке слов при отсутствии паузы: у[ш ч]ак (уж так), придё[ждж]ак (придешь дак). При скандировании же, делении слов на слоги в устной речи на месте [шч] и [ждж] возникает произношение [ш-т], [ж-д]: [пошчó], но [пош-то], [вóжджы], но [вож-д'и]. Следовательно, можно говорить о том, что шипящая аффриката [ч], [дж] в сочетаниях [шч], [ждж] в этих говорах проявляет себя как результат прогрессивной ассимиляции [т], [д] предшествующим передне-нёбным шипящим [ш], [ж]. Поэтому сочетания [шч], [ждж] здесь воплощают сочетания фонем /шт/, /жд/.

§ 45. Согласные /т'/, /д'/. В соответствии с /т'/, /д'/ в русских говорах могут произноситься взрывные палатализованные согласные [т'], [д'], а также такие смычные согласные, у которых смычка переходит в краткую щелевую фазу [с']- и [з']-образного характера: [т'^с], [д'^з]. Такие звуки называются аффрикатоидами, то есть звуками, похожими на аффрикаты: [т'^с]úхо, ма[т'^с]; [д'^з]я́[д'^з]я, [д'^з]ве. Такое произношение характерно главным образом для среднерусских говоров, а также для литературного языка.

В этих говорах в некоторых позициях в слове или во фразе щелевая фаза может слегка продлеваться, в результате чего и возникают аффрикаты [ц'] (в другом обозначении — [т'^с']) и [д'^з']: [ц']úхо, ма[ц']; [д'^з]я́[д'^з]я, [д'^з]ве. Произношение таких аффрикат на месте /т'/, /д'/ во всех позициях характерно для части говоров Западной диалектной зоны, а также для белорусского языка. Называется оно *цеканьем* и *дзеканьем*.

В редких среднерусских говорах щелевой элемент у этих звуков может иметь не свистящий, а шипящий характер: [т'^ш]úхо, ма[т'^ш]; [д'^ж]я́[д'^ж]я, [д'^ж]ве.

На месте /т'/, /д'/ могут произноситься и палатальные [т''], [д'']. Эти звуки встречаются и в севернорусских, и в южнорусских говорах.

§ 46. Реализации фонемы /j/. Фонема /j/ в русском языке в позиции перед ударным гласным часто реализуется звуком [j]. Характерный шум согласного возникает в результате трения воздушной струи о края щели — суженного прохода, образуемого средней частью спинки языка и средней частью нёба. При ослаблении напряжения органов ротовой полости спинка языка несколько опускается и исчезает преграда, необходимая для образования согласного. Но поскольку голосовые связки дрожат и образуется голос, то возникает гласный звук. При небольшом ослаблении спинки языка произносится гласный верхнего подъема неслоговой [и̥], при более значительном — гласный среднего подъема неслоговой [е̥]. Так и происходит обычно в литературном языке, когда /j/ нахо-

дится не перед ударным гласным: *мо[j]á*, *мо[и̣]*, *по[и̣]ма́[и̣]*, *ма́[и̣]ка* или *па[е̣]ма́[е̣]*, *ма́[е̣]ка*. После гласного перед [и] на месте /j/ здесь нет никакого звука: [ма́й] (*мои*).

В южнорусских говорах [j] более напряженный, чем в севернорусских и среднерусских. В литературном языке [j] сонорный согласный, а во многих южнорусских — шумный. Поэтому он может в этих говорах произноситься и после гласных перед [и]: [ма́йí], [тва́йí].

В севернорусских говорах [j], как и другие звонкие согласные, обычно менее напряженный звук, чем в литературном языке. Поэтому чаще на его месте выступает гласный [и̣] или [е̣], который может здесь произноситься и перед ударным гласным: *мо[и̣]á*, *[и̣]áма*, *на [е̣]áсном*, *к [и̣]úре*.

Этим же характером звука [j] объясняются случаи его выпадения между гласными в севернорусских говорах. Чаще всего такие случаи фиксируются в формах глагола и прилагательного, когда /j/ находится в заударном слоге. На месте литературного *зна́[и̣]ет* здесь произносят *зна́эт*, или как результат ассимиляции и стяжения гласных — *зна́ат*, *знат*. У прилагательных изредка встречаются формы *до́броэ*, *до́броо*, *молода́а*, *молоду́у*. Чаще же произносятся формы типа *до́бра*, *молода́*, *молоду́*. В некоторых севернорусских говорах выпадение [и̣] в этой позиции носит фонетический характер. Здесь могут сказать и *молодо́-от* (*молодой-от*) и даже *ча-от* (*чай-от*). В других севернорусских говорах это явление носит морфологизованный характер, то есть отмечается только в определенных грамматических формах.

В ряде говоров отмечается совпадение с /j/ других согласных фонем. Так, в южнорусских говорах [j], [и̣] могут произноситься на месте /γ'/: *сапо[j]и́*, *Серь[j]е́й*, *на доро́[и̣]е*. Объясняется это тем, что мягкий парный к [γ] звук образуется в той же палатальной зоне, что и [j], и может не отличаться от него по другим признакам.

В некоторых говорах с /j/ совпадает /w'/: *гото́[и̣]* (*готовь*), *поста́[и̣]* (*поставь*). Такого же происхождения наречия *домой*, *долой*, возникшие из древнерусских форм дат. п. *домови*, *долови* в результате редукции и исчезновения конечного [и].

С /j/ может совпадать /д'/ в интервокальной позиции: *хо́[и̣]ит*, *дя́[и̣]ина* (или с нулем звука — *хо́ит*, *дя́ина* или *де́ина* 'жена дяди'), *мой-то [j]е́дко* (*дедко*). Объясняется это тем, что ослабляется напряжение губ при произношении [w'] или языка при произношении [д']. На месте основной преграды, необходимой для артикуляции этих звуков, образуется широкий проход для воздушной струи. При этом сохраняется поднятость средней части спинки языка. При такой артикуляции и возникает [j] или [и̣].

В говорах отмечается и противоположное явление — произношение других звуков на месте [j]. И в северных, и в южных говорах встречаются примеры произношения [л'] на месте /j/: *скаме́[л']ка*,

шу[л']гá 'левша' (от *шуя, шуйга*), [л']éжели, горностá[л'], кос[л']é-вище, расто[л']яние. В онежских говорах отмечен взрывной [г'] на месте /j/: [г']я́ма (яма), [г']я́блоко, Ма́рь[г']я, семь[г']я́, [г']ёлка.

§ 47. Согласные /r/, /r'/. Звук [r] дрожащий. При его образовании кончик языка вибрирует, ударяясь об альвеолы. В русском литературном языке [r] обычно одноударный. Но в некоторых говорах [r] образуется двумя, тремя или четырьмя ударами об альвеолы, производя впечатление особой раскатистости: [рр]ука́, хо[рр]ошо́, г[рр]а́бли.

Различаются говоры также по сфере распространения твердого [r] и мягкого [r'].

В сочетании *er* между согласными (на месте *СыС) перед губными и заднеязычными раньше в русском языке произносился мягкий [r']: се[r']н, не[r']вый, зе[r']кало, це[r']ковь, четве[r']г, ве[r']х и др. В литературном языке и в части говоров в этих словах произошло отверждение [r] (в литературном языке в слове *церковь* кроме обычного [r] встречается и произношение [r']). В другой части говоров [r'] сохраняется во всех или только в некоторых словах с данной позицией.

Наблюдается колебание по говорам произношения [ры] или [r'и] в некоторых словах типа к[ры]ча́ть, ск[ры]не́ть, к[ры́]нка, г[ры]б, [ры́]га и др. Колебания эти связаны с фонемным составом отдельных слов и не отражаются на фонетической системе говора.

§ 48. Глухие и звонкие согласные. В большинстве говоров, как и в литературном языке, существует корреляция согласных по глухости/звонкости. Парные по этому признаку фонемы различаются перед гласными и сонорными согласными и совпадают, нейтрализуются на конце слова и перед шумными согласными: ла́[п]а — гу[б]а́, ла́[п]ник — гу[б]но́й, ла[п], гу[п], ла́[п]ки, гу́[п]ки; ко[с]а — ре́[з]ать, ко[з']ба́, ре[з']ба́.

В некоторых русских говорах различение звонких и глухих согласных осуществляется во всех позициях. В этих говорах нет оглушения звонких на конце слова. Здесь произносится: хле[б], сне[г], ло́ша[д'], наро́[д], вни[з], но[ж] и наряду с этим це[п], ве[к], бра[т], но[с], ва[ш]. Такое же различие, но более редкое, наблюдается и перед шумными согласными: ба́[б]ка, де́[г]тя, загоро́[д]ка, дорó[ж]-ка, развя́[з]ка и ла́[п]ка, пла́[к]са, ме́[т]ко, Ма́[ш]ка, ла́[с]ка; [с']де-лал и бе[з']дэ́льник. Такие говоры встречаются главным образом во владимирском и нижегородском Поочье и нижегородском Поветлужье. Кроме того, отсутствие оглушения звонких согласных на конце слова и перед глухими согласными отмечается в говорах южной и юго-западной части Южного наречия, где оно представляет собой результат влияния украинских говоров, знающих это явление.

Русские говоры различаются по количеству и характеру фонем, парных по глухости/звонкости. Так, в одних говорах парными явля-

ются /ф/ — /в/ и /ф'/ — /в'/, а в говорах, где отсутствуют /ф/, /ф'/, фонемы /w/, /w'/ (или /в/, /в'/), внепарные по глухости/звонкости. В южнорусских говорах внепарной по этому признаку является /к/: у нее нет соответствующей звонкой пары, а пару составляют /х/ — /ҕ/. В тех севернорусских и среднерусских говорах, в которых отсутствует фонема /ҕ/, внепарной по глухости/звонкости является /х/, а пару составляют /к/ — /г/. В части же говоров пары по глухости/звонкости образуют и /к/ — /г/, и /х/ — /ҕ/.

§ 49. Напряженные и ненапряженные согласные. Глухие и звонкие согласные отличаются друг от друга отсутствием или наличием голоса, а также напряженностью/ненапряженностью. Глухие — напряженные согласные, а звонкие — ненапряженные. Это значит, что при произнесении глухих согласных артикулирующие органы — язык, губы, стенки ротовой полости и глотки напряжены больше, чем при произнесении звонких. В русском литературном языке, как и в большинстве русских говоров, глухость и звонкость — основные признаки согласных, а напряженность и ненапряженность — сопутствующие. Во многих же севернорусских говорах основным признаком является напряженность/ненапряженность согласных, а их глухость или звонкость — признаком сопутствующим. Напряженные согласные в отличие от ненапряженных характеризуются большей длительностью и большей энергией составляющего их шума.

1. Глухие щелевые согласные перед гласным в некоторых севернорусских говорах могут быть более чем вдвое длительнее звонких: за[с:]ыпать, бр[с']ил, за[ш:]умел, жени[х:]а. У глухих смычных согласных в этой позиции увеличение длительности может проявиться в удлинении фазы смычки или послевзрывной фазы. В первом случае появляется как бы двойной согласный с первым имплозивным, у которого нет фазы взрыва: по[т̣т̣]олок, ка[к̣к̣]ой, вы[к̣'к̣']идали, о[п̣'п̣']ять, уполном[т̣'ч̣']енный.

При удлинении послевзрывной фазы у звуков [п], [т], [к] и [п'], [т'], [к'] возникает придыхательность. Эта особенность согласного заключается в том, что после взрыва, то есть резкого отхода сомкнутых органов речи друг от друга, не сразу начинает произноситься следующий гласный, а продолжается некоторое время сильный выдох: у[п^h]ала, [т^h]оже, [к^h]ак, [п'^h]ила, [т'^h]янут, мужи[к'^h]и (в транскрипции придыхательность согласного обозначается знаком [h]).

2. В сочетаниях согласных в таких говорах первый согласный сильный по напряженности, а второй слабый. Поэтому первый намного длительнее второго: ме[с:]то, бли[с:]ко, бабу[ш:]ка, у[ш:]ла, Во[ф:]ка, на[к̣к̣]лали. На месте взрывного в этом случае может возникнуть аффриката: ни[к̣х̣]то.

3. На конце слова в этих говорах согласные также могут быть долгими: ви́ди[ш:], мо[х:], ле[с:], бою́[с:]. Долгота взрывных может

реализоваться в удлинении фазы смычки: *несо́[к̆к̆]*, *иде́[т̆т̆]* или послевзрывной фазы: *не[тʰ]*, *да[кʰ]*. Отмечаются на конце слова перед паузой и имплозивные согласные — звуки, у которых есть только фаза смычки и нет второй фазы — взрыва: *иде́[т̆]*, *везу́[т̆]*, *носí[т̆ʰ]*, *та[к̆]*, *лу[к̆]*, *гор[п̆]* (*горб*), *ло[п̆]* (*лоб*) и т. п. Объясняется наличие имплозивных в этой позиции тем, что сила смычки у этих согласных сохраняется, но общий спад интенсивности в конце слова перед паузой ослабляет и самый конец согласного — взрыв. Сила смычки превышает силу взрыва, и взрыва не происходит.

Ненапряженный согласный, стоящий после другого согласного, ослаблялся еще больше на конце слова. С этим, по-видимому, связана утрата [т]/[тʰ] в конечных сочетаниях [ст], [сʰтʰ], известная всему Северному наречию: *хво[с]*, *мо[с]*, *кре[с]*, *баяни́[с]*; *го[сʰ]*, *шер[сʰ]*, *ко[сʰ]*, *о́бла[сʰ]*. (Другая причина вызывала утрату [тʰ] только в сочетании [сʰтʰ] в некоторых говорах Западной диалектной зоны; см. § 53.)

4. Звонкие согласные севернорусских говоров менее напряженные, чем в южнорусских говорах или в литературном языке. Это их свойство проявляется в меньшей длительности и в общей вялости их артикуляции. Следствием этого является произношение щелевых согласных на месте звонких взрывных, отмечаемое во многих севернорусских говорах. Так, в интервокальной позиции на месте [г] может произноситься [γ]: *стрó[γ]о*, *но[γ]а́*, *то[γ]о́*, *молодо́[γ]о* — при [г] в других позициях. На месте [б], [бʰ] часто отмечаются губно-губные плоскощелевые [β], [βʰ]: *на ра[β]о́ту*, *два [β]ра́та*, *[βʰ]едрó* (*бедро*). На месте [дʰ] отмечается [j] и его замены: *при[j]éлал* (*приделал*), *гла́[и]или* (*гладили*), *схо[j]и́* (*сходи*).

Ослабление согласных [л], [лʰ], [д], [дʰ] может приводить к произношению на их месте звуков с более короткой смычкой, акустически близких к [р], [рʰ]. Такое произношение отмечается в разных русских говорах: на месте [л], [лʰ] — *в [р]о́дках*, *на [р]о́шадь*, *б[рʰ]и́ны*, *[рʰ]ечи́ть*; на месте [д], [дʰ]: *я[р]ови́тая*, *э[р]ак*, *Су́[р]жа*, *о[рʰ]ина́ковые*, *сва́[рʰ]ба*, *уса́[рʰ]ба*, *кла́[рʰ]бище*. Изредка отмечаются [р], [рʰ] и на месте [т], [тʰ]: *полоса́[р]ые*, *э[рʰ]и*.

В севернорусских говорах отмечают и полувзвонкие согласные на месте глухих и звонких согласных, и мену звонких и глухих согласных: *ста́рень[г]а* (*старенькая*), *по[т]у́мать* (*подумать*), *[к]оворя́т* (*говорят*), что также свидетельствует о противопоставлении согласных не по глухости/звонкости, а по напряженности/ненапряженности.

Такое же противопоставление согласных знают и соседние с севернорусскими говорами языки финской группы. Поэтому возможно, что явление это в севернорусских говорах возникло под влиянием финских языков. Но скорее всего, финские языки лишь помогли сохранить древнюю праславянскую или даже праиндоевропейскую черту.

§ 50. Твердые и мягкие согласные. В русском литературном языке и большинстве русских говоров существует корреляция согласных по твердости/мягкости. Основной позицией, где различаются парные по твердости/мягкости фонемы, является конец слова: *бра*[т] — *бра*[т'], *бы*[л] — *бы*[л'], *уда́*[р] — *уда́*[р'], *ле*[с] — *ле*[с'] (*лезь*). Для части согласных важна также позиция перед некоторыми согласными: *го́*[рк]а — *го́*[р'к]о, *ба́*[нк]а — *ба́*[н'к]а, *и*[зб]а́ — *ре*[з'б]а́, *мо*[лч']и́ — *ма́*[л'ч']ик.

Позиция же согласного перед гласным сама по себе без учета позиций конца слова и перед согласным не может быть показательной в решении вопроса о противопоставлении фонем. В этой позиции различны не только согласные, но и гласные: [бы]л — [б'и]л, [са́]ду — [с'·а́]ду. Решить, что в сочетаниях типа [та] и [т'·а] является самостоятельным, не обусловленным признаком, то есть признаком дифференциальным, а что признаком несамостоятельным, обусловленным, то есть признаком интегральным, — твердость/мягкость согласного или ряд гласного, не выходя за пределы этих сочетаний, невозможно.

В некоторых южнорусских и среднерусских говорах, сохраняющих различие /ѣ/ и /е/, перед гласными звуками, воплощающими эти фонемы, выступают разные по твердости/мягкости парные согласные: мягкие перед /ѣ/ и твердые или полумягкие перед /е/: [л'иѣ]с, [в'иѣ]ра; [м'е]х, [п'е́]на — а[тэ]ц, [дэ]ньги, [зэ]мл'ю; [д'е]нь, ко[п'е́]йк'и, лю[д'е́]й.

В периферийных говорах, охватывающих всю Западную диалектную зону и большую часть Северного наречия, губные согласные на конце слова могут быть только твердыми: *го́*лу[п] (*голубь*), *сы*[п] (*сыпь*), *се*[м] (*семь*), *любо́*[w] или *любо́*[ф] (*любовь*).

Нет противопоставления по твердости/мягкости губных согласных и перед согласными. Эти позиции для губных согласных здесь слабые по твердости/мягкости. Поэтому можно говорить о твердости или мягкости губных фонем в этих говорах только на том основании, что их различие перед гласными ([ма]л — [м'·а]л, [во]л — [в'·о]л и т. п.) параллельно различию в этой позиции парных по твердости/мягкости переднеязычных фонем, противопоставленных по этому признаку и на конце слова: [ро]в — [р'·о]в, *уда́*[р] — *уда́*[р'] и т. п.

В некоторых вологодских говорах на конце слова произносятся только твердые согласные (кроме [ц'] при мягком цоканье): *се*[м] (*семь*), *кро*[w] (*кровь*), *ого́*[н] (*огонь*), *пузы́*[р], *кара́*[с], *крово́*[т]. Твердый [т] выступает и в инфинитивах: *иска́*т, *коло́*т, *шыт*. Перед согласными здесь тоже обычно произносятся твердые согласные в соответствии с мягкими согласными литературного языка: *во*[см]о́й, *фно*[тм]а́х, *ф* *То́*[тм]у, *ра́*[нш]е, *же́*[ншчы]на. В этих позициях нет противопоставления согласных по твердости/мягкости.

Перед всеми гласными, кроме /Ѣ/, здесь на месте парных мягких согласных литературного языка часто произносятся твердые согласные. При этом гласные [е] и [и] сдвинуты в передне-средний ряд (как в украинском языке), а на месте гласных /'о/, /'а/, /'у/ литературного языка часто произносятся дифтонги [ео], [еа], [иу]: о[тѣ]ц', [дѣ]ржишь, ко[пѣ]йка, г[рѣ]бень, [лѣ]кце, о[сѣ]ны, [тѣ]хо, [лѡвѣ]м], о[дѣо]жа, [озѣабла], кос[тѣу]м. Но перед звуками [иѣ], [е], [е], выступающими на месте /Ѣ/, согласные мягкие: [с'иѣ]но, [р'иѣ]на, [д'ѣ]тко, [л'ѣ]с, с[н'ѣ]к, [б'ѣлаа] (белая). Таким образом, и перед гласными согласные не противопоставлены по твердости/мягкости: перед одними гласными согласные твердые, перед другими — мягкие.

В этих говорах не возникла корреляция согласных по твердости/мягкости, а гласные фонемы противопоставлены по ряду: /и/ — /ы/, /о/ — /о/, /ѡ/ — /ѡ/, /а/ — /а/, /у/ — /у/.

§ 51. Характер мягких и твердых согласных. Русские говоры различаются по качеству твердых и мягких согласных.

В русском литературном языке и большинстве русских говоров мягкие согласные палатализованы, а твердые веляризованы. Это значит, что на основную артикуляцию согласных, образующую преграду воздушной струе, накладывается дополнительная артикуляция — поднятие передней части спинки языка к твердому нёбу, то есть палатализация, или поднятие задней части спинки языка к мягкому нёбу, то есть веляризация. (Только [j] не палатализованный, а палатальный согласный: при его произношении поднятие средней части спинки языка к твердому нёбу — основная артикуляция; заднеязычные согласные не веляризованные, а велярные: при их произношении поднятие задней части спинки языка к мягкому нёбу — основная артикуляция.)

В некоторых говорах мягкие язычные согласные палатальные. Это значит, что основная преграда воздушной струе образуется средней частью спинки языка и средней частью нёба, а кончик языка пассивно опущен к нижним зубам. Так могут быть образованы согласные [т"], [д"], [с"], [з"], [н"], [л"], [ц"], [ч"], [ш"], [ж"].

В некоторых говорах согласные, выступающие в соответствии с твердыми или мягкими литературного языка, могут быть не палатализованы и не веляризованы. Такие согласные производят впечатление полумягких [б'], [п'], [в'], [ф'], [м'], [н'], [т'], [д'], [с'], [з'] и др.

Существуют и другие различия по говорам в артикуляции согласных. Так, во многих говорах, как и в русском литературном языке, согласные [т], [д], [н] зубные. При их образовании передняя часть спинки языка упирается в верхние зубы, а кончик языка опущен к нижним зубам. В некоторых говорах, главным образом в части севернорусских и уральских, эти звуки передненёбные — [т],

[д], [н]. При их образовании кончик языка, загнутый вертикально вверх, упирается в альвеолы. (Так же произносятся эти звуки, например, в английском языке.)

В соответствии с заднеязычной щелевой звонкой фонемой может произноситься [ʁ], или [h], или [ʁ^w]; в соответствии с /ʁ'/ — [ʁ'] или [j]; в соответствии с /в/ — [в] или [w]; в соответствии с /л/ — [л] или [l]; в соответствии с /ч/ (при наличии в системе и фонемы /ц/) — [ч'], или [ч], или [ц'], или [ш']; в соответствии с /с/, /з/ — [с], [з] или [ç], [з]; в соответствии с /ш/, /ж/ — [ш], [ж], или [ш'], [ж'], или [ш°], [ж°]; в соответствии с /т'/, /д'/ — [т'], [д'], или [т'^ч], [д'^з], или [ц'], [д'^з], или [т'^ш], [д'^ж]; в соответствии с /j/ в одной и той же позиции — [j] или [j̥]; в соответствии с /р/ — [р] или [p̄] и др. (подробнее см. § 35, 36, 38—43, 45—47).

§ 52. Результаты ассимиляции согласных по мягкости. В русских говорах наблюдаются результаты различных фонетических процессов, связанных с ассимиляцией, уподоблением одних согласных другим, соседним. Одно из широко распространенных явлений — ассимиляция согласных по мягкости.

I. В русском языке широко известна регрессивная ассимиляция согласных по мягкости: перед мягкими согласными другие согласные смягчались: СС' > С'С'. Так, в русском литературном языке и многих говорах почти все зубные согласные перед мягкими зубными обычно мягки. Мы произносим мо[ст] с твердыми зубными согласными. Но стоит нам смягчить [т], как и [с] заменится мягким: мо[с'т']ик. Так же и у[зд]а́ — у[з'д']эчка, [сн]ы — во [с'н']э.

Но в русском языке возник процесс отвердения первого согласного в сочетаниях типа С'С', который захватывает все новые и новые сочетания согласных, распространяясь от одной позиции к другой. Говоры различаются по степени продвинутости этого процесса.

1. Наиболее устойчивы сочетания мягких согласных в южнорусских говорах. Здесь мягко произносится первый согласный и в таких сочетаниях, где в литературном языке он уже обычно твердый. Так, в южнорусских говорах шире, чем в литературном языке, распространено произношение мягких губных и переднеязычных перед мягкими губными: [в'-б']úсере, ла[м'п']е, о[б'м']э́н; [д'в']ерь, и[з'в']э́стие, ра[з'б']úть, на[с'м']э́шка. Здесь часто сохраняется и произношение мягких губных перед мягкими заднеязычными: ля[м'к']и, ла[п'к']и, де[ф'к']и, о[п'х']итрúть, что почти не встречается в современном литературном языке.

2. В севернорусских говорах процесс отвердения первого согласного в сочетаниях типа С'С' пошел дальше, чем в литературном языке. Здесь не только обычно произношение твердых губных перед мягкими заднеязычными и твердых губных и переднеязычных перед мягкими губными: ля[мк']и, ла[пк']и и т. п., о[бм']э́н, [дв']ерь,

на[см']*éшка* и т. п., но гораздо чаще, чем в литературном языке, встречается произношение твердых зубных перед мягкими зубными: *гó[ст']и, гвó[зд']и, рá[зн']ица, на [сн']егу, охó[тн']ичать.*

II. Известно русским говорам и прогрессивное ассимилятивное смягчение согласных.

1. Многим говорам свойственно смягчение заднеязычных согласных после мягких согласных. В южнорусских говорах такому смягчению подвергся только [к]: *Вá[н'к']я, уго[л'к']ём, рé[т'к']ю, Мару́[с'к']я* и т. п. В среднерусских и севернорусских говорах кроме [к] могут смягчаться и другие заднеязычные: *де[н'г']ям, коче[р'г']я, о[л'х']я, свé[р'х']ю* и т. п.

Есть различия между говорами и по тому, после каких согласных встречается смягчение. Так, во всех говорах, знающих это явление, заднеязычные согласные смягчались после всех мягких согласных, парных по твердости/мягкости. После же звуков, выступающих на месте *ч* и/или *ј*, в одних таких говорах заднеязычные мягки, а в других сохранили твердость: *не́[ч'к']я, не́[ц'к']я* и т. п. или *не́[ч'к]а, не́[ш'к]а, не́[чк]а, не́[цк]а; копé[йк']я, ча[йк']ю* или *копé[йк]а, ча[йк]у́* и т. п.

Эта разница между говорами объясняется тем, что во время распространения прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных в одних говорах согласные [ч'] (при цоканье [ц']) и [ј] были мягкими и эта мягкость у них была фонологически существенна. В этих говорах заднеязычные стали мягкими и после этих согласных. В других говорах [ч'] ([ц']) и [ј] воплощали фонемы, непарные по твердости/мягкости, и, следовательно, мягкость этих звуков была фонологически несущественной. В таких говорах после этих согласных заднеязычные не смягчались. В говорах третьего типа произносились твердые [ч] или [ц], после которых смягчения не могло быть. В части этих говоров твердые [ч], [ц] позднее заменялись мягкими [ч'], [ш'], [ц'], но в эту эпоху прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных уже перестало быть живым фонетическим процессом, в связи с чем твердые заднеязычные не заменились мягкими.

2. Многим севернорусским говорам свойственно прогрессивное смягчение переднеязычных согласных. Так, во многих севернорусских говорах известно произношение [л'н'] на месте *л'н*: *бо́[л'н']ё, дово́[л'н']ё, но́ [л'н']ю, карто́фе[л'н']я, мы́[л'н']я вода́, отде́[л'н']ё, удивíте[л'н']ё.* В архангельских говорах встречается произношение мягкого [н'] после [с''] в исконном сочетании *чън*: *нарó[с''н']ё (нарочно), в но[с''н']ю (в ночную), колóде[с''н']я, поря́до[с''н']ё, кирни́[с''н']ёй.* В этих же говорах встречается прогрессивное смягчение и других согласных: *но́ [л'д']ю, подо [л'д']ём, на[л'т']ё, но́[л'з']я, в се[д'м']ём, У[с'-в']яжка (Усть-Важка).* Широко распространены в исконно севернорусских говорах результаты прогрессивного смягчения первого согласного суффиксов *-ск-* и *-ств-* (др.-рус. *-ьск-*,

-ьств-): *же́[н'с']кая, дереве́[н'с']кая, ру́[с']кая* (< др.-рус. *русьская*); *нача́[л'с']во* (< *начальство*), *воро[с']во́* (< *воровство*).

§ 53. Результаты ассимиляции согласных по способу образования. Русским говорам известна и ассимиляция согласных по способу образования.

1. В говорах, знавших в прошлом цеканье и дзеканье (см. § 45), сочетание фонем /с'т'/ реализовалось звуком [с'т'с'], а сочетание /з'д'/ — [з'д'з']. В окружении двух щелевых смычка утратилась. В результате [с'т'с'] изменилось в [с'с'], а [з'д'з'] — в [з'з']: *ра[с'с']и́, го́[с'с']и, со́ве[с'с']и, про[с'с']е́нок; гво́[з'з']и, ве[з'з']е́, вгне[з'з']е́, е́[з'з']ил.* Явление это аналогично утрате смычки в сочетаниях [ш'т'ш'], [ж'д'ж']: [ш':]у́ка, я́[ш':]ик, во́[ж':]и, е́[ж':]у и т. п. (см. § 44).

Во всех этих случаях в результате диерезы (утраты) начального элемента второго согласного этот смычный согласный полностью уподобился первому щелевому: произошла прогрессивная ассимиляция.

На конце слова в цекающих говорах происходило сокращение долготы согласного, возникшего в результате этой ассимиляции. Конечный [с':] на месте /с'т'/, /з'д'/ изменялся в [с']: *со́ве[с']*, *го[с']*, *гру[с']* (*грусть* и *груздь*), *гво[с']*.

2. В современных псковских и некоторых других северо-западных говорах аффрикаты [ц] ([тс]), [ч] ([тш]) перед смычными переднеязычными [т], [т'], [д], [д'], [н], [н'] на стыке слов внутри фонетической синтагмы утрачивают щелевую фазу, заменяясь импловзивными перед взрывными согласными и фаукальными взрывными перед носовыми согласными: *оте́[т̣ т]вой, но[т̣' т']ёмная, оте́[д̣ д]а мать, помо́[д̣' д']яде, коло́де[т̣ н]аш, пья́ни[т̣ н']е любили.* В записях из псковских и тверских говоров это явление в соответствии с исконным *чьн* ранее было отмечено и внутри слова: *пшени́[т̣н]ый* (*пшеничный*), *наро́[т̣н]о* (*нарочно*), *ску́[т̣н]о* (*скучно*), *на[т̣'н']ёт* (*начнёт*), *да́[т̣'н']ик* (*дачник*).

В этих случаях в результате диерезы конечного элемента первого согласного — аффрикаты этот согласный уподобился второму смычному, стал более похож на него: произошла регрессивная ассимиляция: [т̣ст] > [т̣ т], [т̣сн] > [т̣н] и т. п.

3. В некоторых говорах происходила регрессивная ассимиляция согласных по назальности. В сочетаниях [бм], [б'м'] и [дн], [д'н'] согласные различаются только по положению нёбной занавески (мягкого нёба с язычком): при произношении [б], [б'] и [д], [д'] нёбная занавеска приподнята и закрывает носовую полость, а при произношении [м], [м'] и [н], [н'] опущена.

В некоторых говорах при артикуляции этих звуком сочетаний нёбная занавеска стала опускаться не спустя некоторое время после смычки губ или языка с зубами, а сразу же. Так, вместо [бм], [б'м'] стали произносить [мм], [м'м'], а вместо [дн], [д'н'] — [нн],

[н'н']: о[мм]áн, о[мм]окну́ть, о[м'м']еня́ть, о[м'м']éрить; о[нн]á-ко, ро[нн]о́й, ро[н'н']я́, о[н'н']у́. В одной из дразнилок это произношение обыгрывается так: *Менный ковш упал на нно, а достать-то холонно́. И обинно, и досанно, ну да ланно, всё онно.*

Произношение [мм], [м'м'] на месте [бм], [б'м'] характерно для всего Северного наречия и западной части среднерусских говоров. Произношение же [нн], [н'н'] на месте [дн], [д'н'] встречается лишь в небольшой части Северного наречия и характерно для западных среднерусских говоров.

В некоторых говорах произошла ассимиляция по назальности также в сочетании [вн] (и [вн'], [в'н']), изменившемся в результате этого процесса в [мн] (и [мн'], [м'н']). Как фонетическое это явление распространено лишь в некоторых костромских говорах. Здесь переход [вн] в [мн] в середине слова лексически не ограничен: *бре[мн]о́, ра[мн']у́на, кро́[мн]ые, коро́[мн']ик, на дро́[мн']ях, полко́[мн']ик* и т. п. В других говорах произношение [мн] на месте [вн] встречается лишь в отдельных словах, представляя собой лексикализованное явление: *мнук, дамно́, ро́мно, дере́мня* и некоторые другие.

4. Прогрессивная ассимиляция произошла в сочетаниях переднеязычных согласных с *j*, которые возникали в результате падения редуцированных гласных: *сви[н'н']я́* (из *сви[нья́]*), *гни[л'л']ё́, пла́[т'т']я́, су[д'д']я́, ко[с'с']ё́, дру[з'з']я́, но́[чч]у, мы́[шш]у, ро́[жж]у*. В результате этой ассимиляции [j] полностью уподобился предшествующему согласному. Отмечается такое произношение в западных южнорусских и среднерусских говорах, где оно завершает украинско-белорусский ареал этого явления. Встречаются примеры такого произношения и на территории Северного наречия.

5. Почти исключительно в говорах, знающих произношение [л'н'] на месте *л'н*, отмечено и произношение [л'л'] на месте этого сочетания: *учи́те[л'л']ица, бо[л'л']и́ца, колоко́[л'л']я́, исполни́те[л'л']ий, понеде́[л'л']ик, [л'л']яно́й*.

6. В севернорусских говорах встречается произношение [шч] ([штш]), [ждж] на месте *шт, жд*: [шч]о, *по[шч]о́, [шч]о́бы, [шч]о́ра, [шч]аны́, [шч]ык, [шч]а́бель, [шч]у́ка (штука), [шч]ап (штаб), [шч]о́фник; [ждж]а́ть, обо[ждж]ы́, до[ждж]а́лась, ну[ждж]а́, Наде́[ждж]а, одна́[ждж]ы*. В этом случае происходит прогрессивная ассимиляция по способу и месту образования: взрывные зубные [т], [д] заменяются передненёбными аффрикатами [ч] ([тш]), [дж] под влиянием предшествующих щелевых передненёбных [ш], [ж]: [шт] > [штш], [жд] > [ждж].

§ 54. Прогрессивная ассимиляция согласных по глухости. В тех говорах, где согласные противопоставлены по напряженности/ненапряженности, наблюдается прогрессивная ассимиляция по глухости сонорных согласных и [в], [в'] предшествующим глухим шум-

ным: [тр]авá, [пр']ямо, [кл]адú, у[шл']ú (сонорные в этих примерах глухие). Замётнее это явление в тех случаях, когда оглушению подвергаются [j], [w], [w'] или [v], [v']. Глухой [j] очень близок звуку [x']: [пj]у, со[шj]ёш произносятся как [пх'']у, со[шх'']ёш с палатальным [x'']. На месте звуков [v], [v'], а также на месте более древних [w], [w'] произносятся губно-зубные [ф], [ф'] и губно-губные [ф], [ф']: [тф]оё (твоё), [сф']ёжу (свежую), [сф]ой (свой), [шф']ёды (шведы).

§ 55. Диссимиляция согласных как результат разных фонетических процессов. Встречаются в русских говорах и результаты таких фонетических процессов, которые приводят к расподоблению, диссимиляции соседних согласных.

1. Во многих говорах более последовательно, чем в литературном языке (но так же не во всех словах), произошло изменение сочетания *чн* в [шн]. Здесь перед смычным [н] аффриката утратила смычку и превратилась в щелевой звук: [т'ш'н] > [ш'н] > [шн]. Произношение [шн], [шн'] отмечается и в таких словах, как *мучной, речной, ночной, дачник, вручную, тучный* и др.: *мушной, решной, ношной, дашник, врушную, тушный* и др.

При цоканье исконное сочетание *ч'ьн* изменилось в *ц'ьн*, а после падения редуцированных в [ц'н]. Утрата смычки у [ц'] ([т'с']) дала [с'н]. В некоторых говорах затем могла происходить регрессивная ассимиляция по твердости или прогрессивная ассимиляция по мягкости. Слова *пшени́сный, молóсный, я́сница, я́сневый* встречаются в севернорусских и среднерусских говорах. В архангельских говорах известно произношение [с'н'] (и как следствие шепелявенья — [с''н'], [ш''н'], [ш'н']; см. § 42): *пшени́[с'н']ёй, молó[с'н']ёго, пе[с'н']ё место, протó[с'н']я вода*. В этих говорах такое произношение может охватывать все слова с исконным сочетанием *чьн*.

2. В южнорусских и среднерусских говорах широко известно произношение (встречающееся нередко и в севернорусских говорах) [x] на месте [к] перед [п], [т], [к]: [x]то, лó[x]ти, [x] тебе́, [x] па́рню, [x] кому. В этих случаях взрывной согласный перед взрывным заменяется щелевым.

В основе этого изменения та же закономерность, что и у предыдущего явления. В древнерусском языке /к/ перед взрывными согласными реализовалась напряженным, придыхательным согласным, у которого повышенная длительность придыхательной фазы приводила к аффрикатизации: [кx]. Перед взрывными согласными начальная фаза аффрикаты в некоторых говорах утрачивалась: [кxт] > [хт] и т. п.

Главным образом Южному наречию свойственно произношение [γ] — звонкой пары [x], выступающего на месте [к] перед [б], [д], [г]: [γ] ба́не, [γ] до́чери, [γ] го́роду.

3. На месте предлога и приставки *в* встречается в некоторых говорах произношение заднеязычных [γ], [x] перед губными со-

гласными: [ʏ] *Москвú*, [ʏ] *мешкé*, [ʏ] *мéсте*, [ʏ] *больнícу*, [ʏ] *бок*, [ʏ] *бáне*, [ʏ] *вóду*, [ʏ] *ведрэ*, [ʏ] *вóлю*; [x] *покóс*, [x] *пýтницу*, [x] *плeнú*, [x] *прóшлом*, [x] *перёд* и т. п.

Это явление связано с произношением на месте в двухфокусных лабиовелярных [wʏ], [φʏ] (см. § 38). Перед следующим губным согласным у звуков [wʏ], [φʏ] в результате диссимиляции губной фокус ослабляется, а заднеязычный фокус усиливается и возникают звуки [ʏ], [x].

ОСНОВНЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ДИАЛЕКТАХ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

§ 56. Утрата и трансформация диалектных черт. В результате воздействия литературного языка происходит изменение фонетических систем русских диалектов. Некоторые диалектные явления на части территории исчезают. Так, сужается ареал цоканья, расширяется территория аканья, фонема /ф/ проникает в системы, не знавшие в прошлом звука [ф].

Под влиянием литературного языка может меняться система самого диалектного явления. Возникают переходные системы, например, системы, появившиеся на путях перехода от оканья к аканью.

Стремление заимствовать звук, отсутствующий в говоре, заменить им свой исконный может приводить к возникновению сложных звуков, совмещающих черты своего и заимствуемого. Так, стремление южнорусов, в речи которых обычен [ʏ], заменить его на литературный [г] может приводить к возникновению аффрикаты [гʏ]: говорящие начинают произносить [г], но в конце его все равно произносят свой обычный [ʏ]. Стремление заменить звуки [e̘], [o̘], воплощающие в говоре особые фонемы /Ѣ/, /Ѡ/, литературными [e], [o] приводит к возникновению звуков с изменяющимся тембром, что связано с повышением подъема гласного в конце его звучания: начиная произносить [e], говорящие затем переходят к своему обычному [e̘], возникает гласный [e̘e̘]: *в[e̘e̘]ра, н[e̘e̘]т*; начиная произносить [o], говорящие затем переходят к своему обычному [o̘], возникает гласный [o̘o̘]: *к[o̘o̘]т, кор[o̘o̘]ва*.

Одни фонетические диалектные черты легче поддаются воздействию литературного языка, другие более устойчивы. Зависит это от характера диалектного явления.

Легче всего замечаются носителями диалекта и, следовательно, легче изживаются те диалектные черты, которые воспринимаются как фонемные. Так, например, переход от произношения *Вáнь*[к']я к *Вáнь*[к]а представляет собой замену в слове одной из имеющих-

ся в системе говора фонем другой фонемой. При этом в самой системе фонем не происходит никаких изменений.

В соответствии с двумя фонемами говора в литературном языке может выступать одна. Например: /e/ и /ѣ/ — /e/, /o/ и /ω/ — /o/. Слова с /e/, /o/ в говоре могут произноситься так же, как в литературном языке, — со звуками [e], [o]. В словах же с /ѣ/ и /ω/ постепенно начинают произноситься на месте [иѣ] или [ѣ], [уо] или [о] те же звуки, что и в литературном языке, — [e], [o]. Так выходят из употребления в говоре фонемы /ѣ/ и /ω/.

Сложнее заимствовать фонему, отсутствующую в говоре, например, /ч'/ при цоканье, /ц/ при соканье, /ф/ при ее отсутствии. В этих случаях обычно осваивается новый для говора звук.

Наиболее устойчивы такие диалектные черты, которые не связаны со смысловым различием и потому не замечаются говорящими. Таковы, например, диссимилятивное аканье; апикальность согласных [т], [д], [н]; апикальность и невелляризованность [л]; палатальность [т''], [д''], [н''], [л''], [с''], [з'']; [ш'] на месте [ч'] и др. Различие между говором и литературным языком в этом случае не связано с количеством фонем и обычно затрагивает лишь интегральные признаки звуков. Однако и эти диалектные черты могут трансформироваться.

Так, отход от диссимилятивного аканья может приводить к тому, что на месте гласного среднего подъема [э] в первом предударном слоге начинают произноситься гласный средне-нижнего подъема [а], совпадающий со звуком литературного языка в этой позиции. Однако при этом диссимилятивный принцип аканья все равно сохраняется, так как перед некоторыми ударными гласными продолжает произноситься более открытый и более длительный звук нижнего подъема [а]. Таким образом, чередование [а] || [э] перед разными ударными гласными заменяется чередованием звуков [а] || [а], более близких по подъему, но все равно не одинаковых.

§ 57. Гиперкоррекция. Современные носители говоров обычно воспринимают литературный язык как более правильный и стремятся усвоить его закономерности. Однако в результате неточного представления об этих закономерностях они могут «исправлять» свое произношение и там, где надо, и там, где не надо с точки зрения литературного языка. Явление такой неверной замены называется гиперкоррекцией, а примеры замены — гиперизмами.

Чаще всего возникновение гиперизмов связано с различиями между диалектной и литературной фонетическими системами.

1. Одной фонеме говора могут соответствовать две фонемы литературного языка. Пытаясь усвоить это различие, носители диалекта могут заимствуемую фонему употребить и там, где не надо. Так, при переходе от цоканья к различению /ц/ и /ч'/ цокальщики новый для них звук [ч'] могут начать произносить не только в таких словах, как [ч']ай, [ч']исто, п[ч']обы, не[ч'], но иногда и в

таких, как [ч']арь, [ч']элый. При отходе от соканья, то есть неразличения /с/ и /ц/, новый для говора звук [ц] начинают произносить не только в тех словах, где он произносится в литературном языке, но и в словах типа [ц]апо́г, [ц]ара́й, ру́[ц]кий.

2. Усваивая фонему /ф/, представители некоторых южнорусских говоров переходят от произношения [хв] к [ф]: [ф]а́ртук, сара[ф]а́н, [ф]а́брика вместо [хв]а́ртук, сара[хв]а́н, [хв]а́брика. Но звуком [ф] они могут заменить и исконное [хв]: [ф]ост, [ф]а́луть, [ф]о́я вместо [хв]ост, [хв]а́луть, [хв]о́я.

3. Две фонемы могут в какой-либо позиции различаться в литературном языке, а в говоре не различаться. Так, в некоторых говорах /м/ и /в/ нейтрализуются перед /н/, /н'/: гу[мн]о́, но́[мн']у, [мн]о́го и бре[мн]о́, коро́[мн']ик, [мн]ук. Переходя под влиянием литературного языка к произношению бре[вн]о́, коро́[вн']ик, [вн]ук, носители говора это [вн], [вн'] могут подставить и в словах типа гу[вн]о́, но́[вн']ю, [вн]о́го. Переходя от нейтрализации /д/ и /н/ перед /н/ к их различению в этой позиции, носители диалекта могут начать произносить не только ла́[дн]о, ме́[дн]ый вместо прежнего своего ла́[нн]о, ме́[нн]ый, но и дере́вья[дн]ая, по-ста́р[дн]ому, А́[дн]а.

4. Гиперизмы могут возникать и в том случае, когда при отсутствии различий между системами фонем существуют различия в сферах употребления фонем в говоре и в литературном языке. Так, в некоторых говорах известен непереход [е] в [о] под ударением после мягких согласных перед твердыми: [л'е]н, о[в'е]с, бе[р'е]за, [д'е]шево, ко[т'е]нок, не[с'е]м и т. п. При этом в окончаниях существительных и в суффиксе -ок- обычно произносится [о]: д[н'о]м, ме́дведе[д'о]м, зем[л'о]й, не[н'о]к, зве[р'о]к и т. п. Таким образом, в говоре и в литературном языке в одной и той же фонетической позиции могут выступать и /е/, и /о/, но сферы употребления этих фонем в говоре и в литературном языке различны. Заменяя свою фонему /е/ на литературную /о/ в таких словах, как [л'о]н, о[в'о]с, бе[р'о]за и т. п., носители диалекта могут произвести эту замену и в словах, в которых в литературном языке выступает /е/: [л'о]нты, с кава[л'о]ром, [п'о]рвый.

Дополнительная литература

Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. — М., 1974.

Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда // Сб. ОРЯС. — 1907. — Т. 83. — № 4.

Васильева А. К. Фонемы <ф>, <ф'> и их замены в русских говорах // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики / Отв. ред. Е. В. Немченко. — М., 1975.

Высотский С. С. О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии / Отв. ред. С. В. Бромлей. — М., 1973.

Гецова О. Г. О произношении ударенного *о* разного происхождения в говоре с. Катагощи Захаровского района Рязанской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия / Отв. ред. Р. И. Аванесов, В. Г. Орлова. — М., 1959.

Голубева Н. Л. О консонантном окружении гласных, редуцируемых до нуля // Диалектография русского языка / Отв. ред. Р. И. Аванесов, А. И. Горшков. — М., 1985.

Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. В трех вып. / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. — Вып. I. — Фонетика. — М., 1986.

Захарова К. Ф. Типы диссимилятивного яканья в русских говорах (Лексико-морфонологическая характеристика) // Вопросы языкознания. — 1971. — № 2.

Калнынь Л. Э., Масленникова Л. И. Опыт изучения слога в славянских диалектах. — М., 1985.

Касаткин Л. Л. Дисреза и оглушение гласных в говорах Донской группы Южного наречия // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. — М., 2002.

Касаткин Л. Л. Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненёбных согласных в русских говорах. — М., 1968.

Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. — М., 1999.

Касаткина Р. Ф. Заметки о южнорусской интонации // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII): К 100-летию со дня рождения Р. И. Аванесова / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. — М., 2002.

Касаткина Р. Ф. Просодия русских говоров // Просодический строй русской речи / Отв. ред. Т. М. Николаева. — М., 1996.

Касаткина Р. Ф. Южнорусское наречие. Новые данные // Вопросы языкознания. — 2000. — № 6.

Орлова В. Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. — М., 1959.

Орлова В. Г., Строганова Т. Г. Народные говоры. Фонетика // Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М. В. Панова. — [Т. 1]: Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. — М., 1968.

Очерки по фонетике севернорусских говоров. — М., 1967.

Пауфошима Р. Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. — М., 1983.

Пожарицкая С. К. К типологии предударного вокализма северновеликорусских говоров // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия / Отв. ред. В. Г. Орлова. — М., 1961. — Вып. 2.

Сидоров В. Н. Из истории звуков русского языка. — М., 1966.

Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах / Отв. ред. С. С. Высотский. — М., 1978.

Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии / Отв. ред. С. С. Высотский. — М., 1977.

Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров / Отв. ред. С. С. Высотский. — М., 1969.

§ 58. Типы диалектных различий в словообразовании. Диалектному языку свойственны те же способы словообразования, что и литературному языку: суффиксальный, префиксальный, постфиксальный, префиксально-суффиксальный, префиксально-постфиксальный, суффиксально-постфиксальный, способ словообразования, заключающийся в субстантивации прилагательных и причастий. С помощью указанных способов образуются слова, имеющие одну мотивирующую (производящую) основу. При наличии более чем одной мотивирующей основы, то есть при образовании сложных слов, русским говорам присущи также способы словообразования, свойственные литературному языку: сложение, сложение в сочетании с суффиксацией и различные смешанные способы образования сложных слов. Говорам не свойствен такой способ словообразования, как аббревиация. Все слова, образованные этим способом, заимствованы в них из литературного языка.

Выделяется несколько типов диалектных различий в словообразовании.

1. Говоры различаются по составу, набору словообразовательных единиц. К словообразовательным единицам языка относятся: способы словообразования, словообразовательные типы, словообразовательные аффиксы: префиксы, суффиксы, постфиксы. В словообразовательных системах одних говоров имеется какой-то словообразовательный тип или словообразовательный аффикс — в других такой тип или аффикс отсутствует.

2. Говоры различаются по значению единиц словообразования. Словообразовательное значение того или иного суффикса (префикса) или слов, относящихся к какому-нибудь словообразовательному типу, в разных говорах бывает разным.

3. Весьма многообразны по говорам диалектные различия, связанные с сочетаемостью словообразовательных аффиксов. В одних говорах одна и та же мотивирующая основа сочетается с одним суффиксом (префиксом), в других — с другим. При префиксально-суффиксальном способе словообразования возможны различия только в суффиксах при совпадении префиксов или, на-

оборот, — различия в префиксах при совпадении суффиксов. В других случаях слово, образованное с аффиксом в одних говорах, в других аффикса вообще не имеет и образуется безаффиксным способом.

4. Диалектные различия часто связаны с продуктивностью, активностью словообразовательных единиц: словообразовательных аффиксов и словообразовательных типов. В одних говорах могут быть представлены весьма многочисленные ряды слов, образующихся с тем или иным суффиксом (префиксом), относящихся к одному и тому же словообразовательному типу, а в других говорах этот тип немногочислен — он включает ограниченное количество слов, иногда единицы. В говорах первого типа появляются новые слова, образованные по продуктивной модели.

5. В разных говорах к одному и тому же словообразовательному типу могут относиться разные слова. Таким образом, различия касаются самого состава лексических единиц, принадлежащих тому или другому типу.

Все перечисленные типы диалектных различий в словообразовании свойственны большинству частей речи. В целом русский язык характеризуется значительной общностью словообразования. Она основана на наличии в словообразовательных системах русских говоров и литературного языка в основном одних и тех же словообразовательных типов и словообразовательных аффиксов. Однако в говорах не используются многие префиксы и суффиксы, заимствованные литературным языком из европейских языков: *архи-*, *гипер-*, *вице-*, *интер-*, *квази-*, *контр-*, *суб-* и *под-*; *-атер*, *-ист*, *-изм*, *-изирова-* и др.

§ 59. Состав словообразовательных типов и словообразовательных аффиксов. 1. Только в части русских говоров — в Северном наречии — имеется словообразовательный тип существительных ср. и жен. р., образованных с суффиксом *-онк(о)/-ёнк(о)*, мотивированных существительными жен. р., неодушевленными и одушевленными: *ножѡнко* ‘нога, ножка’, *старушѡнко*, *избѡнко*, *девчѡнко*, *лошадѡнко*, *собачѡнко*.

В говорах имеется словообразовательный тип префиксальных существительных, мотивированных существительными, обозначающих предмет или место, находящееся по отношению к мотивирующему существительному в соответствии со значением префикса (бывшего предлога). Например: *возледвѡр*, *одвѡр* ‘место около скотного двора’ (предлог *о* ‘около, возле’), *задвѡр* ‘место за скотным двором’, *зѡберег*, *зѡветер* ‘место, где не дует ветер’, *задвѡрь*, *зѡполе*, *зарекѡ*, *зарѡща*, *заспѡнка*, *подзѡбор*, *подлѡвка*, *подозѡн*, *подызбѡ*, *подлѡстница*, *подпорѡг* ‘место у входной двери около порога’, *подрыѡло* ‘место на шее ниже подбородка’ (*рыѡло* ‘подбородок’), *приусѡдѡба*, *ѡпечь* ‘место около печи’. По этой же модели образуются и новые для говоров слова, например, *подкѡмната*.

В литературном языке такой тип представлен весьма малым числом существительных: *застѣнки* с переносным уже значением, сравнительно новые для русского языка *заграніца*, *пригород*, пришедшее из диалектов *пóдпол*, окказиональное *загород*. Существительные с указанным значением, мотивированные существительными и прилагательными, в литературном языке образуются, как правило, не префиксальным, а префиксально-суффиксальным способом с суффиксом *-j-*: *заплечье*, *заречье*, *подполье*, также с суффиксами *-ок/-ек*: *загривок*, *зашеек*.

Почти не представлен в литературном языке словообразовательный тип существительных, мотивированных существительными, прилагательными, глаголами, с префиксами *раз-* (*рас-*, *роз-*), *пере-*, *при-* с экспрессией усилительности, увеличительности, уничижительности: *разбахвѣл* 'хвостун', *богач-разбогѣч*, *развесѣлушка*, *разжѣдина*, *рѣззыбь* 'сильная зыбь', *разлешѣк* (бранное), *размужіца*, *размужічы* 'мужеподобная женщина', *расканѣлья*, *раскрасѣвушка*, *рассвѣдьба*, *рассоплѣстик*, *расхвѣст*, *расхохѣт*, *расхохѣтка*, *распетушы* 'курица, похожая на петуха', *перестрѣм* (о вызывающем большой стыд явлении), *пристарѣк* 'очень старый человек'. Литературные *раскрасавец* и *раскрасавица* принадлежат разговорному языку и проникли в него из говоров.

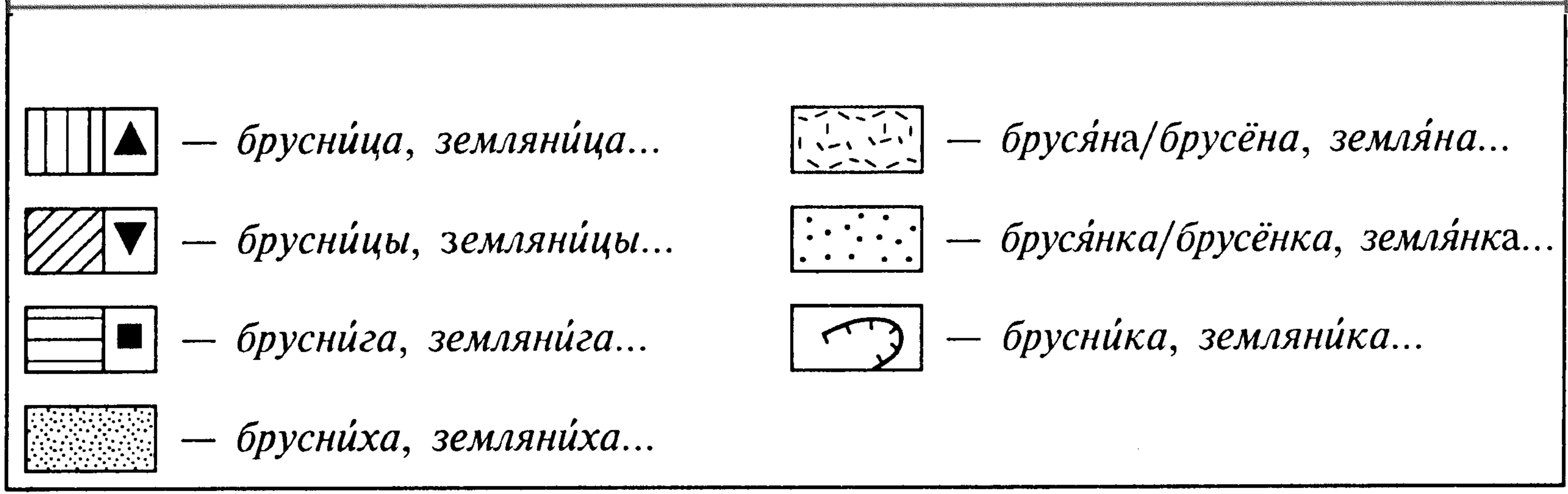
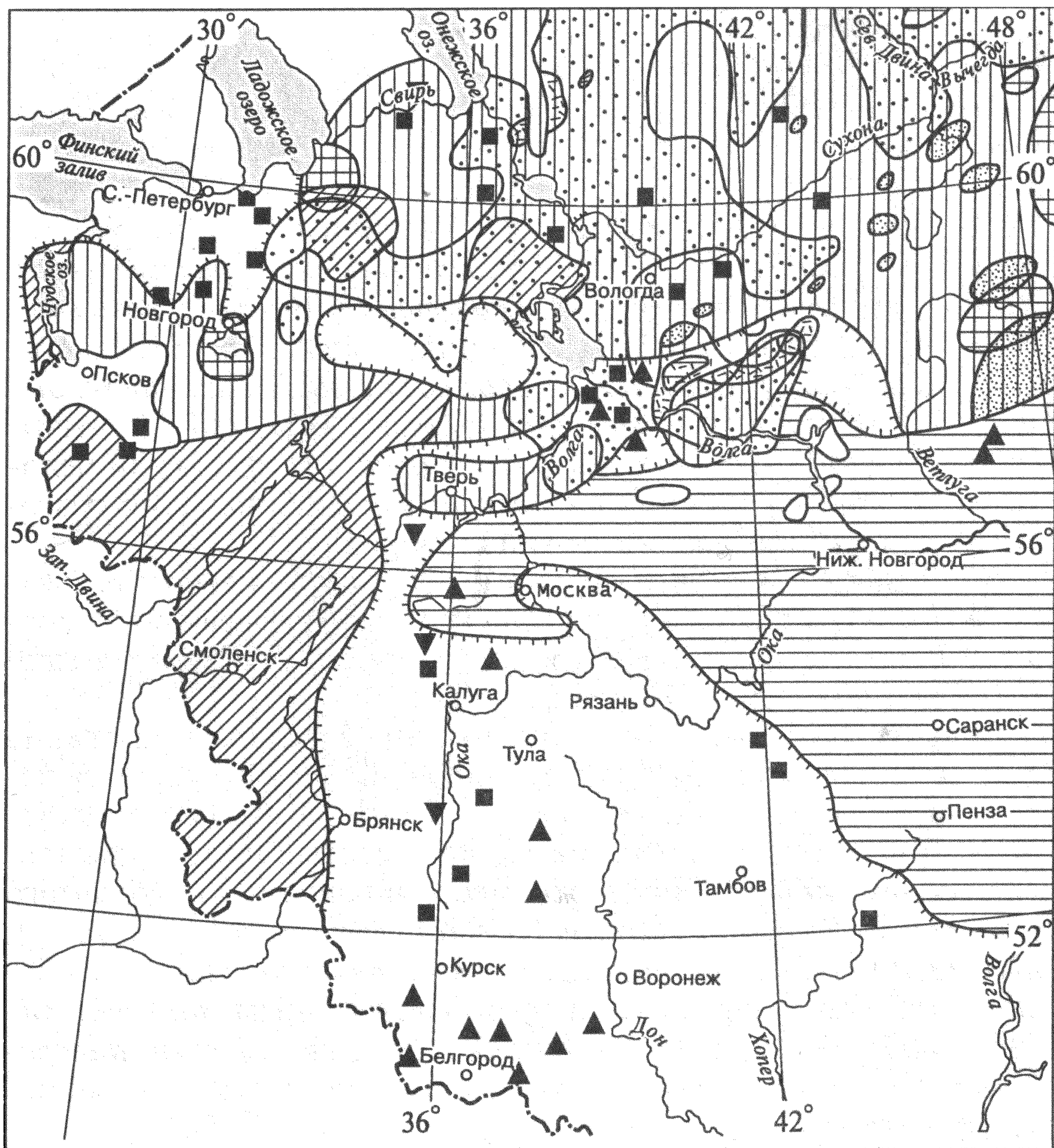
Мало представлен в литературном языке также словообразовательный тип существительных с префиксом *на-*, называющий предмет или лицо, не в полной мере являющийся тем, что названо (или кто назван) мотивирующей основой.

В литературном языке этот тип по способу словообразования представляет префиксально-суффиксальный тип. В говорах существительные с указанным префиксом занимают большее место, при этом они могут быть образованы как собственно префиксальным способом: *наберег*, *набережь* 'место в водоеме около самого берега', *набыт* 'способ', *навесть* (ср.: *Ни вѣсти ни навести нѣту*), *навнук*, *наворот*, *наволна*, *надело*, *наужин*, *наужна* 'еда после обеда, полдник', так и префиксально-суффиксальным: *набедье*, *набережка*, *набережник* 'ветер', *навечерье*, *навозок*, *навозки*, *наворотень*, *наворотье*, *наголовочка*, *нагубница*, *надчерѣнок* 'пасынок', *надчеруха*¹, *наклинок*.

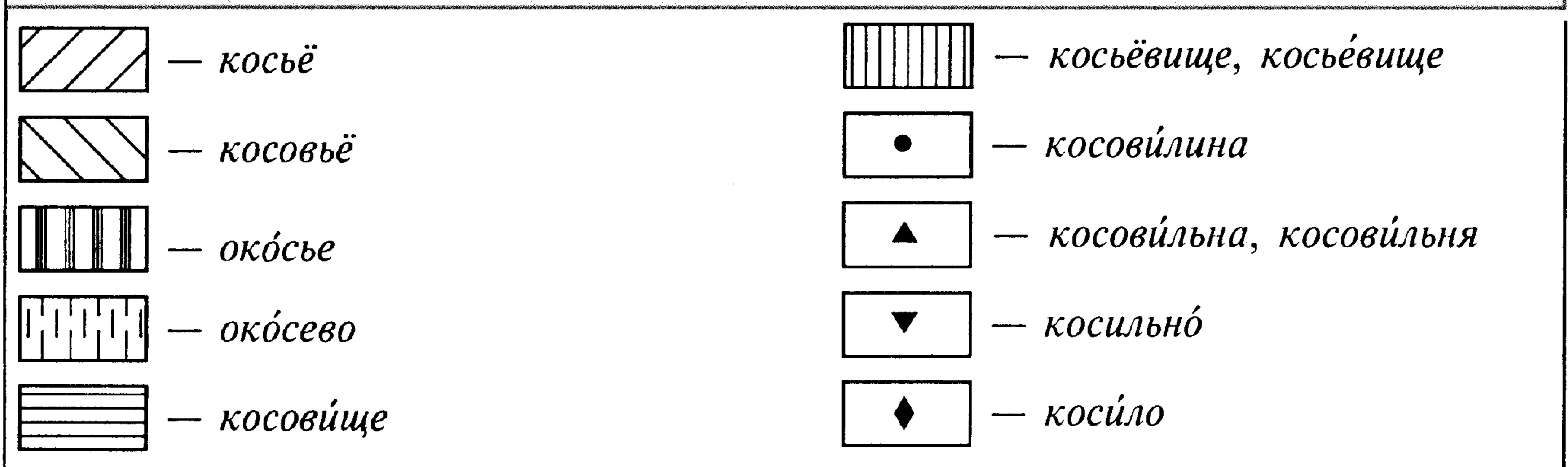
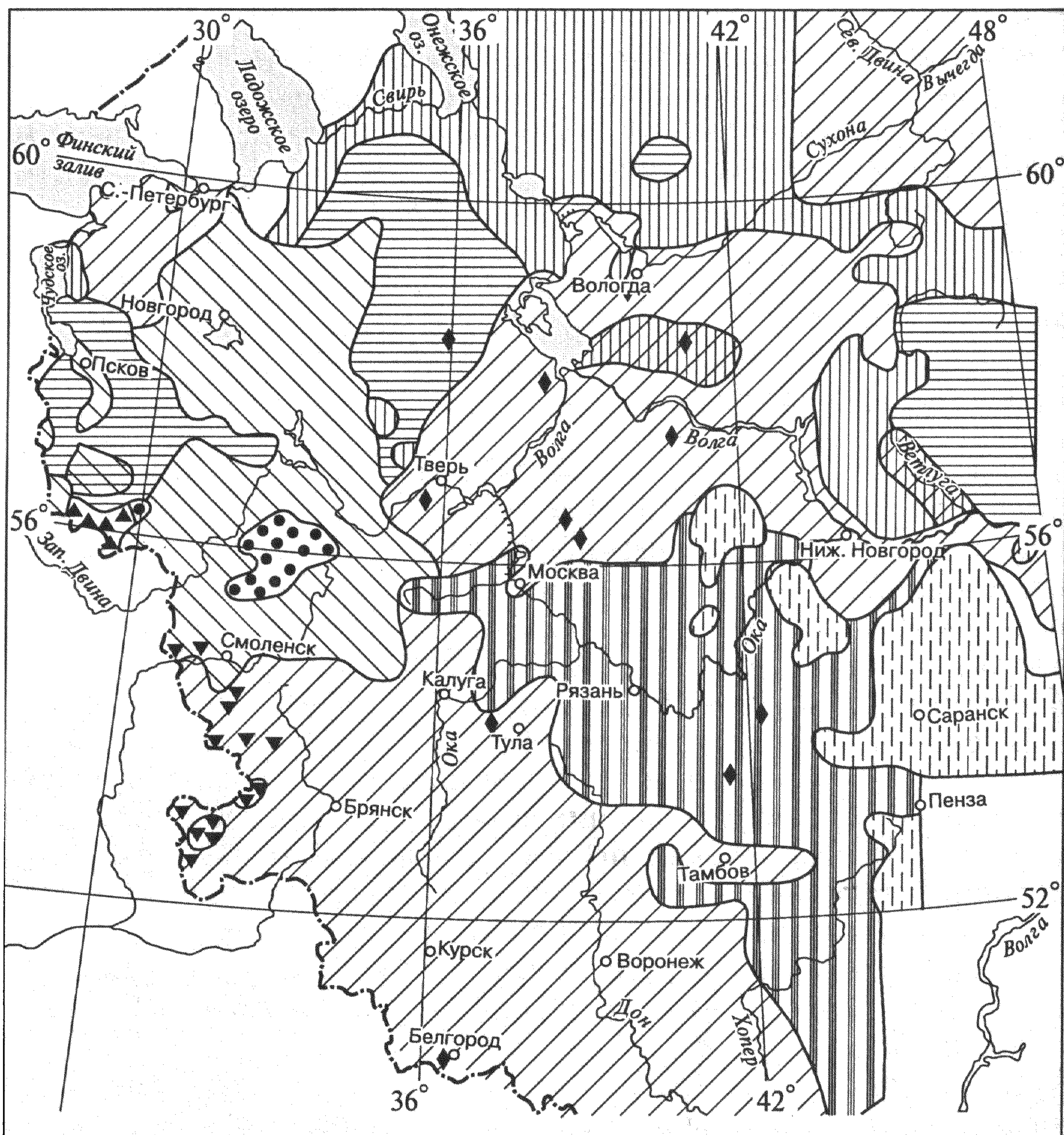
То же значение, что и предыдущий тип, имеют слова, образованные с префиксом *су-*: *суболото* 'болотистое место', *сувѣлок*, *сугліна* (*суглінь*) 'глинистое место, глинистая почва', *сугниль*, *сугорок* 'небольшая горка', *сурѣдок*, *сурѣдые* (*рада* 'сырое, поросшее лесом место'), *суземляк*, 'почти земляк', *сукрѣсток*, *сукровь* 'сукровица'; также названия беременных лошади, овцы: *сужеребая*, *суягная*.

¹ Оба существительных образованы от основы древнерусского существительного *дъчерь*, ср. литературное *надчерица*.

В литературном языке отсутствуют словообразовательные типы существительных, называющих ягоды, с суффиксами *-иг(a)*, *-их(a)*, представленные в части говоров: *брусни́га*, *голуби́га*, *земляни́га*, *костяни́га*, *черни́га*; *брусни́ха*, *земляни́ха*, а также существительных других семантических классов: *косту́га*, *костру́га* 'первичные отходы при обработке льна', *метли́га* (растение).

Карта 3. Типы названий ягод (автор Ю. С. Азарх)

Карта 4. Названия рукоятки косы (автор Ю. С. Азарх)

В диалектах имеется словообразовательный тип безаффиксных существительных, мотивированных существительными, называющих лиц — жителей какого-нибудь населенного пункта. Так, в архангельских говорах названия жителей-мужчин образуются без помощи суффиксов непосредственно от основы слова — названия

населенного пункта: житель д. *Бéлащелья* — *белащёл*, житель д. *Дóлгощельё* — *долгощёл*, жители сел: *Дорогóрская*, *Холмогóры*, *Крáсногóры*, *Большóй Бор* называются соответственно: *дорогóр*, *холмогóр*, *красногóр*, *большебóр*, сел *Лёкшмозеро*, *Кéнозеро* — *лёкшмозёр*, *кенозёр*, житель города *Кáргополя* — *каргопóл*.

Чисто диалектный словообразовательный тип представляют существительные ср. и муж. р., образованные с суффиксом *-ушк(о)*, мотивированные существительными жен. и муж. р. с суффиксом *-ина* и имеющие усилительно-увеличительное значение: *ветр́инушко* 'сильный ветер', *дожд́инушко*, *жар́инушко* 'сильная жара', *холод́инушко*, *шторм́инушко*, *кот́инушко* 'большой кот', *лес́инушко* 'большой лес'.

Собственно диалектным является словообразовательный тип отвлеченных существительных с суффиксом *-едь*, мотивированных качественными прилагательными, обозначающих признак, свойство. В литературном языке такое значение передается суффиксами *-ость*, *-от(а)*, *-ев(а)*, *-изн(а)*, *-чин(а)*: *суровéдь* 'суровость', *бы́стредь* 'быстрота', *кíследь* 'кислота', *мо́крედь* 'мокрота', *тéпледь* 'теплота', *сíнедь* 'синева', *дороговéдь* 'дороговизна', *ржáведь* 'ржавчина'.

В говорах Северной диалектной зоны представлен словообразовательный тип отглагольных существительных муж. р. с суффиксами *-(а)ль*, *-уль*, обозначающих лицо, производящее действие по значению глагола, а также предмет: *враль*, *га́даль* 'человек, занимающийся гаданием', *грохáль* 'человек, производящий шум, грохот', *ка́таль* 'человек, изготавливающий валенки' (*катать* 'валять'), *строга́ль* 'орудие для остругивания чего-н.', *чёрпаль* 'предмет, которым вычерпывают воду'; *вруль*, *жгуль* (от *жгать* — 'обжигать, кусать'), *пачку́ль*, *свисту́ль*.

Такие существительные, в свою очередь, являются производящими для существительных жен. р. с суффиксом *-(а)л'j(а)*, *-ул'j(а)*: *бра́лья* 'женщина, которая ткёт полотно с узорами', а также 'лопатка с зубьями для сбора ягод' (*брать* 'собирать ягоды'), *вра́лья*, *мя́лья* 'женщина, которая мнет лён', *пря́лья* 'женщина, которая прядет', *тка́лья* 'женщина, которая ткёт'; *ска́лья* 'орудие для скручивания, свивания ниток' (*скать* 'сучить'); *вру́лья*, *толсту́лья* 'толстая женщина'.

В части говоров — севернорусских и южнорусских — у отвлеченных существительных, мотивированных глаголами, прилагательными, существительными, для обозначения действия, связанного с сильным шумом, или издавания звуков, употребляются суффиксы *-(о)тень*, *-(е)тень*, *-остень*, *-ень*, *-овень*, *-отн(я)*, *-оток-*, *-(о)тынь*, *-ынь*: *брякотéнь* 'громкие частые звуки', *булькотéнь* 'булькающие звуки, всплески', *руготéнь*, *скрипотéнь*, *стукотéнь*, *топотéнь* 'сильный топот', *трескотéнь*, *хлопотéнь* 'усиленные хлопоты, суета', *храпотéнь* 'усиленный храп', *мокретéнь*, *мокростéнь* 'мокрота', *сухостéнь*; *говорéнь*, *горячéнь*, *жáрень* 'сильная жара', *красень*,

морозэнь, парень ‘состояние, при котором обдает жаром, паром’, *пэстрень, сушэнь, теплэнь, тесэнь, тороплэнь, хлобыстэнь* ‘звуки, издающиеся при хлестании чем-н.’, *хрустэнь, шелушэнь; громовэнь, желтовэнь* ‘желтизна’, *красновэнь* ‘краснота’, *стуковэнь, толковэнь* ‘суета’; *болтотня́, брякотня́, булькотня́* ‘действие, сопровождающееся бульканьем’, *воркотня́* ‘ворчание’, *гомотня́* ‘шум, гам’, *гулкотня́, плескотня́, пышкотня́* (‘учащенное дыхание’), *скрипотня́, стукотня́, топотня́, хвастотня́, хохотня́, храпотня́, шлепотня́; булькоток, брякоток, верескоток, визготок, грохоток, рячкоток* (рякать ‘стучать, ударять со звуками’), *стукоток, свискоток, скрипоток, хрипоток, шумоток; красотынь, светлотынь, светотынь* ‘состояние с большим количеством света’, *теплотынь; жарынь, светлынь, темнынь*.

Эти же суффиксы употребляются для называния усиленного действия, состояния или признака.

2. В говорах имеются особые словообразовательные типы неизменяемых прилагательных, образуемых префиксально-суффиксальным способом: с префиксами *с-* (*со-*), ударными префиксами *сú-*, *вó-* и суффиксами *-а*, *-у*, реже — с нулевым суффиксом, мотивированных прилагательными. По такому типу образуются в части говоров неизменяемые прилагательные, обозначающие цвет, передающие значение неполноты насыщенности, оттенка цвета: ‘имеющий оттенок цвета или подобия по окраске, названного мотивирующим прилагательным’, ‘подобный по цвету тому, который назван мотивирующим прилагательным’ (такое значение может передаваться в литературном языке, как и во многих говорах, суффиксом *-оват-*): *салá* (от *áлый*), *сбелá, сбúсенькá* (*бúсый* ‘серый’), *сголубá, сжелтá* (*сожелтá*), *скоричневá, срозовá, срыжá, срябенькá, ссерá* (*сосерá*), *ссúня, счернá, сголубу; сúbела, сúжелта, сúзеленá, сúкрасна, сúсера, сúсиня, сúчерна*, с нулевым суффиксом: *сúзелень, вóзелень*. По данным типам прилагательных цветообозначения образуются также прилагательные и иной семантики: *сглубá* ‘глубоковатый’ (*глúбый* ‘глубокий’), *сгустá* ‘густоватый’, *вогорячь* ‘не очень горячий’.

В части говоров значение неполноты признака или, реже, значение усиленного признака передается другим словообразовательным типом склоняемых прилагательных — с ударным префиксом *вó-*. По этому типу образуются прилагательные разных семантических разрядов: *вóвеликий, вóгустой* ‘густоватый’ или ‘очень густой’, *вóжидкий, вóмалый, вóпресный, вóсолонный*. Такой тип свойствен говорам Северо-Восточной диалектной зоны, а также пермским и сибирским говорам. На той же территории отмечается и словообразовательный тип наречий, мотивированных такими прилагательными — с этой же приставкой *вó-* и с тем же значением типа: *вóбело, вóгусто* ‘гуще обычного’, *вóпоздно, вóпресно, вóрано* ‘рановато’ или ‘очень рано’, *вóсолено, вóтепло* ‘не очень тепло’.

Достаточно представителен в части говоров словообразовательный тип прилагательных, мотивированных в основном глаголами и, реже, прилагательными, с суффиксами *-áчк-/-ячк-* и *-úчк-*. Значение слов такого типа: 'характеризующийся действием, названным мотивирующим словом' или 'склонный к такому действию': *забывáчкий* 'быстро забывающий, имеющий плохую память', *клева́чкий* 'имеющий обыкновение клеветаться' (*Петух клева́чкий*), *размока́чкий* 'легко размокающий', *расстраива́чкий* 'быстро расстраивающийся, ранимый', *сгиба́чкий* 'легко сгибающийся, гибкий', также *бодáчкий*, *вертя́чкий*, *горя́чкий* 'вспыльчивый', *закáчкий*, *здоровя́чкий*, *куса́чкий*, *лежа́чкий*, *лома́чкий*, *ляга́чкий*, *открывáчкий*, *пина́чкий*, *пугáчкий*, *шата́чкий*; *гну́чкий*, *жгу́чкий*, *липу́чкий*, *осежу́чкий*, *рассыпу́чкий*, *треску́чкий*, *тяну́чкий*.

В говорах имеется отсутствующий в литературном языке словообразовательный тип прилагательных, мотивированных, как правило, глаголами с суффиксом *-тк-*, по своему словообразовательному значению примыкающий к предшествующему типу: *живу́ткий*, *клева́ткий*, *мы́ткий*, *мя́ткий*, *небу́ткий*, *пря́ткий*, *руга́ткий*, *уве́рткий*, *царапа́ткий*.

Диалектный словообразовательный тип прилагательных с суффиксом *-áч-/-яч-*, мотивированных прилагательными, существительными и наречиями, обозначает свойство, присущее кому-н., чему-н.: *беля́чий*, *бога́чий*, *боева́чий*, *выся́чий* 'подвесной', *волчня́чий* (от *волчняк* 'ягода'), *горба́чий*, *гордя́чий*, *зря́чий* (от наречия *зря*), *клюва́чий*, *модня́чий*, *морда́чий* 'имеющий крупное лицо', *мудря́чий*, *сочня́чий*, *суха́чий*.

Диалектный словообразовательный тип, при котором прилагательные, мотивированные, как правило, качественными прилагательными, образуются с помощью ударного суффикса *-áщ-/-ящ-*, свойственного многим северным говорам, а также псковским. Прилагательные этого типа обозначают усиленную степень качества. При их образовании обычно происходит чередование согласных — конечный согласный производного прилагательного смягчается: [С]||[С'], и перед суффиксом обычно выступает мягкий согласный, однако возможен и твердый. В такие чередования вступают не только традиционно парные мягкие, но и заднеязычные согласные: *к||к'*, *г||г'*, *х||х'*: *глухя́щий*, *голубя́щий* 'имеющий ярко-синий цвет', *глупя́щий*, *грубя́щий* 'очень жесткий', *долгя́щий*, *здоровя́щий*, *кривя́щий*, *ловкя́щий*, *лохматя́щий*, *плохя́щий*, *ржавя́щий*, *слабя́щий* 'очень слабый', *сухя́щий*, *твердя́щий*, *черствя́щий*, *широкя́щий*; *дорога́щий*, *крута́щий*, *пьяна́щий*, *тверда́щий*, *худя́щий*, *широка́щий*, *шумна́щий*.

По данному типу образуются в говорах и прилагательные, мотивированные существительными: *бородя́щий* 'обросший бородой', *дьяволя́щий* (бранное, 'очень плохой, проклятый'), *животя́щий* 'имеющий большой живот', *кудеря́щий* 'имеющий кудри, очень кудрявый', *кустя́щий* 'разросшийся', *лентя́щий* 'очень ленивый',

модя́щий ‘очень модный’, *морда́щий* ‘имеющий крупное лицо’, *теменя́щий* ‘имеющий место в темноте’, *темнотя́щий*, *уголя́щий* ‘горящий, как угли’.

По словообразовательному значению к предыдущему типу при-
мыкает диалектный словообразовательный тип прилагательных с
суффиксами *-анн-/-янн-*, *-онн-/-ённ-*, *-инн-*, *-унн-/-юнн-*, мотивиро-
ванных прилагательными: *хороша́нный*, *широча́нный*, *быстря́нный*,
вкусня́нный, *высока́нный*, *глухя́нный*, *здоровя́нный*, *скупя́нный*,
тяжеля́нный, *холодня́нный*; *страшо́нный*, *хорошо́нный*, *широкóнный*,
давнённый, *желтённый*, *красённый*; *страши́нный*, *толщи́нный*;
большу́нный, *долгу́нный*, *здоровю́нный*, *мокру́нный*, *толсту́нный*.

В части северных говоров представлены диалектные словообра-
зовательные типы прилагательных с тем же, что и у предшест-
вующих, словообразовательным значением, со сложными суф-
фиксами: *-хонн-*, *-охонн-/-ехонн-*, *-хотенн-*, *-юшенн-*, *-ехтенн-*:
малохо́нный, *мякохо́нный* ‘очень мягкий’, *белехо́нный*, *белохо́тенный*
‘очень белый’, *малехо́тенный*, *малю́шенный* ‘очень маленький’,
мокрию́шенный ‘очень мокрый’, *малёхтенный*.

При образовании таких слов может происходить усечение основы
(суффикса) мотивирующих прилагательных: *короткий* > *коротехо́н-*
ный, *лёгкий* > *легохо́нный*, *тонкий* > *тонехо́нный*, *узкий* > *узехо́нный*.

3. Собственно диалектным является словообразовательный тип
на речий, образованных с префиксами *в-*, *до-*, *из-/ис-*, *на-*, *с-/со-*
и с суффиксом *-ых/-их*, мотивированных прилагательными, числи-
тельными, местоимениями: *вдавни́х* ‘давно, издавна’, *впервы́х* ‘в пер-
вый раз, впервые’, ‘раньше, быстрее других’, *впоследни́х* ‘позади,
после всех’, *невдо́лгих* ‘немедленно, сразу же’, *добольшы́х* ‘до взрос-
лого состояния’, *доёки́х*, *дона́нешних* ‘до настоящего времени’,
допоследни́х ‘до последнего, крайнего срока, допоздна’, *искосы́х*
‘неодобрительно, недружелюбно’, *накосы́х* ‘в сторону от прямого
направления’, *напросты́х* ‘порожняком, без груза’, *сослепы́х* ‘не
видя чего-н. или не глядя на что-н.’, *спёрвы́х* ‘вначале, сначала’.
Наречий, подобных употребляющимся в говорах, в литературном
языке нет. В нем имеется только тип с префиксом *в-/во-* и только
от счетных прилагательных (*во-первых* и др.).

Очень продуктивным является во многих русских говорах отсут-
ствующий в литературном языке словообразовательный тип, при
котором мотивированные разными частями речи наречия образу-
ются суффиксальным способом с нулевым суффиксом и чередо-
ванием твердого согласного производящей основы (в основном
существительного) с мягким согласным. Так, в архангельских го-
ворах зафиксировано большое количество таких наречий, общая
схема словообразования которых: [С] — твердый согласный в основе
мотивирующего существительного > [С'] (мягкий согласный) —
перед нулевым суффиксом производного слова. При существитель-
ном *зад* — наречие *задь* ‘в заднем направлении’, *испод* — наречие

испóдь ‘вниз, подо что-н.’, *крест* — *кресть* ‘крестообразно’, существительном *перёд* — *перéдь* ‘вперед, впереди’, *серёд* — *серéдь* ‘посредине’, *стыд* — *стыдь* ‘стыдно’. Подобный словообразовательный тип имеется и при производящей основе других частей речи, и при префиксально-суффиксальном способе словообразования наречий: *брод* — *вбродь*, *след* — *вследь*, *скакать* — *вскакь* ‘вскачь, галопом’, *свет* — *дóсветь*, *сытый* — *дóсыть* ‘до состояния полной сытости’, *выворот* — *навывороть*, *лад* — *наладь*, *перегón* — *наперегónь*, *ход* — *напрохóдь*, *впрохóдь* ‘постоянно’, *прохóд* — *напрохóдь*, *хóлод* — *прóхолодь* ‘прохладно’.

Диалектный словообразовательный тип наречий с суффиксом *-ым/-им* в литературном языке представлен лишь в сложно образованных наречиях типа *давным-давно*. В говорах в качестве мотивирующей основы такого типа выступают прилагательные, местоимения, числительные: *голым* ‘без одежды’, *пéшим* ‘пешком’, *скорым* ‘быстро’, *холостым* ‘будучи неженатым’; *двоём*, *троём*, *четырьём* (‘вдвоем’, ‘втроем’, ‘вчетвером’).

Особым диалектным словообразовательным типом является тип, при котором наречия, мотивированные прилагательными, местоимениями, числительными, существительными, глаголами, образованы с суффиксами *-ими/-ми*, *-има/-ыма*, *-ема/-емя*, *-ома*, *-ма*. Все эти суффиксы по происхождению связаны с древнерусскими окончаниями твор. п. мн. и дв. ч. *Бегучими* ‘бегая (в игре) друг за дружкой’, *голоушими* ‘без головного убора, с непокрытой головой’, *крадчими* ‘тайно, не обнаруживая себя’, *многими* ‘собравшись в большом количестве’, *пéшими*, *пешемя́* ‘на собственных ногах’, ‘двигаясь пешком’, *ходячими*, *ходэма* ‘в движении, на ногах’, ‘пешком’, *улевущими* ‘заливаясь слезами’, *разными* ‘по-разному’, *ручными* ‘вручную, руками’, *сидэма* ‘сидя, в сидячем положении’, *стоёма* ‘в стоячем положении, стоя’, *дальнейшема* ‘в будущем, впоследствии’, *другима* ‘по-другому, иначе’, *всема́* ‘вместе, в соединении с кем-н., чем-н.’, *всякими* ‘разными способами, по-всякому’, *однома́* ‘в одиночку’, *двоёма* ‘вдвоем’.

§ 60. Значение словообразовательных единиц. Диалектные различия отмечаются в значении словообразовательных единиц — суффиксов, префиксов — и словообразовательных типов.

I. В литературном языке и части говоров с у с щ е с т в и т е л ь н ы е с суффиксом *-ёнок*, мотивированные существительными, называют лицо или животное, характеризующееся детскостью, незрелое существо. При этом выделяются два подтипа по значению слов этого словообразовательного типа: 1) существительные, мотивированные названиями животных и называющие детенышей: *поросёнок*, *гусёнок*, *орлёнок*; 2) существительные, мотивированные названиями лиц и имеющие значение ‘ребенок, представитель национальности, социальной прослойки или профессии’: *внучёнок*, *турчёнок*, *цыганёнок*, *поварёнок*. По значению данного словообра-

зовательного типа таким говорам и литературному языку противопоставлены другие говоры, в которых существительные с суффиксом *-онок/-ёнок*, сохраняя и значение незрелости, имеют и третий подтип: могут называть также взрослое лицо или животное. Таково словообразовательное значение данного типа во многих северных говорах. Существительные, мотивированные названиями птиц, насекомых, животных, рыб: *воронёнок* 'ворон', *галчёнок* 'птица галка', *голубёнок* 'голубь', *ястребёнок* 'ястреб, коршун', *комарёнок* 'комар', *оводёнок* 'овод', *свинёнок* 'кабан', *язёнок* 'язь'. Мотивированные названиями людей по каким-н. их признакам, качествам: *бахвалёнок* 'враль, хвастун', *братёнок* 'брат', *ворёнок* 'вор' (о человеке), *дикарёнок* 'глупый, недалекий человек', *нахалёнок*; по месту их жительства: *ваганёнок* 'житель деревни, расположенной на р. Ваге', *заозёрёнок* 'житель д. Заозёрье', *устьпаденьжонёнок* 'житель д. Усть-Паденьга', *шенгурёнок* 'житель деревни в Шенкурском районе'; по признаку их национальности: *хохлёнок* 'украинец', *евреёнок*, *лопарёнок*, *негрёнок*, *татарёнок*; по месту работы, возрасту, полу: *пекарёнок*, *почтальёнок*, *старшинёнок*, *старичёнок*, *мужичёнок*.

Диалектному языку, как и литературному, свойственны словообразовательные типы существительных адъективного склонения, мотивированных прилагательными ср., жен. и муж. р., а также существительные *pluralia tantum*. При этом в говорах представлены существительные не только тех типов, которые имеются в литературном языке. Существительные среднего рода, называющие вид одежды или ее назначение: *бумажное* 'вещи из льна, хлопка', *домашнее* 'одежда для дома', *портяное* 'вещи из грубого холста', *смертное* 'одежда для похорон', но и обобщенно называющие явления или предметы, характеризующиеся признаком (названным мотивирующим прилагательным) или отношением к кому-н., чему-н.: *шубное* 'меховые вещи', *белое* 'пшеничный хлеб', *выходное* 'место, дающее возможность выхода наружу', 'выходной день', *горловое* 'пьянство', *грузное* 'тяжесть', 'что-н., требующее значительных физических усилий', *давешное*, *давнóшное*, *ранешное* 'то, что было давно', *декретное* 'деньги, выплачиваемые на декретный отпуск', *денное* 'дневное собрание девушек для рукоделья', *действительное* 'служба в армии по призыву', *дикое* 'неразумное поведение, речь', *домовое* 'домашнее хозяйство', 'домашняя утварь', *дорожное* 'работы по поддержанию дороги в хорошем состоянии', 'вещи, предназначенные для поездок'.

Во многих говорах подобного типа существительные называют разного вида отмечаемые памятные события или праздники, в том числе связанные с окончанием каких-н. работ или с временем каких-н. событий: *баенное* 'часть свадебного обряда — угощение в последний день свадьбы после мытья молодых в бане', *рукобитное* 'часть свадебного обряда', *домовое* 'празднование завершения строительства дома'; окончание какого-нибудь этапа строительства дома:

дымово́е ‘празднование по поводу окончания кладки печи в доме’, *потоло́чное*, *князево́е* (князь, или князёк, ‘верхнее бревно вдоль крыши дома’), *водяно́е* ‘празднование окончания строительства колодца’; *докосное*, *обработное*, *отсевное* ‘окончание сельскохозяйственных работ’; *годово́е* ‘работа, учеба, рассчитанные на один год’, ‘ежегодно отмечаемое какое-н. событие’, *отва́льное*, *прива́льное* ‘праздник, застолье по поводу приезда или отъезда кого-н.’, *сорокоде́нное* ‘поминки на 40-й день после чьей-н. смерти’.

Существительные адъективного склонения ср. р. могут называть и конкретные предметы, явления и лиц: *восходи́мое*, *восхо́дное*, *всхо́жее* ‘восход солнца’, *вчераш́ное* ‘день, предшествующий сегодняшнему, вчера’, *закáтное*, *захо́жее* ‘заход солнца’, *во́йское* ‘война’, *водяно́е* ‘мифическое существо, обитающее в воде, водяной’, *скотское* ‘скотина’, *глу́ное* ‘ребенок’, ‘психически больной человек’, *де́тское*, *ма́лое* ‘ребенок’, *друго́е* ‘посторонний, чужой человек’, *же́нское* ‘женщина’, *мужско́е* ‘мужчина’, *молёное* (*умо́ленное*) — ласковое название человека и обращение к нему, *холосто́е* ‘неженатый мужчина’.

В говорах представлен словообразовательный тип существительных адъективного склонения ср. р., мотивированных порядковыми числительными, имеющих особое значение. Так, в северных говорах с помощью таких существительных именуется классы средней школы: *пе́рвое*, *второ́е*, *тре́тье... деся́тое* (*Девя́то-то в Пине́ге учат и деся́то. Девя́то, наве́рно, ко́нчит. Девочка во второ́ пойдёт, а ма́льчик — в пе́рво*).

Подобные существительные широко употребляются в северных говорах и в других значениях, например, *второ́е* отмечено в архангельских говорах в значениях: ‘родовой послед’, ‘иное дело, нечто другое’ (*Бре́день — это второ́е, а то́ — по́лок. Мерёжа — мерёжа, а мо́рда — второ́*); *девя́тое* ‘религиозный праздник, приходящийся на 9-ю пятницу после Пасхи’, также ‘религиозный праздник, приходящийся на 9-е воскресенье после Пасхи, — день поминовения родственников’, *деся́тое* ‘школьные выпускные экзамены после X класса’, ‘десятая неделя после Пасхи’; *друго́е* (*друго́й* ‘второй’) ‘второе блюдо’, ‘детское место, послед’, ‘прочее, иное’, ‘не то, что следует, не то, что надо’: *Она́ говори́т-то и говори́т друго́ — немо́жно понять ей* [о слабоумной]; ‘иные дела, заботы’.

Существительные адъективного склонения женского рода: *бокова́я* ‘часть дома’, *братова́я* ‘жена брата’, *выхо́жая* ‘замужняя или бывшая замужем женщина’, *годова́я* ‘день смерти кого-н., отмечаемый через год после нее’, *гонёбная* ‘период спаривания лесных животных’, *горю́чая* ‘горючее’, *гробна́я* ‘гроб’, *денна́я* ‘дневная работа’, ‘дневное праздничное собрание молодежи’, *десяти́чная* ‘денежная купюра в 10 рублей’, *детна́я* ‘период вскармливания детенышей тюленя’, *дорóжная* ‘документы, деньги, выданные на проезд’, *загрёбная* ‘период спаривания тюленей’, *кресто́вая* ‘крестная мать’, *психи́ческая* ‘психиатрическая больница’.

Диалектные существительные адъективного склонения мужского рода: *дворóвый* 'мужчина, пришедший жить в дом жены', *дорóжный* 'приехавший откуда-н. человек', 'работник железнодорожного транспорта'. Широко употребляются в говорах названия мифологических существ по месту их пребывания (ср. в литературном языке *домовóй*): *ба́енной* 'мифическое существо, обитающее в бане', *гумённой* (от *гумно*), *дворно́й* (*дворóвый*).

Диалектные существительные адъективного склонения *pluralia tantum* могут называть в говорах не только разные виды платежей и денег, как в литературном языке (ср. *командировочные*, *отпускные*): *родовые́* 'деньги, выплачиваемые на декретный отпуск', *харчевые́* 'деньги на питание', но и существительные других семантических классов: *да́нные* 'реакция, ответ на что-н.', *горя́чие* 'праздничный стол в доме невесты на другой день после свадьбы', 'свежеиспеченные изделия', *гробные́* 'гроб', *оборо́нные* 'вид работы', *отворóтные* 'слова, произносимые с целью «отворотить» от любимого', *подме́нные* 'работа вместо кого-н.'.

II. Различия в значениях словообразовательного средства, касающиеся префикса, особенно присущи глагольному словообразованию. Так, например, глаголы с префиксом *вы-* представлены в литературном языке пятью типами по значению префикса. Все они продуктивны, лишь глаголы со значением 'выдержать что-н., претерпеть в течение какого-н. времени, совершая действие, названное мотивирующим глаголом' (*вы́жить* 'живя, выдержать какое-л. время' и т. п.) характеризуются как ограниченно продуктивные — они употребляются в разговорном языке, а также в просторечии. В русских говорах глаголы данного типа представлены широко, что поддерживает и активизирует их существование в литературном языке: ведь, как правило, через просторечие проникают в него диалектные явления разного вида, в том числе и связанные со значениями глагольных приставок. Ср. диалектные *вы́плавать* 'проработать на речном транспорте в течение какого-то времени, проплавать', *вы́реветь* 'проплакать в течение какого-то времени', *вы́спать* 'проспать в течение какого-то времени' (*Я с двена́дцати до трёх вы́спала*). То же значение наблюдается и при мотивирующем глаголе со значением действия или состояния, совершаемого природными явлениями: *вы́дождить* 'простоять дождливой погоде какое-то время'. Различия, связанные с значением префикса *вы-*, представлены в говорах гораздо бо́льшим количеством типов, чем в литературном языке, соответственно и бо́льшим количеством их словообразовательных значений. Так, только в архангельских говорах отмечено более 20 типов, большинство которых отсутствует в литературном языке. Например, некоторые из них — глаголы с разными значениями.

1. 'Подняться вверх': *вы́лезти*, *вы́ползти* 'влезть, залезть наверх' (ср.: *И на со́сну бы вы́лезла. Не вы́ползти мне на́ печь*), *вы́брести*.

2. 'Подпрыгивать/подпрыгнуть': *выпрыгивать, выпрыгнуть, выскакать* (*Я чуть не до потолка выпрыгнула*).

3. 'Войти, проникнуть внутрь чего-н.': *выбежать, вылиться, выпасть/выпасть* (*Эта Печора тоже в море выпала*), *вытекать* 'впадать, втекать (вливаясь) во что-н.'; *вытыкать* 'втыкать' (*Комары вытыкают свой нос в тело*); *войти, вылезти* 'войти внутрь'.

4. 'Распространить действие на большую поверхность, в разные стороны, на многие объекты': *выбежать* 'обегать, изъездить, исходить много мест', *выдуть* 'разнести ветром в разные стороны', *вырисовать* 'разрисовать'.

5. 'Двигаться/двинуться вниз': *выкатиться* 'скатиться вниз' (*Одва стáнешь, выкатаишься с кровати*), *выпихнуть* 'столкнуть вниз', *выпасть* 'упасть' (*Мáленький был, выпал в кáдцу с водо́й*).

6. 'Израсходовать что-н. в результате действия, указанного мотивирующим глаголом': *вывязать* 'израсходовать пряжу на вязаные изделия', *выездить* 'израсходовать на поездки' (*Одну́ лóдку выездил, другу́ю взял*), *выписать* 'израсходовать на записи' (о писчем материале) (*Весь каранда́ш выписала*), *выстрелять* 'израсходовать на стрельбу'.

7. 'Довести, дойти до негодного состояния в результате действия, указанного мотивирующим глаголом': *выкоситься, вырубиться, высека́ться* 'потерять остроту, стать тупым в результате долговременного использования для рубки, косьбы', *выпахаться* 'стать неплодородным в результате долговременного использования под пахоту'.

8. 'Неоднократно совершить действие, указанное мотивирующим глаголом': *выпокупать* 'купить в несколько приемов', *выпосылать* 'неоднократно послать что-н.' (*Тём и други́м выпосылаю*), *выперешивать* 'перешить что-н. в несколько приемов, повторяя действие много раз или в течение длительного времени'.

§ 61. Сочетаемость мотивирующих основ со словообразовательными аффиксами. Диалектные различия в сочетаемости мотивирующих основ со словообразовательными аффиксами связаны с представленностью в разных говорах разных аффиксов в словах одной части речи, имеющих одни и те же мотивирующие основы.

Выделяются разные типы таких диалектных различий.

I. В одних говорах и м е е т с я а ф ф и к с — префикс, суффикс или постфикс, в других говорах он отсутствует, и слово образуется безаффиксным способом. Такие диалектные различия наблюдаются у всех частей речи.

1. В одних говорах слово образуется префиксальным способом — у него и м е е т с я п р е ф и к с, в других п р е ф и к с отсутствует.

У существительных: *вы́даванье* — *дава́нье* 'вступление в брак девушки', *похва́льба* — *хва́льба*, *почерпа́к* — *черпа́к*, *удивле́нье* — *дивле́нье*.

У наречий: *вобы́чно* — обы́чно, *вра́но* — ра́но, *втридо́рога* — тридо́рога, *доохóтно* — охóтно, *занапра́сно* — напра́сно, *зача́сто* — ча́сто, *назря́* — зря, *накруго́м* — круго́м, *наобра́тно* — обра́тно, *наперво́й* — перво́й 'раньше', *совме́стно* — ме́стно.

У глаголов: *взбря́кнуть* — бря́кнуть, *взлечь* — лечь, *возверну́ться* — верну́ться, *возврати́ть* — проти́ть, *вознаряди́ть* — наряди́ть, *вы́вередит* — вереди́ть 'нанести телесное повреждение', *довали́ться* — вали́ться 'упасть, свалиться', *загора́живать* — го-ра́живать, *наде́рнуть* — де́рнуть 'надеть на себя'.

2. В одних говорах слово образуется суффиксальным способом — у него имеется суффикс, в других суффикс отсутствует.

У существительных: *весну́шка* — весну́ха, *дога́дка* — дога́-да, *кочеры́жка* — кочеры́га, *подкла́дка* — подкла́да, *постано́вка* — постано́ва, *клубо́к* — клуб, *черепо́к* — че́реп 'миска', *шумото́к* — шум, *рябчик* — ряб, *братёнок* — брат.

У прилагательных: *дневно́й* — днево́й, *просто́рный* — про-сто́рый, *жгу́чий* — жгу́чий, *пре́жний* — пре́жий, *одина́ковый* — одина́кий, *неуклю́жистый* — неуклю́жий, *дракови́тый* — дра́чий, *куса́чливый* — куса́чий, *руга́чливый* — руга́чий, также в сложных прилагательных: *сухопа́ровый* — сухопа́рый, *долговéчный* — долговé-кий, *старообра́зный* — старообра́зный, *дружелю́бный* — дружелю́бый, *трудолю́бный* — трудолю́бый, *самолю́бный* — самолю́бый. У наре-чий: *зря́ще* — зря.

У глаголов: *вы́мнуть* — вы́мять 'размять'.

3. В одних говорах слово образуется с помощью постфикса, в других без него. Например, в одних говорах употребляется возвратный глагол, в других у синонимичного глагола нет постфикса *-ся (-сь)*: *бороди́ться* 'праздновать окончание сельскохозяйственных работ, «бороду»' — *бороди́ть*, *вздыха́ть* 'дышать' — *вздыха́ть-ся* (*Замори́лись, что́ тяжело́ вздыха́етесь?*), *взля́гиваться* 'подскакивать, подпрыгивать' — *взля́гивать*, *возболе́ться* — *возболе́ть*, *вози́ться* 'возя, доставлять' — *вози́ть*, *га́ркнуться* — *га́ркнуть*, *горева́ться* (*Ту́жит се́рдце, гори́ется что́-то*) — *горева́ть*, *гуля́ть-ся* (*Гуля́ются, пе́сни пе́ли, пляса́ли*) — *гуля́ть*, *дава́ться* 'выдавать корм, кормить животных' (*Когда́ я ба́лькам [овцам] дава́лась?*) — *дава́ть*, *де́латься* 'заниматься какой-н. работой, трудиться' — *де́-лать*, *дойти́сь* — *дойти́* (*Весть и дошла́сь, што́ он ведро́ ры́жиков понёс*), *дры́гнуться* 'пошевелиться' — *дры́гнуть*, *занима́ться* 'одалживать' — *занима́ть* (*У нас то́же дру́г по дру́жке занима́ются, а ведь чужо́му на́дъ отда́ть*), *ходи́ться* — *ходи́ть* (*Ходи́лись дру́г к дру́гу*).

Кроме глаголов, постфиксальным словообразованием характеризуются диалектные местоимения, образующиеся с помощью большого количества собственно диалектных формантов. Например, в архангельских говорах: *то́ттам* (*то́там, та́там*) 'тот,

находящийся дальше других', в косвенных падежах: *тогóтам* (род. п. ед. ч. муж. р.), *ту́там* (вин. п. ед. ч. жен. р.), *тéтам* (им. п. мн. ч.); *кто́набудь*, *кто́нинабудь*, *кто́нинабыть* 'кто-то, кто-нибудь'.

II. Иной тип представляют диалектные различия, при которых в разных говорах слово имеет разные аффиксы — в одних говорах одни, в других — иные.

Для всех частей речи наблюдаются слова с разными префиксами.

У существительных: *воспарéнье* — *выспарéнье*, *доеда́нье* — *заеда́нье* 'что-н. очень вкусное', *дозво́нец* — *позво́нец* 'колокольчик', *покла́жа* — *скла́жа*.

У прилагательных: *взро́слый* — *вро́слый*, *допото́пный* — *запото́пный*.

У наречий: *вно́ве* — *нано́ве*, *вперебо́й* — *наперебо́й*, *всухомя́тку* — *насухомя́тку*, *за́темно* — *по́темно*, *зачасту́ю* — *начасту́ю*, *и́зредка* — *сре́дка*, *наотде́льно* — *разде́льно*, *сообща́* — *заобща́*, *сперва́* — *вперва́*.

У глаголов: *впада́ть* — *выпада́ть*, *вспо́мнить* — *вы́помнить*, *вы́вернуть* — *вверну́ть* 'вывихнуть', *вы́держать* — *додержать* 'износить', *вы́дуть* — *доду́ть* 'побить', *доезди́* — *вы́везти* 'доставить куда-н.', *дое́сть* — *взе́сть*, *заду́мывать* — *вду́мывать*, *изви́ться* — *вы́виться* 'завиться, закрутиться', *переночева́ть* — *вы́ночевать*, *послу́шать* — *вслу́шать*, *появи́ться* — *взяви́ться*, *пропе́ть* — *вы́петь*, *проткну́ть* — *вы́ткнуть*, *умори́ть* — *вмори́ть* 'заставить терпеть лишения'.

Во многих говорах широко представлены префиксальные глаголы, образованные с двумя и, реже, с тремя префиксами. В качестве первого префикса, а также второго и третьего могут выступать все общерусские приставки. С двумя приставками: *вразузна́ть*, *взапоходи́ть* 'собираться уходить куда-н.'; *вызавали́ваться*, *вы́зварить*, *вы́зносить*, *вы́зорвать*, *вы́зыскать*, *вы́спотеть*, *вы́немогаться*, *вы́обрезывать*, *вы́перешивать*; *довыша́гивать*, *додожидáться*, *дозавя́зывать*, *дозагля́дывать*, *доприхва́чивать*, *допрогрева́ть*, *позапродáть*, *понатопта́ть*, *поприговáривать*, *подзаме́рзнуть*, *подзажа́рить*, *подрассчита́ть*, *подразойти́сь*; *приосмы́слить*, *приотби́ть*, *приотверну́ть*, *приразъе́хаться*, *приразодрáться*, *прираски́снуть*, *сызмогчи́*. В трехпрефиксных глаголах в качестве первого чаще всего выступают префиксы *за-*, *на-*, *по-*, *при-*, *раз-*, *с-*: *запонавеси́ть*, *заприпозева́ться*, *запривска́кивать*, *испризапина́ться*; *наперенамо́чить*; *понарассказа́ть*, *понавыи́грывать*, *попризамере́ть*, *попризраба́тывать*, *попризаку́тывать*, *попризагоре́ть*, *поприналада́диться*, *поприосла́бить*, *поприоткры́ть*, *приозабрести́*; *разоспоместы́ться*, *распонапы́ться*; *сповы́глядеть*, *сповы́кормить*, *спозадева́ть*, *спозаблуды́ться* (блуды́ться 'блуждать'), *спозачерне́ть*, *споисхудáть*. Отмечен четырехприставочный глагол *принезаоку́чить* (кучить 'складывать в кучи').

Среди всех частей речи наблюдаются слова с разными суффиксами.

У существительных: *глухотá* — *глухомáрь* — *глуши́на* 'захолустье', *глупáрь* — *глупéш* — *глупни́к* 'глупый человек', *на́хота* — *нахотьба́*.

У прилагательных: *плечи́стый* — *плеча́стый*, *морóзный* — *морóзовый*, *прижи́мистый* — *прижи́мчивый*, *рассу́пчатый* — *рассу́пчивый*, *лю́дный* — *людли́вый*, *сговóрчивый* — *сговóрный*, *приро́дный* — *приро́дистый*, *разгу́льный* — *разгу́льчивый*, *говорли́вый* — *говорко́й*, *словоохóтливый* — *словоохóтчивый*.

У наречий: *искоса* — *искосы́х*, *кувыркóм* — *кувыро́м*, *любо* — *любо́вно*, *сты́дно* — *сты́дко*, *уси́дчиво* — *уси́дко*, *зая́дло* — *зая́дно*, *нестерпи́мо* — *нестерплéнно*, *подчисту́ю* — *подчистóк*, *зачасту́ю* — *зачасты́е*, *наявú* — *наяво́к*.

У глаголов: *брéзгать* — *брéзговать*, *ва́кать* — *ва́ковать* 'квакать', *днева́ть* — *дневовáть*, *дружи́ть* — *дружева́ть*.

В говорах наблюдается явление соединения двух разных суффиксов в одном, т.е. контаминация: к согласной части одного, первого, суффикса присоединяется другой суффикс, при этом возможна деформация исходных суффиксов: *бранчи́вый* — *бранчли́вый*, *крéпкий* — *крéпленький*, *обма́нчивый* — *обма́нчливый*, также *замáнчливый*, *отжи́вчливый*, *пуза́тый* — *пуза́ткий*, при *разговóрчивый* и *разговóристый* имеется и *разговóрчистый*, *рассу́пчатый* — *рассу́пчастый*, *узо́рчатый* — *узо́рчастый*, *утира́льный* — *утира́льный*, *цвети́стый* — *цвети́стеный*.

Широкие словообразовательные возможности диалектного языка проявляются в образовании однокоренных слов с помощью разных словообразовательных средств. Такие слова могут в говорах (в разных или же в одном) образовывать многочленные словообразовательные цепочки. Например, с существительные с корнем *брат-*: *братáй* — *браталка* — *братáн* — *брател* — *братéльник* — *братёнок* — *братенько* — *братéня* — *братец* — *братечко* — *братилко* — *братило* — *брати́шко* — *брати́ще* — *братко*. С корнем *верт-* (*верет-/ворот-*): *веретно́* — *веретёнце* — *веретёшка* — *веретельница* — *веретённица* — *веретёха* — *верту́ха* — *на́воротка* — *па́воротка* — *подворóтка* — *переворóтка* — *разворóтка* — *круговорóтка* — *половорóтка* — *солноворóт* — *солноворóтка* — *сворóтка* — *отворóтка* — *уворóтка* — *вы́воротка*. С корнем *глуб-* (*глыб-*): *глуботá* — *глубжинá* — *глубинá* — *глуботь* — *глубость* — *глубьё* — *глубь* — *про́глубь* — *глыбь*. С корнем *голов-* (*глав-*): *голова́* — *глава́* — *голова́нушка* — *голова́шка* — *голове́шка* — *голови́зна* — *голови́на* — *голови́ца* — *голови́ща* — *голови́ще* — *голо́вка* — *голову́ха* — *голо́вушка*. С корнем *дет-/дит-*: *детё* (*дитё*) — *детенёш* — *детёнко* — *детёнок* — *детёнош* — *детёш* — *дети́ще* — *дэтка* — *дэтко* — *дэтское* — *дэтушка* — *дети́ш* — *дети́шина* — *детю́ш* — *детя́ш*.

Прилагательные с одной и той же мотивирующей основой (корнем), например, мотивированные глаголами. С корнем *верт-*: *вертячий* — *вертячий* — *вертливый* — *вертеватый* — *вертлючий* — *вертлячий* — *вертеливой* — *вертучий* — *вертущий* — *вертючий* — *вертичий* — *вертявый*. С корнем *кус-*: *кусливый* — *кусаливый* — *кусовливый* — *кусачивый* — *кусачий* — *кусатый* — *кусявый* — *укусливый*. С корнем *руг-*: *ругальный* — *ругливый* — *ругачкий* — *ругачивый* — *ругаливый* — *ругакливый* — *ругатливый* — *ругачливый* — *ругашливый* — *ругательный* — *ругачий* — *ругаткий* — *ругучий* — *ругащий*. С корнем *сып-* и префиксом *рас-*: *рассыпачкий* — *рассыпучий* — *рассыпистый* — *рассыпчастый* — *рассыпачий* — *рассыпчивый* — *рассыпчий*.

Большим разнообразием отличается суффиксальный состав диалектных наречий, особенно местоименных наречий. Ср. в севернорусских говорах: *гдеино*, *гдейка*, *гдеко*, *гдеколи*, *гдеконь*, *гдекось*, *гдекото*, *гденабыть*, *гденесь*, *гденибо*, *гденинабудь*, *гдетони-набудь*, *гдетось* 'где-то', 'где-нибудь'; *кудале*, *куданенабыть* 'куда-то', 'куда-нибудь'; *здесе*, *здесеко*, *здесетко*, *тепере*, *теперетко*, *теперече*; *отовсюдова*, *отовсюду*, *тамотко*, *тамоткева* 'там'; *давеко*, *давень*, *давенько*, *давечка* 'недавно'.

Однокоренные наречия с корнем *век-* (*веч-*) с общим значением 'давно, раньше': *век* — *ввек* — *ввэки* — *векá* — *векáми* — *вэки* — *вековело* — *вековечне* — *вековечно* — *вековó* — *вековóm* — *вековушно* — *вэкожды* — *вэком* — *извэк* — *извэку* — *извэки* — *извекóв* — *извековечно* — *извекóвиц* — *извеком* — *извекóн* — *навек* — *навекáх* — *навэки* — *навекóm* — *навеку* — *пóвеки* — *повеку* — *свековá*; также в сложно образованных наречиях: *исконовэку* — *исконвэк* — *исконвэка* — *исконвэков* — *исконвэку* — *исконвечно* — *исконивек* — *исконивэку* — *исконивечно* — *исконивэчья* — *исконовэком* — *искононьвек* — *исконувэку* — *исконьвек* — *исконьвекóв* — *исконьвэку* — *исконьвечно* — *испоконвек* — *испоконвэка* — *испоконвекóв* — *испоконвеку* — *конвэк* — *сконвэка* — *векóm-векóв* — *векóm-векúще* — *вэку-векúще*. С корнем *верх-* (*верш-/верех-*): *верх* — *вверх* — *вверхáх* — *вверхú* — *вверхь* — *верхáми* — *вэрхма* — *вэрховат* — *верхóвны* — *верховó* — *верхотину* — *вэрхóm* — *верхоту* — *вэрхú* — *верхóm* — *вершóm* — *дóверха* — *извэрху* — *кверх* — *навэрёх* — *наверёшку* — *надверхú* — *насвэрх* — *насверху* — *отвэрху* — *навэрх* — *наверхáх* — *навэрхну* — *наверхóве* — *наверхóвны* — *наверхóвну* — *наверхóвных* — *наверхóвú* — *наверхóm* — *навэрхú* — *наподвэрх* — *навэршной* — *пóвэрх* — *поверхáм* — *пóвэрхú* — *подвэрх* — *подвэрху* — *посвэрх* — *провэрх* — *сверх* — *сверхú* — *сверховá* — *сверхóm* — *сверхóньку* — *свэрху* — *сверхь* — *сповэрх* — *сповэрху*. С корнем *тих-* (*тиш-*): *тихенько* — *тиховáто* — *тихóньки* — *тихóнько* — *тихóньку* — *тихóхоньки* — *тихóхочко* — *тихóшенько* — *тихошко* — *тишенько* — *тишинкой* — *тишко* — *тишно* — *втихú* — *исподтиха* — *исподтиша* — *исподтишеньки* — *исподтишкá* — *испотиха* — *испотишенка* — *истиш-*

ка́ — на́тиха — нати́харя́ — на́тихе — на́тихо — потихо́ненку — потихо́нечки — потихо́нешку — потихо́ньки — потихо́нько — потихо́нюшку — потихо́хонько — потихо́хоньку — потихо́хочку — поти́ху — поти́шку — сыспоти́ха — сыспоти́шки — сподти́ха — сподти́ху — сподти́шка́; также в сложно образованных наречиях: *тихо-ми́рно — потихоми́рно — тихомо́лкой — тихомо́лком — тихомо́лочком — втихомо́лку*.

§ 62. Продуктивность словообразовательных единиц. Диалектные различия могут быть связаны с неодинаковой продуктивностью (активностью, регулярностью) словообразовательных единиц в разных говорах: активные в одних говорах аффиксы могут не проявлять словообразовательной активности в других говорах. То же может относиться и к словообразовательным типам.

В северных говорах чрезвычайно продуктивным является тип собирательных существительных среднего рода с суффиксом *-j(e)*, мотивированных существительными всех родов самых разных семантических типов: со значением лица, названий животных, конкретных предметов. В качестве мотивирующих выступают не только немотивированные существительные, как, например, в литературном языке (*вороньё, бабьё*), но и мотивированные, при этом основа мотивирующих в говорах не усекается: *дво́рье, пузы́рье, сарафа́нье, мужьё, одея́лье, зерка́лье, блю́дые, до́нье* (от *дно*), *звёнье, щёлье, мозо́лье, постёлье, пёсенье, я́мье, скамьё, гага́рье* 'птицы гагары', а также: *морщи́нье, льди́нье, плоти́нье, жерди́нье* 'жерди'.

Мотивирующими могут выступать и существительные с собирательным и вещественным значением: *гнильё* 'гнилые деревья', *грязьё* 'грязные вещи', *дровьё, лю́дые, нарядье, огонье, приплóдые, уго́лье*.

Свидетельством высокой продуктивности данного словообразовательного типа служит то, что в говорах образуются такие собирательные существительные и от новых слов, появившихся лишь в сравнительно недавнее время: *колхо́зье, матерья́лье, парохóдые, шка́нье*.

Тип прилагательных, образованных с суффиксом *-áщ(ий)/-ящ(ий)* проявляет высокую продуктивность в части северных говоров — по нему образуются и заимствованные из литературного языка прилагательные: *передовя́щий* 'весьма превосходящий других в каком-н. отношении', *модня́щий* 'очень модный'.

Весьма продуктивными являются в части говоров словообразовательные типы прилагательных и образованных от них наречий с экспрессивными ласкательно-усилительными суффиксами *-охоньк-/-ёхоньк-* (*-охоньк-*), *-ошеньк-/-ёшеньк-*, *-очк-/-ечк-/-ячк-*, *-охочк-/-ехочк-*, *-ешечк-*, *-оньк-/-еньк-* и др.: *легóхонький* 'очень легкий', *сухо́хенький* 'очень сухой', *голоднёхонький, теплёхонький, любóшенький* 'очень нравящийся, любимый', *пьяно́шенький, темнёшенький, чистёшенький; высóчкий, глубóчкий, глупочкий, до́лочкий* (от *долый*), *широ́чкий; здоровёхочкий, мокрёхочкий, радёхочкий,*

свежо́хочкий, свободнёхочкий, сытёхочкий; до́лгонький, криве́нький, деревя́нненький, ру́сенький ‘русый’; *быстрёхонько, страшнёхонько; веселёше́нько, ровнёше́нько; вѳсячко, до́лочко, малёшечко, полнёхочко, тихо́хочко, узёхочко; бе́дненько* (бедне́нько), *ро́вненько* и др. По данному типу образуются также и новые для говоров слова: *культу́рненько, аккура́тненько*.

Очень высокую продуктивность проявляют в севернорусском наречии многократные глаголы с суффиксом *-ыва-/-ива-*: *бродѳть — бра́живать, бе́гать — бе́гивать, воева́ть — воя́ивать* (воя́вывать), *горѳть — га́ривать, гостѳть — га́щивать, громѳть — гра́мливать, гуля́ть — гу́ливать, доѳть — да́ивать, ѳздить — ѳзживать, моли́ть — ма́ливать, пла́вать — пла́ывать, пла́кать — пла́кивать, плева́ть — плѳывать — пля́ывать*.

§ 63. Состав слов, относящихся к одному словообразовательному типу. Характерной особенностью диалектного словообразования являются различия в наборе и количестве конкретных слов, образованных по одним и тем же словообразовательным типам и с помощью тех же словообразовательных средств (префиксов и суффиксов). В одних говорах употребляются слова, отсутствующие в других говорах и в литературном языке, хотя и образованные так же, относящиеся к одному и тому же словообразовательному типу. Диалектные различия такого рода занимают большое место в диалектном словообразовании.

1. Различия по составу лексем наблюдаются в говорах у различных существительных: отвлеченных, собирательных, вещественных и конкретных, мотивированных прилагательными, существительными, глаголами, наречиями. С суффиксами *-щин(а), -овщина(а)*: *базарщина, безобразовщина, быва́льщина, враго́вщина, вра́льщина, га́дальщина, домоде́льщина, досе́льщина* ‘происходившее в прошлом’, ‘старинные предметы’, *некульту́рщина, необразо́вщина, несправедли́вщина, ножо́вщина, отцо́вщина, рукоде́льщина, своеде́льщина, чертолóмщина*. У существительных со значением отвлеченного признака с суффиксом *-от(а)*: *бего́та, глубо́та* (от *глубѳй*), *жаро́та, жирно́та, лишно́та* (от *ли́шний*), *любо́та, крупно́та, прежно́та* (от *пре́жный*), *резво́та, светло́та, серо́та, смешно́та, треско́та, трудно́та*. У существительных, мотивированных глаголами, существительными, с суффиксом *-ак(а)*: *горева́ка, горожа́ка, жева́ка, задирáка, задра́ка, кусáка, пева́ка, пивáка, пинежа́ка* (жительница деревни на р. Пѳнеге), *реза́ка, стужáка, ходáка*. У существительных с разными значениями — отвлеченного признака, а также конкретного предмета с усилительно-увеличительным значением, с суффиксом *-я́тин(а)*: *голося́тина, горля́тина, губя́тина* (*губá* ‘гриб’), *дряхла́тина, мерзля́тина, мокря́тина, морозя́тина, мудря́тина, пестря́тина, потухля́тина, рохла́тина* (*ро́хлый* ‘незрелый’), *шкура́тина, штормя́тина*. У очень продуктивного в русском языке типа существительных, мотивиро-

ванных глаголами, с суффиксом -лк(а), обозначающих лиц и предметы: *воня́лка, грохоти́лка, дели́лка, долби́лка, запряга́лка, затыга́лка, маха́лка, ныря́лка, ню́халка, обжида́лка, побегáлка, подмета́лка, полоска́лка, приздыма́лка* (здыма́ть 'поднимать'), *распеча́тывалка, трескота́лка, скобли́лка, сторожи́лка, стоя́лка*, также в сложно образованном — *рукомóелка*.

В диалектном языке имеются существительные разных семантических типов, мотивированные существительными, прилагательными, глаголами, образованные префиксально-суффиксальным или суффиксальным способом с суффиксом -j-, употребляющиеся не во всех говорах и отсутствующие в литературном языке: *бездóждье, безрабо́тье, беспого́дье, запру́дье, осмелéнье, полегчéнье, поспешéнье, похвалéнье, подкровáтье, подни́зье, подсто́лье, приворо́тье, придвéрье, рассогла́сье; добровóлье, допото́нье, е́данье, кúпыванье, ложéнье, прирóдье, рассказыва́нье, рúганье, свáтыва́нье, сенокóсье, хлопота́нье, сложные: бедновла́стье, первосне́жье, рукоби́тье, сердцеби́тье, сухопогóдье, сухорóсье, шестиколéсье*, также мотивированное существительным, заимствованным из литературного языка: *некультúрье*.

В словообразовательном типе существительных с суффиксом -ец- разных семантических разрядов, мотивированных существительными, прилагательными, глаголами, в разных говорах употребляются разные слова; в одних говорах таких образований больше, в других меньше: *безобра́зницец, брата́ницец* 'двоюродный брат', *бывáлец, волше́бец, вы́сланец, горожа́ницец, дворя́нец* 'мужчина, перешедший жить в дом жены', *делóвец* 'ремесленник', *капка́ницец, колоко́лец, монасты́рец, обе́дец, парохóдец, погребе́ец, подоси́новец, ручéец, сара́ец, ткец* 'ткач', *уха́бец*, сложно образованное *одногóдец*, производное от заимствованного из литературного языка *киномеха́ницец*.

Так же различен по говорам круг существительных, мотивированных существительными, прилагательными, глаголами, с экспрессивными суффиксами -аг(а)/-яг(а), -чаг(а), -уг(а)/-юг(а), -ыг(а). Так, не во всех говорах употребляются такие существительные, как: *блудя́га, боевя́га, веселя́га, голодя́га, деревя́га, заботя́га, здоровя́га, молодя́га, морозя́га, простя́га, светля́га, смея́га, ходя́га, холостя́га; богатю́га, волосю́га, вралю́га, вредню́га, девчу́га, заразю́га, ленью́га, почерну́га* 'ковш', *пьяню́га, речу́га, сараю́га, силю́га, собачу́га, черну́га; колоты́га, короты́га, пьяны́га, худы́га*.

Не совпадает по говорам и объем существительных, мотивированных глаголами, прилагательными с суффиксами -б(а), -ёб(а)/-об(а), -тьб(а). Значение этого типа существительных 'действие или состояние, выражаемое значением мотивирующей основы': *дрожа́ба, дрожба́* 'дрожь', *вражба́* 'вражда́', *гостьба́, жарьба́, родьба́* 'рождение', *удьба́* 'ужение'; *гостёба́* 'взаимное хождение в гости', *едóба, жалёба́* 'жалость', *лечёба́* 'лечение', *худёба, жадóба, звать-*

ба́ ‘колдовство’, *жатьба́*, *пахотьба́*, *сеятьба́*, *холостьба́* ‘пробы-вание в неженатом состоянии’.

Не совпадает в разных говорах состав существительных с суффиксами *-иц(а)*, *-евиц(а)/-овиц(а)*, мотивированных прилагательными, со значением носителя признака. Такие существительные в литературном языке относятся к непродуктивному словообразовательному типу и обозначают явления, предметы самых разных семантических классов. Ср.: *боковѳца* ‘съемные борта телеги, саней’, *годовѳца* ‘годовалая девочка’, *горѳховица* ‘гороховая похлебка’, ‘ботва гороха’, *даровѳца* ‘подарок’, *дешевѳца* ‘низкая цена’, *дождѳвица* ‘дождливая погода’, *домовѳца* ‘женщина, ведущая домашнее хозяйство’, *дороговѳца*, *завѳдница*, *кѳпаница*, *кормовѳца*, *ольхѳвица* ‘ветки, листва черемухи, ольхи’, *полозовѳца* ‘след от полозьев’, *ржѳвица*, *тесовѳца*, *холщевѳца*, *чащевѳца*, *черѳмуховица*, в названиях ягод: *голубѳца*, *чернѳца*, у сложно образованных существительных: *пустоголѳвица*, *черноглаѳца*. У части существительных усекается суффикс основы мотивирующего прилагательного: *нелѳдица* (от *неладный*).

Существительные с названным суффиксом *-иц(а)* мотивируются также существительными женского и мужского рода: *ба́бица*, *журавлѳца*, *заба́вица*, *ѳзбица*, *ка́плица*, *ма́рлица*, *межѳца*, *коноплѳца*, *пра́вдица*, *продавѳца*, *ры́бица*, *травѳца*, от заимствованного из литературного языка существительного *киномехѳница*, также сложно образованное существительное: *полузѳмница*.

2. В одних говорах шире, в других уже круг прилагательных, мотивированных глаголами, с суффиксом *-л-*: *болѳлый*, *владѳлый*, *ходѳлый*, *ходѳлый*, *держѳлый*, *дымѳлый*, *ладѳлый*, *ревѳлый*, *залѳглый*, *озѳблый*, *па́хлый*, *повѳслый*, *погѳблый*, *поезжѳлый*, *просолѳлый*, *прохожѳлый*, *улежѳлый*, *скѳрблый*, *со́хлый*, *уто́пый*.

Словообразовательный тип прилагательных с суффиксом *-тельн-*, мотивированных глаголами, широко представлен в литературном языке, по-разному представлен в разных говорах. Прилагательные: *вздува́тельный*, *зна́тельный*, *любѳтельный*, *носѳтельный* *обзывѳтельный*, *обруча́тельный*, *непонима́тельный*, *помога́тельный*, *придира́тельный*, *рассказа́тельный*, *скопѳтельный*, *скрыва́тельный*, *смека́тельный*, *уясни́тельный*, *хранѳтельный* и под. употребляются не во всех говорах.

3. В части русских говоров употребляется большое количество префиксально-суффиксальных наречий с префиксом *по-* и суффиксом *-ому/-ему*, мотивированных прилагательными. В говорах эти наречия мотивируются прилагательными любого вида — качественными и относительными, а также местоименными наречиями: *по-бе́лому*, *по-чѳрному* (характеристика бани, согреваемой печкой с дымоходом или без него), *по-безѳумному* ‘без меры’, *по-бо́жьему* ‘добросовестно, хорошо’, *по-бывѳлому*, *по-ра́ньшему*, *по-пре́жнему* ‘как было принято раньше, прежде’, *по-беспѳтному* ‘неверно’,

по-бе́шеному ‘быстро’, *по-го́жему*, *по-голо́дному* ‘натошак’, *по-дере́вённому* ‘как в деревне’, *по-друго́якому* ‘иначе’, *по-ина́чему*, *по-крещё́ному*, *по-лёгкому* ‘одевшись не по погоде’, *по-одина́ковому*, *по-отча́яному* ‘быстро’, *по-первобы́тному* ‘как было раньше’, *по-пиро́жному* ‘в форме закрытого пирога’, *по-пристра́шному* ‘очень страшно’, *по-сейча́сному*, *по-ско́рому*, *по-смешно́му*, *по-сре́днему* (учусь *по-среднему* — ‘средне’), *по-третьего́днему* ‘аналогично по-запрошлomu году’, *по-туды́шнему* ‘как принято там’.

§ 64. Сложные слова. Сложные слова, имеющие две или более мотивирующие основы, представлены в диалектном языке довольно широко. Они образуются всеми известными литературному языку способами и характеризуют в диалектном языке почти все знаменательные части речи.

1. В говорах представлены сложно образованные диалектные существительные многих словообразовательных типов сложения со вторым, опорным, компонентом, равным самостоятельному слову. Особенно распространены сложные слова с подчинительным соотношением основ, суффиксально-сложные существительные разных типов, а также сложные существительные с нулевым суффиксом.

Сложные существительные с опорным компонентом существительным, как правило, используют этот компонент полностью, т.е. опорный компонент равен самостоятельному слову.

В качестве первого компонента выступают основы прилагательного, существительного, местоимения, глагола, числительного, предлога: *белогла́з*, *белоголо́вка*, *белогри́вка*, *воротигла́з*, *трясогла́з*, *голотё́нь*, *долгоше́я*, *красногу́ба* (‘гриб подосиновик’), *мокрохво́ст*, *пустокóрм*, *пустосме́х*, *редкозу́б*, *редколéс*, *сопленóс*, *чистобрю́хо*, *чистонóжка*, *чужедóм*, *широколóб* ‘человек с широким лбом’; *самовóл* ‘поступающий по своей воле’; *двустéнка*, *двухро́жки*; *межумолоко́* ‘период времени, когда корова не доится’.

В других случаях опорный компонент — суффиксальное существительное — самостоятельно не употребляется: *белово́лка*, *белоголо́вник*, *беломóшница*, *белонóжина*, *другойзбница* ‘женщина, живущая в другой избе’, *здымонóска* ‘женщина, ведущая себя высокомерно’, *крутонóска*, *прямонóска*, *однозу́бец*, *редкозу́бец*, *трясогла́зец*, *широкогла́зка*.

В говорах представлены сложные существительные с опорным компонентом — отсубстантивным (отадъективным) отглагольным существительным с суффиксами *-ств(о)*, *-ость (-есть)*, *-тель*: *доброка́чество*, *душемотáтельство*, *избохо́зья́йство*, *конева́льство*, *малолéтенство*, *многосемéйство*, *общежíteльство*, *самодра́нство*, *смехотво́рство*, *смолокúрство*; *близкозо́ркость*, *близкорúкость*, *твердолóбость*; *машиноводíteль*, *нервомотáтель*; с суффиксом *-j(e)*: *избомы́тье*, *грязекоплéнье*, *конецстра́дье* ‘окончание заготовки сена’, *полнолунéнье*, видимо, заим-

ствованные из литературного языка: *совершелётность, светопере-
ставленье*.

Собственно диалектными являются сложные существительные с опорным компонентом существительным *угол*, у которых первым компонентом выступает основа прилагательного с суффиксом *-ом*. Такие существительные называют углы деревянного дома: *верно́мугол, печно́мугол, большо́мугол*.

В сложных существительных с самыми разными значениями с опорным компонентом — глагольной основой, как правило, беспрефиксной, в качестве первого компонента выступают существительные, прилагательные, глаголы, наречия, местоимения, числительные. У существительных мужского рода обычно нулевой суффикс: *байнотоп, водокрут* 'водоворот', *водочёрп, голохвást* 'хвастливый человек', *голова́тряс, горежítель* 'бедно живущий человек', *гостеприёмец, грязномáз, дымоволо́к* 'дымоход', *копновóз, скородёл, моребóй, пимокáт* 'человек, изготавливающий («катающий») пимы' [валенки], *рановста́в, рукотёрт* 'полотенце для рук', *самовла́ст, саморóд, солнцевсход, солнцеповорóт* 'летнее солнцестояние', *стогонра́в* 'человек, заканчивающий укладку стога', *сучкорéз, сыроду́б* (от *дубítь* 'подвергать дублению'), *тишко-дúм, хлебокра́д*.

Существительные женского рода образуются, как правило, суффиксальным способом, чаще всего с суффиксами *-к(а), -(ль)н(я), -(н)иц(а), -щиц(а), -лк(а), -ин(а), -ень*: *весноспáшка, голова́тряска, мухохло́пка, перворóдка, рукотёрка, сеноста́вка, скоросу́шка, теплогрéйка, частобáйка* (баять 'говорить'), *чистомóйка, шерстобítка; мясосóльня, рукомо́йня, рыбодéльня, салогрéльня; избомы́тница, пустомéлица, рукодéлица, толстопряди́ца; рановстава́льщица, хлебока́талка; кротоéдина, белобра́нина* (братъ 'ткать'), *солнцепéчень* 'жара'.

2. Так же широко в говорах употребляются сложные прилагательные разных типов.

Во всех говорах имеется словообразовательный тип сложных прилагательных с опорным компонентом — основой существительного с нулевым суффиксом со значением 'обладающий тем, что названо опорной основой, с тем признаком, который конкретизирован в первой основе'. В качестве первой основы (как и в литературном языке) выступают, как правило, основы качественных прилагательных, числительных, существительных и глаголов, а также местоимений.

В диалектном языке обильно представлены сложные прилагательные, опорным компонентом которых являются существительные со значением 'часть тела': *глаз — широкогла́зый, слепогла́зый, двоегла́зый, семигла́зый, вертигла́зый...; шар (шары 'глаза') — дикоша́рый, черноша́рый...; нос — худонóсый, крутонóсый, сопленóсый, куценóсый, высоконо́сый...; язык — кривоязы́кий,*

мягкоязы́кий, худоязы́кий...; нога — мохноно́гий, вороно́гий, косоно́гий, цаплено́гий...; рука — белорúкий, плохорúкий, худорúкий, праворúкий...; ухо — голоúхий, большеúший, двуúший...; щека — чернощё́кий, сухощё́кий, долгощё́кий...; зуб — долгозúбый, скалозúбый, голозúбый, художúбый...; голова́ — востроголо́вый, лисоголо́вый (лисий 'рыжий'), крутоголо́вый, трясиголо́вый, вертиголо́вый...

В говорах употребляются сложные прилагательные с нулевым суффиксом, опорным компонентом которых являются существительные других семантических разрядов, конкретные и абстрактные: *белокле́тый* 'имеющий рисунок в клетку белого цвета', *гладкосло́вый*, *грязноподо́лый*, *двенадцатиси́лый*, *долгове́кий*, *долгожи́лый*, *долголе́тый*, *красношля́пый*, *крупнове́сый*, *крутоберё́гий*, *легкоу́мый*, *малоу́мый*, *малосо́кий*, *мелкоколо́сый*, *миловзгля́дый*, *низкоперё́дый*, *низкосу́кий*, *просторука́вый* (простой 'широкий'), *прямоство́лый*, *старообра́зый*, *толстокра́ий*, *тяжелоду́мый*, *черноды́рый*, *четвероу́глый*.

Сложные прилагательные могут иметь опорный компонент глагольную основу. В качестве опорного компонента выступают страдательное причастие прошедшего времени или отглагольное прилагательное, первого компонента — местоименное слово *само-* (от 1. 'сам' и 2. 'самый') и *свое-*, которое по значению синонимично *само-* (1). Общее значение таких сложений 'произведенный самостоятельно, осуществленный своими руками, своего изготовления'. Способ изготовления конкретизируется причастной формой соответствующего глагола или прилагательным: *самодéланный*, *самокра́шенный*, *самопе́чный*, *саморóщенный*, *самоста́вный* (ставить 'заготовлять сено'), *самотка́тый*, *самоши́тый*; *своева́ренный*, *своедéланный*, *своека́тальный*, *своеко́панный*, *своеко́рмленный*, *своелóвленный*, *своеплетё́ный*, *своепря́деный*, *своерóщенный*, *своестё́ганный*, *своетка́нный*.

Другие сложные прилагательные с первым компонентом *свое-* имеют опорный компонент прилагательное, мотивированное существительным. Значение таких прилагательных связано с местоимением *свой* 'собственный, местный, здешний': *своеве́ренный* 'своей веры', *своево́лостный* (от *во́лость*), *своедереве́нный* 'живущий в той же деревне', *своеобы́чный* 'местного, своего обычая', *своепря́жный* 'из своей пряжи'.

Сложения с первым компонентом *само-* от местоимения *самый* и опорным компонентом прилагательным выражают общее значение предела проявления признака, превосходной степени того, что обозначено прилагательным, или усиления признака: 'именно тот, такой, лучше того, какой обозначен прилагательным': *самовы́ходный* 'лучше всего подходящий для праздничного выхода', *самогла́вный*, *самолу́чший*, *самолю́бливый*, *самолю́бый*, *самолюбовáтый*, *самохва́ловатый*, *самомоско́вский*, *самопослед́ний*, *самоси́льный*, *самоста́рый*.

Сложные прилагательные могут образовываться из словосочетаний, имеющих в своем составе указательные местоимения, наречия, глаголы, прилагательные и предложно-падежные формы: *горегóрький* 'горестный, несчастный', *дроворубный*, *другогóдный* 'прошлогодний', *кажиннобóдущий*, *никудыгóдный*, *отовсéвный* 'из разных мест', *сегогóдный*, *селётный*, *сеголётный*, *сегóдне-лётный*, *этолётный* 'относящийся к текущему лету или году', *третьевóднешний* 'позавчерашний', *третьемгóдишний* 'относящийся к позапрошлому году'; *обосвётный*, *сейсвётный*.

Имеются также сложные прилагательные с усилительно-увеличительным значением, образованные путем сложения однокоренных основ. Первая или вторая часть — с суффиксом усилительной оценки; части могут быть расположены и в обратном порядке. Ср.: *сухой-сухящий*, *жаднящий-жадный*. В других образованиях в качестве первого компонента выступает наречие с суффиксом *-ым*, однокоренное с опорным прилагательным: *темным-тёмный*, *распьяным-пьянёхонький*.

3. В диалектном языке широко представлены сложные наречия. Некоторые из них обозначают временные отрезки или место. В качестве мотивирующих основ первого компонента выступают местоимения: *тот*, *кой*, *сей*, *каждый* в различных формах или числительное, в качестве опорного компонента — существительные со значением отрезка времени *век*, *год*, *месяц*, *день*, *пора*, *зима*, *лето*, *утро*, *ночь*, а также существительное *раз*.

Эти наречия образуются префиксально-суффиксальным, суффиксальным или префиксальным способом. Так, в архангельских говорах весьма многочислен синонимический ряд наречий времени, образованных от существительного *пора* с общим значением 'в то (то же самое), это время' с первым опорным компонентом местоимениями *тот*, *кой*, *сей*, используемыми в разных формах, и разными суффиксами: *втáпор*, *втáпора*, *втáпоре*, *втáпору*, *втáпоры*, *втáпорь*, *втéпор*, *втепорá*, *втéпору*, *втóйпору*, *втáйпоры*, *втупор*, *втупорь*, *втупорека*, *втупорице*, *втыпоры*, *стéпор*, *тéпор*, *тупорь*, *тóйпору*, *тупорика*, *тойпоря*, *тупоря*; *вкóйпору*, *кóйпорá*, *кóйпору*, *койпоры*; *досяпор*, *досяхпор*, *сяпор*, *сéпору*. С опорным компонентом существительным *день* с первым компонентом местоимением *кой*, *сей* и числительным: *коговодни*, *коегóдни*, *коегóднись*, *коегóдня*, *кóедни*, *когóдни*, *когóдня*; *посéдни*, *посéдня*, *посéйдни*, *третёдни*. С опорным компонентом существительным *год* и теми же первыми компонентами: *коегóду*, *коевогóду*, *сévгоду*, *сегóгоду*, *сегóгоды*, *сéйгод*, *тогóгоду*, *третьгóдну*. С опорным компонентом существительными *зима*, *лето*, *утро* и с первым компонентом местоимением *сей*: *сézиму*, *сéлето*, *сеголётном*, *севúтро*. С опорным компонентом существительными *вечер*, *раз* и с первым компонентом местоимением *сей*, *кой*, *тот*, *иной*, числительными и прилагательным: *севичери*, *коевечеру*, *втёрáз*, *тогорáз*, *иноворáз*, *двáрáз*,

дваразу́, дваразы́, дво́ераз, дво́юраз, впе́рвораз, вдруго́раз (друго́й ‘второй’), ре́дкораз.

Достаточно употребительны наречия места с опорным компонентом существительным *место* с первым компонентом местоимениями *сей, экий, этот, тот, кой* и местоименными наречиями с общим значением ‘до (от) этого указанного места’, ‘по это указанное место’, ‘до того места’: *доэ́кмест, доку́льмест, доку́ляместа, досе́ймест, досе́лемест, досе́льмест, досе́месть, досу́льмест, досю́дмест, досю́льмест, доту́дамест, доту́льмест, доту́льме́ста, доце́льмест, доэ́томест, отсе́мест, посе́мест, посю́даместь.*

Широко представлены в говорах сложные наречия, образованные с суффиксами *-(к)ом, -ой*. В качестве опорного компонента выступают основы глагола или, реже, основы существительного, мотивированного глаголом. С первым компонентом — основой местоименного прилагательного *сам*: *самова́ром, самоде́лком, самокра́дом, самонóсом, самопла́вом, самоса́дом, самоу́чком, самохо́дом, самохра́пом; самоде́льщиной, самоса́дкой, самосу́шкой, самохо́дкой*; с первым компонентом основой наречий: *прямохо́дом, свежewáром, сухоме́сом, сухомя́тком, сухоплы́том, сыромоло́том, тихомо́лком; скорова́ркой, скороспе́лкой*. С первым компонентом основой прилагательного, с опорным компонентом основой существительного: *гололы́тком* ‘с голыми ногами’ (*лы́тка* ‘голень’).

Отмечаются сложные наречия, мотивированные сложными прилагательными, с суффиксом *-о/-е*: *впередивре́менно, высоколе́пно* (ср. литературное *великолепно*), *дикорасту́ще, доброполу́чно, кажно́дно, каждоде́нно, каждомину́тно, кажноме́сячно, прошлoво́льно, самогла́сно, самолу́чше, саморо́дно, севого́дно, солнoпе́чно, старове́рно, старопре́же, сумасходíтельно, хладносе́рдно.*

В диалектном языке употребляются также наречия, образованные из двух основ, или двухчастные наречия. С однокоренными частями: *долги́м-до́лго, сухи́м-су́хо, ну́жным-на́до, ма́ло-ма́ле, ма́ло-ма́льше, ра́зно-перера́зно, досы́та-досы́тного, пло́хо-на́плохо, ре́дко-на́редко, хорошо́-на́хорошо, сно́ва-на́ново* ‘иначе, по-новому’, *давнó-пода́вно, крéст-наперекрéст, скрéст-накрест, сукрeсть-накрест, прям-напрям* ‘в прямом направлении’, *веко́м-веко́в, веко́м-веку́ще* ‘очень давно’, *всяко-ра́зно* ‘по-разному’. С разнокоренными частями: *ми́ло-ла́сково, ла́дно-скла́дно* ‘как следует, толково, умело’, *за́дью-наперeд, взáдвня́т, взáдпя́т, взáдпя́ть* ‘пяťся, в обратном направлении’, *тихо́хоньки-помалёхоньки* ‘неторопливо, не спеша’.

4. Одним из редких диалектных различий в области глагольного словообразования является возможность образования сложных глаголов с приставкой местоименного происхождения — первым компонентом *того-*. Так, в части архангельских говоров имеется глагол *того́делать* с общим значением, соответствующим общерус-

скому глаголу *делать* ‘совершать, осуществлять что-н.’ Он может обозначать любое действие, конкретизирующееся в речевой ситуации. Этот диалектный глагол употребляется со всеми приставками: *вы́тогоделать*, *зато́годелать*, *нато́годелать*, *перето́годелать*, *прито́годелать* и т. д., имеется и возвратный: *то́годелаться*. Корень глагола может быть представлен как в виде *дел-*, так и *де-/деј-* (ср. с этим корнем в литературном языке слова: *действовать*, *деятель* и др.). Оба эти корня могут редуцироваться вплоть до одного согласного: *вы́тогодеть*, *вы́тогодить*, *вы́тогодиться*, *нато́годить*, *перето́годить*, *сто́годить* и др. Такого типа префиксальные глаголы присоединяют все присущие русским глаголам несовершенного вида суффиксы, например, *-ыва*: *вытогодёлывать*, а также характеризуются общерусскими чередованиями гласных корня *о||а*: *вытога́диваться*, *притога́дивать*. Ср.: *Я стекло́ вы́тогодела́ла* (‘вынула’, из лампы). *Раскопа́ли да вы́тогодела́ли* ‘узнали, разузнали’ — *не да́на пёньзия*. *В про́шлом го́де одну́ совсе́м медве́дь искове́ркал, друго́й гла́з вы́тогодил*. *Зато́годить* — *пригото́вить что́-то, заде́лать*. *Другу́ ко́мнату они са́ми обто́годливали* — *обору́довали*. *Ме́лко-то все́ прото́годеля́ют* — *бу́дет крупá*. *Сквозь решётку прото́вóделя́ют*. *Его́ ве́тром притовóделило к стeны́*. *Шесто́м притога́диваем к бе́регу*. Из приведенных примеров видно, что в глаголах такого типа — с очень широкой, отвлеченной семантикой — конкретное значение передается по существу приставкой, именно она выражает, несет на себе основной смысл глагольного действия.

Другой глагол подобного типа образования *чемзна́ть* (*чемна́ть*) ‘быть в неведении’: *Чемзна́ш* — *не по́йман* — *не во́р*. *Мы ведь чемзна́ем? Щáз говоря́т* — *не зна́ю, а ра́ньше: чемна́ю я*. *Он це́мнат* — *поцто́ ты несёш*. *Я це́мнаю, взяла́ ли не взяла́*. *Мужи́к пришёл, она́ и забрани́ла*. — *А почему?* — *Чемна́ю?* *Я чемзнала, что у них неприятно́сь была́*.

Дополнительная литература

Азарх Ю.С. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. — М., 2000.

ДИАЛЕКТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В МОРФОЛОГИИ

§ 65. Различия в грамматических значениях. Как уже было сказано ранее, грамматический строй русских говоров отличается значительным единством. В морфологии это единство проявляется прежде всего в том, что всем говорам свойственны одни и те же части речи, которые характеризуются в основном одними и теми же категориями. Однако некоторые диалектные различия есть и в самих грамматических категориях.

В северо-западных говорах имеется грамматическая категория перфекта (см. § 130), которой нет в других говорах, а также и в литературном языке.

Отдельные грамматические категории, общие для всего русского языка, могут выражаться в разных говорах неодинаковым составом форм.

Так, диалектные системы могут различаться по составу падежных форм (см. § 69). Но эти различия часто проявляются непоследовательно или обнаруживаются только в небольшом круге слов (например, особая форма местного падежа). Поэтому можно с известным правом считать, что они относятся к периферии падежной системы диалектного языка.

Есть различия и в составе форм времени. Так, в некоторых говорах отмечается форма давно прошедшего времени (*был пришел* и т.п.). Но эта форма как живое грамматическое явление сохранилась лишь в небольшой части говоров.

§ 66. Различия в словоизменительных аффиксах. Диалектные различия в морфологии касаются главным образом внешней стороны грамматических форм, т.е. тех грамматических средств, которыми выражены те или иные грамматические значения.

Основным средством выражения грамматических значений в русском языке являются аффиксы. Диалектные морфологические различия касаются прежде всего словоизменительных аффиксов. Эти различия могут быть сведены к нескольким типам.

1. Различия в наборе аффиксов, которыми выражается определенный комплекс грамматических значений. Многие грам-

матические формы, имея одно и то же значение, образуются при помощи аффиксов, которые находятся в отношениях дополнительного распределения, т. е. каждому из аффиксов соответствует свой класс основ, в результате чего эти аффиксы взаимозаменяют друг друга в разных классах слов и взаимоисключают в одном классе. Ср., например, синонимичные окончания *-а*, *-о* и нулевое (*-∅*) в им. п. имен существительных (*вод-а́*, *сён-о*, *стакáн-∅*, *рож-∅*). Количество аффиксов, выражающих один и тот же комплекс грамматических значений, во многих случаях неодинаков по говорам. Например, в дат. п. мн. ч. существительных в одних говорах имеется только одно окончание для всех основ *-ам*, в других — два окончания: у одних слов *-ам* (*по лесáм*, *к домáм*), а у других *-ом* (*к санём*, *лошадём*).

2. Различным может быть распределение аффиксов по классам основ в тех случаях, когда набор аффиксов, находящихся в отношениях дополнительного распределения, одинаков для всех говоров. Так, во всех говорах форма род. п. мн. ч. существительных характеризуется окончаниями *-ов* (*-ох*), *-ей* и *-∅*, но они по-разному распределяются между классами существительных. В результате одни и те же существительные имеют в разных говорах различные окончания. Например, у существительных *бани*, *деревни* и т. п. в одних говорах отмечается нулевое окончание (*бань*, *деревень* или *деревён*), в других — *-ej* (*бáней*, *дерéвней*), а в третьих — *-ов* (*бáнев*, *дерéнев*).

3. Различным может быть фонемный состав одних и тех же аффиксов. Таковы, например, уже упоминавшиеся окончания *-ов* и *-ох* в род. п. мн. ч. существительных, а также окончания *-от*, *-от'*, *-ет* и *-ет'* в 3-м л. ед. ч. глаголов (*идёт*: *идётъ*: *идёт*: *идётъ*).

§ 67. Различия в чередованиях фонем, стоящих в основе, и в месте ударения. Помимо различий в аффиксах — основных средствах словоизменения — в говорах наблюдаются и различия, касающиеся дополнительных грамматических средств: чередований фонем в основах и местах ударения. Чередование фонем играет существенную роль в глагольном словоизменении, а также в словоизменении местоимений, например: *брошу* — *бросишь* — *бросит* и т. д.; *тебя*, *тебе* — *тобой* и др. Подвижное ударение широко используется в парадигмах существительных и глаголов, например: *ногá* — *но́гу*, *пилá* — *пи́лы*, *курю́* — *ку́ришь*. Некоторые типы подвижного ударения и некоторые типы чередований имеются в одних говорах и отсутствуют в других: *ногá* — *но́гу* и *ногá* — *ногу́*, *курю́* — *ку́ришь* и *курю́* — *кури́шь*; *бро́шу* — *бро́сишь* и *бро́сю* — *бро́сишь*.

В некоторых случаях сам характер чередования может различаться по говорам: *пеку́* — *печёшь...* — *пеку́т* (чередуются заднеязычная и шипящая) и *пеку́* — *пекёшь...* — *пеку́т* (чередуются твер-

дая и мягкая заднеязычные). В части говоров чередование согласных у глаголов с основой на заднеязычные отсутствует: *пекú* — *пекóшь...* — *пекúт*.

При всем многообразии описанных различий во внешнем выражении грамматических форм они выступают как частные различия на фоне общности в системе грамматических средств диалектного языка. Морфологические системы русских говоров характеризуются значительной близостью, что обеспечивает взаимопонимание при общении представителей разных говоров.

ИМЕНА

§ 68. Категория рода. Вначале несколько замечаний о некоторых грамматических категориях имен.

Диалектные различия в категории рода связаны в основном с явлениями, которые часто рассматриваются в литературе как утрата среднего рода. Действительно, класс имен существительных, относящихся в литературном языке и в большей части северного наречия к ср. р., во многих говорах сужается за счет муж. или жен. р., например, *мое полотенце* — *мой полотенец*, *это яйцо* — *этот яйцо*, *в моем платье* — *в моей платье* и т. п. В одних говорах наблюдается сужение класса имен существительных ср. р. за счет расширения класса жен. р., а в других за счет муж. или обоих классов (муж. и жен.). Первое явление более характерно для акающих говоров и особенно для говоров к юго-востоку от Москвы. Второе менее четко локализовано. Наблюдается оно, например, в ряде говоров к западу от Москвы, а также на некоторых территориях, где русское население граничит с нерусским, например, в Приуралье.

Однако полной утраты среднего рода не происходит. Представление об утрате ср. р. в южнорусских говорах преувеличено. О роде существительных многие наблюдатели судят по согласованию имени прилагательного с существительным в им. п. и все случаи согласования типа *большáя селó* трактуют как указания на жен. р. существительного. Однако о родовой принадлежности существительного нужно судить не по одной форме согласуемого слова, а по всей парадигме. При этом обнаруживается, что окончания жен. р. у прилагательного в сочетании с существительным типа *селó*, *окно́*, *вед-ро́* (с ударными окончаниями) имеют место в им. п. и вин. п., в то время как в других падежах обычно наблюдаются окончания, общие для ср. и муж. р. Например:

И. *большáя селó*

Р. *большóго (большóво) села*

Д. *большóму селú*

В. *большúю (или большúя) село*

Т. *большím селóm*

П. *о большóm селé*

Следовательно, существительные типа *село, ведро* (с ударными окончаниями) представляют здесь особый согласовательный класс по сравнению с существительными муж. и жен. р. Иначе говоря, средний род у существительных типа *село, ведро* в говорах сохраняется. Однако у существительных ср. р. с безударными окончаниями в этих же говорах нередко наблюдается переход в жен. р. или (чаще) колебания в роде, например: *по второму стаду* и *по второй стаде*; *два платья* и *две платьи* и др.

Таким образом, диалектные различия в категории рода у существительных сводятся к распределению слов между муж., жен. и ср. р. и к форме выражения ср. р.

§ 69. Категория падежа. Каждому говору присущи по меньшей мере шесть падежей, известных из школьной грамматики. Но ни одна конкретная падежная парадигма (т. е. ряд словоформ, различающихся только по признаку падежа) не содержит соответствующего количества разных форм. Та или иная часть падежей в любой из этих парадигм имеет омонимичные окончания.

Совпадение падежных окончаний (омонимия падежных форм) может характеризовать и более крупные классы словоформ, выходящие за пределы одной части речи. Некоторые падежные совпадения имеют место у любого имени при определенных показателях рода, числа и одушевленности/неодушевленности. Так, во всех русских говорах, как и в литературном языке, всегда омонимичны: 1) им. и вин. п. всех неодушевленных имен муж. р.; 2) им. и вин. п. неодушевленных имен во мн. ч.; 3) род. и вин. п. одушевленных имен муж. р.; 4) род. и вин. п. одушевленных имен во мн. ч.

Им. и вин. п. ср. р., всегда совпадающие в литературном языке, в говорах совпадают не всегда.

Во многих говорах северного наречия омонимичны дат. и твор. п. у любых имен во мн. ч., например: *двум больным старухам помогала, по своим делам пошла, я к вам приеду* — и *за двум больным старухам ходила, управлюсь со своим делам, я с вам посижу*.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

§ 70. Типы склонения существительных единственного числа. Типы склонения существительных ед. ч. в диалектном языке, так же как и в литературном, связаны с родом существительных, причем этот принцип связи (как и в литературном языке) реализуется непоследовательно. По говорам наблюдается бóльшая или меньшая последовательность проявления этой связи, не одинаковы и конкретные отклонения от нее.

Необходимо различать основные (или регулярные) типы, охватывающие крупные и открытые (т.е. неограниченно пополняющиеся) классы слов, и нерегулярные типы, к которым относятся отдельные слова или закрытые (не пополняющиеся) классы.

Основные типы склонения в диалектном языке те же, что и в литературном. Все они имеются в любом говоре, но наборы окончаний каждого типа склонения и соотношение склонений друг с другом по говорам различаются.

К нерегулярным типам склонения могут относиться в говорах существительные на *-мя* (*úмя, сéмя* и др.), *мать* (*мáти*), *дочь* (*дóчи*), а также *свекры́*. Но каждый из этих типов выделяется только в части говоров. В других говорах эти существительные входят в один из основных типов склонения на основании их принадлежности к определенному грамматическому роду.

Нерегулярные типы склонения — это осколки древних утраченных типов склонения основ на согласный (*мать, дочь*, существительные на *-мя*) или на **-й̄* (*свекры*) с характерными для этих типов чередованиями основ именительного и косвенных падежей. Нестабильность этих типов в диалектном языке, их утрата во многих говорах отражают тенденцию к объединению типов склонения по признаку грамматического рода, которая действует на протяжении всей истории русского языка.

Диалектные различия в распределении существительных между типами склонения создаются не только за счет утраты нерегулярных типов склонения. К разным типам склонения относятся в говорах и некоторые другие группы существительных.

Так, например, одушевленные существительные с суффиксами *-ушк-* и *-ишк-* относятся в одних говорах к 1-му, а в других ко 2-му скл. (*дедушка* или *дедушко*, *парнишка* или *парнишко*). В Северном наречии они, как правило, принадлежат ко 2-му, а для Южного наречия более характерна их принадлежность к 1-му скл.

Изменение по 2-му скл. (с окончанием *-о* в им. п.) является для этих существительных более древним. Совпадение */а/* и */о/* в ударном положении создало в Южном наречии и в акающих среднерусских говорах условия для вовлечения этих существительных в 1-е скл., к которому относились и другие одушевленные существительные муж. р. на *-а* (типа *староста*). Такой переход и произошел, хотя не всегда последовательно, в большей части Южного наречия и во многих среднерусских говорах.

Существительные, которые в одних говорах относятся к среднему роду, а в других к женскому, принадлежат, соответственно, и к разным типам склонения. Существительные женского рода относятся к 1-му скл., а среднего рода — ко 2-му скл. или к переходному типу, сочетающему в разных падежах окончания 1-го и 2-го скл.: окончания 1-го скл. в им. и вин. п. и окончания 2-го скл. в остальных падежах (см. § 68).

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ СКЛОНЕНИЯ

СКЛОНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЖЕНСКОГО РОДА НА -а (1-е СКЛОНЕНИЕ)

§ 71. **Форма родительного, дательного и предложного падежей.** Во всех говорах существительные 1-го скл. имеют окончание -а в им. и -у в вин. п. Окончания остальных падежных форм варьируются по говорам.

Род., дат. и предл. п. в диалектном языке представлены окончаниями -и (-ы) и -е (Ѣ), соотношения которых по говорам очень различны.

В северных говорах род. п., как и в литературном языке, имеет единственное окончание -и (-ы). В большей части южных говоров ему соответствуют два окончания: -и (-ы) и -е, которые обычно употребляются в разных синтаксических условиях. Наиболее типичны следующие распределения -и (-ы) и -е в зависимости от синтаксических условий:

1) в сочетании существительного с предлогом у — окончание -е, а в остальных конструкциях окончание -и (-ы): *у женѣ, у сестрѣ, у роднѣ, но без жены́, от сестры́, от родни́, нет жены́, три сестры́, много родни́* и т. д.;

2) в сочетании с любыми предлогами -е, а без предлогов -и (-ы): *у сестрѣ, из водѣ, до едѣ* и т. п., но *нет сестры́, ведро воды́, много еды́* и т. п.

Такое разграничение в употреблении двух окончаний свидетельствует о том, что в этих говорах имеются два разных падежа в соответствии с род. п. других говоров. Однако противопоставление этих двух падежей в говорах неустойчиво. Так, в тех же предложных конструкциях, где существительное имеет окончание -е, отмечается и -и (-ы): *у сестрѣ* и *у сестры́, из водѣ* и *из воды́* и т. п. В ряде говоров, напротив, окончание -е отмечается не только в предложных, но и в беспредложных конструкциях наряду с -и (-ы), например: *кадка воде, избе не жалко, дали десять лет тюрьме*. Но это более редкое явление.

Распределение окончаний -е и -и (-ы) может зависеть не только от синтаксических условий, но и от характера основы существительных и места ударения. Так, окончание -е шире распространено у существительных с основой на твердый согласный, чем на мягкий.

Для многих юго-западных говоров характерно соотношение *у сестрѣ, но у родни́; из водѣ, но из земли́*. В некоторых говорах (например, в говорах вокруг Москвы и в ряде говоров Воронежской, Тамбовской областей) -е шире представлено у существительных с безударными окончаниями, чем с ударными. Например, -е отме-

чается у существительных с ударными окончаниями только в сочетании с предлогом *у*, а при ударении на основе — в сочетаниях с любыми предлогами (*у сестре́, от сестры́, без сестры́, но у ма́ме, от ма́ме, без ма́ме* и т. п.).

Такое различие в окончаниях указывает на неоднородность 1-го скл. в этих говорах. Если в литературном языке все существительные на *-а* склоняются по единой модели (речь идет, разумеется, о фонемном составе окончаний в устном языке, а не об их буквенном изображении), то для многих южнорусских и среднерусских говоров более характерна сложная структура этого типа склонения: в нем выделяются разновидности, например, твердая и мягкая или ударная и безударная.

Таким образом, в этом отношении тенденция к единообразию склонения имен существительных одного и того же рода реализована в данных говорах в меньшей степени, нежели в литературном языке.

Указанные разновидности связаны не только с формой род. п., но и с другими падежами, окончания которых варьируются по говорам.

В дат. и предл. п. окончание *-и (-ы)* широко распространено на территории западных (особенно северо-западных) областей (*к воды́, в воды́, к земли́, на земли́* и т. п.). При этом окончание *-и* отмечается на северо-западе в обоих падежах у любых существительных 1-го скл., а на юго-западе в твердой разновидности — преимущественно в дат. п. (*к воды́, но в воде́* и т. п.), а в мягкой разновидности в обоих падежах (*к земли́ и в земли́* и т. п.).

§ 72. Форма творительного падежа. Наиболее многообразны в 1-м скл. окончания твор. п.: варьируются и количество слогов, и гласная, с которой начинается окончание.

Двухсложные окончания твор. п. в качестве факультативных вариантов односложных (*водо́ю* наряду с *водо́й*) могут употребляться в разных говорах. Наиболее распространены они в юго-западных говорах, где, по-видимому, служат основным вариантом окончания твор. п.

Существительные с ударным окончанием имеют почти повсеместно *-ој (-оју)*. Лишь в небольшой группе говоров около Онежского озера употребляются окончания *-еј* или *-иј (-ыј)* (*водэ́й* или *воды́й*). Окончание *-еј*, присущее только мягкой разновидности (*водо́й, но земле́й*), распространено в некоторых северных говорах, например, вологодских.

В Псковской, Тверской, Смоленской, Московской и Рязанской областях есть говоры, где различаются окончания ударной (*-ој* или *-оју*) и безударной разновидности (*-уј* или *-ују*). Ср.: *водо́й, жено́й, реко́й, земле́й* и *лопа́туй, ба́буй, па́лкуй, дере́внюй* (часто наряду с *лопа́той, ба́бой, па́лкой, дере́вней*). Так же и у прилагательных, ср.: *ста́рой (-ою) ма́мой (-ою) и стару́й (-ую) маму́й (ую)*.

СКЛОНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЖЕНСКОГО РОДА
С НУЛЕВЫМ ОКОНЧАНИЕМ В ИМЕНИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ
(3-е СКЛОНЕНИЕ)

§ 73. 3-е склонение в его отношениях к 1-му склонению. Диалектные различия в 3-м скл. определяются в основном степенью его сближения с 1-м скл., вызванного тенденцией к объединению склонения существительных женского рода. Эти различия затрагивают дат., предл. и твор. п., а также, хотя и в значительно меньшей степени, вин. п.

В дат. и предл. п. 3-е скл. имеет окончание *-и* (как и в род. п.) или окончание *-е* (*-ѣ*): *к ло́шади* или *к лошади́* и *к ло́шаде* или *к лошаде́* (*к лошади́*), *на ло́шади* или *на лошади́* и *на ло́шаде* или *на лошаде́* (*на лошади́*). Окончание *-и* является для 3-го скл. исконным, унаследованным им от склонения существительных с основой на **i*. Окончание *-е* (*-ѣ*) появилось под влиянием 1-го скл.: *к лошаде*, *на лошаде*, как *к козе*, *на козе*. Естественно, что распространение этого окончания в 3-м скл. ограничивается теми говорами, где оно имеется в 1-м скл., но и среди этих говоров оно отмечается не повсеместно. Наиболее распространено окончание *-е* (*-ѣ*) в вологодских и части кировских говоров, в восточной части Южного наречия и примыкающих к ней среднерусских говорах. При этом по отношению к говорам Южного наречия и акающим среднерусским говорам речь может идти только о тех существительных 3-го скл., которые имеют в данной форме ударение на окончании, так как в этих говорах */e/* (*/ѣ/*) и */и/* в заударных слогах не различаются.

Окончания дат. и предл. п. в 1-м и 3-м скл. совпадают не только в тех говорах, где в 3-м скл. известно окончание *-е* (*-ѣ*), но и в говорах, где 1-е скл. имеет окончание *-и* (*-ы*) (см. § 61).

В твор. п. существительные 3-го скл. имеют или специфичную форму на *-ю* (*ло́шадью*, *со́лью*), или форму, общую с 1-м скл. (*ло́шадей*, возможно и *лошадёй* или *ло́шадюй*, *со́лей* или *со́люй*). Эта форма, общая с 1-м скл. в том или ином ее виде, отмечается в вологодских, кировских, псковских, тверских и смоленских говорах и в говорах к юго-востоку от Москвы. В части этих же говоров наблюдаются и переходные окончания *-юй* (*ло́шадюй*, *со́люй*) или *-юей* (*ло́шадьей*, *со́льей*) — результат неполного уподобления окончания твор. п. 3-го скл. окончанию 1-го скл.

В вин. п. нулевое окончание в 3-м склонении является в одних говорах единственным; в других говорах наряду с ним в качестве факультативного варианта употребляется окончание *-у* (*ло́шадю*, *вёшу*, *шáлю* и др.), чаще всего встречающееся в Юго-Восточной диалектной зоне (см. карту на с. 257).

Таким образом, 3-е скл. в одних говорах очень близко к 1-му скл., а в других более обособлено от него. Так, в говорах у самой

Москвы и в центральных говорах к северу и северо-востоку от Москвы (владимирских, ярославских, костромских и некоторых других) 3-е скл., как и в литературном языке, имеет с 1-м только одно общее окончание *-и* в род. п.

СКЛОНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО И СРЕДНЕГО РОДОВ (2-е СКЛОНЕНИЕ)

§ 74. Склонение существительных, относящихся ко 2-му склонению. Ко 2-му скл. относятся существительные муж. р., за исключением существительных на *-а*, состав которых в говорах неоднороден (см. § 70), и существительные ср. р.

Для многих южных говоров, особенно в областях к юго-востоку от Москвы, принадлежность существительных ср. р. ко 2-му скл. стабильна только при ударении на окончании. У существительных с ударением на основе наряду с окончаниями 2-го скл. употребляются и окончания 1-го скл.: *из ста́да, из ста́ды, по се́ну* и *по се́не* и т. п. Существует и промежуточный тип, в котором в вин. п. окончание *-у*, характерное для 1-го скл., а в остальных падежах окончания 2-го скл.: *убирать се́ну, но без се́на, по се́ну, за се́ном* и т. п.

Влияние 1-го скл. на существительные ср. р. с безударными окончаниями оказалось возможным благодаря совпадению в этих говорах безударных окончаний обоих склонений в им. п.: *сел[ó]* и *вод[á]*, но *се́н[а]* или *се́н[э]* и *ба́б[а]* или *ба́б[э]*. То, что сильнее всего это влияние сказалось в вин. п., неслучайно: таким образом говоры избегают омонимии им. и вин. п.

§ 75. Форма родительного падежа. Диалектные различия во 2-м скл. касаются форм род. и предл. п.

В род. п. существительные 2-го скл. имеют окончания *-а* или *-у*. Оба окончания известны во всех говорах, но их соотношение не одинаково: в одних говорах оно близко сложившемуся в литературном языке, в других — сфера окончания *-у* шире, чем в литературном языке. Это различие связано, во-первых, с синтаксическими условиями, в которых употребляется род. п. на *-у*, а во-вторых, с кругом существительных, у которых возможно окончание *-у*. Есть синтаксические конструкции, в которых форма на *-у* типична для всех говоров. Таковы конструкции, где форма род. п. имеет значение части целого, неполного охвата объекта действия (например, *горо́ху напосыла́ла, дай-то еркуле́су, трикота́жу там вся́кого, иди сы́ру есть* и т. п.), и конструкции с различными предлогами, требующими род. п. (*из ле́су, ми́мо до́му, как с пожа́ру, до сенокóсу, для интере́су* и т. п.).

В части говоров употребление формы на *-у* не ограничивается этими синтаксическими условиями (например, *больше метру, вкус-*

нее винограду, тулупу нет, нету потолку, человек старого режиму, по заготовке лесу, два дому, три разу).

Появление окончания -у в этих синтаксических условиях связано и с определенным кругом существительных. Так, во многих говорах окончание -у в род. п. бывает только у неодушевленных существительных муж. р. Чаще оно встречается у существительных с ударением на основе (см. примеры, приведенные выше), но в некоторых говорах, преимущественно южных, отмечается у существительных с ударением на окончании: *из хворосту́, с потолку́, без греху́, без концу́, дайте нам борщу́.*

Изредка, главным образом в южных говорах, -у наблюдается у одушевленных существительных (*мово му́жу сестру хоронили, для стóрожу, у каба́ну* и др.), а также у существительных ср. р. (*без де́лу, из учíлищу, терпéнью не хватает* и др.).

§ 76. Форма предложного падежа. Предложный падеж во 2-м скл. имеет окончания -е (-ѣ), -и и -у. Окончания -е (-ѣ) и -у есть во всех говорах, но распределяются в них по-разному, а -и известно лишь в части говоров северо-западных и юго-западных областей.

Рассматривая соотношение окончаний предл. п., следует иметь в виду, что многие языковеды в предл. п. видят фактически два разных падежа, противопоставленных друг другу в сравнительно небольшом круге слов, ср.: *говорить о сне́ге* и *лежать на снегу́, находиться при са́де* и *гулять в саду́, знать толк в ле́се* и *расти в лесу́* и т. п. Их называют соответственно предл. I, или изъяснительным, и предл. II, или местным.

Два предложных падежа различаются в говорах у различных существительных с ударением на основе. При этом безударное окончание -е (-ѣ) или -и свойственно предл. I, а ударное -у — предл. II. Круг таких существительных по говорам не одинаков. В части говоров к ним, как и в литературном языке, принадлежат почти исключительно существительные с односложной основой, например: *в лесу́, на дубу́, в суну́, на сплаву́, в хлеву́* в одних говорах и *в ле́се, на дубе́, в суне́, на спла́ве, в хле́ве* — в других. Но в части говоров окончания -е в предл. I и -у́ в предл. II возможны и при двусложной основе: *о по́ездé, но на поезду́, а также на острову́, в месяцу́, в городу́, на сахару́, в желобу́, в кузову́* и др. Шире всего круг существительных с подвижным ударением в говорах центра и восточной части Северного наречия, а уже всего в юго-западных говорах. Существительные, различающие два предл. п., могут утрачивать это различие под влиянием существительных, у которых два предл. п. исконно совпадали. При этом возможно совпадение окончаний двух предл. п. в ударном -у: *о суну́, о лесу́* и *в суну́, в лесу́.*

Форма на -у во многих говорах употребляется не только в местном значении, а как общая форма предл. п., например: *на станку́ и при станку́, на старику́ и при старику́, на отцу́ и при отцу́, на сыну́ и*

о сы́ну, на дете́нку и об дете́нку и т. п. Ударение при этом остается неподвижным. Такое окончание отмечается во многих южных говорах, особенно юго-западных, и в части северо-западных. У существительных с постоянным местом ударения окончания *-е* или *-у* разграничены не функционально, а распределяются по разным подтипам склонения в зависимости от грамматического рода, одушевленности или неодушевленности и характера основы. Так, окончание *-у* при постоянном месте ударения шире распространено у существительных с основой на заднеязычную согласную, чем на другие согласные. Например: *в посёлку, в проу́лку, при пузы́рику* (при керосиновой лампе), *об ребёнку, в липнику* (см. также вышеприведенные примеры). В одних говорах окончание *-у* отмечается только у существительных муж. р., а в других говорах, преимущественно юго-западных, также и у существительных ср. р.: *на молоку́* и *об молоку́, в го́рю* и *при го́рю*. В то же время в юго-западных говорах, где окончание *-у* распространено наиболее широко, у существительных типа *лес, сад*, напротив, отмечается окончание *-е* даже в функции предл. II: *в ле́се, в са́де* и т. п. Таким образом, в этих говорах предл. I и II противопоставлены очень слабо или вообще не противопоставлены. В этом случае предложный падеж является единым.

Третье окончание предл. п. (*-и*) отмечается не во всех говорах. В северо-западных говорах и на побережье Белого моря оно выступает на месте окончания *-е*: *на столу́, во дворю́, на гумну́* и т. д. При окончании *-и* парные твердые фонемы в исходе основы меняются на мягкие. В юго-западных говорах окончание *-и* (*-ы*) также имеет место наряду с окончанием *-е* и выступает с ним в дополнительном распределении. На долю окончания *-и* (*-ы*) приходится небольшая группа слов в пределах существительных с основой на мягкий согласный, шипящий или *ц*: *на концы́, на крыльцы́, при отцы́, на коню́, на краю́, на плечю́* и др.

Такое различие в сфере употребления окончания *-и* на северо-западе и Крайнем Севере, с одной стороны, и на юго-западе, с другой стороны, обусловлено разным происхождением этого окончания. В древнерусском языке твердая разновидность существительных муж. и ср. р., относившихся к основам на **-o*, имела в мест. п. (соответствующем современному предл. п.) окончание *-ѣ*, а мягкая разновидность — окончание *-и*. Окончание *-и* имели также существительные муж. р., относившиеся к основам на **-i*. Существительные, относившиеся к основам на **-i*, объединились с мягкой разновидностью основ на **-o*, а твердая и мягкая разновидности основ на **-o* в свою очередь объединились в одну парадигму, имеющую в местн. п. одно окончание *-ѣ*. Так произошло в литературном языке и части говоров.

Особая фонема, обозначающаяся на письме буквой *ѣ*, на северо-западе совпала с /и/. Таким образом, окончание *-и* в предл. п.

существительных 2-го скл. в северо-западных говорах имеет фонетическое происхождение. В юго-западных говорах, где /ѣ/ совпала с /е/, окончание *-и* у существительных 2-го скл. представляет остаточное явление: это прежняя форма мягкой разновидности, сохранившаяся только в отдельных словах.

НЕРЕГУЛЯРНЫЕ ТИПЫ СКЛОНЕНИЯ

§ 77. Склонение существительных *мать, дочь, свекровь*. По нерегулярным моделям склоняются в ряде говоров существительные жен. р. *мать, дочь* и *свекровь*. Нерегулярность склонения этих существительных проявляется в нестандартности некоторых падежных окончаний, но главным образом в чередовании фонем в основах разных падежных форм.

Существительные *мать* и *дочь* во многих говорах, как и в литературном языке, имеют разные основы в им. и косвенных падежах. При этом основа формы вин. п. совпадает или с основой им. п. (им. — вин. *мать*), или с основой других косвенных падежей (им. *мать*, вин. *мáтерь* или *мáтерю*).

В части говоров существительные *мать* и *дочь* имеют нестандартные окончания в отдельных падежных формах. Так, в некоторых северных говорах (например, в пинежских) в им. п. эти существительные имеют архаическое окончание *-и* (*мáти, дóчи*) при окончаниях 3-го скл. в остальных падежах (род., дат., предл. *мáтери, дóчери*, вин. *мáтерь, дóчерь*, твор. *мáтерью, дóчерью*). В некоторых южных говорах нестандартное окончание имеет форма вин. п.: *мáте[р'а], дóче[р'а]*. Звук [а] в этих говорах в заударном положении может представлять как /а/, так и /е/. Исторически это окончание восходит к окончанию *-е* род. п. существительных с основой на согласный и свидетельствует об имевшем место в части древних диалектов совпадении вин. и род. п. у существительных *мать* и *дочь* подобно тому, как это произошло у одушевленных существительных муж. р.

Во многих говорах существительные *мать* и *дочь* относятся к одному из регулярных типов склонения: к 1-му (*мáтеря, дóчеря* или *дóча*) или к 3-му (*мать, дочь* или *мáтерь, дóчерь*). При этом не всегда принадлежность этих существительных к регулярным или нерегулярным типам склонения территориально разграничена. Часто разные типы парадигм сосуществуют в одних и тех же диалектных системах.

Существительное *свекровь*, принадлежавшее в древности к основам на **-й̄*, сохранило в рязанских и некоторых других южных говорах старую форму им. п. *свекрý* при окончаниях 3-го скл. и основе *свекров'* — в остальных падежах (*свекрý* — *свекрóви* — *свекрóвь* и т. д.). В остальных говорах это существительное относится или к

3-му скл., как в литературном языке, или к 1-му скл. с различной по говорам основой: *свекро́ва, свекро́вя, свекро́вья, свекра́*.

§ 78. Склонение существительных на -мя. Существительные ср. р. на -мя (*и́мя, се́мя* и др.) также имеют в ряде говоров нерегулярные формы склонения (с чередованием фонем в основах и нестандартными окончаниями, как в литературном языке). Но в чистом виде такой тип склонения сохранился лишь в немногих говорах. Чаще он активно вытесняется каким-либо из основных типов склонения с обобщением основы во всех падежных формах. При этом обычно обобщается основа им. п. (им. *имё* или *имя*, род. *имя* или *ими*, дат. *имю* или *име* (*ими*) и т. д.). Существительные с этой основой могут относиться ко 2-му или к 1-му скл., а также и к промежуточному типу, разделяя в этом отношении судьбу других существительных ср. р. с ударением на основе (см. § 68). Реже происходит обобщение основы косвенных падежей (*и́мень, вре́мень, стре́мень*), эти существительные переходят при этом в муж. р. У некоторых существительных на -мя может обобщаться и основа мн. ч. (с твердой /н/) — *имено́, стремено́, семено́*.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

ОСНОВЫ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

Большая часть существительных мн. ч. имеет ту же основу, что и существительные ед. ч. Но у некоторых существительных основы мн. ч. образуются от основ ед. ч. при помощи разных суффиксов. Образование основ мн. ч. имеет диалектные различия.

В одних говорах, как и в литературном языке, основа мн. ч. с суффиксом *-j-* образуется только у существительных муж. и ср. р., а в других говорах также и у существительных жен. р. При этом чаще основа мн. ч. на *-j-* образуется у тех существительных жен. р., которые имеют нулевую флексию в им. п. ед. ч.: *площады́, лошады́, матери́, дочери́*. На северо-западе основа на *-j-* образуется и у существительных 1-го скл.: *я́мья, берёзья, ды́рья, корзи́нья* и др. У существительных муж. и ср. р. основа мн. ч. на *-j-* образуется во всех говорах, но круг существительных с этой основой не одинаков по говорам. Меньше всего таких существительных в некоторых западных и юго-западных говорах. В частности, многие названия степени родства или свойства, для которых обычно характерна основа на *-j-* (*бра́тья¹, зятья́, дядья́*), имеют в этих говорах основу, равную основе ед. ч. (*бра́ты, зя́ти, дяди*). В других говорах, особенно в восточной части Южного наречия, напротив, основа на *-j-* пред-

¹ Два знака ударения над одной словоформой указывают на то, что в говорах эта словоформа может иметь разное место ударения.

ставлена гораздо шире, чем в литературном языке: *амба́рья, ку́-
стья, у́го́лья, стака́нья, пё́нья, таракáнья, боло́тья, одея́лья* и др.

Нередко наблюдается параллельное употребление формы мн. ч. с основой на *-j-* и без *-j-*: *стакáны* и *стакáнья*, *снопы́* и *сно́пья* и т. п. При этом возможны известные семантические оттенки: форма с основой на *-j-* употребляется, когда речь идет о данных предметах вообще или о некоторой их совокупности, а для обозначения конкретных предметов употребляется форма без *-j-*.

Названия детенышей во мн. ч. наряду с основой на *-ат* имеют в говорах и основу, одинаковую с формами ед. ч.: *ребёнки, цып-
лёнки* и т. п. В некоторых говорах (например, кировских и восточ-
ной части вологодских) названия детенышей во мн. ч. имеют только основу *-онк-*. В большей части говоров известны формы мн. ч. с основами обоих типов, но они имеют те же семантические различия, какие уже отмечались для основ на *-j-* и их параллелей без этого суффикса. Основа на *-онк-* обозначает отдельное множество, а основа на *-ат-* общее понятие или совокупность. Поэтому существительные с суффиксом *-онк-* особенно часто отмечают-
ся в сочетании с числительными: *пять телёнков, шесть утёнков* и т. п.

Суффикс *-ат-* в основе мн. ч. обычно замещает суффикс основы ед. ч., но у некоторых существительных сохраняется при этом первая часть суффикса ед. ч.: *бес'-онок — бес'-он'ат-а*. Если в литературном языке такая основа отмечается только в словах *бесеня-
та, чертенята*, то во многих северных говорах и в части западных и юго-западных говоров она представлена в более широком круге слов: *гусенята, цыпленята, галченята, котенята, мышенята, волченята, хоренята* и др. При этом основа на *-он'ат-* ограничена названиями животных, менее важных для человека и его хозяйства или даже вредных. Неизвестна эта основа у таких названий, как *телята, жеребята, поросята*.

Соотношение суффиксов *-онок-/-он'ат-* неустойчиво в говорах. По аналогии с таким соотношением основ как *телята — телёнок* появляется вторичная (в соответствии с основой мн. ч. на — *он'ат*) основа ед. ч. на *-он'онок*: *телята : телёнок = утенята : утенёнок*. Таким образом, восстанавливается более универсальное соотношение основ у названий детенышей в формах ед. и мн. ч.

СКЛОНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

В склонении существительных множественного числа не выделяются такие четко отграниченные друг от друга типы, как в ед. ч. Поэтому целесообразно рассматривать падежные формы мн. ч. всех существительных вместе. В то же время распределение

окончаний в некоторых падежах зависит от грамматического рода и типа склонения существительных ед. ч., а также от их акцентной парадигмы.

§ 79. Форма именительного падежа. Из окончаний именительного падежа *-и (-ы)*, *-а*, *-е*, известных в русском языке, только окончания *-и (-ы)* и *-а* имеются во всех говорах. Окончанию *-е* (*крестья́не*) одних говоров соответствует в других говорах *-и (-ы)* (*крестья́ны*) или *-а* (*крестья́на*).

Окончания *-и (-ы)* и *-а* по-разному распределяются в говорах. Так, во многих говорах, особенно южнорусских, окончание *-а* известно не только у существительных муж. и ср. р., но также и жен. р., преимущественно с основой на мягкий согласный: *деревня́*, *лошадя́*, *матеря́*, *яблоня́* и т.д. С другой стороны, во многих акающих говорах окончание *-и (-ы)* известно не только у существительных муж. и жен. р., но также и у существительных ср. р., если ударение приходится на основу: *ве́дры*, *гне́зды* и т.д. Оба эти явления связаны с одной и той же общей тенденцией преодоления остатков родовых различий в формах мн. ч.

У существительных мн. ч. муж. р. распределение окончаний *-а* и *-и (-ы)* регулируется различными акцентологическими и семантическими факторами. Шире всего окончание *-а* у этих существительных представлено в восточной части Южного наречия: *шоферá*, *плотникá*, *конюхá*, *стаканá*, *арбузá*, *гребеня́*, *месяцá*, *кореня́*, *мозгá* и др. Уже всего круг существительных с окончанием *-а* в говорах на территории, пограничной с Белоруссией. Там окончание *-и (-ы)* отмечается и в таких словах, которые в большей части говоров имеют окончание *-а*, например: *бо́кы*, *гла́зы*, *до́мы*, *ле́сы*, *лу́ги*.

§ 80. Форма родительного падежа. В родительном падеже мн. ч. имеется три окончания: *-ов*, *-еј* и нулевое, которые по-разному распределяются в говорах. Окончание *-ов* в некоторых говорах (например, во многих рязанских) имеет вариант *-ох*: *домо́х*, *столо́х* и т.п. В ряде говоров окончание *-ов (-ох)* распространяется на существительные ср. и жен. р.: *дело́в*, *место́в*, *озеро́в*, *ба́бов*, *сва́дъбов*, *я́годов*, *ба́нев*, *пе́снев*.

«Экспансия» окончания *-ов* в ряде говоров проявляется и в его распространении (за счет окончания *-еј*) на существительные мужского рода с мягким согласным в исходе основы: *гвозде́в*, *медведе́в*, *родите́лев*. Оба направления в расширении сферы окончания *-ов* часто сочетаются в одних говорах, как показывают примеры *ба́нев*, *пе́снев*. В этих говорах *-ов* имеет тенденцию стать единственным окончанием род. п. мн. ч.

§ 81. Форма дательного и предложного падежей. Дательный и предложный падежи мн. ч. в некоторых говорах Великолукской, Смоленской, Калужской обл. имеют по два окончания: *-ам*, *-ом* (дат. п.) и *-ах*, *-ох* (предл. п.).

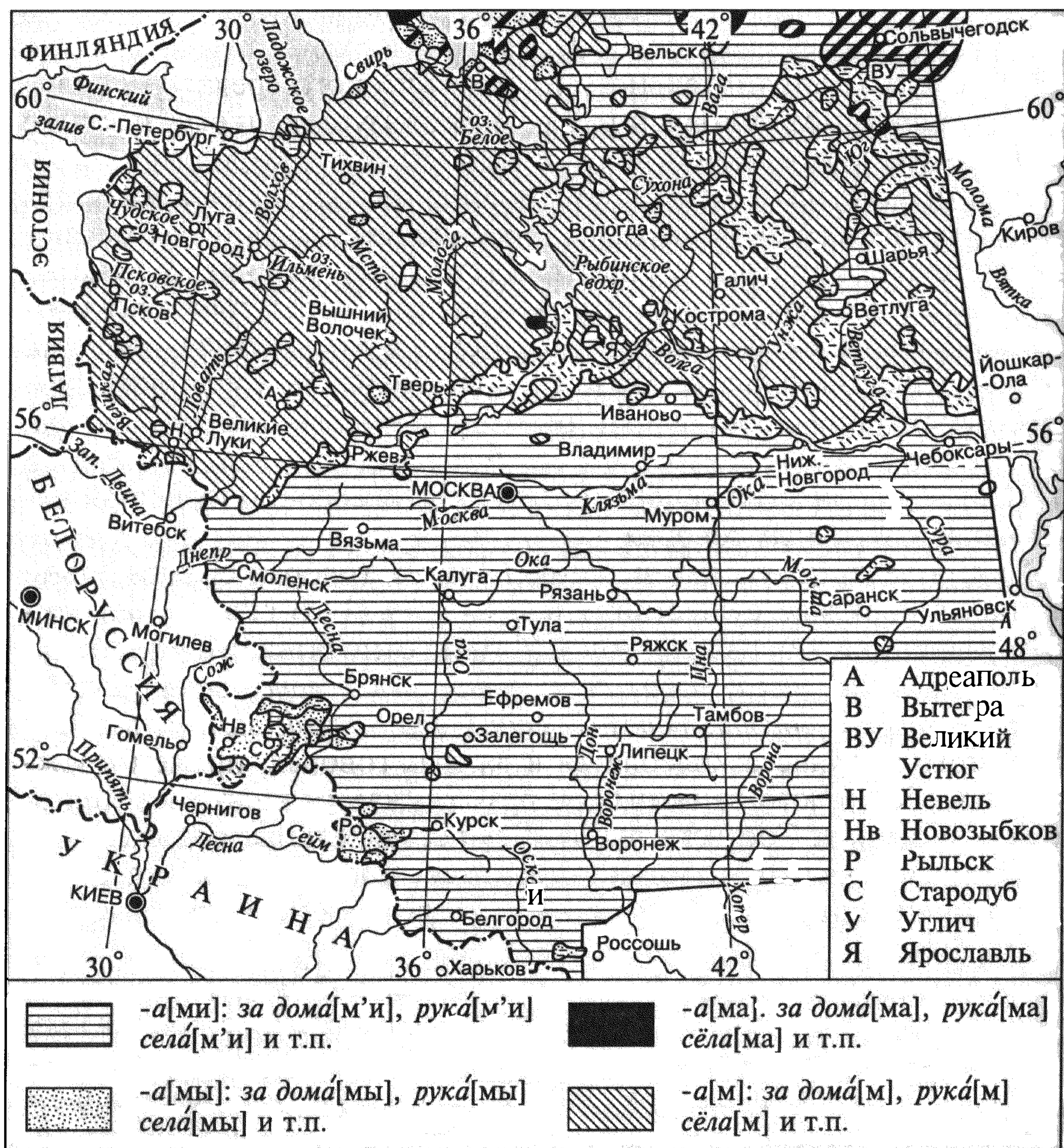
Окончания *-ом* и *-ох*, восходящие к окончаниям древних основ на **-i*, встречаются в небольшой группе существительных, преимущественно с мягким согласным в исходе основы — *лошади, люди, гости, дочери, сани* и др.: *лошадём — на лошадѣх, гостём — в гостѣх* и т.п. В этих словах окончания *-ом*, *-ох* в настоящее время активно вытесняются продуктивными окончаниями *-ам* и *-ах*. В большей части говоров все существительные мн. ч. имеют в дат. п. окончание *-ам*, а в предл. *-ах* или *-а[ф]* (*в дома́х* или *в дома́ф*).

Окончание предл. п. *-а[ф]*, выступающее в некоторых тверских, владимирских говорах и говорах к югу от Белого озера, и окончание род. п. *-ох* представляют собой результат взаимодействия род. и предл. п. у существительных мн. ч., которое привело к обобщению согласного в этих окончаниях.

В одних говорах окончание род. п. уподобилось окончанию предл. п. по характеру конечного согласного [х] — *домо́х*, а в других, наоборот, окончание предл. п. уподобилось окончанию род. п., где произносится [ф] — *в дома́ф*. Толчком к взаимодействию этих форм могла послужить омонимия согласуемых с ними форм прилагательных: *новы[х] домо́х* и *в новы[х] дома́х*. При этом имели значение и фонетические условия: произношение в части говоров [х] в соответствии с [ф] в ряде позиций — *тра[х]ка, тор[х]* и *домо́х* вместо *тра[ф]ка, тор[ф], домо́ф* и замена такого [х] на [ф] под влиянием литературного языка и соседних говоров: *тор[х] > тор[ф], в дома́х > в дома́ф*.

§ 82. Форма творительного падежа. Наиболее многообразны диалектные различия в форме творительного падежа. Самым существенным из них является несовпадение или совпадение форм дат. и твор. п. мн. ч.: *к бабам — с бабами, по домам — за домами* или *к бабам — с бабам, по домам — за домам*. Совпадение этих падежных форм является одним из основных признаков Северного наречия.

Твор. п., не совпадающий с дат. п., может иметь в говорах единое окончание для всех существительных *-ам'и* или разные окончания для отдельных подклассов существительных мн. ч. Во многих южнорусских и среднерусских говорах различаются ударные и безударные окончания: *-ам'и* под ударением (*за дрова́ми, рука́ми, гвоздя́ми*) и *-им'и* (*-ым'и*) без ударения (*коро́выми, па́лками, пе́снями*). Так как в акающих говорах, где распространены эти окончания, фонемы /а/ и /и/ в заударном положении нередко совпадают, различие окончаний *-ам'и* и *-им'и* проявляется наиболее отчетливо только у существительных с основой на заднеязычные согласные, которые бывают твердыми, если окончание начинается с /а/ (*па́л[к]ами, стару́[х]ами, кну́[г]ами* или *кну́[҃]ами*), и мягкими, если оно начинается с /и/ (*па́л[к']ими, стару́[х']ими, кну́[г']ими* или *кну́[҃']ими*).

Карта 5. Форма творительного падежа множественного числа существительных 1-го и 2-го склонения

В твор. п. особое окончание *-м'и*, восходящее к существительным с основой на **-i*, могут иметь существительные *лошади, люди, дети, двери, дочери, кости, гуси* и др.: *лошадьми, детьми, дочерьми, костью* и т. п. При этом окончание *-ми* в твор. п. отмечается на более широкой территории и в большем круге слов, чем окончания *-ом* и *-ох* в дат. и предл. п.

Каждое из окончаний твор. п. имеет диалектные варианты по фонемному составу. Так, окончание *-ам'и* имеет варианты *-ама* (в некоторых северных говорах) и *-амы* (вблизи границы с Белоруссией, а также в прионежских говорах).

УДАРЕНИЕ

В качестве дополнительного грамматического средства в склонении существительных широко используется подвижное ударение.

В каждом из основных типов склонения в русском языке есть подтипы, в которых противопоставление падежных форм осуществляется помимо окончаний также и местом ударения. В некоторых случаях ударение является единственным средством противопоставления падежных форм, ср.: *к лѐсу* — *в лесу́*; *из пѐчи* — *на печѹ́*. Место ударения является также дополнительным средством противопоставления форм ед. ч. и мн. ч.: *пилá* — *пѹ́лы*; *мѐсто* — *местá*, *окно́* — *о́кна*.

И само количество акцентологических классов, и их состав неодинаковы в разных говорах.

Так, в севернорусских и среднерусских говорах сравнительно обширен подкласс существительных на *-а* (1-го скл.) с подвижным ударением типа *водá* — *вóду*. К нему относятся существительные *водá*, *рукá*, *ногá*, *избá*, *козá*, *овцá*, *рекá*, *горá*, *земля́*, *семья́*, *доскá*, *сторонá*, *боронá*, *бороздá*, *сковородá*, *спинá*, *зимá* и др. Состав этого подкласса колеблется в разных говорах, причем в южных и особенно юго-западных он резко сужается вплоть до полного исчезновения. Соответствующие существительные большей частью относятся в этих говорах к подклассу с постоянным ударением на окончании в ед. ч.: *водá* — *воду́*, *рукá* — *руку́*, *козá* — *козу́*, *овцá* — *овцу́*.

В юго-западных говорах меньший удельный вес, чем в других говорах, имеет и подкласс существительных муж. р. с подвижным ударением в парадигме ед. ч., сравним распространенные здесь формы *в лѐсе*, *на бѐреге* при неподвижном ударении на основе с формами *в лесу́*, *на берегу́* других говоров при подвижном ударении.

Различный состав имеет подкласс существительных мн. ч. с подвижным ударением типа *ру́ки* — *рука́м*, *рука́ми*, *рука́х*. Так, например, в одном из кировских говоров отмечено: *мѐтлы* — *метла́м*, *сте́ны* — *в стена́х*, *ѹ́збы* — *в изба́х*, *свѹ́ньи* — *свинья́м*, *до́ски* — *на доска́х* или в одном калужском говоре: *свѹ́ньи* — *свинья́м*, *сте́ны* — *по стена́м*, *гря́ды* — *на грядáх*, *тю́рьмы* — *в тюрьма́х*, *се́мьи* — *в семья́х*, *до́ски* — *на доска́х*, *пѐтли* — *на петля́х*, *бо́роды* — *борода́ми*, *жѐны* — *с жена́ми*, *ко́сы* — *коса́ми*, *ко́зы* — *с коза́ми*, *о́вцы* — *с овца́ми*, *до́чки* — *с дочка́ми*. В ряде говоров, как и в литературном языке, во всех этих словах или постоянное ударение на основе: *жѐны* — *с жѐнами*, или имеются колебания в месте ударения форм косвенных падежей: *на пѐтлях* и *на петля́х*.

В говорах, где в им. п. мн. ч. широко представлена флексия *-а*, увеличивается и подкласс существительных с постоянным ударе-

нием на окончании во мн. ч. в основном за счет подклассов слов с подвижным ударением, ср.: *матеря́* — *матеря́м* и *ма́тери* — *матеря́м*; *волоса́* — *волоса́м* и *во́лосы* — *волоса́м* и т.п. Одновременно усиливается и противопоставленность форм ед. и мн. ч. по месту ударения, так как каждая падежная форма мн. ч. в этом случае имеет ударение на окончании, а соответствующая форма ед. ч. — на основе.

ЛИЧНЫЕ И ВОЗВРАТНОЕ МЕСТОИМЕНИЯ

§ 83. Падежные окончания. К личным местоимениям относятся местоимения 1-го и 2-го л. Местоимения *он, она, оно, они* (которые во многих грамматиках называются местоимениями 3-го л.) как по грамматическим признакам (наличие форм рода, тип склонения), так и по значению должны быть отнесены к неличным.

Диалектное многообразие отличает склонение личных местоимений ед. ч. и возвратного местоимения. Это многообразие проявляется в формах род., дат., вин. и предл. п. Формы этих падежей в русских говорах выражаются как окончаниями, так и определенным видом основы.

Падежные окончания одинаковы у всех местоимений данного класса: в род. и вин. п. *-а* или *-е*; в дат. и предл. п. *-е* (*-ѣ*) или *-и*.

Чередование фонем в основах имеет свою специфику для разных местоимений, которые по этому признаку могут быть разбиты на два подкласса: 1) местоимение 1-го л.; 2) местоимение 2-го л. и возвратное. Варианты основ для 1-го подкласса: *м'ен'*- и *мн'*-; для 2-го подкласса: *т'еб'*-, *с'еб'*- и *тоб'*-, *соб'*-, а также *т'еј-*, *с'еј-* и *тој-*, *сој-*. Основы на /j/, возникшие в результате ослабления интервокального [б'], во многих говорах употребляются в качестве факультативных вариантов соответствующих основ на *-/б'/*: *т'еј-* наряду с *т'еб'*-, *тој-* наряду с *тоб'*-.

Различные сочетания каждого из вариантов основы с разными вариантами окончаний род., дат., вин. и предл. п. обуславливают множество вариантов парадигмы склонения личных местоимений ед. ч., которые, однако, не все равноценны по их месту в системе отдельного говора и по их типичности для русского языка в целом. Одни из них широко распространены в чистом виде и в сосуществовании с другими вариантами парадигмы; другие менее распространены, в чистом виде не встречаются или встречаются редко. Поэтому среди многообразия диалектных вариантов парадигмы целесообразно выделить основные.

По отношениям между род., дат., вин. и предл. п. можно выделить две диалектные системы падежных окончаний личных местоимений: одна из них характеризуется попарным совпадением окончаний род. и вин. п. и дат. и предл. п., а вторая — совпадением окончаний всех этих падежей.

Падеж	I система	II система
Род., Вин. п.	-а	-е
Дат., Предл. п.	-е (-ѣ) или -и	-е

I система характерна для Северного наречия и среднерусских говоров, а также для наиболее восточной группы говоров Южного наречия, а II система характерна для Южного наречия и некоторых псковских говоров.

§ 84. Система противопоставления падежных форм. Местоимение 1-го л. в большей части говоров, как и в литературном языке, имеет основы *м'ен'*- в род. и вин. п. и *мн'*- в дат. и предл. п., но грамматическая нагрузка этого чередования неодинакова в говорах с I и II системами падежных окончаний. При I системе чередование фонем в основах является дополнительным средством противопоставления род. — вин. и дат. — предл. п., которые уже противопоставлены при помощи окончаний: *мен-я* и *мн-е*. При II системе чередование фонем является единственным средством противопоставления этих пар падежей: *мен-е* и *мн-е*.

В некоторых говорах одна и та же основа (*м'ен'*- или *мн'*-) выступает во всех четырех падежах. Отсутствие чередований также имеет различное значение в говорах с разными системами падежных окончаний. При I системе обобщение основы снимает лишь избыточные признаки различных падежных форм (*у меня — к мене; у мня — ко мне*); при II системе все четыре падежа совпадают в одной форме (*мене* или *мне*). Парадигмы с совпадением четырех падежей, как правило, не встречаются в чистом виде и не могут быть отнесены к числу основных.

Для местоимений 2-го л. и возвратного типично следующее соотношение основ: в пределах I системы падежных окончаний типично отсутствие чередования фонем: род. — вин. п. — *тебя, себя*, дат. — предл. п. — *тебе, себе* или *тебѣ, себѣ, теби, себи*; в пределах II системы типично чередование гласных *e || o*: род. — вин. п. — *тебе, себе*, дат. — предл. п. — *тобе, собе*. Аналогично обстоит дело с отношением основ *т'ej-*, *с'ej-* и *тој-*, *сој-*.

Во всех указанных случаях род. и вин. п. противопоставлены дат. — предл. п. или при помощи окончаний, или при помощи чередования фонем в основах.

Помимо этих типичных сочетаний падежных окончаний с тем или иным видом основы в говорах существуют и другие, при которых возникают или избыточные средства противопоставления двух пар падежей, или их полное совпадение. Так же как и для местоимения 1-го л., полное совпадение всех четырех форм обычно не встречается в чистом виде.

Таким образом, в русских говорах при разной системе падежных окончаний в Северном и Южном наречиях противопоставле-

ние падежных форм, выраженное совокупностью окончаний и основ, одинаково (если учитывать лишь основные варианты парадигм) и имеет следующую схему:

Им. п.	Род., вин. п.
Твор. п.	Дат., предл. п.

В некоторых говорах наряду с полными формами род. и вин. п. употребляются краткие *мя, ты, ся* и *ме, те, се*. Краткие формы чаще употребляются в род. п. с предлогом (*у мя, у ме* и т. д.) и реже в вин. п.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И НЕЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

§ 85. Различия в формах словоизменения. Неличные местоимения могут иметь одни и те же окончания с прилагательными и поэтому их целесообразно рассматривать вместе. Среди неличных местоимений одни (*какой, другой* и т. п.) склоняются так же, как прилагательные, а другие по нерегулярным моделям. Сначала рассмотрим регулярный тип склонения.

Диалектное варьирование в склонении прилагательных очень велико. Почти каждая падежная форма имеет диалектные варианты, иногда различающиеся по двум или более признакам. Так, окончание твор. п. мн. ч. может быть односложным и двусложным (*с молодым* или *с молодыми*), начинаться с фонемы /и/ или /е/ (*молодыми* или *молодэми*), оканчиваться на /и/ или /а/, с мягкой фонемой /м'/ или твердой /м/ (*молодыми, молодымы, молодыма*).

Различия могут касаться только отдельных форм, а могут быть связаны с построением определенных участков всей парадигмы прилагательных (подпарадигм), т. е. с построением парадигм форм определенного грамматического рода или числа; могут затрагивать формы разных подпарадигм, имеющих какие-то общие признаки. Рассмотрим эти типы различий на отдельных примерах.

§ 86. Окончания отдельных форм. При рассмотрении различий, касающихся отдельных форм, следует остановиться на формах род. и предл. п. ед. ч. муж. и ср. р. и на форме вин. п. ед. ч. жен. р.

В род. п. муж. и ср. р. прилагательные имеют окончание *-ово* или *-ова* и *-оуо* (*-ого*). Окончания с фонемой /в/ характерны для Северного наречия и среднерусских говоров, но отмечаются также и в говорах Южного наречия. Характерное для Южного наречия *-оуо* известно также (наряду с *-ого* и *-ово*) в говорах Архангельской области и Карелии, где в других морфемах [г] имеет взрывное образование. В говорах Северного наречия отмечается также

окончание без интервокального согласного (*большо́о*), но лишь как факультативный вариант. Из двух вариантов *-ово* и *-ова* (*большо́во* и *большо́ва*), различающихся в окающих говорах, более распространенным является первый. Вариант *-ова* отмечается, например, в новгородских говорах. Конечная /а/ в этой форме отражает влияние соответствующей формы существительного. Общность окончаний существительных и согласуемых с ними прилагательных наблюдается в разных формах, например: *красну́й ленту́й, то́нкими нитки́ми* и т. п. Здесь же налицо частичная общность окончания в формах согласования: *большо́ва до́ма*.

В предл. п. муж. и ср. р. имеется три диалектных варианта окончания: *-ом*, *-им (-ым)*, *-ем*. Из них *-ом* является наиболее распространенным вариантом. Широко также распространено окончание *-им (-ым)* (*в худы́м, в какы́м*), известное во многих говорах западных областей и в говорах к востоку от Москвы. В говорах к востоку от Москвы распространено окончание *-ем*, которое на части территории сосуществует с *-им (-ым)*. В некоторых из говоров, где имеются оба эти окончания, *-им (-ым)* сочетается с основой на заднеязычный согласный, а *-ем* — с основой на заднеязычный: *в худы́м*, но *в какéм*.

В говорах, где форма предл. п. оканчивается на *-им (-ым)*, происходит ее совпадение с формой твор. п.: *в худы́м* и *с худы́м, в какы́м* и *с какы́м*.

Для Южного наречия, кроме его западной части, характерно окончание вин. п. жен. р. *-у[а]*: *мэладу́йа, каку́йа*.

Окончание *-у[а]* в большей части южных говоров известно только под ударением, а без ударения ему соответствует *-[а]ју (-[э]ју)*: *каку́йа*, но *то́нкэ́йу* или *то́нкайу́*. Однако последнее окончание распространено гораздо шире, чем *-у[а]*.

§ 87. Построение парадигмы среднего рода и множественного числа. Из диалектных различий в построении отдельных участков всей парадигмы, т. е. подпарадигм, нужно прежде всего напомнить (см. § 68) построение парадигмы ср. р. В двух вариантах парадигмы ср. р. окончания косвенных падежей, кроме вин. п., совпадают с окончаниями муж. р., при этом в первом варианте им. и вин. п. имеют специфические для ср. р. окончания, а во втором варианте совпадают с окончаниями жен. р.

Первая система характерна для Северного наречия, вторая — для Южного, особенно для его юго-восточной части.

К числу особенностей в построении подпарадигмы относится различие в гласной фонеме, которой начинаются окончания мн. ч.

Здесь можно выделить две системы, одна из которых представлена двумя вариантами: 1) все падежные окончания начинаются с одной и той же гласной фонемы: /и/ или /е/; 2) окончание им. п. начинается с /е/, а остальные — с /и/.

Вариант парадигмы Падеж	I	II
	Им. п.	как- <i>о́йо</i> (-о́) сел-о́
Род. п.	как- <i>о́во</i> (-о́во) сел-а́	как- <i>о́во</i> (-о́во) сел-а́
Дат. п.	как- <i>о́му</i> сел-у́	как- <i>о́му</i> сел-у́
Вин. п.	как- <i>о́йо</i> (-о́) сел-о́	как- <i>у́йа</i> (-у́йу) сел-о́
Твор. п.	как- <i>и́м</i> сел-о́м	как- <i>и́м</i> сел-о́м
Предл. п.	в как- <i>о́м</i> (-и́м) сел-е́	в как- <i>о́м</i> (-и́м) сел-е́

Вариант парадигмы Падеж	I		II
	A	Б	
Им. п.	как- <i>и́е</i>	как- <i>е́и</i>	как- <i>е́и</i>
Род., предл. п.	как- <i>и́х</i>	как- <i>е́х</i>	как- <i>и́х</i>
Дат. п.	как- <i>и́м</i>	как- <i>е́м</i>	как- <i>и́м</i>
Твор. п.	как- <i>и́ми</i>	как- <i>е́ми</i>	как- <i>и́ми</i>

Вариант I А является наиболее распространенным как в Северном, так и в Южном наречии; вариант I Б известен в восточной части среднерусских говоров; вариант II — в говорах, пограничных с белорусскими и украинскими.

У прилагательных более последовательно, чем у существительных, проводится единство гласных в парадигме мн. ч. Некоторые исследователи считают, что первая гласная (для части падежей — единственная) в формах мн. ч. является не компонентом падежного окончания, а самостоятельным показателем числа. Для говоров такое утверждение можно принять по отношению к прилагательным I системы форм мн. ч.

Окончания прилагательных во мн. ч. имеют общие черты с соответствующими окончаниями существительных. Если сравнить, например, набор диалектных вариантов окончаний твор. п. обеих частей речи, то они будут различаться только гласной фонемой (для двусложных окончаний первой гласной): *худы́ми рука́ми* — *худы́м рука́м* — *худы́мы рука́мы* — *худы́ма рука́ма*, но конкретное распределение вариантов не всегда совпадает. Так, например, в прионежских говорах существительные в твор. п. мн. ч. имеют *-амы*, а прилагательные *-има* (*-ыма*); *клуба́мы*, *кушакáмы*, но *то́нкима*, *колхо́зными*. Если у существительных окончание *-а[ф]* (*в дома́ф*) в

предл. п. распространено относительно широко, то соответствующее окончание прилагательного -и[ф] (-ы[ф]): *на молоды́ф, о сýниф* встречается реже.

§ 88. Стяженные окончания. Двусложным окончаниям с интервокальной фонемой /j/ разных подпарадигм (-аја, -ојо и т. п.) в части говоров соответствуют односложные окончания: -а и -у в им. и вин. п. жен. р. (*но́ва избá, но́ву ѝзбу*); -о в тех же падежах ср. р. (*но́во колесó*) и -и (-ы) в тех же падежах мн. ч. (*но́вы домá*). Такие окончания называются **стяженными**, т. е. возникшими в результате стяжения: утраты интервокального [j] и последующего слияния гласных.

Возможно, что стяжение было не единственной причиной возникновения односложных окончаний в указанных формах прилагательных. Известную роль могло сыграть и влияние других имен (существительных и местоимений), у которых в соответствующих формах имеются односложные окончания.

Стяженные окончания распространены в Северном наречии, а также в говорах к востоку от Москвы. Не во всех указанных выше формах стяженные окончания представлены равномерно. Они реже отмечаются во мн., чем в ед. ч. Не у всех прилагательных они распространены в равной степени. У местоименных прилагательных *какой, такой* стяженные формы (*какá, какó, какú, какí*) распространены шире, чем у знаменательных, а у знаменательных шире в безударной разновидности, чем в ударной (говорят, например, *сыра́йа, но ста́ра* или *сыра́йа* наряду с *сыра́, но только ста́ра*).

§ 89. Особенности склонения неличных местоимений. Склонение неличных местоимений (по сравнению с знаменательными прилагательными) отличается неоднородностью. Почти каждое местоимение, если учитывать все диалектные варианты его склонения, представляет собой особую разновидность. При этом набор различительных элементов в падежных формах одинаков для всех неличных местоимений, но их распределение по отдельным лексемам создает множество вариантов отдельных парадигм.

Другой отличительной чертой неличных местоимений (по сравнению со знаменательными прилагательными) является свойственное многим из них чередование основ в падежных формах (например: *он-∅ — j-ого, j-ому* и т. д.), в формах числа и рода (*тот-∅ — т-а, т'-е*).

Во многих говорах наблюдается тенденция к полному или частичному обобщению основ в разных формах некоторых местоимений. Так, основа *јон-* (*ён, ёна́, ёны́*), широко известная в западных говорах, является результатом частичного обобщения основ. Хотя в этих говорах и сохраняется чередование основ им. п. и косвенных падежей (*јон-∅* и *ј-оуó, јон-á* и *ј-ој* или *ј-еј*), все же эти варианты основы имеют общий элемент /j/ в отличие от говоров с чередованием основ *он-* и *ј-* (*он-∅* и *ј-овó, ј-ому́*).

Кроме того, у местоимения *она* форма вин. п. в некоторых говорах имеет ту же основу, что и форма им. п.: *он-á* (или *j-она́*) и *он-у́* (или *jон-у́*), ср.: *j-ejó*, *j-ejú*, *j-у* в других говорах. Им. п. мн. ч. имеет в ряде говоров ту же основу, что и ед. ч.: *он-Ø*, *он-á*, *он-ó* или *jon-Ø*, *jon-á*, *jon-ó* и *он-ы́* или *jon-ы́*, ср. чередование /н/ и /н'/ в основах ед. и мн. ч. в других говорах: *он-Ø*, *он-á*, *он-ó* и *он-и́*.

Полностью отсутствует чередование основ у местоимения, употребляющегося в соответствии с *тот* в западных говорах: *т-ој*, *т-оуó*, *т-ому́* и т. д.

§ 90. Диалектные варианты сравнительной формы. Диалектные различия в образовании сравнительной формы прилагательных (а также наречий) сводятся в основном к вариантам суффикса и к распределению суффиксов по основам. Наиболее распространенные варианты самого продуктивного суффикса *-ej* — *-eje*, *-aj*, *-aje*: *скорей*, *скорее*, *скоряй*, *скоряе*. Из них вариант *-ej* самый распространенный; варианты *-aj*, *-aje* известны в части северных говоров и спорадически в некоторых южных областях: Рязанской и Курской.

Суффикс *-ej* активно вытесняет образования с суффиксом *-e* в западных областях: *толщэй* или *толстэй*, *молодэй* или *моложэй*. Есть говоры, где суффикс *-ше* вторгается в сферу распространения суффикса *-ej*: *тяжельше*, *длиньше*, *здоровше*. Взаимодействие обоих суффиксов привело к созданию суффикса *-шей*: *меньшей*, *раньшей*, *тоньшей*.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Числительные сложились в особую часть речи с характерными для нее синтаксическими особенностями в результате взаимодействия счетных слов, относившихся первоначально к разным частям речи: прилагательным (*два*, *три*, *четыре*) и существительным (*пять*, *шесть*, *десять* и т. п., *сорок*, *девянсто*, *сто*). Различное происхождение отражается и в современном склонении числительных.

Числительные *два*, *три*, *четыре* имеют нестандартную форму им. п., а в род., дат. и предл. п. — окончания, по характеру согласных подобные окончаниям прилагательных. Более своеобразна форма твор. п., которая имеет по говорам многочисленные варианты (например, *дву-мя́*, *дву́-ми́*, *дву-ма́*, *дву́-мы*). Иногда они соответствуют падежным различиям прилагательных в том же говоре, но часто и не соответствуют. Так, у числительных очень широко распространена форма на *-м'á* (*двумя́*, *тремя́*), чего не находим у прилагательных.

В некоторых говорах полностью объединяются формы косвенных падежей этих числительных: по типу числительного *два* (*двух*, *трюх*, *четырюх* и т. д.) или по типу числительных *три*, *четыре* (*двох*, *трёх*, *четырёх* и т. д.).

Числительные *пять, шесть* и т. п., принадлежавшие раньше к существительным с основой на **-i*, в части говоров изменяются (как и в литературном языке) подобно существительным 3-го скл. При этом иногда наблюдается тенденция к сокращению числа падежных форм до двух: форма на *-∅* в им. — вин. п. и на *-и* в остальных косвенных падежах. Таким образом, эти числительные сближаются по соотношению падежных форм с числительными *сорок, девяносто, сто*.

В других говорах числительные *пять, шесть* и т. п. объединяются в один тип с числительными *два, три, четыре*, которые в соответствии со своим происхождением повсеместно имеют окончание адъективного типа. Так возникают формы типа *пятих, пятим*, или *пятюх, пятёх* и т. д.

Таким образом, диалектное варьирование склонения числительных в основном связано с двумя тенденциями: стремлением к сближению числительных, происходящих из разных частей речи, и тенденцией к уменьшению различий падежных форм (к аналитизму).

Числительные, как правило, не имеют категории рода. Но у некоторых числительных (*два, полтора, оба*) имеются родовые различия. У числительных *оба* и *полтора* различия форм рода ограничиваются только прямыми падежами (формы *обо́их* и *обе́их* или *обе́х* являются диалектными вариантами, выступающими в разных говорах в одном значении, а не родовыми формами).

Но и в им. п. разные формы рода у числительного *оба* наблюдаются не во всех говорах; ср.: *обе ба́бы, обе мужики́* в некоторых говорах при соотношении *обе ба́бы, но оба мужика́* или *оба мужики́* в большей части говоров.

Числительное *два* имеет родовые различия в им. п. (а для неодушевленной формы также и в вин. п.) во всех говорах: *два* (муж. и ср. р.) — *две* (жен. р.). В некоторых говорах Смоленской и Брянской областей формы рода различаются во всех падежах, причем показателем жен. р. служит мягкость *в*, например: *двох* муж. и ср. р. — *дв'ох* жен. р., *двом* — *дв'ом*, *дво́ми* — *дв'о́ми* и т. д.

Таким образом, в отличие от прилагательных и неличных местоимений, у которых формы рода выражаются окончаниями, формы рода числительных выражаются и в чередовании основ.

ГЛАГОЛ

ОСНОВЫ ГЛАГОЛОВ

§ 91. Формообразовательные разряды глаголов. Классы глаголов, выделяемые по соотношению у них основы прошедшего и основы настоящего времени, называются **формообразова-**

тельными разрядами (или просто разрядами) глаголов, поскольку именно с ними связано образование всей совокупности форм каждого глагола. От основы прошедшего времени, как правило, образуются формы инфинитива; от основы настоящего времени — личные формы глагола и формы повелительного наклонения. Об основах причастий и деепричастий см. § 116 и 117.

По образованию глагольных основ говоры и литературный язык очень близки. Различия затрагивают сравнительно небольшие группы глаголов или даже отдельные глаголы, но все они имеют яркую диалектную окраску. Часть из них — архаизмы, утраченные литературным языком, другие — результат специфических для говоров образований по аналогии. Кроме того, различия в основах глаголов отражаются на образующихся от них формах. Так, например, диалектный характер форм *сы́най, не дрема́й* определяется не особенностью образования форм повелительного наклонения (ср. наличие форм *игра́й, гуля́й* в любых говорах), а необычной для этих глаголов основой настоящего времени.

Формальным выражением отнесенности глагола к тому или иному формообразовательному разряду является его показатель, которым служат чередующиеся конечные элементы основ (в том числе и нулевой — \emptyset). Эти элементы записываются фонологически: на первом месте элемент основы прошедшего времени, на втором — элемент основы настоящего времени, выделенной из формы 3-го л. мн. ч. Например, для глаголов *положить, толкнуть, болеть, стать, торговать, нести* разрядными показателями являются соответственно $и||\emptyset$ — *положи́-л — положи́-ат*, $у||\emptyset$ — *толкну́-л — толкн-у́т*, $\emptyset||j$ — *боле́-л — боле́-ут*; $\emptyset||н$ — *ста-л — ста́н-ут*, $ова||уj$ — *торговá-л — торгу́-ут*, $\emptyset||\emptyset$ (формы прошедшего и настоящего времени имеют общую основу) — *нес — нес-у́т*.

§ 92. Обязательные и необязательные разряды глаголов. Часть глагольных разрядов являются обязательными, они имеются во всех говорах и литературном языке. Это разряды с показателями $ова||уj$ (типа *торговá-л — торгу́-ут*), $\emptyset||\emptyset$ (типа *нес — нес-у́т*), а также все разряды, показатели которых построены по модели $\emptyset||С$ и $\Gamma||\emptyset$, где $С$ — согласная, а Γ — гласная фонемы; ср. глаголы типа *игра́-л — игра́-ут, ста-л — ста́н-ут, ме-л — мет-у́т* ($\emptyset||С$); *говори́-л — говор'-а́т, гляде́-л — гляд'-а́т, толкну́-л — толкн-у́т...* ($\Gamma||\emptyset$). К этим разрядам относится основная масса глагольного фонда, в частности все глаголы продуктивных словообразовательных типов, за счет чего эти разряды постоянно пополняются новообразованиями и в литературном языке и в диалектах (ср. *подрядничать, бюллетенить, голоснуть, шиковать* и др.).

В говорах и в литературном языке имеются разряды глаголов, показатели которых построены по другим моделям:

$\Gamma||С$: типа *жа-л — жн-ут* ($а||н$), *жа-л — жм-ут* ($а||м$), *ду-л — дм-ут* ($у||м$), *би-л — бј-ут* ($и||j$);

$\Gamma_1||\Gamma_2C$: типа *кры-л* — *крóј-ут* ($u||oj$), *пе-л* — *пој-út* ($e||oj$), *плы-л* — *плов-út* ($u||ov$), *р'у-л* — *р'ев-út* ($y||ov$);

$C_1\Gamma||C_2$: типа *давá-л* — *дај-út* ($va||j$), *éха-л* — *éd-ут* ($xa||d$).

Эти разряды не обязательные: каждый из них может отсутствовать в говорах. Глаголы необязательных разрядов немногочисленны, их немногим более 20. Почти все они — архаизмы, так как сохраняют в исконном виде старые, свойственные еще древнерусскому языку, соотношения основ; ср., например, глагол *рюл* — *ревут* или *дул* — *дмут*.

§ 93. Количество разрядов и их словарное наполнение. Утрачивая свое специфическое соотношение основ, глаголы необязательных разрядов в говорах могут вливаться в другие, обязательные, разряды, преимущественно с разрядными показателями $\emptyset||C$ или $\Gamma||\emptyset$; ср., например:

<i>дул</i> — <i>дмут</i> ($y m$): <i>дул</i> — <i>дúют</i> ($\emptyset j$)	}	$\emptyset C$
<i>жал</i> — <i>жмут</i> ($a m$): <i>жмал</i> — <i>жмáют</i> ($\emptyset j$)		
<i>плыл</i> — <i>пловúт</i> ($u ov$): <i>плыл</i> — <i>пльвúт</i> ($\emptyset v$)		
<i>сел</i> — <i>сýдут</i> ($e ad$): <i>сял</i> — <i>сýдут</i> ($\emptyset d$)		
<i>жал</i> — <i>жнут</i> ($a n$): <i>жнал</i> — <i>жнут</i> ($a \emptyset$)0	}	$\Gamma \emptyset$
<i>брил</i> — <i>брéют</i> ($u ej$): <i>брил</i> — <i>брют</i> ($u \emptyset$)		
<i>рюл</i> — <i>ревúт</i> ($y ev$): <i>ревéл</i> — <i>ревúт</i> ($e \emptyset$)		

Вовлечение глаголов необязательных разрядов в модели $\emptyset||C$ и $\Gamma||\emptyset$ свидетельствует о том, что эти модели в истории языка являлись продуктивными. Их продуктивность отразилась и в литературном языке (ср., например, глаголы *дуть*, *плыть*, *реветь*). Сохранение же архаических глагольных основ характерно в большей степени для говоров Северного наречия, а также для западных, в частности смоленских.

Кроме различий в количестве разрядов (за счет необязательных) в говорах наблюдается разное распределение глаголов между обязательными разрядами. Оно касается некоторых довольно крупных глагольных классов.

Так, глаголы, исконно принадлежащие к разряду $ova||uj$, при ударении на корне часто фиксируются в говорах с разрядным показателем $\emptyset||j$: *трéбовал* — *трéбуют*, *прáздновал* — *прáзднуют*, *брéзговал* — *брéзговуют* и т. п. Часть подобных образований распространена очень широко и носит просторечный характер. Есть и другая их разновидность, без элемента *ов* основы: *прóбал* — *прóбают*, *жéртвал* — *жéртвуют*, *сéтал* — *сéтают* и т. п.

Неустойчивы в своей разрядной принадлежности и глаголы, исконно принадлежащие разряду $a||\emptyset$ типа *стона-л* — *стон-ут*, *пахá-л* — *паш-ут*. Эти глаголы (*брехáть*, *дремáть*, *махáть*, *метáть*, *полоскáть* и др.) могут иметь соотношение основ, соответствующее разряду $v||j$ (ср. *стонáл* — *стонáют*, *пахáл* — *пахáют*, *дремáл* — *дремáют* и т. п.), причем в разных говорах в этот разряд может

быть вовлечено разное число таких глаголов. Указанный процесс активнее протекает в южнорусских говорах. Широко он отразился и в литературном языке; ср. наличие в нем, например, форм *хро-ма́ют, ика́ют, мига́ют, чиха́ют* и др. вместо исконных *хро́млют, и́чут, ми́жут, чи́шут*, известных в настоящее время уже лишь немногим говорам.

Вытеснение исконных форм типа *хро́млет, ла́чет, бре́шет, ма́шет* формами типа *хрома́ет, лака́ет, бреха́ет, маха́ет* еще и сейчас — живой процесс, в разной мере продвинутый в русских диалектных системах, о чем свидетельствует часто встречающаяся дублетность форм; ср.: *на́шет* и *наха́ет, щиплет* и *щипа́ет*. Формы разных разрядов могут при этом выступать в пределах одной парадигмы. Например, формы повелительного наклонения с основой на *aj* выступают иногда при исконных формах настоящего времени; ср.: *машу́, ма́шешь*, но *не маха́й* (вместо *не маши́*).

§ 94. Происхождение различий в разрядной принадлежности глаголов. Сущностью процессов, лежащих в основе междиалектных соответствий в разрядной принадлежности глаголов, является в основном морфологическая аналогия — так называемое «выравнивание основ» под воздействием разрядов с более простым их соотношением. Оно может идти от: а) основы прошедшего времени к основе настоящего времени, например: *махал* — *маха́ет* (вместо *ма́шет*), *прóбовал* — *прóбoвaют* (вместо *прóбуют*), *плыл* — *плoвyт* (вместо *плыву́т*); б) основы настоящего времени к основе прошедшего времени, например: *жмал* (вместо *жал*) — *жмут*, *сял* (вместо *сел*) — *сядут*, *брел* (вместо *брил*) — *бре́ют*. Иногда наблюдаются и более сложные виды взаимодействия разрядных моделей. Хотя рассмотренные процессы в глагольных основах встречаются на разных территориях распространения русских говоров, однако большинство этих процессов прошло в центральных говорах, на основе которых сформировалась система литературного языка, где представлены многие из таких новообразований.

ФОРМЫ ИНФИНИТИВА

§ 95. Закономерности строения систем инфинитива в разных говорах. Формы инфинитива образуются, как правило, от основы прошедшего времени. У глаголов с разрядным показателем $\emptyset \parallel \emptyset$ и основой на *к, г, б* в большей части говоров, как и в литературном языке, инфинитив имеет усеченную основу, ср.: *пек, пек-у́т*, но *пе-чь* (*пе-чи́, пе-чти́*); *берег, берег-у́т*, но *бере-чь* (*бере-чи́, бере-чти́*); *греб, греб-у́т*, но *гре-сти́* (*гре-сть*). В говорах Северо-Восточной зоны в инфинитиве обобщилась основа на *к, г, б*, выступающая в других формах парадигмы; ср.: *пек-чи́* (*пек-ти́*), *берег-чи́* (*берег-ти́*), *греб-сти́* (*греб-ти́*). Такого же происхождения и форма с

основой *ид-* глагола *идти* литературного языка, широко распространенная и в диалектах; ср.: *ид-тí* : *ид-тíть*. Исконная форма *и-ти* сохранилась только в некоторых севернорусских говорах.

Образование форм инфинитива (имеем в виду сам характер окончаний) в русских диалектных системах теснейшим образом связано с местом ударения в этих формах. По месту ударения резко различаются системы форм инфинитива в говорах северо-востока и в остальных говорах. В говорах северо-востока ряд глагольных классов имеет формы инфинитива с ударением на окончании (типа *местí*, *печí*), тогда как в остальных говорах ударение в формах инфинитива может падать только на основу (*месть*, *печь*).

Вторым структурным признаком, различающим между собой уже говоры северо-востока, является наличие или отсутствие безударных окончаний, образующих слог, т.е. сохраняющих конечную фонему /и/: например, *игрáти*, *кля́сти*, *стри́чи* и т.д. В говорах вне Северо-Восточной зоны формы с конечной /и/ вообще отсутствуют (ср. *игрáть*, *клясть*, *месть*, *печь* и т.д.).

§ 96. Три основные системы инфинитива. Первая система — это лучше всего сохранившаяся древнерусская система в тех говорах северо-востока, где независимо от места ударения все формы инфинитива имеют конечную фонему /и/; ср.: *идтí* и *игрáти*, *пéти*, *спáти*... ; *плестí*, *грестí*, *скрестí* и *кля́сти*, *упáсти*... ; *печí*, *сечí*, *беречí* и *стри́чи*.

Вторая система, бытующая тоже в говорах северо-востока, характеризуется ударными окончаниями с /и/, безударными без этой фонемы; ср.: *идтí* (или *итí*), но *игрáть*, *петь*, *спать*... ; *плестí*, *грестí*, *скрестí*... , но *клясть*, *упасть*... ; *печí*, *сечí*, *беречí*... , но *стричь*.

Глаголы на *к*, *г*, *б* в части говоров северо-востока могут иметь основу инфинитива, оканчивающуюся на эти согласные, как и все другие формы этих глаголов. В этом случае они имеют окончание *-ти*. Таким образом, кроме глагола *идтí* (*итí*) в класс с окончанием *-ти* здесь входят также глаголы *тектí*, *берегтí*, *жегтí*, *гребтí*, *скрептí* и др. Окончание *-чи* (*-чь*) в таких системах оказывается вытесненным. Однако в чистом виде такие системы встречаются редко. Формы с основой на заднеязычные и окончанием *-ти* (*нектí*, *берегтí*) часто сосуществуют с исконными формами типа *печí*, *беречí*. В результате их контаминации появляются и формы со сложным окончанием *-чти*: *печтí*, *беречтí*...

Третья система, отраженная в южнорусских говорах, характеризуется ударением в формах инфинитива всегда на основе. По образцу *клясть*, *сесть*, *стричь* утвердились с этим же ударением и *месть*, *бресть*, *скресть*, *печь*, *беречь* (вместо *местí*, *брестí*, *скрестí*, *печí*, *беречí* и т.д.). Глагол *идтí* имеет здесь, как правило, инфинитив со вторичным [т']: *идтíть* : *идítть* : *итíть*. В этой системе все окончания не имеют конечной фонемы /и/.

Глаголы на *к, г, б* в этой системе всегда имеют основу на гласный (*пе-чь, бере-чь, гре-сть* и т. д.). Основу на согласный в некоторых говорах Брянской и Калужской областей могут иметь только глаголы *терть, (по)мёрть, (за)пёрть* в соответствии с *терётъ, (по)мерётъ, (за)перётъ*.

В говорах имеются новообразования, свидетельствующие об осуществлении узкорегionalных тенденций в образовании инфинитива. Например, в гдовских говорах известны формы с окончанием *-сть* у глаголов с основой на корневой гласный: *бысть, гнисть* и др.

ФОРМЫ ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

§ 97. Различия в формах времени. В говорах и литературном языке представлена в целом единая система времен, которыми выражено изъявительное наклонение. Глаголы несовершенного вида имеют три формы времени — настоящего, прошедшего и будущего (сложное будущее образуется аналитически — *буду косить, стану носить*); глаголы совершенного вида имеют только формы прошедшего и будущего (простое будущее образуется синтетически: *накошú, вьношу*).

Лишь в некоторых говорах Северного наречия, в пределах Новгородской, Вологодской и Архангельской областей, спорадически встречаются формы давнопрошедшего времени, выраженные глагольной формой на *-л* + форма прошедшего времени вспомогательного глагола: *я была опухла; она была с дочерью жила; ягоды росли были* и под. В зависимости от контекста они могут выражать разные оттенки давнопрошедшего времени, чаще всего значение действия, предшествующего другому, также отнесенному к прошлому: *В сентябре снег был высыпал, а октябрь был теплый; Песни пела была, танцевала была, а когда замуж вышла — нет: дети пошли, некогда было; Летось была посадила, а не выросли; Сучье осталось было, я и вырубил*. Формы давнопрошедшего времени могут выражать значение действия, отдаленного от момента речи значительным промежутком времени: *А был лежал в лазарете в германскую войну; Как раньше были колдуны делали; Он был до войны много поработал; Илья был на свете жил 800 лет; Лес был принадлежал монастырю*.

Остальные различия касаются не самой категории времени, а разного выражения его форм. Особенно многочисленны и разнообразны эти различия у форм настоящего и простого будущего времени, образующих систему личных форм — спряжение. Различия форм сложного будущего выражаются только в употреблении разных вспомогательных глаголов: *буду пахать : иму пахать : стану пахать* (при отсутствии у глагола *стать* начинательного значения). В формах прошедшего времени различия касаются места ударения (см. § 105).

ТИПЫ СПРЯЖЕНИЯ

§ 98. Особенности противопоставления в говорах I и II спряжений. Общее спряжение. Как и в литературном языке, большая часть глаголов во всех говорах распределяется между I и II спр. Эти два спряжения различаются во всех говорах у глаголов с ударными окончаниями. Различие этих спряжений выражается гласными фонемами окончаний во 2-м и 3-м л. ед. ч. и в 1-м, 2-м, 3-м л. мн. ч.: *несёшь, несёт, несём, несёте* (или *несёшь, несёт, несём, несёте*), *несут* (I спр.) и *сидишь, сидит, сидим, сидите, сидят* (II спр.). В 1-м л. ед. ч. везде выступает только окончание -у.

У глаголов с безударными окончаниями эти два спряжения в части говоров (в основном южнорусских) не различаются. Это во многом определяется фонетикой таких говоров, а именно совпадением в заударной позиции /о/ и /и/ или /е/ и /и/, — т.е. тех гласных фонем, которыми различаются окончания I и II спр. в формах 2-го, 3-го л. ед. ч. и 1-го, 2-го л. мн. ч. Совпадение этих пар фонем может осуществляться в звуках [и] ([ь]) или [а].

Кроме того, в южнорусских говорах глаголы исконно II спр. с безударными окончаниями повсеместно обобщили в форме 3-го л. мн. ч. окончание -ут/-ют: *видют, портют, просят, строят, мочут, парют*, т.е. то же окончание, что и глаголы I спр. (ср.: *порют, колют, сеют, плачут*). Окончание -ут выступает здесь, следовательно, как в соответствии с ударным -ут (*ведут*), так и с ударным -ат (*сидят*); ср.: *выведут* и *высидют*.

Таким образом, оказывается, что все глаголы с безударными окончаниями имеют в этих говорах общую систему окончаний, нейтральную по отношению к I и II спр., ср.: *вэ[р'и]шь, вэ[р'и]т, вэ[р'у]т*, как и *но[р'и]шь, но[р'и]т, но[р'у]т*, или *вэ[р'а]шь, вэ[р'а]т, вэ[р'у]т*, как и *но[р'а]шь, но[р'а]т, но[р'у]т*¹.

Глаголы с безударными окончаниями в таких говорах называются глаголами общего спряжения.

Часть глаголов общего спряжения продолжает сохранять соотносительность с I и II спр. только через признаки основ. Так, глаголы исконно I спр. с основой на парные твердые согласные и заднеязычные и II спр. на губные и зубные сохраняют чередования конечных согласных основы, свойственные этим спряжениям; ср., например, чередования в глаголах *лэ[з]у, лэ[з'и]шь, лэ[з]ут; ля[г]у,*

¹ Фонологически в этих окончаниях «средних» форм парадигмы выступает гиперфонема $\frac{И}{е}$ (*вэ[р'И]шь, вэ[р'И]т*) или $\frac{И}{о}$ (*вэ[р'И]шь, вэ[р'И]т*) в зависимости от того, какой звук — [е] или [о] — произносится в ударных окончаниях I спр. (*не[с'э]шь* или *не[с'о]шь*).

ля[жэ]шь, ля[г]ут и в глаголах *ста[вл']у, ста[в'и]шь, ста[в'у]т; в[у]ж[у], в[у]д'и[шь], в[у]д'у[т]* (см. § 91).

До середины XX столетия в устной разновидности литературного языка также было представлено общее спряжение. И сейчас такое произношение, как *но[с'у]т, во[з'у]т, коло[т'у]т, во[д'у]т*, можно услышать у москвичей старшего поколения и в сценическом произношении. Под влиянием орфографического написания эти формы активно вытесняются, и молодежь, владеющая литературным языком, в своей речи их уже почти не употребляет. В окончаниях этих форм произносится вариант фонемы /а/, чаще всего [э]: *но[с'э]т, во[з'э]т* и т. д. Формы с гласным [у] стали восприниматься как архаизм.

§ 99. Чередования в основе глаголов I и II спряжений. У глаголов I спр. с основой на парные твердые и заднеязычные при чередованиях конечного согласного основа в формах 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. противопоставляется основе в остальных «средних» формах.

У глаголов с основой на парные твердые это чередование твердого и мягкого согласного ($C_1||C_2'$) представлено повсеместно: ср. парадигмы типа *не[с]у́, не[с']ёшь, не[с']ёт, не[с]у́т*.

Основные различия в области чередований у глаголов I спр. связаны с глаголами на заднеязычные согласные. Специфическое для них чередование $к||ч$ и $г||ж$ ($C_1||C_2$) (ср. *пеку́, печёшь (печёшь), печёт (печёт), пеку́т*) характерно в основном для центральных и северо-западных говоров. Но как элемент литературной системы это чередование встречается и на других территориях наряду со специфически диалектными чередованиями у тех же глаголов (см. ниже).

Во многих говорах глаголы с основой на заднеязычный согласный, утратив чередование типа $C_1||C_2$, имеют тот же тип чередования, что и глаголы на твердый парный согласный, ср.: *пеку́, пекёшь, пекёт, пеку́т*. В этих говорах чередование типа $C_1||C_2'$ представлено всеми глаголами I спр., кроме тех, которые имеют основы на нечередующиеся согласные (*ржешь, да[jó]шь*).

Глаголы с основой на заднеязычные могут в части северо-восточных говоров выступать с основой на нечередующийся твердый заднеязычный: *пеку́, пекóшь, пекóт, пеку́т, берегу́, берегóшь, берегóт, берегу́т* и т. д., сливаясь тем самым в один класс с глаголами, имеющими основы на нечередующийся согласный (т. е. на шипящие, *ж, р', л'*).

Глаголы с основой на заднеязычные не во всех говорах составляют по рассматриваемому признаку один монолитный класс. Так, например, в говорах, где вообще эти глаголы сохраняют исконное чередование, глаголы *ткать* и *скать* ('раскатывать тесто') с основой, не образующей слога, могут иметь чередование $к||к'$; ср.: *тку, ткёшь, ткёт; ску, скёшь, скёт*. Глагол *лечь* широко известен с

нечередующейся основой на *ж*- (ср.: *ляжу, ляжешь*), а глагол *мочь* может иметь свой особый тип чередования: *могú, мóжешь, мóжут*. Отклонения в системе чередования глаголов *лечь, мочь* определяются особенностями их ударения: глагол *лечь* имеет неподвижное ударение на основе, а *мочь* — подвижное, тогда как все другие — неподвижное на окончании. Чередования в части говоров проявляют тесную связь с местом ударения.

Специфические чередования глаголов II спр. ($C_1' || C_2$), противопоставляющие основу в форме 1-го л. ед. ч. основе всех остальных форм, в большей части говоров сохраняются: $t' || ч$ (*коптúть — копчú — коптúшь, коптúт*), $s' || ш$ (*голосúть — голошú — голосúшь, голосúт*), $s't' || щ$ (*простúть — прощú — простúшь, простúт*), $b' || бл'$ (*долбúть — долблú — дóлбишь, дóлбит*) и т. д.

Отсутствие чередования известно относительно небольшим диалектным массивам: части юго-западных говоров, а также говорам Рязанской Мещеры. Здесь глаголы во всех формах имеют исход основы на мягкий согласный; ср.: *коптúю, коптúшь, вопúю, вопúшь* и т. д.

Отсутствие чередования у глаголов I и II спр. может в части рязанских говоров совмещаться. Это означает, что чередование конечных согласных основы как дополнительное грамматическое средство в системе форм настоящего времени здесь вообще отсутствует.

§ 100. Чередования в основе глаголов общего спряжения. Глаголы общего спряжения не отличаются, как было уже сказано, по системе чередований от глаголов I и II спр., с которыми они этимологически связаны. Поэтому в тех южнорусских говорах, где глаголы I и II спр. утратили чередования в основе, соответствующие глаголы общего спряжения, разделяя их судьбу, также выступают без чередований; ср.: при *спю, спишь, спит, спят* также — *лупúю* (или *лúню*), *лúпишь, лúпит...* и т. п.

Но есть явление в области чередований, специфическое для глаголов общего спряжения. В севернорусских говорах глаголы типа *дремать, трепать, сыпать* имеют основу на «губной + л'» во всех формах настоящего времени (*дремлúю, дрéмлешь, треплúю, трéплешь*) и принадлежат I спр. А в южнорусских говорах, относясь к общему спряжению, эти глаголы приобретают чередование, свойственное II спр. с характерным для него выделением формы 1-го л. ед. ч.: *дремлúю, дрéмишь, дрéмит, дрéмют; треплúю, трéпишь, трéпит, трéпят* и т. п., как *томлúю, томúшь, томя́т* и т. п. Там же, где глаголы II спр. утратили чередование (см. § 99), они также выступают без чередования с основой на мягкий губной: *трепúю, трéпишь, трéпит, трéпят* и т. п.

Приравливание основы глаголов этой группы к глаголам II спр. с основой на губные согласные известно и в разговорной речи литературного языка. Варианты произношения типа *сы́[п'и]шь, трé[п'и]шь* допускаются орфоэпическими нормами. Это явление

было и в московском говоре, легшем в основу литературного произношения.

§ 101. Ударение у глаголов I и II спряжений. В большей части говоров, как и в литературном языке, в системе личных форм глаголов различаются три типа ударения: неподвижное на основе (*дúю, дúешь, вéрю, вéришь*), неподвижное на окончании (*несú, несéшь, сижú, сидíшь*) и подвижное, при котором в 1-м л. ед. ч. ударным становится окончание, а в остальных — основа (*вяжú, вя́жешь, вя́жет, люблю́, люби́шь, люби́т*).

Различия в говорах касаются подвижного типа ударения. Подвижный тип ударения имеется в большинстве говоров, но он занимает в их системах разное место. Кроме глаголов, которые во всех таких говорах имеют подвижное ударение, например, *люблю́, люби́шь; кормлю́, ко́рмишь; вяжú, вя́жешь; колю́, ко́лешь*, в диалектном языке выделяется класс глаголов, которые в одних говорах могут иметь подвижное ударение, а в других — неподвижное на окончании. Наиболее употребительные глаголы этого класса: II спр. — *валить, варить, вертеть, дарить, звонить, катить, косить, курить, ловить, (по)ложить, мочь, пилить, платить, садить, становить, сушить, тащить*; ср.: *валю́, ва́лишь...* и *валю́, валíшь...*; I спр. — *отдохнуть, вернуть, застегнуть; облить, отбить, обшить*; ср.: *оболью́, обóльешь...* и *оболью́, оболье́шь* и т. п.

Распределение этих глаголов между тем классом, который имеет подвижное ударение, и тем, который характеризуется неподвижным ударением на окончании, в каждом из говоров имеет индивидуальный характер. В севернорусских говорах бо́льшая часть этих глаголов выступает с неподвижным ударением на окончании: *валю́, валíшь, валíт; верчу́, вертíшь, вертíт* и т. д. Такое ударение является для большинства этих глаголов исконным. В южнорусских говорах, особенно в их западной части, наоборот, основное количество глаголов этого класса выступают с подвижным ударением.

В целом такая картина свидетельствует о том, что в говорах идет активный рост удельного веса глаголов с подвижным ударением. Литературный язык по этому признаку занимает промежуточное место. Многие из глаголов, которые сейчас имеют в нем подвижное ударение, еще в недалеком прошлом имели неподвижное на окончании¹.

Подвижное ударение в части диалектных систем может вообще отсутствовать. Это является наиболее существенным различием говоров в области ударения. Отсутствие подвижного ударения зафиксировано в говорах Рязанской Мещеры, а также в некоторых северо-западных говорах в районе Нарвы. Соответствующие глаго-

¹ Ср. разнообразные пометы ко многим глаголам этого списка в Орфоэпическом словаре русского языка (М., 1989): «*со́лит* и допустимо *соли́т*»; «*мутíт* и допустимо *му́тит*»; «*звони́т*, не рекомендовано *звóнит*» и т. п.

лы в этих говорах имеют ударение на основе: *лю́блю* (или *лю́блю*), *лю́бишь*; *вя́жу*, *вя́жешь* и т. д. Важно отметить, что в говорах Рязанской Мещеры у тех же глаголов нет и чередований в основе. Таким образом, ударение и чередование как дополнительные грамматические средства в системе форм настоящего времени в них не используются — все грамматические значения выражаются только посредством аффиксов.

§ 102. III спряжение. Его формальные признаки и разновидности. В результате морфологизации фонетических процессов на стыке основы настоящего времени, оканчивающейся на гласный +*j*, и окончаний I спр. возникло в среднерусских говорах особое III спр. К этому спряжению относятся глаголы с основой настоящего времени на *-aj-* (типа *игра́j-ут*, *ла́j-ут*), на *-ej-* (типа *боле́j-ут*, *бре́j-ут*, *се́j-ут*), на *-uj-* (типа *рису́j-ут*, *обу́j-ут*), на *-oj-* (типа *кро́j-ут*).

III спр. отличается от I тем, что в формах 2-го и 3-го л. ед. ч. и 1-го и 2-го л. мн. ч. окончания не имеют начальной гласной фонемы, а основа в этих же формах не имеет конечной /j/, так что в основе осуществляется чередование *j||∅* в: *игра́j-у*, *игра́-ш*, *игра́-т*, *игра́j-ут*; *ла́j-у*, *ла-ш*, *ла-т*, *ла́j-ут*; *рису́j-у*, *рису́-ш*, *рису́-т*, *рису́j-ут*; *кро́j-у*, *кро-ш*, *кро-т*, *кро́j-ут*; *бре́j-у*, *бре-ш*, *бре-т*, *бре́j-ут*.

У глаголов с ударением на корне типа *ду́мать* безударный элемент *-aj-* основы настоящего времени в формах 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. может в части говоров отсутствовать. В этом случае основа на ∅ чередуется с основой на *-a-* в остальных формах: *ду́м-у*, *ду́ма-ш*, *ду́ма-т*, *ду́м-ут*.

Шире всего III спр. в восточных среднерусских говорах представлено у глаголов на *-aj-* (*игра́-ш*, *ду́ма-ш*), уже у глаголов на *-ej-* (*уме́-ш*, *боле́-ш*), еще более ограничено у глаголов на *-oj-* (*кро-ш*), *-uj-* (*торгу́-ш*). Наряду с формами III спр. в тех же говорах могут встречаться и формы I спр. тех же глаголов (*игр[áџе]шь*, *бол[éџе]шь* и т. п.). Их наличие следует отнести за счет непосредственно проведенной диалектной нормы.

Те же формы, но только от глаголов на *-aj-*, *-ej-* (*ду́машь*, *знат*, *умем*) распространены и в пределах севернорусского наречия. Но здесь они занимают в системе спряжения принципиально иное место, выступая в целой гамме факультативных вариантов, ср.: *зн[áџе]т*, *зн[áе]т*, *зн[áа]т*, *зн[а]т*. Эта вариативность — свидетельство живого фонетического процесса, который заключается в том, что в сочетаниях [аџе] и [еџе] (*ду́м[аџе]шь*, *ум[éџе]т* и т. д.) интервокальный сильно вокализованный звук на месте *j* — неслоговой гласный [џ] (или [џ̣]) — между гласными утрачивается, что сопровождается дальнейшим процессом ассимиляции и стяжения гласных: [аџе] > [ае] > [аа] > [а]; [еџе] > [ее] > [е] (см. § 46). Формы типа *ду́маш*, *уме́ш* представляют лишь его конечную стадию.

Своеобразие бытования этого явления на современном этапе заключается в том, что формы, процессуально развивающиеся одна из другой ($зн[áе]т > зн[áа]т > зн[а]т$), сосуществуют во времени. В речевом потоке они обнаруживают зависимость от стиля речи, ее темпа, положения соответствующих форм во фразе и т. д. Наиболее нейтральными (необусловленными) являются формы с утратой [и̣], но без стяжения гласных ($игр[áе]т, игр[áа]т, ум[éе]т$). Они часто бывают и более употребительны, чем формы со стяжением ($играш, умет$). Последние обычно связаны с более небрежным, аллегрным стилем речи, чаще фиксируются в конце фразы. Таким образом, формы типа $знат, умет$ в севернорусских говорах лишь один из речевых вариантов форм I спр.

В среднерусских же говорах формы типа $дúмашь, знат, умет$ не имеют вариантов, что и заставляет рассматривать соответствующие системы форм настоящего времени как особый тип спряжения. Есть основания думать, что в этих говорах процесс выпадения [и̣] и стяжения не был пережит как фонетический. Скорее всего III спр. сформировалось здесь вследствие морфологизации результатов стяжения, которая осуществилась при стыке диалектных систем, знавших стяжение, и тех систем (южных), которые этого процесса не переживали. Ряд форм III спр. возник на почве среднерусских говоров по аналогии, например, формы III спр. глаголов на $-ој-$, $-уј-$: $мош, мот, торгуш, торгут$. В севернорусских говорах соответствующие сочетания [о̣е], [у̣е] стяжению не подвергаются.

§ 103. Нетематическое спряжение. Во всех русских говорах имеется так называемое нетематическое спряжение глаголов $дать, есть$. Наиболее распространена та же система форм, что и в литературном языке. Все три формы ед. ч. имеют в ней специфическое нетематическое выражение: $дам, дашь, даст; ем, ешь, ест$. Форма 2-го л. с окончанием $-ш$ по происхождению является одноименной формой повелительного наклонения (ср. др.-рус. $дажь, ежь$). В части же говоров (белозерских Северного наречия и говорах западной части Южного наречия) в соответствии с $дашь, ешь$ употребляется архаическая форма 2-го л. на $-си$: $дам, даси́, даст; ем, еси́, ест$. Наряду с формами $даси́, еси́$ встречаются иногда формы $даси́шь, еси́шь$, в которых контаминируются признаки этих двух систем.

Формы мн. ч., как и в литературном языке, образуются по II спр., кроме формы 3-го л. глагола $дать$, образованной по I спр.: $едим, едите, едят; дадим, дадите, дадут$.

В юго-западных говорах различие форм мн. ч. этих глаголов или устраняется (у глагола $есть$ употребляется форма $едут$), или же, наоборот, эти глаголы полностью расходятся во всех формах: глагол $дать$ образует все формы по I спр. ($дадем, дадете, дадут$), а глагол $есть$ — по II спр. ($едим, едите, едят$). Особенностью некоторых из юго-западных говоров является возможность распространения ос-

новы мн. ч. (*дад-*, *ед-*) на формы 2-го и 3-го л. ед. ч. Эта тенденция возникает в разных парадигмах, построенных по образцу как II, так и I спр.: *дам, дадишь, дадут, дадут* или *дам, дадешь, дадут, дадут*. Особую разновидность составляют гдовские (западные среднерусские) говоры, где в качестве общей основы для всех форм, кроме 1-го л. ед. ч., используется форма 3-го л. ед. ч. (*даст-*, *ест-*): *дам, дастишь, дастит, дастыт; ем, естишь, естит, естыт*. В этих типах систем своеобразие нетематического спряжения выражено минимально — только в форме 1-го л. ед. ч.

ВАРИАНТЫ ЛИЧНЫХ ОКОНЧАНИЙ

§ 104. Конечный [т] или [т'] в формах 3-го лица и его отсутствие. Фонемы /о/ или /е/ в окончаниях глаголов I спряжения. Многие глагольные формы могут обнаруживать в говорах различия в фонемном составе окончаний, не отражающиеся на их отнесенности к тому или иному спряжению. Покажем эти различия на примере формы 3-го л. ед. ч. I спр., где они наиболее разнообразны: *ве[з'эт] : ве[з'от] : ве[з'эт'] : ве[з'от'] : ве[з'о] : ве[з'э]*. Каждому из различий ([е] : [о]; [т] : [т']; [т (т')] : ∅) соответствует свой круг форм и глаголов.

Наиболее общим для говоров является различие форм 3-го л. глаголов по признаку твердости или мягкости конечного *т*. Мягкий [т'] характерен для южнорусских говоров, а твердый [т] — для севернорусских. Появление [т] — новообразование, результат отвердения исконно мягкого [т'] в этой форме.

Различия по этому признаку обычно равномерно реализуются во всех формах 3-го л. у глаголов всех спряжений, в формах обоих чисел, при ударных и безударных окончаниях. Ср., например, формы с [т'] в южнорусских говорах: *иде[т']* (или *иде[т']*), *иду[т']*; *ста[не]т'*, *ста[ну]т'*; *сиди[т']*, *сидя[т']*; *кóси[т']*, *кóсю[т']* и т.п.

Формы 3-го л. глаголов могут выступать без конечного [т/т']. Они известны в двух локальных массивах — северном и южном, хотя почти нигде не представлены последовательно; эти формы обычно сосуществуют с формами, имеющими конечный *т*, при разном их количественном соотношении.

На севере говоры, знающие отсутствие *т*, сосредоточены на территориях, тянувшихся от Чудского озера, вдоль Ладожского и до Онежского озера. Именно здесь известны говоры (гдовские), в которых конечный *т* может отсутствовать во всех категориях форм, т.е. в формах ед. и мн. ч. глаголов I и II спр. при любом типе ударения. В других говорах этого же массива формы без *т* встречаются у глаголов I спр. только в ед. ч., а у глаголов II спр. — только во мн. ч.: *он несё* — *они несут*, *он ста[не]* — *они ста[нут]*, *он сидит* — *они сидя*, *он видит* — *они видя*.

В южнорусских говорах (центральной их части) отсутствие *t* характерно в основном для форм ед. ч. Причем в части говоров отсутствие *t* в этих формах ограничивается глаголами общего спряжения (т.е. с безударными окончаниями): *он ста́ня, пи́ша, во́зя, про́ся*. В большей части говоров этого массива отсутствие *t* отмечается также и в форме 3-го л. ед. ч. с ударным окончанием, но лишь у глаголов I спр.: *он несе́, везе́*.

Вопрос о происхождении форм без *t* имеет разнообразные трактовки. Само явление отсутствия *t* очень древнее, но во многих современных говорах оно представлено в преобразованном виде.

Ударные окончания в формах 2-го и 3-го л. ед. ч. и 1-го и 2-го л. мн. ч. глаголов I спр. могут иметь в говорах фонему /e/ или /o/. Это соответствие представлено у глаголов с основой на парные твердые и заднеязычные согласные, ср.: *бе[r'ó]шь, бе[r'ó]т, не[k'ó]шь, не[k'ó]т* и *бе[r'э]шь, бе[r'э]т, не[k'э]шь, не[k'э]т*. Глаголы на заднеязычные по этому признаку не отличаются от глаголов на парные твердые, хотя могут иметь другие основы: *не[ч'ó]т, бере[ж'ó]т, не[к'ó]т, бере[г'ó]т*.

Наличие в окончаниях фонем /o/ или /e/ связано по происхождению с фонетикой говоров — наличием или отсутствием в них результатов изменения [e] > [o] под ударением перед твердыми согласными (см. § 19). Так, в говорах Рязанской Мещеры этот процесс не имел места: [л'ен], *о[в'эс]*, *с[в'эк]ла* и т.д.; здесь /e/ выступает и во всех формах парадигмы I спр.: *бе[r'э]шь, бе[r'э]т, бе[r'э]м* и т.д. В говорах же, где [e] > [o] — а их абсолютное большинство — появление /o/ в части форм парадигмы (в 1-м л. мн. ч. перед [м]; в 3-м л. ед. ч., если в ней уже был [т] твердый; во 2-м л. ед. ч., если шипящие отвердели) и сохранение /e/ в других формах (по крайней мере в 3-м л. ед. ч. перед [т']) создало после завершения процесса перехода [e] > [o] условия для действия морфологической аналогии.

Сохранение исконных отношений (соответствующих условиям осуществления процесса [e] > [o]) можно видеть, например, в парадигме *не[с'э]шь, не[с'эт'], не[с'ó]м, не[с'эт']е*, которая распространена в части западных говоров. Но в наиболее распространенной парадигме, где, как и в литературном языке, /o/ выступает во всех формах, форма 2-го л. мн. ч. (*не[с'ót']е*) — безусловно аналогичного происхождения. Такого же происхождения и форма 3-го л. ед. ч. (*не[с'ót']*) в некоторых тульских говорах. Противоположный результат действия аналогии — обобщение во всех формах фонемы /e/ (*не[с'э]шь, не[с'эт'], не[с'э]м, не[с'э]те*) известен в некоторых юго-западных говорах, где аналогичное происхождение безусловно имеет форма 1-го л. мн. ч.

Поскольку распределение фонем /e/ и /o/ в окончаниях форм I спр. в диалектном языке в целом не соответствует фонетическим условиям, это различие носит морфологический характер.

ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

§ 105. Место ударения в формах прошедшего времени. В образовании форм прошедшего времени в говорах нет отличий от литературного языка, кроме тех архаических явлений, о которых сказано в § 55. Различия по говорам затрагивают в основном систему ударения форм прошедшего времени на *-л*.

В говорах, как и в литературном языке, имеются глаголы, которым в формах прошедшего времени свойственно подвижное ударение. У этих глаголов форма женского рода с ударением на окончании противопоставлена всем остальным, имеющим ударение на основе, ср.: *брала́*, но *бра́ло*, *бра́ли*; *лила́*, но *ли́ло*, *ли́ли*.

Однако не все говоры сохраняют эту архаическую особенность глагольного ударения. Глаголы с исконно подвижным ударением распадаются на две группы, которые в говорах могут вести себя неодинаково. Первую группу составляют глаголы типа *брать*, *врать*, *драть*, имеющие в корне чередование гласной с ее отсутствием: *берут* — *брал* и т. п. Во вторую группу входят односложные глаголы с основой на корневой гласный: *гнуть*, *жить*, *класть*, *клясть*, *красть*, *пить*, *лечь*, *лечь*, *лечь*, *лечь*. В западных среднерусских и онежских говорах обе эти группы глаголов могут иметь неподвижное ударение на основе: *бра́ла*, *вра́ла*, *гни́ла*, *жи́ла*. Но в части говоров западной зоны глаголы первой группы имеют неподвижное ударение на основе, тогда как у глаголов второй группы сохраняется подвижное ударение: *бра́ла*, *бра́ло*, *бра́ли* и т. п., но *жилá*, *жи́ло*, *жи́ли* и т. п. Эти закономерности распространяются на производные глаголы с теми же корнями, но ударение на основе в одних говорах падает на корень (*прожи́ли*), в других — на приставку (*про́жили*).

У некоторых глаголов второй группы в южнорусских говорах проявляется тенденция к неподвижному ударению на окончании: *жилá*, *жилí*; *прожилá*, *прожилí*; *была́*, *было́*, *были́*; *пробыла́*, *пробыли́*. Но обычно неподвижное ударение выступает у этих глаголов наряду с подвижным, что проявляется в наличии вариантов типа *бы́ли* / *были́*, *прожи́ли* / *прожилí*.

ФОРМЫ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

§ 106. Различия форм повелительного наклонения, связанные с основами и распределением окончаний. В образовании форм повелительного наклонения в говорах мало отличий от литературного языка.

Некоторые особенности связаны с диалектными основами настоящего времени глаголов. Так, глаголы *лечь* и *бечь* — *бежа́ть*, имеющие в разных говорах разные основы настоящего времени,

имеют соответственно и разные основы повелительного наклонения, ср.: *лягут* — *ляг*, *ляжут* — *ляж*; *бегут* — *бегі*, *бежат* — *бежі*.

Другие различия связаны с распределением окончаний *-и* и \emptyset (нулевого). В большей части говоров, как и в литературном языке, окончание *-и* выступает у глаголов с ударением на окончании в форме 1-го л. ед. ч., т.е. у глаголов с неподвижным ударением на окончании и с подвижным ударением (*говорю́*, *говорі́шь*, *говорі́* и *люблю́*, *любі́шь*, *любі́*), а нулевое — у глаголов с неподвижным ударением на основе (*ста́ну*, *ста́нешь*, *стань*). В части говоров, главным образом южнорусских, некоторые глаголы первой группы (с неподвижным ударением на окончании и с подвижным) могут в форме повелительного наклонения иметь нулевое окончание.

Тенденция к расширению сферы нулевого окончания в различных говорах охватывает разные глаголы. Однокоренные приставочные и бесприставочные глаголы, как правило, выступают с разными окончаниями повелительного наклонения: приставочные имеют нулевое окончание, а бесприставочные сохраняют окончание *-и*, ср.: *отго́нь*, но *гоні́*, *подвёзь*, но *везі́*, *зава́рь*, но *варі́*, *напо́й*, но *поі́*, *посо́ль*, но *солі́* и т.д., хотя (значительно реже) формы с нулевым окончанием встречаются и у бесприставочных глаголов: *курь*, *ходь*, *лупь* и т.д.

ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ

§ 107. Общие замечания. Наличие или отсутствие возвратного постфикса. Формы залога, выражающие отношения между субъектом и объектом действия, тесно связаны с переходностью и непереходностью глаголов. Морфологическим средством выражения непереходности глаголов служит постфикс *-ся*. По говорам может различаться само наличие или отсутствие этого постфикса у тех или иных глаголов.

Известно, что в соответствии с невозвратными формами литературного языка в говорах часто выступают возвратные, например: *и давай нещадно колотиться и вопиться*; *в этой деревне они переночевались*; *не спешитесь-ко, родители*; *в кустах прошумелось* и т.д.

Особую группу среди них составляют глаголы с возвратным постфиксом, имеющие значение длительного, интенсивного действия в пользу субъекта (ср. и в литературном языке подобного рода факты: *постирáться*, *прибрáться* и т.д.): *надо полива́ться* 'поливать огород'; *давай помогу стла́ться* 'стелить постели'; *я стирáлась*, *я пряла́сь*; *надо пойти покосі́ться* 'покосить' и т.д.

И наоборот, в соответствии с возвратными глаголами литературного языка в говорах употребляются невозвратные; ср.: *все до-*

жидáл ворона, не мог дождáть; зачем это ты заблудíу; дядя вернóл обратно на свои корабли; давай конем меня́ть; сердце лóпаат; по-совéтовали между собой. Часть глаголов без -ся такого типа являются архаизмами, например: *заблудíть, дожидáть, остáть, глумíть* и др. Чаще всего подобные формы встречаются в фольклоре.

§ 108. Модификации возвратного постфикса. Многообразны диалектные различия в самих разновидностях постфикса, связанные с варьированием согласного *с* по твердости/мягкости, с наличием или отсутствием гласного, а также с самим характером гласного ([а] : [и] : [е] : [о]).

Отсутствие гласного в возвратном постфиксе, как и в литературном языке, известно только в положении постфикса после гласного; *садí[с']*, *садíла[с']*, *нашлá[с']*, *нашли́[с']*, *обойдú[с']* и т. д. (или *садí[с]*, *садíла[с]*, *нашлá[с]*, *нашли́[с]*, *обойдú[с]* и т. п.). Это явление представлено повсеместно, однако в большей части диалектных систем в этом же положении обычно возможны и формы с сохранением гласной (*нашлá[с']* / *нашлá[с'а]*). Формы без гласной чаще встречаются в беглой речи, в середине фразы. Говоры, в которых, как и в литературном языке, в положении после гласного постфикс всегда выступает без гласной, встречаются редко. Небольшие ареалы таких говоров известны на северо-западе Европейской части России.

Твердый [с] постфикса (при наличии последующего гласного или его отсутствии) характерен в основном для центральных говоров. Лишь при положении постфикса после *л* твердость *с* отмечается шире, захватывая и северо-западные области: *умы́[лса]*, *умы́ [лсы]*.

В литературном языке в первой половине XX в. норма допускала твердое произношение *с* в составе возвратного постфикса. Это связано с тем, что Москва относится к зоне твердого произношения *с* постфикса, что свойственно центральным говорам. Но в настоящее время у носителей литературного языка стало преобладать мягкое произношение [с'] постфикса под влиянием орфографического написания.

Твердость *с* в составе постфикса объясняют отвердением в нем мягкого [с'], которое могло первоначально произойти в позиции конца слова в разновидности постфикса с утраченным гласным (*мы́ла[с']* > *мы́ла[с]*) или же в формах прошедшего времени (*дрáл[с'а]* > *дрáл[са]*, *дрáл[с'и]* > *дрáл[сы]*) после [л] в связи с его велярностью.

Безударный гласный постфикса [а] ([э]) : [и] : [е] : [о] проявляет зависимость от положения постфикса после гласного или согласного. Прежде всего это касается вариантов с [а] и [и]. Так, в юго-восточных говорах обычно постфикс [с'а] (или [с'э]) выступает после гласных (*садí[с'а]*, *садíла[с'э]*), а постфикс [с'и] — после согласных (*садí[лс'и]*, *сме́е[мс'и]*, *напье́[шс'и]*). Варианты с глас-

ными [e] и [o] (ср.: *сади́[с'е]*, *боя́л[с'е]* и *бои́ш[с'о]*, *сади́ла[с'о]* или, реже, с твердым *с*) встречаются исключительно в говорах северо-востока.

Различия, связанные с характером гласного, по своему происхождению морфологические. Основные разновидности постфикса возводятся к энклитическим формам возвратного местоимения *себя*, имевшего в вин. п. форму *ся* (древнерус. *сѧ*), а в дат. п. *-си*. Не исключено, что северо-восточные формы с гласной [e] (с дальнейшим [e] > [o]) следует возводить непосредственно к рефлексу носового [e] (*с[’о]* < *с[e]* < *с[ě]*).

§ 109. Явления на стыке возвратного постфикса с предшествующими согласными в различных глагольных формах. В говорах широко представлены явления, связанные с процессами на стыке *с* постфикса и предшествующих согласных: *ш* в формах 2-го л. ед. ч. и *т* в формах 3-го л. ед. и мн. ч. и в инфинитиве.

Во 2-м л. ед. ч. известны следующие изменения группы согласных [шс’]: [с’с’], [ш’ш’] и [с’т’]. Все они, кроме [с’т’], имеют и твердые варианты.

Наиболее распространенными вариантами являются [с’с’] и [сс] как результат широко известной в говорах регрессивной ассимиляции [шс’] и [шс]. Они практически известны почти повсеместно. Вариант [с’т’], распространенный исключительно на западе, в смоленских и тверских говорах, считают гиперизмом (см. § 57).

Варианты [ш’ш’] и [шш] могут быть связаны с прогрессивной ассимиляцией. Они могли возникать также на почве шепелявого произношения свистящих *с* и *з*.

После *т*, выступающего в формах 3-го л. и инфинитива, на месте начального согласного постфикса в говорах, как и в литературном языке, произносится аффриката [ц]: *он сме́[тц]а*, *бои́[тц]а*, *они смею́[тц]а*, *боя́[тц]а*, *нельзя смея́[тц]а*, *боя́[тц]а* и т.п. Твердость или мягкость аффрикаты связаны с качеством звука [ц] в том же говоре: при твердом [ц] она твердая, при мягком — мягкая: *сме́[т’ц’]а* и т.д.

Спецификой некоторых южнорусских говоров, в частности рязанских, является наличие во всех этих формах вторичного [т’], присоединяемого к возвратному постфиксу; *он сме́[тцэт’]*, *нельзя смея́[тцэт’]*. В форме 3-го л. мн. ч. гласный, предшествующий этому [т’], звучит как [у], тем самым как бы полностью воспроизводится безударное окончание этой формы [ут’], которое характерно в этих говорах для глаголов общего спряжения: *они боя́[тцут’]*, *несу́[тцут’]*, *бодáю[тцут’]*, *купа́ю[тцут’]* и т.п. Со вторичным [т’] наиболее распространены формы 3-го л. мн. ч. Изредка вторичное [т’] может отсутствовать. О его отпадении свидетельствует конечный гласный, который при этом сохраняется в виде [у]: *они боя́[тцу]*, *несу́[тцу]*, *бодáю[тцу]*, *купа́ю[тцу]* и т.п. Это говоры, которым свойственно отсутствие конечного *т* в 3-м л. глаголов.

КАТЕГОРИЯ ВИДА И СПОСОБЫ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

§ 110. Общие замечания. Аспектуальная система и ее специфика в диалектном языке. Центром грамматической категории вида глагола является видовая пара — два глагола, имеющие одинаковое лексическое значение и относящиеся к разным видам, несовершенному и совершенному: *пахать поле — вспахать поле, убирать рожь — убрать рожь*. С категорией вида связаны способы глагольного действия — лексико-грамматические разряды глаголов, обозначающие различные временные, количественные и результативные способы осуществления действия, ср.: *болеть и заболеть, поболеть, отболеть, разболеться, поразболеться, баливать, побаливать*. Категория вида и способы глагольного действия образуют аспектуальную систему русского языка (от лат. *aspectus* ‘вид, внешний облик’).

Аспектуальные системы русского литературного и диалектного языка характеризуются значительной общностью. В обеих системах видовая пара образуется способами перфективации и имперфективации. Перфективация (от лат. *perfectus* ‘совершенный’) — это образование глаголов совершенного вида от бесприставочных глаголов несовершенного вида; средством перфективации являются видовые приставки. В русском языке 17 глагольных приставок могут участвовать в образовании глаголов совершенного вида при определенных семантических условиях: *вз-, воз-, вы-, за-, из-, на-, о-, об-, от-, пере-, по-, под-, при-, про-, раз-, с-, у-*. Имперфективация (от лат. *imperfectus* ‘несовершенный’) — это образование глаголов несовершенного вида от приставочных и бесприставочных глаголов совершенного вида; средством имперфективации являются суффиксы *-а-, -ва-, -ива-/-ыва-*. Говорам свойственны те же способы действия, что и литературному языку.

Специфика аспектуальной системы говоров заключается в:

1) тенденции к обязательному формальному выражению видовых различий: глаголы, не имеющие в литературном языке специального показателя вида, в говорах употребляются с видовым аффиксом;

2) образовании видового коррелята к конкретному глаголу с участием иных, чем в литературном языке, перфективных и имперфективных средств;

3) широкой вариативности аффиксов, участвующих в образовании видовых коррелятов и способов глагольного действия;

4) особых средствах образования, условиях употребления и степени продуктивности некоторых способов глагольного действия;

5) сохранении явлений, свойственных аспектуальной системе русского языка на предшествующих этапах ее развития и утраченных в литературном языке.

§ 111. Перфективация. Образование видовой пары способом перфективации подчиняется в литературном и диалектном языке закону семантического согласования приставки и исходного глагола несовершенного вида. Для того чтобы приставка, присоединяясь к глаголу, изменяла только его вид и не изменяла лексического значения, глагол и приставка должны обладать общим семантическим признаком. Например: из двух глаголов — *перекрыть* и *покрыть* (например, *крышу*) — перфективным коррелятом к *крыть* будет последний глагол, так как исходный глагол и приставка *по-* имеют общий признак ‘направление действия по поверхности предмета’. Глаголы *крыть* — *перекрыть* представляют собой не видовую, а словообразовательную пару, так как приставка *пере-*, переводя исходный глагол в совершенный вид, вносит дополнительное лексическое значение ‘сделать заново’.

В литературном языке и в разных говорах перфективный коррелят к одному и тому же глаголу может быть образован при помощи разных видовых приставок. Это обусловлено многозначностью перфективирующих приставок и их связью с разными компонентами лексического значения исходного глагола. Например, глаголу несовершенного вида *знакóмиться* ‘вступать в знакомство с кем-либо’ в литературном языке соответствует перфективный коррелят *познакóмиться*, при образовании которого приставка *по-* соотносится с исходным глаголом по семантическому признаку совместности. В говорах употребляются перфективные варианты и с другими видовыми приставками: *ознакóмиться* и *признакóмиться*. В этих случаях согласование приставки и глагола *знакóмиться* происходит по другим семантическим признакам. Приставка *о-* соотносится с глаголом по семантическому признаку полноты охвата действием, приставка *при-* — по признаку направленности действия к сближению.

Глагол несовершенного вида *крестíть* ‘совершать обряд крещения над кем-либо’ имеет в говорах перфективные корреляты *окрестíть*, *покрестíть*, *прокрестíть*, *скрестíть*. Все приставки, являясь видовыми, в этом случае также соотносятся с разными семантическими признаками исходного глагола: *о-* — с признаком полноты охвата действием, *по-* — с признаком направленности действия на поверхность объекта, *про-* — с признаком направленности действия ‘сквозь время’, от начала до конца обряда крещения, *с-* — с признаком соединения.

Использование в говорах перфективирующих приставок, отличных от литературного языка, наиболее последовательно представлено в группе глаголов на *-еть* и *-нуть*, обозначающих постепенное становление признака (*стареть*, *сохнуть* и под.). В литературном языке такие глаголы образуют видовой коррелят совершенного вида с помощью приставок *по-* (*белёт* — *побелёт*), *о-* (*дряхлёт* — *одряхлёт*), *с-* (*темнёт* — *стемнёт*), *за-* (*мёрзнуть* — *замёрзнуть*).

Семантическим основанием для согласования приставки *по-* со значением глагола является признак направленности действия на поверхность объекта, для согласования приставки *о-* — признак постепенного охвата действием всего предмета, для согласования приставки *с-* — значение исчерпанности действия, развившееся из значения 'удалить с поверхности', а приставка *за-* в значении крайней степени интенсивности присоединяется по преимуществу к глаголам, обозначающим приобретение отрицательных свойств. В говорах эти приставки находятся в отношениях свободного варьирования. Так, видовая пара может быть образована в них не с приставкой *по-*, как в литературном языке, а с *о-* (*осинéть, очернёть, остарéть*) или *с-* (*сбелéть, скраснéть, счернёть*). В некоторых частных аспектуальных системах наблюдается тенденция к унификации приставок, перфективирующих глаголы постепенного становления признака. Как правило, видовые корреляты совершенного вида в этом случае оформляются приставкой *с-*: *сзѣбнуть, сжирéть, сжелтéть, спьянéть, смёрзнуть, ссо́хнуть*.

В каждом говоре наряду с диалектным перфективным вариантом обычно употребляется и приставочный глагол совершенного вида, совпадающий со стилистически нейтральным глаголом литературного языка: *стрóить (дом) — пострóить/сострóить; петь (песню) — спеть/припéть; есть (суп) — съесть/приéсть; пáчкать (платье) — испáчкать/припáчкать; снítься — приснítься/соснítься; расти́ [о картошке] — вы́расти/нарасти́; ломáть(ся) — сломáть(ся)/поломáть(ся)/изломáть(ся)/приломáть(ся); старéть (о человеке) — постарéть/остарéть/состарéть/пристарéть/устарéть/достарéть*.

Явление вариативности приставочного глагола совершенного вида в видовой паре известно и литературному языку, однако отношения между вариантами в литературном и диалектном языке различны. Если в литературном языке формальные варианты отличаются оттенками значения, лексической сочетаемостью, стилистической окраской, то в говорах они являются аспектуальными дублетами.

Некоторые видовые приставки обнаруживают в говорах бо́лее широкую, чем в литературном языке, сочетаемость с лексико-семантическими группами глаголов.

Так, приставка *при-* в литературном языке выступает как видовая в двух небольших группах переходных глаголов (*готовить — приготовить, голубить — приголубить*) и возвратных (*сниться — присниться, грезиться — пригрезиться*). В обоих случаях приставка согласуется с исходным глаголом по признаку приближения (пространственного или психологического). Эти видовые пары являются общерусскими.

Преимущественно в северных говорах приставка *при-* образует также видовые пары в группе глаголов, обладающих семантиче-

ским признаком 'порча, нанесение ущерба', которому соответствует признак 'контакт с исчезновением (уничтожением) предмета или лица' приставки *при-*. Такую видовую пару формируют:

1) переходные глаголы, сочетающиеся с одушевленным объектом: *бить* — *приб́ить* 'убить', *кóрчить* — *прикóрчить* 'убить', *томи́ть* — *притоми́ть* 'замучить', *куса́ть* — *прикуса́ть*, *грызть* 'наносить жалиющие укусы (о насекомых)' — *пригрызть*, *руга́ть* — *прируга́ть*;

2) переходные глаголы, сочетающиеся с неодушевленным объектом: *есть* — *прие́сть*, *лома́ть* — *прилома́ть*, *па́чкать* — *припа́чкать*, *рвать* — *прирва́ть*;

3) непереходные глаголы: *горéть* — *пригорéть* 'сгореть', *рва́ться* — *прирва́ться* 'разорваться';

4) глаголы, в лексическое значение которых входит компонент 'утрата жизненных сил': *слабе́ть* — *прислабе́ть*, *ста́реть* — *приста́реть*.

Глаголы совершенного вида с приставкой *при-* часто употребляются с множественным субъектом или объектом: *Всё пригорéло, ни одного шубного лоскута не осталось; Ну ешь, сейчас ремешок выжму, чтоб всё было приéдено; Столько лесу здесь припóртили!* Такая особенность употребления связана с тем, что на предшествующих этапах истории русского языка приставке *при-* было свойственно дистрибутивное значение, то есть значение поочередного охвата предметов действием, обязательно предполагающее множественный субъект или объект. Впоследствии в литературном языке приставка *при-* утратила это значение (оно закрепилось за приставкой *пере-*). В говорах же произошло переосмысление ее значения, и приставка *при-* превратилась в видовую, что повлекло за собой расширение сочетаемости оформленных ею глаголов: они стали употребляться с показателями не только множественного, но и единичного субъекта и объекта: *Волк по спине гра́бал* 'скреб, царапал', *пальто прирва́л у сторожа; Вы́водиласе — пристарéла да; Нюрка беспоряха-беспоряхой ходит, нечёсана, немыта, да еще платье припа́чкано.*

В литературном языке приставка *до-* не образует видовых пар. В архангельских говорах, где приставка *до-* чрезвычайно многозначна, она выступает в качестве видовой. Многозначность позволяет ей соединяться с глаголами различной семантики, образуя видовые пары по закону семантического согласования приставки и исходного глагола.

Самую обширную группу исходных глаголов несовершенного вида составляют переходные глаголы с семантическим признаком 'порча, нанесение ущерба' в архангельских говорах. Приставка *до-* соответствует ему в значении 'полное израсходование, уничтожение чего-либо'. Например: *кара́ть* — *докара́ть* 'покарать, наказать', *куса́ть* — *докуса́ть* 'нанести много жалиющих укусов (о насекомых)',

мучить — *домучить* ‘заставить испытать физические или нравственные страдания, замучить’, *портить* — *допортить* ‘привести в негодное к употреблению состояние, испортить’, *пугать* — *допугать* ‘испугать’, *резать* — *дорезать* ‘убить режущим орудием, зарезать’ и др. Сюда же относятся глаголы с семантическим компонентом ‘утрата жизненных сил’: *дослабнуть* ‘ослабеть, ослабнуть’, *достареть* ‘состариться, постареть’.

Существующая в говорах тенденция к обязательному формальному выражению видовых различий проявляется у глаголов совершенного вида в следующем. В видовой системе русского языка выделяется небольшая группа бесприставочных глаголов типа *бросить*, *дать*, *кончить*, *купить*, *лечь*, *проститься*, выражающих значение совершенного вида основой. В говорах такие глаголы могут получать приставку, которая является дополнительным показателем их перфективности, ср.: *бро́сить* ‘прекратить’ — *прибро́сить*, *да́ть* — *додáть* и *надáть*, *ко́нчить* (дело) — *ско́нчить*, *купи́ть* — *покупи́ть*, *лечь* (спать) — *уле́чь*, *прости́ться* — *попрости́ться*. В этом случае, как и при образовании перфективной видовой пары, соблюдается закон семантического согласования приставки и глагола. Например, в лексическом значении глагола *дать* есть пространственный компонент, связанный с перемещением объекта от одной точки — субъекта действия к другой — адресату и соответствующий одному из значений приставки *до-*; в случае с глаголом *надáть* приставка семантически согласуется с ним по признаку ‘наделить’. Дополнительное маркирование значения совершенного вида приставкой наблюдается и у глаголов с приставкой, выделяющейся лишь этимологически: *получи́ться* — *сполучи́ться*, *пойма́ть* — *спойма́ть*, *пони́ть* — *допони́ть* и *распони́ть*, *приста́ть* ‘устать’ — *оприста́ть* и *уприста́ть*, *проведа́ть* — *попроведа́ть*, *спроси́ть* — *заспроси́ть*, *успе́ть* — *зауспе́ть*, *уста́ть* — *зауста́ть*.

Изредка в говорах отмечаются приставочные образования, отражающие древнее, довидовое состояние языка, когда присоединение приставки к глаголу не переводило его в совершенный вид. Это архаичное явление наблюдается у глаголов восприятия и различных состояний: *дови́деть* и *зави́деть* ‘обладать способностью зрения, видеть’, *дослы́шать* ‘обладать слухом, слышать’, *дочу́ять* ‘то же’; *воссия́ть* ‘блестеть, сиять’, *зауважа́ть* ‘любить, заботиться о ком-либо’, *зазна́ть* ‘знать, располагать сведениями о чем-либо’, *суме́ть* ‘обладать умением делать что-нибудь’ и др. Несмотря на наличие приставки, эти глаголы относятся в говорах к несовершенному виду: *Она ещё маленько дови́дит*; *Не всё дослы́шу, не всё допонимаю*; *Высокая церковь была, кресты воссия́ли-то как*; *Как зауважа́ть будет мачеха чужих ребят?*; *Сам не зазна́ю, а люди сказывали*; *У меня мать была безграмотная, не суме́ла читать*.

§ 112. Имперфективация. Образование видовой пары способом имперфективации происходит в говорах по трем общерус-

ским моделям — с суффиксами *-а-*, *-ва-*, *-ива-/-ыва-*, которые присоединяются к приставочным и бесприставочным глаголам совершенного вида. Имперфективные суффиксы появились на разных этапах формирования глагольного вида в русском языке: суффиксы *-а-* и *-ва-* унаследованы из праславянской эпохи, *-ива-/-ыва-* возник на собственно древнерусской почве.

Модель с суффиксом *-ва-* и в литературном языке, и в говорах является малопродуктивной. По ней образуются имперфективные корреляты к глаголам совершенного вида с основой на гласную: *да́ть* — *давáть*, *вы́жить* — *выживáть*, *забы́ть* — *забывáть*, *созреть* — *созревáть* и др.

Образование в говорах имперфективных коррелятов по модели с суффиксом *-а-* в основном соответствует литературному языку: *начáть* — *начинáть*, *вы́ключить* — *выключáть*, *пустíть* — *пущáть*, *отомкнúть* — *отмыкáть* и др. Вместе с тем эта модель характеризуется в диалектном языке большей продуктивностью. Глаголы, оформленные в литературном языке суффиксом *-ива-*, в говорах могут быть образованы с помощью суффикса *-а-*: *загородíть* — *загорожáть*, *заучíть* — *заучáть*, *натопíть* — *натопля́ть*, *подготовíть* — *подготовля́ть*, *раскрасíть* — *раскрашáть*, *упросíть* — *упрошáть*, *усíлить* — *усиля́ть*; *вы́прыгнуть* — *выпрыгáть*, *застегнúться* — *застегáться*, *затянúть* — *затягáть*, *оглянúться* — *огляда́ться*. Образования на *-а-* сосуществуют в говорах с параллельными образованиями на *-ива-*.

Как в литературном, так и в диалектном языке наиболее продуктивна модель с суффиксом *-ива-/-ыва-*. В говорах этот суффикс имеет еще бо́льшую продуктивность, чем в литературном разговорном языке. Об этом свидетельствуют следующие факты.

1. В говорах широко распространены вариантные имперфективные корреляты с суффиксами *-а-* и *-ива-* к тем глаголам совершенного вида, видовые корреляты к которым оформляются в литературном языке только суффиксом *-а-*. Вариативность суффиксов наблюдается у таких глаголов, как: *вспомнить* — *вспоминáть/вспомíнывать*; *отделиться* — *отделя́ться/отдéliваться*; *предложить* — *предлагáть/предлáгивать*; *угореть* — *угорáть/угáривать*; *смолкнуть* — *смолкáть/смáлкивать*; *собрать* — *собира́ть/собíрывать*; *помочь* — *помогáть/помáгивать*; *зарастить* — *зарастáть/зарáстывать*; *выпасть* — *выпадáть/выпáдывать* и др.

2. Суффикс *-ива-* замещает малопродуктивный суффикс *-ва-*, что приводит к существованию в говорах таких вариантов, как: *продавать* — *прода́ивать*; *раздавать* — *разда́ивать*; *добывать* — *добы́ивать*; *одевать* — *оде́ивать*; *пересдавать* — *пересда́ивать*; *раздевать* — *разде́ивать*; *опознавать* — *опазны́вать*.

3. Суффикс *-ива-* является в говорах показателем несовершенного вида в видовых парах приставочных глаголов движения. Такие видовые пары формируются приставочными оппозициями глаго-

лов с корнями *-ид-/-ход-*, *-вез-/-воз-*, *-вес-/-вод-*, *-нес-/-нос-*: *прийти* — *приходить/прихаживать*; *перевезти* — *перевозить/переваживать*; *провести* — *проводить/проваживать*; *принести* — *приносить/принаживать* и др. Варианты, имеющие специальный видовой показатель и не имеющие его, сосуществуют в системе одного говора и могут употребляться в одном высказывании: *Взрослые переносили корь, а дети не могли перенаживать, дети не могли переносить, много умирали.*

Перечисленные явления, свидетельствующие о продуктивности имперфективного суффикса *-ива-/-ыва-*, характерны для всей диалектной территории. В северных говорах, главным образом архангельских и вологодских, отмечаются образования с *-ива-/-ыва-*, которые по семантике и функционированию не тождественны однокоренным глаголам несовершенного вида с суффиксами *-а-* и *-ва-*, то есть не являются лишь их формальными вариантами. Во-первых, это такие глаголы с суффиксом *-ива-/-ыва-* на месте *-а-*, как: *запрёживала*, *назыывала*, *покупывала*, *посыывала*, *снимывалась*, *собирывала(сь)*, *сымывала*, *умирывала*; во-вторых — глаголы с неизвестным литературному языку суффиксом *-ыва-*, возникшим из сочетания суффиксов *-ва-* и *-ыва-*: *вставывала*, *полиывала*, *продаывала*, *розбыввал*, *сдавывала*, *убывывали*. Они имеют в северных говорах только форму прошедшего времени, употребляются с отрицательной частицей *не* и обозначают действие, которое не совершалось никогда или в течение длительного времени: *Лошади не запрёживала, век за сеном не бывала; И не знаю, шчо растёт, не полиывала всё время.* Такие глаголы сближаются по употреблению с глаголами многократного способа действия (см. § 114). Зафиксированные в памятниках деловой письменности XV—XVII вв., подобные образования представляют собой архаичное аспектуальное явление, сохранившееся лишь в северных говорах.

Образование глаголов несовершенного вида с помощью суффикса *-ива-/-ыва-* сопровождается в литературном и диалектном языке чередованиями гласных и согласных в корне, выполняющих функцию дополнительного морфонологического средства выражения видовых различий.

В области гласных в говорах продуктивно чередование /о/||/а/ после твердых согласных, не зависящее от ударности/неударности корневого *о* в глаголе совершенного вида: *вспомнить* — *вспамнивать*, *оформиться* — *офармливаться*, *разробить* 'разработать' — *розрабливать*, *выхлопотать* — *выхлопатывать*, *пригонить* 'пригнать' — *приганивать*, *прислонить* — *присланивать* и др., а также *распаковать* — *распакавывать*, где ударное *а* чередуется с безударным *о* суффикса. Во многих говорах показатель имперфективного глагола ударный гласный *а* имеет более широкую по сравнению с литературным языком сферу применения, выступая не только после твердых, но и после мягких согласных: *перед[’э]лать* — *перед[’а]-*

львать, *дод[’э]лать* — *дод[’а]львать*, *окр[’э]пнуть* — *окр[’а]пливать*, *перер[’э]затъ* — *перер[’а]зывать* и др. В говорах, таким образом, в позиции после мягких согласных по аналогии возникло новое морфонологическое чередование /e/||/a/, сопровождающее образование глаголов несовершенного вида с суффиксом *-ива-/-ыва-*. На фонетическом уровне чередование /e/||/a/ в якающих говорах выступает в виде [a]||[á]: *вытр[’а]пáть* — *вытр[’а]пывать*, *зав[’а]рнúть* — *зав[’а]ртывать*, *нахл[’а]бáться* — *нахл[’а]бываться*, *отл[’а]пúть* — *отл[’а]пливать*, *разд[’а]лúть* — *разд[’а]ливать*, а в ёкающих говорах на территории оканья — в виде [o]||[a]: *изд[’o]ржáть* — *изд[’а]рживать*, *зат[’o]сáть* — *зат[’а]сывать*, *дохл[’o]бáть* — *дохл[’а]бываться*, *охл[’o]стáть* — *охл[’а]стывать*, *росч[’o]сáть* — *росч[’а]сывать*, *сл[’o]жáться* — *сл[’а]живаться* и др.

В области согласных дополнительным показателем имперфективности служат чередования мягких губных согласных с сочетанием «твердая губная + л’» и мягких зубных согласных с аффрикатами и шипящими. В говорах, как и в литературном языке, названные чередования происходят перед суффиксом *-ива-*: *зарó[б’]ить* ‘заработать’ — *зарá[бл’]ивать*; *отра[в’]úть* — *отрá[вл’]ивать*; *ознакó[м’]иться* — *ознакá[мл’]иваться*; *вúлу[п’]иться* — *вылú[пл’]иваться*; *притра[ф’]úться* ‘принарядиться’ — *притрá[фл’]иваться*; *завор[т’]úться* ‘вернуться назад’ — *заворá[ч’]иваться*; *подлá[д’]ить* — *подлá[ж]ивать*; *унавó[з’]ить* — *унавá[ж]ивать*; *укрá[с’]ить* — *укрá[ш]ивать* и др. Эти же чередования сопровождают и образование глаголов несовершенного вида с суффиксом *-а-* (примеры см. выше). В некоторых говорах чередование мягких зубных согласных с шипящими и аффрикатами перед суффиксом *-ива-* отсутствует: *загор[д’]úться* — *загорá[д’]иваться*, *завé[с’]иться* — *завé[с’]иваться*, *допла[т’]úть* — *доплá[т’]ивать*, *обмоло[т’]úть* — *обмолá[т’]ивать*, *обчú[с’т’]ить* — *обчú[с’т’]ивать*.

Как и в литературном языке, в говорах имперфективный видовой коррелят может быть образован в результате вторичной имперфективации, то есть от приставочного глагола совершенного вида, в свою очередь образованного с помощью видовой приставки от глагола несовершенного вида: *слабеть* — *ослабеть* — *ослабевать*. Вторичная имперфективация глаголов с участием всех имперфективных суффиксов имеет в диалектном языке высокую продуктивность: *делúться* — *поделúться* — *поделя́ться*; *стелúть* — *постелúть* — *постилáть*; *хоронúть* — *похоронúть* — *похороня́ть*; *темнеть* — *стемнеть* — *стемня́ть*; *петь* — *спеть* — *спевáть*; *сéять* — *посéять* — *посевáть*; *давúть* — *раздавúть* — *раздáвливать*; *платúть* — *заплатúть* — *заплáчивать*; *знакóмиться* — *ознакóмиться* — *ознакáмливать*; *купáться* — *искупáться* — *иску́пываться*; *кúшать* — *ску́шать* — *ску́шивать*; *пáрить* ‘высиживать цыплят’ — *вúпарить* — *выпáривать*; *снúться* — *приснúться* — *приснúиваться*; *прятать* — *спрятать* — *спрýтывать* и др.

В говорах отмечается имперфективация глаголов совершенного вида, не имеющих в литературном языке имперфективного коррелята. Глаголы, одновидовые в литературном языке, в говорах вовлекаются в систему видовых корреляций и становятся парными по виду: *вытерпеть* — *вытёрпливать*, *дособрать* — *досбírывать*, *заблудиться* — *заблуживаться*, *замориться/умориться* 'устать' — *замáриваться/умáриваться*, *засветить* (свечу) — *засвёчивать*, *переловить* — *перелáвливать*, *поберечь* — *поберегáть*, *растараться* — *растáриваться*, *сгáзнить* — *сгáзывать*, *соскучиться* — *соскучиваться*.

§ 113. Двувидовые глаголы. Двувидовыми называются глаголы, не имеющие специальных видовых показателей, сочетающиеся в пределах одной формы значения совершенного и несовершенного вида и различающиеся их только в контексте. В русском литературном языке к двувидовым относятся русские и старославянские по происхождению, так называемые «старые», двувидовые глаголы: *велеть*, *женить*, *казнить*, *использовать* и др., а также глаголы с заимствованными корнями, или «европеизмы»: *асфальтировать*, *ликвидировать*, *мобилизовать*, *рекомендовать* и др.

Двувидовые глаголы в говорах немногочисленны. Наиболее последовательно сохраняют двувидовость глаголы *женить* и *жениться*; ср.: *Яполькя! Приезжай пельмени стряпать!* — *Ты что, сына жéнишь?*; *Как будет жениться*, *обещал на свадьбу позвать* (несовершенный вид) и *Вот двух сыновей женила*; *Сын женился*, *в своём доме живёт* (совершенный вид).

Глагол *родить* [о детях] в большинстве говоров употребляется как глагол совершенного вида, и только в наиболее архаичных из них — как двувидовой; ср.: *Она троих подряд двойнят родила́* (совершенный вид) и *Там каждый год родили*, *кольки были беременные* — *стольки родили* (несовершенный вид). Сохраняя двувидовое употребление, эти глаголы одновременно входят в видовые пары *женить* — *оженить*, *жениться* — *пожениться/зажениться/прижениться*, *родить* — *рожáть*. Двувидовые глаголы литературного языка, употребляясь в говорах в значении совершенного вида, под влиянием общей тенденции к обязательному формальному выражению видовых различий могут получать приставку: *сказнить*, *оконтузить*, *порáнить/зарáнить* кого.

Изредка в говорах отмечается двувидовое употребление глаголов *купить*, *обидеть*, *явиться*, *воспитать*, относящихся в современном литературном языке к совершенному виду. В значении несовершенного вида они функционируют в наиболее архаичных видовых системах: *Как свадьба* — *в Бандерму ездили*, *вино мускатное купили*; *Пошто девку-то обидишь?* — *Дак я не обижу!*; *Будет покойник во снах* (во сне) *явиться*, *ты не бойся*; *А как я её буду воспитать?*

Двувидовые глаголы с заимствованными корнями в говорах непродуктивны и представлены наиболее освоенными словами.

Глагол *организовáть* является парным по виду, входит в видовые пары *организовáть* — *организовывáть* и *организовáть* — *сорганизовáть*; глаголы *ликвиди́ровать*, *парализовáть* употребляются в значении совершенного вида, которое может иметь морфемное выражение: *сликвиди́ровать*, *спарализовáть*.

§ 114. Способы глагольного действия. Аспектуальные системы литературного и диалектного языка характеризуются значительной общностью состава способов действия. Некоторые из них имеют в говорах отличия, касающиеся средств выражения, условий употребления и степени продуктивности. В диалектном языке наиболее развиты способы действия, связанные с семантическими признаками повторяемости (многократный и дистрибутивный) и фазовости (начинательный). Собственно диалектные способы действия немногочисленны и встречаются в отдельных частных аспектуальных системах.

I. Многократный способ действия. К многократному способу действия относятся глаголы несовершенного вида, образованные с помощью суффиксов *-а-*, *-ва-*, *-ива-/-ыва-* от бесприставочных глаголов несовершенного вида: *есть* — *едáть*, *шить* — *шивáть*, *пахáть* — *пахивáть*. В литературном языке они обозначают неопределенно-кратную повторяемость действия в отдаленном прошлом, поэтому их называют многократными глаголами. Эта небольшая группа глаголов: *видывать*, *говаривать*, *сиживать*, *слыхивать*, *хаживать*, *знавать*, *певать*, *едать* и некоторые другие — используется в художественной и публицистической литературе как стилистическое средство. Многократные глаголы широко распространены в северных говорах и особенно употребительны в архангельских говорах, где зафиксировано около 650 глагольных лексем.

Образование многократных глаголов в основном идет по тем же моделям, что и образование имперфективных видовых коррелятов, и сопровождается теми же чередованиями гласных и согласных: с суффиксом *-ива-/-ыва-*: *бáливáть*, *бéживáть*, *блúживáть*, *борáнивáть*, *вáривáть*, *вéшивáть*, *вязывáть*, *голáдывáть*, *дéлывáть*, *дярживáть*, *кáрмливáть*, *кáшивáть*, *клáдывáть*, *кúпывáться*, *лájживáть*, *сáживáть*, *сёрживáться*, *тáпливáть*, *хлястывáть*, *хлябывáть* и др.; с суффиксом *-ва-*: *бивáть*, *бывáть*, *живáть*, *мывáть(ся)*, *певáть*, *пивáть*, *севáть*, *шивáть* и др.; с суффиксом *-а-*: *бирáть*, *грёбáть*, *дирáть(ся)*, *едáть*, *мирáть*, *плётáть*, *сёкáть*, *стригáть*, *сыпáть* и др.

Как и при имперфективации глагола совершенного вида, при образовании многократных глаголов проявляет продуктивность суффикс *-ива-/-ыва-*. Это выражается в замещении им суффиксов *-а-* и *-ва-*, что приводит к существованию вариантов *бирáть/бúрывать*; *дирáться/дúрываться/дрáиваться*; *сыпáть/сыпывать*; *мывáть/мыивать*; *севáть/сéивать*. Возможна и контаминация этих суффиксов: *бивáть/бúвывать*, *бывáть/бúвывать*.

В отличие от литературного языка в северных говорах образование многократных глаголов возможно также от глаголов несовершенного вида с суффиксом *-ива-*, которые представляют собой имперфективный коррелят к приставочному глаголу совершенного вида. Приставочные многократные глаголы образуются от них тоже с помощью суффикса *-ива-*. В результате соединения двух суффиксов *-ива-* возникает сложный суффикс *-ивлива-/-ывлива-*: *вѣйти* — *выха́живать* — *выхажѣвливать*, *занести* — *зана́шивать* — *занаши́вливать*, *закласть* — *закла́дывать* — *закладѣвливать*, *завязать* — *завя́зывать* — *завязѣвливать*, *принести* — *принáшивать* — *принаши́вливать*, *разбудить* — *разбу́живать* — *разбужѣвливать*, *рассказать* — *расска́зывать* — *рассказы́вливать*.

В некоторых глаголах приставка выделяется лишь этимологически: *исповѣдаться* — *исповѣ́дываться* — *исповедѣ́вливаться*, *показать* — *пока́зывать* — *показы́вливать*, *сказать* — *ска́зывать* — *сказы́вливать*, *спросить* — *спра́шивать* — *спраши́вливать*.

Словоизменение многократных глаголов характеризуется неполной парадигмой, состоящей из трех форм: основной формы прошедшего времени и гораздо более редких форм инфинитива и краткого страдательного причастия: *дѣлывал*, *дѣлывать*, *дѣльван*.

В отличие от литературного языка в северных говорах многократные глаголы употребляются преимущественно в конструкциях с отрицательной частицей *не* и не имеют при этом значений повторяемости и давности действия.

1. В форме прошедшего времени и краткого страдательного причастия многократные глаголы обозначают, что действие не совершалось никогда или в течение некоторого промежутка времени: *Не бывáла на ферме, коров не карма́ливала; Я не на́шивала, дак и не надо пуховых платков; Половики есть красивые, не на́шиваны ещё; Давно не робáтывала-то; У меня как Маша уехала, дак не мѣвано в избе.*

2. В форме инфинитива многократные глаголы с *не* обозначают невозможность совершения действия в будущем: *Скоро механизирован будет двор, да нам не робáтывать там; Из реки-то не пивáть вам воды.*

3. При употреблении в утвердительных высказываниях многократные глаголы имеют значение неопределенно-кратной повторяемости в двух случаях. Во-первых, это значение выражается в контекстах с лексическими показателями кратности *не один раз*, *много раз*, *часто*, *сколько ни*, *по праздникам*, *зимами*, *каждый год*, *всяко* и т.д.: *Санко не один раз её рѣгивал; Я сколько ни бирáла сливки, хороши, густы; У нас перѣд (передняя часть дома) с печкой, зимами живáли в передѣ; Знаете, как мешок с колена подымали? Я-то всяко на́шивала.* Во-вторых, значение повторяемости присуще многократным глаголам в контекстах, описывающих традиционный уклад деревенской жизни или постоянное занятие лица: *На ѣмальцах (святках) песни всякие певáли; Раньше посуда глиняна*

да деревянна была, сами *ла́живали*; В былые времена здесь ить много рыбы *лавливалось*; Всю жись на зородах, сено *грёба́ла*; Я уж и не знаю, кто *дэ́лывал* пресницы (прялки) в деревне.

4. Многократные глаголы широко употребляются в говорах также в общефактическом значении несовершенного вида. Информация о действии, передаваемая общефактическим значением в формах прошедшего времени, сводится к самому общему указанию на факт наличия/отсутствия действия в прошлом, безотносительно к его единичности или повторяемости, длительности или краткости. Данное значение реализуется в синтаксических конструкциях разных типов: а) в общем вопросе: *Еда́ли сок-от сосновой? Не мыва́лись в такой бане-то?*; б) в утвердительной реплике диалога: *У тебя там самовар не ставливан? — Я ста́вливала самовар*; в) в высказываниях с инверсией и логическим выделением многократного глагола: *Либо ты зверя пугнёшь, либо он тебя. Пу́гивал медведь!*; г) в двухчастных высказываниях с отношениями противопоставления или отождествления между частями: *У меня мама на́шивала, а я нет; Наташка семьдесят километров бегала в Тарногу, тридцать километров я сама бе́гивала в обыдень*; д) в конструкциях с двумя инфинитивами: *С детства робить начала, всё делала: косить ка́шивала, боронить борáнывала, жать жинала, ткать тыка́ла, шить шива́ла, пахать па́хывала*.

При употреблении многократных глаголов в неопределеннократном и общефактическом значениях признак давности действия не является обязательным. Он выражается в контекстах, содержащих соответствующие лексические показатели: *раньше, прежде, в былые времена, когда-то, давно, в молодости, девочкой маленькой* и т.д. или определяется всем содержанием разговора, ориентированного на воспоминания об отдаленном прошлом.

II. Дистрибутивный способ действия. Глаголы дистрибутивного способа действия, или дистрибутивные глаголы, обозначают постепенный охват действием всех объектов или субъектов. В литературном языке они образуются при помощи приставок *по-* и *пере-* и употребляются в сочетании с множественным субъектом или объектом: *понаехало много людей, перестирала все белье*.

Во многих южных и некоторых среднерусских говорах высокую продуктивность имеет дистрибутивный способ действия с приставкой *по-*. Употребление дистрибутивных и недистрибутивных глаголов в одном предложении подчиняется в таких говорах следующей закономерности: при одиночном субъекте (объекте) употребляется исходный глагол, а при множественном — дистрибутивный: *Я-то не записался, а все мало-помалу позаписа́лись; Всем поподнесла́ я вина, и жениху поднесла*.

Образование дистрибутивов идет в говорах по трем продуктивным моделям: а) *по-* + бесприставочный глагол несовершенного или совершенного вида: *Они все возле его посади́лись и сидять; Вся*

село **пострѣтили** нас; б) *по-* + приставочный глагол совершенного вида с чистовидовой или словообразовательной приставкой: *Всех водой **понапои́л** больных людей; Я-то по дождю шла, все ноги **понамочи́ла**, **позамара́ла**; Все покидали и **поушли́**, **поуѣхали**; А орудия были, всё **поразби́ли**, некуда иди́ть*; в) удвоенная приставка *попо-* + приставочный глагол: *Кто ловкий был, дома **попосостро́или**; Девчаты **поповы́росли**, все **попоразъѣхались**.*

Дистрибутивные глаголы часто употребляются в конструкциях экспрессивного синтаксиса. Синтаксический параллелизм сочетается с параллелизмом словообразовательным и лексическим (в последнем случае имеется в виду общий семантический компонент в лексическом значении глаголов). Такое употребление сближает диалектную речь с литературно-художественной: *Садов было много, а теперь сады **повы́сохли**, **повы́мерзли**; Чего делаете, язык свой русский забываете! Они [дети] **посожму́тся**, **посогну́тся** и ничего не отвечают; Все **пособрáли**, **посвязли́**, всё в кучечку **посли́ли**.*

III. Начинательный способ действия. Глаголы начинательного способа действия, или начинательные глаголы, обозначают момент возникновения действия. Основными средствами образования начинательных глаголов в говорах, как и в литературном языке, являются приставки *за-*, *по-*, *вз-*: *То молчала, молчала, а то **загутари́ла*** (начала говорить); *Медведь **пошёл** опять ровным ходом, не **побѣг**, а так ровным ходом **пошёл** и **пошёл**; Он парня **хлестнул**, тот **взвижжа́л**.*

Приставка *за-* является наиболее продуктивной начинательной приставкой в русском языке и присоединяется к глаголам разнообразной семантики. В северных говорах ее продуктивность еще выше, чем в литературном языке.

От глаголов, которые в литературном языке передают начинательное значение с помощью конструкции «начать + инфинитив», в говорах отмечается свободное образование приставочных начинательных глаголов с *за-*: *заложи́ться* ‘начать ложиться’, *зано́сить* ‘начать носить (об одежде)’, *заплести́* ‘начать плести’, *зарожа́ть* ‘начать рожать’, *заста́вить* ‘начать ставить’, *заучи́ться* ‘начать учиться’: *Ты, Валька, спать **заложи́лся**, так радио выключи, часы заведи; Как только мать **заста́вит** самовар, Колька тут и был; В декабре месяце **заучи́лась**, а в марте уж экзамены сдала.* Приставка *за-* может присоединяться к глаголам с разными приставками и суффиксом *-ива-/-ыва-*: *завыпля́сывать* ‘начать лихо отплясывать’, *запобóливать* ‘начать побаливать’, *запобры́згивать* ‘начать понемногу капать (о дожде)’, *заприба́ливать* ‘начать часто болеть’, *заприхва́тывать* ‘начать проявляться (о припадках болезни)’ и др.

При соединении *за-* с приставочными глаголами движения может выражаться «предначинательное» значение ‘иметь намерение, собираться’: *Когда женщины **завыходи́ли** на пенсию (собрались выходить на пенсию), ставят их телятницами, чтобы пенсия больше была.*

В говорах круг начинательных глаголов с приставкой *вз-* шире, чем в литературном языке. Многим глаголам с приставкой *вз-* соответствуют в литературном языке глаголы с другими начинательными приставками: *всхохотáть* — *захохотать*, *вздышáть* — *задышать*, *всплáкать* — *заплакать*, *взболéть* — *заболéть*, *вссуетíть-ся* — *засуетиться*, *всхотéть* — *захотеть*, *взлюбить* — *полюбить*, *всплыть* ‘начать плыть’ — *поплыть*, *вспятиться* ‘двинуться в обратном направлении’ — *попятиться* и др.

В архангельских говорах существует диалектная приставка *вза-*, возникшая из сочетания начинательных приставок *вз-* и *за-*. Она присоединяется к глаголам разнонаправленного движения и глаголам эмоционального состояния: *взаéздитъ* ‘начать ездить’, *взаходíть* ‘всходить, появляться на небосклоне [о небесных светилах]’, *взабродíть* ‘начать подвергаться процессу брожения’, *взанрáвиться* ‘понравиться’, *взаплáкаться* ‘начать плакать’.

В древнерусском языке начинательное значение имели также приставки *на-* и *в-*. Некоторые начинательные глаголы с этими приставками сохранились в говорах: *напóмнить* ‘вспомнить’, *вкúрить* ‘быстро побежать’, *вды́рить* ‘пуститьсь в путь, припустить’, *въéхать* ‘поехать’, *вчúвствовать* ‘почувствовать’: *Забыла песню, а потом её напóмнила; Тёлка от меня вкúрила, и не догнать было; Если вы мне сейчáс откажете, завтра ж сажусь на автобус и поехала, я сквозь до Москвы въéду.*

IV. Собственно диалектные способы действия, не имеющие соответствия в литературном языке, отмечаются в говорах редко. Это, например, глаголы с двумя приставками *по-*, которые образуются от приставочных глаголов с *по-*, обозначающих однонаправленное перемещение в пространстве: *пойти* — *попойтí*, *побежать* — *попобежáть*, *поехать* — *попоéхать*, *подвинуться* — *поподвínуться*. Семантика этих глаголов связана с аспектуальным признаком интенсивности. В зависимости от расстояния, на которое совершается перемещение, этот семантический признак реализуется в виде значений усиления/ослабления действия: *А магазинов-то! Маленько попоéдешь — опять магазин, маленько попоéдешь — опять магазин!* (действие ослабленной интенсивности); *Ноги-те смозолил, понимаешь ли. Дак полтораста километров попойдú-ко тут, ой!* (высокая степень интенсивности). В выражении указанных значений принимают участие элементы контекста. Подобные глаголы отмечаются в письменных памятниках старорусского периода.

ПРИЧАСТИЕ И ДЕЕПРИЧАСТИЕ

Причастия и деепричастия в говорах по целому ряду признаков существенно отличаются от соответствующих образований литературного языка. Различия эти касаются состава употребляющихся

форм, их функционирования, грамматического значения, способов образования. Если в литературном языке причастия и деепричастия составляют два разряда глагольных форм, четко между собой дифференцированных по грамматическим и морфологическим признакам, то в говорах соответствующие формы оказываются во многом близкими, и по существу нет достаточных оснований для выделения этих двух разрядов. В настоящей книге, однако, принято как условное для говоров традиционное деление этих глагольных форм на причастия и деепричастия.

ПРИЧАСТИЕ

§ 115. Разряды причастий. В русском литературном языке выделяются, как известно, следующие группы причастий:

1) действительного залога настоящего времени (*ведущий, спящий*);

2) действительного залога прошедшего времени (*отдавший, сходявшийся*);

3) страдательного залога настоящего времени (*отдаваемый, сносимый*);

4) страдательного залога прошедшего времени (*убранный, забит, положено*).

Причастия названных групп имеют различную употребительность в разных стилях литературного языка. Причастия первых трех групп характерны для кодифицированного литературного языка, письменной речи, причастия четвертой группы употребляются также в разговорном языке.

Говорам вообще не свойственны причастия настоящего времени как действительного, так и страдательного залога. Употребляемые здесь соответствующие образования представляют собой, как правило, формы либо субстантивированные (*управляющий, заведующая*), либо адъективированные (ср.: *родимая земля*, т. е. 'плодородная', *незнаемый человек*, т. е. 'незнакомый'). Причастия прошедшего времени действительного залога в целом по говорам употребляются сравнительно редко. Таким образом, данный разряд форм глагола представлен в говорах почти исключительно страдательными причастиями прошедшего времени.

Для общей характеристики причастий в говорах существенны две особенности их функционирования, одна из которых относится ко всем говорам, другая — только к определенной их части:

1) в отличие от литературного языка, где полные формы всех причастий выступают обычно в атрибутивной функции, для говоров характерно предикативное употребление причастий прошедшего времени в полной форме: *он недавно и похороненный; он был взятый в армию; муж и сын — оба погибшие*;

2) в части севернорусских и среднерусских говоров краткие страдательные причастия характеризуются тенденцией превращения в неизменяемые формы (*малина собрано; ямы нарыто*) (см. § 128).

§ 116. Образование причастий страдательного залога прошедшего времени. В большинстве говоров, так же как и в литературном языке, страдательные причастия прошедшего времени образуются, за немногими исключениями, от переходных глаголов. В части же говоров Северной диалектной зоны возможно образование причастий, употребляющихся в страдательно-безличных оборотах, и от непереходных глаголов: *у пса убежено; у меня не ученось* (см. «Причастие и деепричастие»). Формообразующей основой для страдательных причастий прошедшего времени и в говорах, и в литературном языке является основа прошедшего времени глаголов всех формообразовательных разрядов, за исключением одного: у глаголов на *-ить* II спр. эти причастия образуются от основы настоящего времени: *забел-ят — забел-ён*.

Для образования страдательных причастий прошедшего времени в говорах используются те же суффиксы, что и в литературном языке: *-н-*, *-он-* (в письменной форме *-нн-*, *-енн-*), *-т-*, *-ден-*. Специфику диалектного формообразования составляет иное, чем в литературном языке, распределение суффиксов *-н-*, *-т-*, *-ден-* по разрядам глаголов, а также более продуктивное использование суффикса *-он-* (*положён, сварёны, погашёно, прикручёна*).

Суффиксы *-н-* и *-т-* по-иному, чем в литературном языке, распределяются между причастиями от глаголов отдельных разрядов в говорах главным образом Южного наречия и среднерусских. Так, для I спр. говоров Юго-Восточной зоны характерно образование причастий с суффиксом *-т-* от тех глаголов на *-ать*, которые в других говорах и литературном языке образуют причастия с суффиксом *-н-* (*отдато, вскопата, собраты*); в говорах западных и особенно юго-западных отмечаются причастия с суффиксом *-н-*, в частности, от глаголов *о||∅* (*расколон, распороный*) и от глаголов с *a* корневым, восходящим к *e* носовому (*взян, сжано*).

С суффиксом *-ден-* в говорах образуются причастия не только от глагола *есть* и его производных (как в литературном языке), но и от глаголов *дать, брать* и их производных, а также от глагола *взять*. Формы *даден, отдаденной, забрадена, взядены* и т. п. отмечаются в Западной диалектной зоне — главным образом в говорах Южного наречия, но также и в среднерусских. Чаше других здесь употребляются причастия *отдадена, сдадено* и т. п., что находит свое объяснение в истории русского языка: в древнейший период его развития у глагола *дать* страдательные причастия образовывались от основы *дад-* присоединением суффикса *-ен-*. Затем уже по типу *даден* в говорах стали образовываться причастия и от семантически близких глаголов *брать, взять*.

§ 117. Разряды деепричастий; образование деепричастий.

В литературном языке деепричастия составляют два ряда форм, равноправных по употреблению и соотносительных по значению: 1) деепричастия с суффиксом *-а* (от единичных глаголов с суффиксом *-учи*), образованные от основы настоящего времени глаголов несовершенного вида, обозначают второстепенное действие, сопутствующее главному; 2) деепричастия с суффиксами *-в*, *-вши*, *-ши*, образованные от основы прошедшего времени глаголов совершенного вида, называют второстепенное действие, предшествующее главному. В говорах деепричастные формы также образуются от основ настоящего и прошедшего времени, но они принципиально отличаются от соответствующих образований литературного языка как с точки зрения их соотносительности, так и по основному грамматическому значению. Деепричастия от основы настоящего времени с суффиксами *-а* и *-учи* (за исключением образований, ставших наречиями, типа *лёжа*, *крадучи*, т. е. 'украдкой') ни в какой части говоров не употребляются регулярно. Вследствие этого расширяется грамматическая функция деепричастий от основ прошедшего времени: они могут выражать в говорах сопутствующее действие или состояние, не только предшествующее главному, но и такое, которое находится с главным в одной временной плоскости (ср.: *брат сестру провожал — проводивши наказывал*). Таким образом, деепричастия от основ настоящего и прошедшего времени по своему грамматическому значению противопоставлены друг другу в говорах менее четко, чем в литературном языке.

Деепричастия в говорах, в отличие от литературного языка, не имеют такого специального средства для выражения залоговых отношений, как постфикс *-ся*: при образовании деепричастий от возвратных глаголов *-ся* обычно утрачивается: для говоров характерны формы *насмотревши*, *вставши*, *повадивши*, *проснувши*, *крадучи* (от *красться*).

В литературном языке функция деепричастий ограничивается детерминацией предиката. В говорах же для деепричастных форм прошедшего времени характерна прежде всего предикативная функция (см. § 129).

Как указывалось выше, от основы настоящего времени деепричастия образуются с помощью суффиксов *-а* и *-учи*. В говорах деепричастия на *-учи* (*идуучи*, *едуучи*) составляют лексически более широкую, чем в литературном языке, но также ограниченную группу.

Для образования деепричастий от основы глаголов прошедшего времени в говорах используются следующие суффиксы: 1) от основы на согласный — *-ши*: *привыкши*, *прокисши*; 2) от основы на гласный — *-вши*, *-мши*, *-тши*, *-лши*: *установши*, *устамши*, *устатши*, *усталши*. Суффиксы *-ши* и *-вши* не имеют территориальных

ограничений; каждый из остальных трех суффиксов характерен для определенной части говоров, где он выступает обычно наряду с суффиксом *-вши*. Деепричастия с суффиксом *-мши* (*остамши, согнумши, сваримши*) характерны для большей части говоров Южного наречия и восточных среднерусских окающих говоров, но отмечаются они и в других говорах (из севернорусских — преимущественно в костромских); суффикс *-тши* (*остатши, согнутши, сваритши, обутши, одетши*) характерен для тех говоров Владимирско-Поволжской группы, которые расположены у ее южной границы по соседству с говорами Рязанской Мещеры, и спорадически отмечается в говорах Северного наречия; суффикс *-лши* (*осталши, согнувши, сварилши*) употребляется в части среднерусских говоров — в основном на территории между городами Опочка и Великие Луки.

Среди образований от основы прошедшего времени выделяются деепричастные формы от глаголов с корнем *-ид-*. Им свойственен целый ряд суффиксов: *-дчи, -дши, -дци, -д, -вши, -мши, -лши*. Образования типа *ушóдци* (*ушéдци*) употребляются в говорах северо-западных территорий; тип *ушóдчи* (*ушéдчи*) характерен для говоров юго-западных территорий; формы *ушóмши, пришóмши* спорадически отмечаются на территории распространения суффикса *-мши* у деепричастий от глаголов с основой на гласный; деепричастия типа *ушод, пришод* отмечаются в небольшой части северо-западных говоров; образования типа *ушóвши* и *ушóдши* (*ушéдши*) возможны в самых разных говорах, не отмечены они только на территории, очерченной изоглоссой образований типа *ушóдци*. По образцу деепричастий от глаголов с корнем *-ид-* (*идти* и др.) в говорах нередко образуются и деепричастия от семантически близких глаголов типа *ехать, приехать, заехать* и др.

Два глагольных разряда стоят особняком в ряду диалектных форм деепричастий по соотношению основы и суффикса: 1) глаголы II спр. на *-ить* (*разделить, сварить, положить*); 2) лексически ограниченная группа глаголов с корневым *а*, восходящим к *е* носовому (*взять, снять, сжать, начать*). Образования типа *разделёмши*, реже — *разделёвши* (употребляемые главным образом на западе территории распространения суффикса *-мши*) и деепричастия *взёмши, снёмши, сжомши, начомши* (характерные для части говоров Псковской и Великолукской областей), сходные по звучанию, принципиально различаются между собой по морфологической структуре: первые образуются от основы настоящего времени с помощью суффикса *-омши* или *-овши* (*раздёл-ят — раздел-ёмши*), вторые — от особой основы, выступающей только в деепричастии, с помощью суффикса *-ши* (*взём-ши, сжом-ши*). Деепричастия типа *разделёмши* представляют собой скорее всего новообразования — результат взаимодействия предикативных страдательных причастий и формы на *-мши*: под влиянием форм типа

раздел-ён могли появиться близкие по звучанию деепричастные образования типа *раздел-ёмши*. Деепричастия *взёмши* являются, наоборот, архаизмами: в них сохранилась древняя причастная основа (*взем-ъ*) с последующим изменением *e > o* и присоединением к ней суффикса *-ши*, свойственного образованиям с основой на согласный.

СОВРЕМЕННЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ

§ 118. Закономерности изменения морфологических диалектных систем в современную эпоху. Современные морфологические процессы в русских говорах, так же как и фонетические, определяются, с одной стороны, внутренними закономерностями развития диалектной системы, а с другой — внешними по отношению к этой системе факторами: междиалектными контактами и влиянием литературного языка.

Среди внутренних закономерностей развития морфологических диалектных систем значительную роль продолжают играть общерусские тенденции, которые действуют в русском языке на протяжении длительного времени, по-разному проявляясь в различных говорах. Таковы, например, тенденции к объединению парадигм существительных мн. ч. в единый тип, к изменению нерегулярных словоизменительных типов имен и глаголов под влиянием регулярных и т. п. Общая направленность всех этих процессов заключается в усилении стандартности выражения одних и тех же грамматических значений.

Среди внешних факторов, воздействующих на диалектные системы, все большее значение приобретает в наше время влияние литературного языка. Под его воздействием в южнорусских говорах в окончаниях 3-го л. глаголов /т'/ постепенно заменяется на /т/; односложное окончание твор. п. мн. ч. у имен в севернорусских говорах заменяется двухсложным; еще быстрее утрачиваются такие новообразования, как окончание *-а[ф]* в предл. п. и *-ох* в род. п. мн. ч. существительных. Происходит и ряд других изменений, сглаживающих диалектные различия.

Влияние литературного языка на язык современной русской деревни носит повсеместный характер, но оно неодинаково сказывается на различных диалектных системах и на разных звеньях одной и той же системы. Большая или меньшая устойчивость диалектных явлений в морфологии зависит от многих причин и еще очень слабо исследована. Отметим только, что воздействие литературного языка сказывается сильнее в тех случаях, когда оно не противоречит актуальным морфологическим тенденциям говора.

Если влияние литературного языка противоречит тенденциям конкретного говора, то система оказывает сопротивление литературной норме. Так, устойчивым становится диалектное чередование твердых и мягких заднеязычных в личных формах глаголов (*пеку — пекёшь — пекут* и т.п.), потому что оно соответствует общему типу чередований в глаголах на согласный (ср.: *беру — берёшь — берут*).

Диалектные формы, которые больше отвечают актуальным закономерностям морфологической системы, не только устойчивы, но и способны к дальнейшему расширению (возможно, только временному). Об этом свидетельствуют, например, данные двух исследований говора д. Парфёнки Московской области. В начале XX в. изучением его занимался выдающийся отечественный языковед Н. Н. Дурново, оставивший подробное описание этого говора, а через 50 с лишним лет говор заново был обследован диалектологами. Они отметили такие диалектные явления, которые во времена Н. Н. Дурново отсутствовали или же только намечались: окончание *-а* в им. п. мн. ч. некоторых существительных 3-го скл., окончание *-ов* за пределами круга существительных муж. р. Это говорит о том, что влияние литературного языка не смогло парализовать распространение этих окончаний, потому что такие окончания соответствуют актуальной тенденции к объединению парадигм мн. ч. и (если иметь в виду окончание *-а*) к противопоставлению существительных ед. и мн. ч. по месту ударения.

§ 119. Переходные морфологические системы. Под воздействием литературного языка в говоре могут возникать переходные системы отношений, отличные как от исходной, так и от системы литературного языка. Рассмотрим один пример. Для южно-русских говоров характерна такая система склонения личных местоимений ед. ч. и возвратного местоимения, при которой формы род. и вин. п. противопоставлены формам дат. и предл. п. не окончаниями, а видом основы (см. § 83, 84). Под влиянием литературного языка говоры усваивают новое окончание *-а* в род. и вин. п. и основу *теб-*, *себ-* в дат. и предл. п., но эти процессы могут происходить не одновременно и тогда возникают переходные системы, в которых противопоставления двух пар форм или получают избыточные признаки (разные окончания и разный вид основы: *тебя, себя* и *тобе, себе*), или не различаются (одинаковые окончания и один вид основы: *тебе, себе* во всех четырех падежах).

В морфологии переходные системы обычно не обладают такой отчетливостью и самостоятельностью, как, например, ассимилятивное оканье в фонетике. Не успевают еще такие переходные морфологические системы достаточно отчетливо вычлениваться из предыдущей системы, как на смену им приходят новые отношения (такие, как в литературном языке), и все три системы некоторое

время существуют в говоре одновременно. То же может происходить и при междиалектных контактах.

Такое отличие переходных систем в морфологии по сравнению с фонетикой связано, вероятно, с тем, что морфологические диалектные системы (включая и ту, которая соответствует литературной) в целом имеют менее глубокие различия, чем фонетические системы.

Один из видов неустойчивой переходной системы связан с явлением гиперкоррекции. Так, носители говора, в котором форма твор. п. мн. ч. имен как и в дат. п. имеет односложное окончание (*с нашим соседям* и *к нашим соседям*), усваивая двухсложное окончание твор. п., могут подставлять его и в форму дат. п. (*с нашими соседями* и *к нашими соседям*). Гиперкоррекция является частой причиной диалектных ошибок учащихся.

Дополнительная литература

Аванесов Р. И. Об одной фонетико-морфологической особенности северновеликорусских говоров // Р. И. Аванесов. Русская литературная и диалектная фонетика. — М., 1974. — С. 276—284.

Бромлей С. В. Принципы классификации глагола в современном русском языке // Вопросы языкознания. — 1965. — № 5. — С. 67—83.

Бромлей С. В. Противопоставленность I и II спряжений в русских говорах и литературном языке // Исследования по русской диалектологии / Отв. ред С. В. Бромлей. — М., 1973. — С. 155—175.

Бромлей С. В., Булатова Л. Н. Морфологические различия русских говоров // Вопросы диалектологии восточнославянских языков / Отв. ред. Р. И. Аванесов. — М., 1964. — С. 141—150.

Бромлей С. В., Булатова Л. Н. Очерки морфологии русских говоров. — М., 1972.

Букринская И. А. О соотношении окончаний *-а* и *-и* (*-ы*) в именительном падеже множественного числа существительных (на материале одного южнорусского говора) // Диалектография русского языка / Отв. ред. Р. И. Аванесов, А. И. Горшков. — М., 1985. — С. 119—129.

Булатова Л. Н. Изучая диалектную морфологию // Жизнь языка: Сборник статей к 80-летию М. В. Панова / Сост. Л. А. Капанадзе; Отв. ред. С. М. Кузьмина. — М., 2001. — С. 28—34.

Булатова Л. Н. О системе падежей в русских говорах // Исследования по русской диалектологии / Отв. ред. С. В. Бромлей. — М., 1973. — С. 136—144.

Кармакова О. Е. Словоизменение существительных среднего рода на **-теп* в русских говорах // Диалектография русского языка / Отв. ред. Р. И. Аванесов, А. И. Горшков. — М., 1985. — С. 111—119.

Кузнецов П. С. Очерк морфологической системы пильмасозерского говора // Материалы и исследования по русской диалектологии / Отв. ред. С. П. Обнорский и др. — М., 1949. — Т. 2. — С. 72—127.

Немченко Е. В. Образование причастных форм в русских говорах // Исследования по русской диалектологии / Отв. ред. С. В. Бромлей. — М., 1973. — С. 176—186.

Пожарицкая С.К. К истории фонемного состава флексий творительного падежа множественного числа в русском языке // Вопросы русского языкознания. — Вып. IX: Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах / Отв. ред. К. В. Горшкова, М. Л. Ремнева. — М., 2001. — С. 231—247.

Пожарицкая С.К. О семантике итеративных глаголов в севернорусских говорах // Современные русские говоры / Отв. ред. Ю. С. Азарх. — М., 1991.

Пшеничнова Н.Н. Лингвогеографический и статистический анализ стяжения в русских говорах (о комплексном подходе к исследованию языковых явлений) // Русские народные говоры: Лингвогеографические исследования / Отв. ред. Р. И. Аванесов. — М., 1983. — С. 72—82.

Ровнова О.Г. Об употреблении грамматических форм в русской диалектной речи // Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании / Отв. ред. А. В. Бондарко. — СПб., 2000.

Сологуб А.И. О диалектных формах некоторых существительных женского рода, имеющих нулевую флексию в русском литературном языке // Диалектологические исследования по русскому языку / Отв. ред. Р. И. Аванесов. — М., 1977. — С. 142—155.

Синтаксический строй русского языка в его говорах характеризуется еще бóльшим единством, чем его морфологический и фонетический строй. Удельный вес элементов различительных, частных в синтаксисе весьма невелик. Из тех синтаксических элементов, которые функционируют в русских говорах (модели словосочетаний, структурные схемы простых предложений, средства связи предложений друг с другом и т. д.), одни известны всем говорам, другие только их части — за счет последних и создаются диалектные синтаксические различия.

Синтаксические структуры, общие для всех говоров, не являются собственно диалектными: они свойственны также в большей или меньшей мере и территориально не варьирующимся разновидностям языка — литературному языку и просторечию. Составляющие эту группу синтаксические структуры, в свою очередь, делятся на две части в зависимости от того, ограничено ли их функционирование в литературном языке определенными стилистическими рамками, в частности разговорным стилем, или они присущи русскому языку в целом — всем его не только территориальным, но и стилистическим разновидностям. Стилистическая дифференциация более существенно и отчетливо сказывается при построении предложений.

СЛОВСОЧЕТАНИЕ

§ 120. Типы словосочетаний, являющиеся неразличительными и различительными элементами синтаксического строя говоров. Среди моделей (структурных образцов), по которым строятся функционирующие в говорах словосочетания, основную часть составляют общерусские. К их числу относятся все модели словосочетаний, организованных на основе таких видов синтаксической связи, как согласование и примыкание, и большинство моделей словосочетаний, в которых главная и зависимая части соединяются при помощи управления.

В числе моделей, по которым словосочетания могут быть образованы только в части говоров, имеются как предложные, так и беспредложные. Различия в области предложных словосочетаний иногда основаны на различиях лексических: в части говоров употребляются предлоги, неизвестные другим говорам и литературному языку. Рассмотрим некоторые типы словосочетаний, образующихся на основе моделей, действующих только в части говоров.

§ 121. Необщераспространенные типы предложных словосочетаний.

1. В некоторых говорах Северного наречия предлоги *возле*, *подле*, *мимо* употребляются не с род. п., как в литературном языке и в большинстве говоров, а с вин. п. имени существительного: *возле реку-то не ходите, идите возле лесок; сядь подле бабушку; мимо стол положил*. Сочетание предлогов *возле*, *подле* с вин. п. распространено в говорах на северо-востоке Европейской части России (на территории Архангельской, Вологодской и Кировской областей), предлога *мимо* — главным образом на северо-западе (Ленинградская, Архангельская и небольшая часть Вологодской области).

Употребление предлогов *возле*, *подле*, *мимо*, которое сохранилось в части говоров Северного наречия, было когда-то свойственно всему русскому языку: предлоги *возле*, *подле* сочетались в древнерусском языке с вин. и род. п., предлог *мимо* — с вин. п.

2. Ряд необщераспространенных моделей словосочетаний создается в говорах за счет употребления двойных предлогов. Наиболее употребительны предлоги *по-над*, *по-под* и *по-за*. Диалектные двойные предлоги характерны для двух территорий: северо-восточной (Архангельская, Ярославская, Костромская, но главным образом Вологодская и Кировская области) и юго-западной (примыкающие к Украине части Курской, Белгородской и Воронежской областей). Словосочетания с двойными предлогами обычно выражают пространственные отношения: имя существительное с предлогом показывает место действия или направление движения: *по-над* логом туман поднялся; *по-под* окошком ходит; яйца лежат *по-за* гнезду; пойдите *по-над* реку; *по-под* мост прошел; уехал *по-за* луг. В конструкциях со значением направления движения существительное употребляется в вин. п. Место же действия может быть названо сочетанием предлога с разными формами существительного: в говорах Южного наречия выступает твор. п. (управление обусловлено второй частью предлога), в говорах Северного наречия — обычно дат. п. (управление зависит от первой части предлога), но возможен и твор. п.

В других, непространственных конструкциях употребляется только предлог *по-за*, существительное при этом стоит в дат., вин. или твор. п. Словосочетания с предлогом *по-за* выражают отношения объектные, в том числе объектно-целевые (*по-за* деньги продавали; *по-за* хлебом ушла), временные (*по-за* тому году ездила в город),

или отношения, передаваемые в литературном языке сочетанием предлогов *вслед* и *за*, т.е. отношения пространственные или временные с оттенком объектных (*я опять по-за ей еду и заваливаю* — рассказ о молотье; *я по-за старшей сестрой родилась*).

В семантическом плане соотношение двойных предлогов с предлогами, их составляющими, может быть различным. В одних случаях значение предлога является суммой значений составляющих его частей; так, предлоги *по-над*, *по-под* нередко сочетают пространственные значения предлогов *над* и *под* с пространственным же значением предлога *по* — значением протяженности или повторяемости в пространстве: *дорога проходит по-над Доном; ты идешь по-под берегу, а я по берегу*. В других случаях значение двойного предлога определяется значением лишь одной его части: *по-под крышкой всё пропарилось; по-за печкой лежит* (значение определяется второй частью предлога); *по-под лесу идёт; по-под земле ласточки летают; станьте по-над вагоном; косили по-над лесом* (значение протяженности в пространстве, близкое к значению 'вдоль', или значение, видимо, из него развившееся, 'около' — определяется первой частью предлога).

Предлоги *по-над*, *по-под*, *по-за*, видимо, не были свойственны древнерусскому языку: наиболее ранние известные нам случаи употребления диалектного двойного предлога — это конструкции с *по-за* в памятниках XVII в. Словосочетания с предлогами *по-над*, *по-под*, *по-за* и существительными в вин. и твор. п. являются общенародными элементами украинского языка, а также употребляются в части белорусских говоров.

3. Для выражения круга синтаксических отношений, передаваемых в литературном языке совокупностью конструкций с предлогами *из* и *с* (*выйти из леса, сплести из веревок, держать из милости, приезжий из Орла; упасть с лестницы, уйти с утра, посидеть с горя, огурцы с огорода, смешать с яйцом, приехать с чемоданом, встретиться с родителями, бочка с водой*), в одних говорах употребляются конструкции с теми же двумя предлогами, а в других (Западная диалектная зона) — конструкции с одним предлогом *с* или *з*¹.

В большинстве говоров на западе России употребляются конструкции с предлогом *с* (*выйти с леса, сплести с веревок, уйти с утра, смешать с яйцом, бочка с водой*). Конструкции с предлогом *з*

¹ Конструкции с предлогами *с* и *з* не всегда могут быть разграничены, поскольку *с* и *з*, с одной стороны, — разные предлоги, а с другой — каждый из них в результате ассимиляции по глухости/звонкости может выступать в варианте [с] и [з]. Выявление того, какой предлог употреблен — *с* или *з*, — возможно только при определенных фонетических условиях: в положении перед сонорными, *в*, *ј* и гласными. Следовательно, показательны примеры типа *ехать с (з) леса, с (з) Москвы, с (з) Воронежа, с (з) Ельни, с (з) Орла* и не показательны типа *ехать [с] села, [с] Киева, [з] деревни, [з] города*.

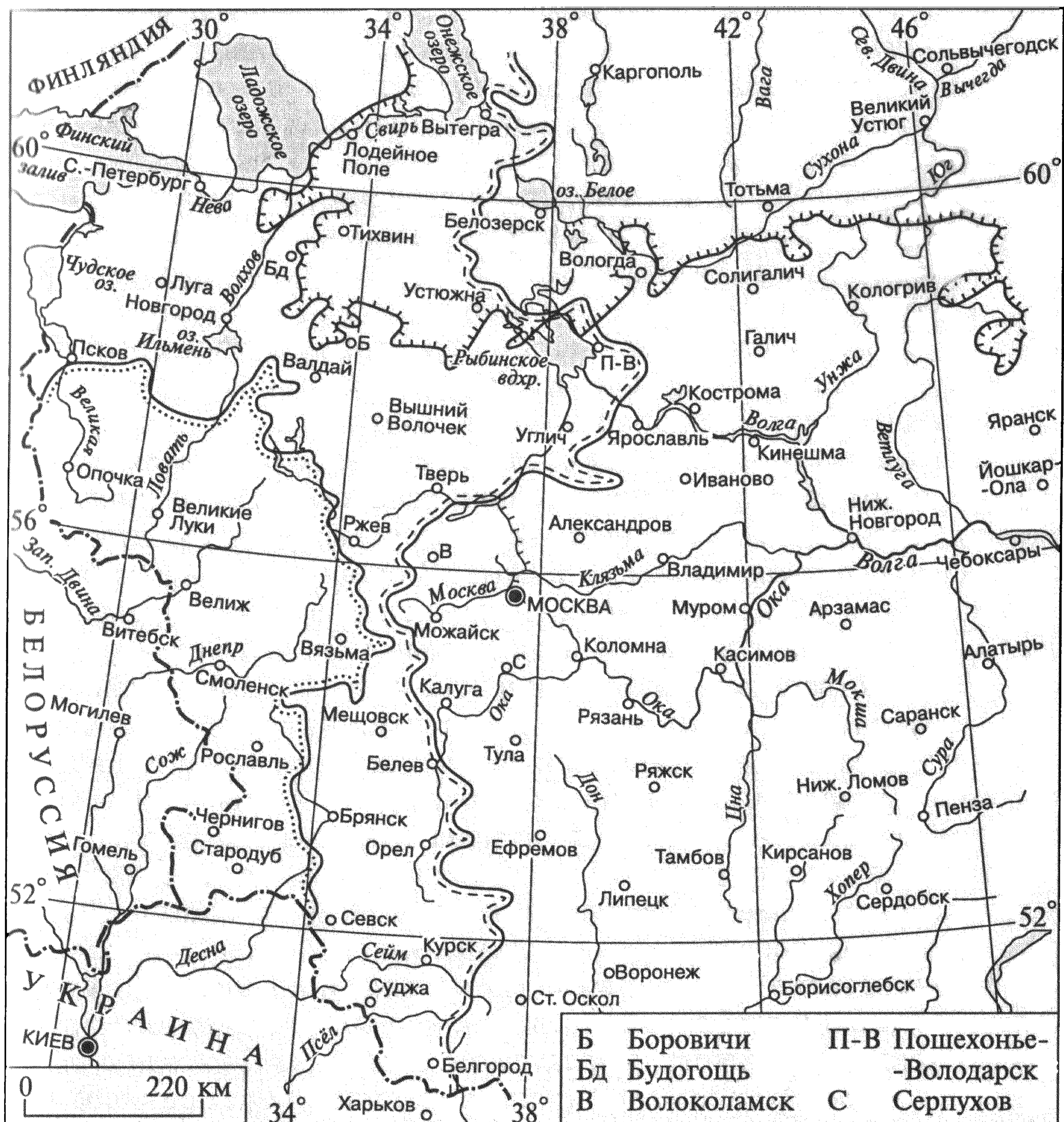
(*выйти з леса, сплести з веревок, уйти з утра, смешать з яйцом, бочка з водой*) распространены в говорах Смоленской и Брянской областей на небольшой территории, прилегающей к Белоруссии и Украине (предлог з является общенародным как для белорусского, так и для украинского языка).

Во всех говорах, где выступают конструкции с двумя предлогами (*из* и *с*), отмечается более высокая, чем в литературном языке, относительная употребительность конструкций с предлогом *с*. Данные говоры различаются между собой тем, насколько часто и в каких случаях предлог *с* может быть употреблен здесь соответственно предлогу *из* в литературном языке. Для говоров, которые расположены рядом с территорией, где отсутствует предлог *из*, характерна возможность употребления предлога *с* во всех тех случаях, где в литературном языке выступает только *из*. Здесь скажут: *выйти из леса* и *с леса, сплести из веревок* и *с веревок, держать из милости* и *с милости, приезжий из Орла* и *с Орла*. В остальных говорах более широкое, чем в литературном языке, использование предлога *с* почти ограничивается пространственными конструкциями.

Пространственные конструкции как с предлогом *из*, так и с предлогом *с* называют в русском языке действие и место, являющееся его исходным пунктом. При этом для литературного языка характерна известная семантическая дифференциация данных конструкций (хотя и не вполне последовательная): предлог *из* употребляется в тех случаях, когда должен быть назван предмет, внутри которого исходит действие, предлог *с* — по преимуществу там, где действие совершается с поверхности предмета: *приехать из города, прибежать из леса, достать из ящика; скатиться с горы, слезть с крыши*. В говорах же предлог *с* используется и в конструкциях с первым значением: *приехать с города, прибежать с леса, достать с ящика*. В составе этих словосочетаний наиболее частотны собственные и нарицательные существительные, называющие населенные пункты: *приехать с Москвы, с Выселок, с города, с деревни*.

Вопрос о соотношении предлогов *из*, *с*, *з* в их истории весьма сложен. Можно предполагать, что современные говоры в целом представляют собой результат не только синтаксических, но и фонетических процессов. Как древнерусскому, так и старославянскому языку было известно два предлога — *из* и *с*, употребление которых менее дифференцировалось, чем в современном литературном языке. Еще для начала XVIII в. было обычным, в частности, сочетание предлога *с* с существительными, называющими населенные пункты.

§ 122. Необщераспространенные типы беспредложных словосочетаний. Из беспредложных конструкций рассмотрим словосочетания с переходными глаголами и прямым объектом в форме им. п. (*принести вода, пасти кони, качать ребенок*).

Карта 6. Диалектные явления в области словосочетания

1. Использование словосочетаний с переходными глаголами и формой им. п. существительных женского рода в ед. ч. (на -а или на согласный при согласованном определении: *надо мука купить; моя жизнь нельзя рассказать*) как относительно регулярное явление выступает в говорах Северной диалектной зоны. Применительно

же к остальным говорам (особенно южнорусским) можно говорить только о единичных случаях фиксации предложений типа *надо мука купить*.

Прямой объект — существительное женского рода в форме им. п. может выступать при любых формах переходных глаголов: при независимом и зависимом инфинитиве, при изъявительном, повелительном и сослагательном наклонениях, при деепричастиях: *у нас вода не покупать; пора невеста встречать; пойду охапка вынести; кринка кринкой и закрывай; не сронила бы киска катушка; он не знавши дорога пошел*. Регулярность употребления формы им. п. объекта при разных формах глагола может быть различной. На основной территории распространения явления — в говорах Северного наречия — среди всех сочетаний глагола с формой им. п. прямого объекта выделяются по степени употребительности сочетания с инфинитивом, не зависящим от личной формы глагола (см. первые два примера). Среди этих инфинитивных сочетаний наиболее распространены сочетания с инфинитивом, выступающим при предикативном наречии *надо*: *надо трава запастись*. В среднерусских говорах и говорах Южного наречия сочетания с инфинитивом, не зависящим от личной формы глагола, в целом не выделяются по степени употребительности из всех сочетаний с формой им. п. прямого объекта при глаголах.

Рассмотренное явление представляет собой синтаксический архаизм. Исходное употребление формы им. п. существительных на *-а* при переходных глаголах было связано с инфинитивными конструкциями, причем такими, где инфинитив не зависит от другой глагольной формы, т. е. с определенным типом предложения. С течением времени явление расширилось в структурном плане: из элемента, входящего в предикативную основу определенного типа, форма им. п. стала превращаться в элемент, сочетающийся с переходным глаголом в любой его форме, — в компонент словосочетания. Таким образом, говоры отражают разные стадии исторического явления.

2. В говорах западной части России (запад Псковской, Смоленской и Брянской областей), а спорадически и в других говорах (главным образом севернорусских), отмечается употребление в функции прямого объекта формы им. п. одушевленных существительных во мн. ч.: *а домашние зайцы кроликами зовут; надо кони поить; старики жалеть надо*. В этих словосочетаниях обычно участвуют существительные — названия животных и лишь в некоторых говорах отмечены единичные случаи употребления словосочетаний и с существительными — названиями лиц.

Рассматриваемое явление — морфологическое по происхождению. При утверждении категории одушевленности/неодушевленности в отдельных русских говорах, так же как в украинском и белорусском языках, существительные — названия лиц и суще-

ствительные — названия животных оказались в разных группах: для первых в вин. п. утвердилась форма род. п., для вторых (как и для существительных — названий неодушевленных предметов и понятий) стала употребляться одна и та же форма в вин. п. и им. п. Однако материалы современных говоров дают основание для рассмотрения данных сочетаний и в ряду синтаксических явлений.

Словоформы *зайцы*, *кони*, *старики* и т. п. помимо случаев употребления в функции подлежащего и сказуемого выступают почти только в функции прямого объекта, в остальных же случаях, где ожидается форма вин. п., — в словосочетаниях с предлогами, — имеют место обычно словоформы *зайцев*, *коней*, *стариков* (*охотиться на зайцев*, *сесть на коней*). Употребление словоформ типа *зайцы*, *кони*, *старики* в функции прямого объекта поддерживается, видимо, наличием в говорах других конструкций, где существительное в форме им. п. также называет семантический объект (ср. конструкции с предикативным наречием *надо* типа *надо кони*, употребляющиеся как в средне- и южнорусских говорах на западе России, так и в севернорусских; см. § 126).

3. Употребление в функции прямого объекта формы им. п. одушевленных существительных муж. р. в ед. ч. (*купили поросенок*; *надо сторож иметь*) зафиксировано на территории северно- и среднерусских говоров в отдельных населенных пунктах из числа тех, где употребительны конструкции типа *принести вода*, *пасты кони* (а также и типа *надо поросенок*).

§ 123. Область функционирования словосочетаний. Помимо диалектных различий, касающихся моделей словосочетаний, говорам присущи также различия, связанные с образованием на основе одной и той же модели таких словосочетаний, которые выражают неодинаковый круг смысловых отношений. Проиллюстрируем этот тип различий примерами.

1. Глагольные словосочетания с зависимой частью — существительным в вин. п. и предлогом *по* во всех говорах (как и в литературном языке) могут выражать отношения пространственные (*проваляться в снег по пояс*; *стоять по правую сторону*) и временные (*жить по 20-е число*; *не знать по сей день*), в части же говоров — также и объектно-целевые (*сходи по соседку*; *никто не идет по корову? по справку сходи*; *по морошку отправились*). Словосочетания, выражающие разные смысловые отношения, различаются обычно семантикой слов, входящих как в главную, так и в зависимую части. Так, например, во временные конструкции, образованные по модели «глагол + *по* + существительное в вин. п.», входит глагол со значением бытия или конкретного действия и существительное, называющее какой-либо момент времени; в объектно-целевые же конструкции, построенные по той же модели, — глагол целенаправленного движения и существительное, называющее предмет, способный быть объектом этого движения.

Конструкции с предлогом *по*, семантически соотносительные с общерусскими конструкциями типа *сходить за соседкой, отпра- виться за морошкой*, известны большей части севернорусских гово- ров, восточным среднерусским и части южнорусских. Их изоглос- са очерчивает широкую, сужающуюся лишь к середине полосу, протянувшуюся с северо-востока Европейской части России на юго-запад (Брянская область).

Говоры, в которых употребляются объектно-целевые конструк- ции с предлогом *по* и существительным в вин. п., различаются кругом конкретных слов, включаемых в эти конструкции. В одних говорах (говоры северо-восточных территорий и юго-западной части Брянской области) с предлогом *по* сочетаются любые существи- тельные, как неодушевленные, так и одушевленные. В других гово- рах в эти конструкции могут входить только неодушевленные су- ществительные, причем чаще состав их ограничивается словами определенной семантической группы, а именно словами, называ- ющими предметы, связанные с растительным миром: дикие и куль- турные растения и их плоды, а также продукты определенной об- работки растений: *лыки, жерди, смола* и др. Все эти предметы объединяются тем, что приобретение их представляет собой более или менее длительный процесс, обычно сопровождающийся пе- редвижением в пространстве. В третьих говорах в данные конструк- ции могут входить лишь единичные слова, относящиеся к указан- ной семантической группе: обычно *ягоды, грибы* и их видовые назва- ния, реже — *дрова*. Почти повсеместно распространенным является словосочетание *пойти по воду*. Словосочетания *пойти по ягоды, по грибы, по воду; поехать по дрова* возможны и в некоторых стилях литературного языка.

Образованные по модели «глагол + *в* + существительное в вин. п.» словосочетания с пространственным, временным и объект- ным значением (*пойти в лес, проснуться в полночь, постучать в дверь*) являются общерусскими, объектно-целевые же конструк- ции этой структуры (типа *пойти в ягоды*, т. е. ‘за ягодами’) извест- ны только говорам на территории, примыкающей к Белоруссии (употребительны они и в белорусских говорах). В составе объектно- целевых конструкций с предлогом *в* обычно выступает довольно узкий лексический круг имен: это существительные, относящиеся к той семантической группе, которая была выделена выше для конструкций с предлогом *по* (*ягоды, малина, грибы, рыжики, дро- ва, лыки, мох, хворост, орехи* и т. д.); словосочетания с другими существительными (*она ушодчи в кони; вчера ходили в рыбу; в огур- цы пошла*) встречаются, видимо, редко.

Для объектно-целевых конструкций с предлогом *по* свободное включение существительных разной семантики еще и в XVII в. было фактом общерусским. Можно думать, что при разрушении данных конструкций в части говоров удержались сочетания, которые как-

то могли соотноситься с наиболее частотными общерусскими конструкциями, включающими в себя предлог *по*, — с пространственными. Объектно-целевые конструкции с предлогом *в* — новообразование, и развились они, по-видимому, на базе пространственных конструкций той же структуры.

2. В различных говорах (видимо, без четкой локализации) отмечается употребление существительного в предл. и реже в вин. п. с предлогом *о* (*об*) в составе временных конструкций, называющих действие и время его совершения: *о свадьбе народ уже не работал; о маслянице блины пекли; о мае-то дома будешь? об страдну пору приезжали*. Те же самые предложно-падежные сочетания в части говоров Северного наречия используются для образования пространственных конструкций, однако здесь существительное чаще выступает в вин. п. Существительное с предлогом *о* (*об*) называет в этих конструкциях предмет, возле которого, рядом с которым совершается действие: *живем о реку; побрели о свой берег; о избу складено; не стой о середине избы*. Общерусский характер имеют только объектные конструкции, образованные по модели «глагол + *о* + существительное в вин. (предл.) п.»: *удариться об угол; рассказать о своей жизни*. Как временные, так и пространственные конструкции являются синтаксическим архаизмом.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 124. Типы предложений, являющихся неразличительными и различительными элементами синтаксического строя говоров. Состав структурных схем простых предложений в основной своей части является общим для всех русских говоров. Количество структурных схем, по которым предложения строятся только в некоторых говорах, невелико. На основе диалектных схем образуются по преимуществу предложения односоставные и такие двусоставные, где сказуемое выражено неизменяемым словом (наречием, неизменяемой причастной или деепричастной формой). Как общерусские, так и диалектные структурные схемы простых предложений могут различаться по говорам лексико-грамматическим наполнением своих компонентов и семантическими возможностями образованных на их основе предложений. Рассмотрим некоторые диалектные различия в области простых предложений.

§ 125. Предложения типа *быть дождю идти*. В части говоров, главным образом на территории Псковской, Новгородской, Орловской и Брянской областей, употребляются односоставные предложения, образованные на основе двукомпонентной структурной

схемы «*быть* + инфинитив значимого глагола»: *быть* нам рано **не управиться**; *быть* опять завтра *ехать* в город; ведь *быть* же нам в праздник **работать!** значит *быть* тому случиться; *быть* дождю **идти**. Данная структурная схема многозначна: на ее основе образуются предложения, с помощью которых могут передаваться различные оттенки долженствования, неизбежности, необходимости, возможности.

Предложения со структурной схемой «*быть* + инфинитив значимого глагола» употреблялись в литературном языке по XVIII в. включительно.

§ 126. Предложения типа для этой работы машина надо. Русским говорам известны две соотносительные между собой двукомпонентные структурные схемы, состоящие из предикативного наречия *надо*, *нужно*, *видно*, *слышно* и существительного в форме вин. или им. п. На их основе образуются предложения типа *для этой работы машину/машина надо*; *нам ее саму/она сама надо*; *им хорошего кота/хороший кот нужно*; *отсюда реку/река видно*; *ребят/ребята издали было слышно*. Из предложений с существительным в им. п. наиболее широко распространены такие, где выступает наречие *надо*. Предложения типа *надо машина* употребляются (наряду с предложениями типа *надо машину*) в Северной диалектной зоне и в некоторых южнорусских говорах на западе России. Остальным говорам известны только предложения типа *надо машину*. При предикативных наречиях в форме им. п. выступают существительные всех групп, различающих формы им. и вин. п., а также местоимения, заменяющие эти существительные (см. приведенные примеры), но наиболее частотными, особенно в севернорусских говорах, являются конструкции с существительными жен. р. на *-а*.

В русском языке предшествующих эпох употреблялись наречные предложения с существительным как в вин., так и в им. п. Предложения с им. п. были полностью утрачены литературным языком к концу XVIII в. Употребительность предложений с вин. п., начиная с середины XIX в., также идет на убыль, они становятся принадлежностью только разговорного стиля. В современном литературном языке как стилистически нейтральные и широко употребительные выступают другие конструкции той же семантики — двусоставные предложения с краткими прилагательными типа *машина нужна*, *река видна*, *крики слышны*.

§ 127. Предложения типа есть у нас ржи, ездило всякого народу. Структурная схема предложения, состоящая из существительного в форме род. п. и глагола в форме 3-го л. ед. ч. (*на сегодня воды хватит*), является общерусской, но лексическое наполнение ее глагольного компонента существенно различается по говорам. Во всех говорах и литературном языке на основе данной структурной схемы образуются предложения с глаголами, в семантике ко-

торых присутствует признак, связанный с понятием количества. Эти глаголы обозначают достаточность/недостаточность количества (массы) каких-либо предметов (*сахару хватит*) или изменение количественной меры предметов (*так земли-то и убавилось*). Предложения с глаголами, семантика которых включает в себя количественный признак, но не сводится к нему (*набежать, наехать, натечь, налететь* и др.; ср.: *опять комаров налетит;росло травы дак*), встречаются в разных говорах, но широко употребительны они только в севернорусских и западных среднерусских говорах (в литературном языке употребление данных предложений ограничено). Только в говорах севернорусских (главным образом в западной их части) и западных среднерусских образуются предложения с глаголами, семантика которых не включает признака, связанного с понятием количества, — с глаголами бытийными в широком смысле слова (обозначающими наличие, появление, обнаружение, сохранение чего-л.): *быть, бывать, водиться, встречаться, оказаться, остаться, появляться* и др., с глаголами движения и некоторыми другими: *есть у нас ржи, есть и пшена; было у меня сыновей; бывает нечистой силы; у нас зверья стало; если красный день, оводов появляется; холодной и горячей воды осталось; ездило тут всякого народу; косарей каких-то пошло*. Наиболее частотны предложения с глаголами *быть, бывать*, имеющими абстрактное, чисто бытийное значение.

Именной компонент рассматриваемых конструкций называет предметы, которые могут быть сосчитаны или измерены. Соответственно здесь употребляются существительные во мн. ч. и такие существительные в ед. ч., которые имеют значение вещественное, собирательное или абстрактное. Значение количественности, присущее почти всем предложениям, образованным на основе структурной схемы «существительное в род. п. + глагол в 3-м л. ед. ч.», в одних случаях зависит только от лексико-грамматических свойств существительного (диалектные конструкции типа *есть ржи, ездило всякого народу*), в других — также и от лексического значения глагола (а иногда и словообразовательной его структуры; ср. префикс *на-* в глаголах типа *набежать, наехать, налететь*). Существительное в рассматриваемых предложениях может называть неопределенное количество (меру) предметов и неопределенно большое их количество: *сена-то есть у тебя? есть еще старых навыков; есть у нас и таких коров — и было работы с тремя ребятами; старухам было страху, как бомбы-то полетели; у тебя жен по белу свету есть!*

Предложения типа *есть еще старых навыков* функционально соотносительны с предложениями, в которых существительное имеет форму им. п. (*есть еще старые навыки*), предложения типа *было работы* — с такими предложениями, где выступает количественно-именное сочетание (*много работы было*).

В севернорусских говорах изредка отмечаются предложения, в которых словоформа *есть* сочетается с формой род. п. существительных, называющих неделимый предмет: *его есть, этого Ваньки; ручья есть; а отца-то у тебя есть? есть там моего телка?* Очевидно, что данные предложения имеют не количественное, а чисто бытийное значение.

Предложения со структурной схемой, состоящей из существительного в род. п. и глагола бытийной семантики, еще в XVIII—начале XIX в. были свойственны литературному языку.

§ 128. Конструкции с краткими страдательными причастиями. Ряд диалектных различий связан с предложениями, включающими в свой состав краткие страдательные причастия в форме на *-но, -то; -нось, -тошь*: *убрано, налито; выученось, мытось*. Причастия на *-но, -то; -нось, -тошь*, так же как и краткие страдательные причастия, согласованные с именем-подлежащим, выражают значение состояния, вызванного предшествующим действием: причастиями с нулевой формой служебного глагола или со словоформой *есть*¹ передается значение состояния в момент речи (*воды налито, воды есть налито*); сочетания причастий со служебным глаголом *быть* в прошедшем и будущем времени выражают соответственно значение состояния, отнесенного в прошлое, — ко времени, предшествующему моменту речи (*воды было налито*), и значение состояния, отнесенного в будущее, — ко времени, следующему после момента речи (*воды будет налито*).

Причастия на *-но, -то*, образованные от переходных глаголов, могут составлять структурную схему предложения (*у них еще не пахано; в избе вымыто*) и могут быть частью двукомпонентной схемы, сочетаясь в ее составе с существительным, называющим предмет — объект того действия, которое вызвало названное причастием состояние: *на полу налито воды; избу уже заперто*. Причастия на *-но, -то* и *-нось, -тошь*, образованные от непереходных глаголов, всегда составляют структурную схему предложения: *ночëвано во дворе у коней-то; с молодых дён пожито хорошо; ни с кем не руганось; у нее уж одетось*.

В составе структурной схемы предложения причастия на *-но, -то* могут сочетаться с существительным в форме им., род. и вин. п.: *мука у нас куплено; петун променяно на куру; коту мяса положено и молока налито; там огурцов насажено; чашку разбито; сына в армию взято*. Предложения, образованные на основе схемы с существительным в род. п., являются общерусскими, предложения с существительным в им. и вин. п. — собственно диалектными. Как предложения типа *мука куплено*, так и типа *чашку разбито* sporadически отмечаются в говорах Северной диалектной зоны.

¹ О включении словоформы *есть* в разные структурные схемы предложения см. в § 131.

Предложения с существительным в вин. и род. п. являются односоставными (безличными). Что же касается предложений с существительным в форме им. п., то они, как указывает, в частности, форма служебного глагола, могут быть и односоставными (было воля дано; соха было кладено) и двусоставными (была картошка сеяно; у меня свой ребенок был взято в город; попрошено соседи были помочь дом строить).

В предложениях типа *было соха кладено* причастный компонент имеет безличную форму, а форма им. п. (как правило, существительного на -а) выступает в функции вин. п. (см. словосочетания типа *принести, принесу вода*). В предложениях типа *была картошка сеяно* причастия на -но, -то являются неизменяемыми образованиями (подобными формам на -ши типа *поспевши, засохши*; см. о них ниже), функцию же координации подлежащего и сказуемого здесь берет на себя служебный глагол. Аналогичным образом делятся на одно- и двусоставные рассмотренные выше предложения, построенные на основе структурной схемы, которая состоит из предикативного наречия и существительного в форме им. п.: вода было надо и вода была надо.

Односоставные (безличные) предложения с существительным в форме им. п. и формой на -но, -то или предикативным наречием характерны для тех севернорусских говоров, где относительно регулярно употребляются словосочетания с существительными в форме им. п. в функции вин. п. (*надо принести, принесу вода*)¹. Двусоставные же предложения типа (*была*) *картошка сеяно*, *вода (была) надо* употребляются в западных среднерусских и небольшой части западных севернорусских говоров (двусоставные наречные предложения употребительны и в южнорусских говорах).

С конца XIX в. в западных среднерусских и небольшой части западных севернорусских говоров начался процесс утраты конечного *о* в неизменяемых причастных образованиях: *чашка (была) разбито* > *чашка (была) разбит*. В настоящее время предложения типа *козлуха не доен, молоко пролит, люди были уже собран* являются здесь широко употребительными.

Причастные предложения, образованные на основе однокомпонентной структурной схемы, делятся на три группы в зависимости от грамматических признаков того глагола, с которым соотносится причастие.

1. Предложения с формой на -но, -то, образованной от переходного глагола (*хорошо сказано*; *в кухне вымыто*), являются общерусскими.

¹ О взаимодействии глагольных словосочетаний и наречных предложений с существительным в форме им. п. свидетельствует, в частности, то упоминавшееся в § 121 обстоятельство, что значительную часть инфинитивных словосочетаний с им. п. составляют словосочетания, в которые входит наречие *надо*.

2. Предложения с формой на *-но, -то*, образованной от непереходного глагола без постфикса *-ся* (*с сельсовету уж уехано у них; как не отдохнуто, так и рук не сдынешь*), распространены в разных говорах Северной диалектной зоны; к числу общерусских принадлежат только предложения с отдельными причастными словоформами: *велено, хожено, накурено, поработано* и др.

3. Предложения с формами на *-нось, -тось*, образованными от непереходных глаголов с постфиксом *-ся* (*у кота на печку забранось; чай можно целый день пить, только уж напитось*), характерны для небольшой части севернорусских говоров — на побережье Онежского озера и на территории от Онежского озера до Рыбинского водохранилища.

Краткие формы страдательных причастий, выступающие в этих типах предложений, по преимуществу являются образованиями совершенного вида, при этом доля образований несовершенного вида среди причастий от переходных и непереходных глаголов разная — она значительно выше среди причастий от непереходных глаголов, особенно тех, которые не имеют постфикса *-ся*.

В части говоров, главным образом северо-западных, в предложении с причастными формами на *-но, -то; -нось, -тось* может включаться дополнение со значением субъекта действия, выраженное сочетанием предлога *у* и существительного в род. п.: *дорога у солдат наезжено* (солдаты наездили); *у меня прялку на пече положено* (я положила); *у вас соды кладено?*; *вон там у собак пройдено*; *у Юрки в пять часов встато*; *у ей на столе с тетрадками раскладенось*; *было записанось в школу-то у меня*. (Данные сочетания употребляются иногда и в предложениях с общерусской структурной схемой, состоящей из существительного в им. п. и согласованного с ним причастия; ср.: *святые все замучены у людей*.) Конструкции с причастными формами, образованными от непереходных глаголов, включающие в свой состав субъектное дополнение, семантически отличаются от всех остальных конструкций со страдательными причастиями: выраженное причастной формой состояние может быть приписано здесь только тому же лицу (или животному), которое совершило вызвавшее его действие.

§ 129. Конструкции с предикативными деепричастными формами. Существенные различия создаются в говорах за счет предикативного употребления деепричастных форм типа *поспевши, засохши*; ср.: *груша уже поспевши; что посеяно — все засохши; отец был в войну ранивши*. Употребление деепричастных форм в предикативной функции характерно для говоров Западной диалектной зоны. Наиболее частотны предложения с предикативными деепричастиями в западных среднерусских говорах. За пределами указанной территории в предикативной функции выступают главным образом отдельные деепричастия: *одевши, раздевши, обувши, разувши, (не) евши* и некоторые другие.

При помощи предикативных деепричастий выражается состояние предмета, вызванное предшествующим действием: деепричастия с нулевой формой служебного глагола или со словоформой *есть* выражают значение состояния в момент речи (*все засохши, все есть засохши*), деепричастия с формами прошедшего времени служебного глагола *быть* — значение состояния, отнесенного в прошлое (*все было засохши*), деепричастия со служебным глаголом в форме будущего времени — значение состояния, отнесенного в будущее (*все будет засохши*). Предикативная функция характерна для деепричастных форм совершенного вида.

Основную часть предложений с предикативными деепричастиями составляют такие, где называется состояние предмета, вызванное предшествующим действием самого же этого предмета: *фикус разрогативши; кот наевши — вот и спит; пули летали — где-то немцы были засевши; он три класса кончивши; я уж чаю попивши*. В этих предложениях, как правило, выступают деепричастные формы, образованные от непереходных глаголов; случаи, когда употребляются деепричастия от переходных глаголов (см. два последних примера), редки.

В некоторых говорах, характеризующихся предикативным употреблением деепричастий, оказывается возможным выражение при помощи этих форм и значения состояния предмета, вызванного действием другого предмета; ср.: *изба нескладно построивши; кружка-то помывши — чистая; своя крыша раскрывши, никто не поправляет; магазин будет закрывши*. В страдательных конструкциях выступают деепричастия, образованные от переходных глаголов. Предложения такого типа наиболее частотны в говорах на территории, прилегающей к озеру Селигер. Страдательные конструкции с деепричастиями, так же как и конструкции с краткими причастиями страдательного залога, могут включать в себя субъектное дополнение: *рогожи у меня намочивши; ежи у кого-то принесши; рожь горит — наверно, она у немцев зажжовши*.

Предикативные деепричастия функционируют по преимуществу в предложениях, построенных на основе подлежащно-сказуемой структурной схемы (см. все приведенные выше примеры). Но возможны и односоставные предложения с предикативными деепричастиями (они образуются на основе однокомпонентных и двухкомпонентных структурных схем): *где еще снежком покрыто, а где растаявши; да уж лежать надоевши; мне приснивши было; в избушку набивши народу; этих конфет мне не доставши; у ребят сегодня черники принесши*.

§ 130. Категория перфекта в русских говорах. Материал, изложенный в § 128, 129, показывает, что в западных среднерусских и западной части севернорусских говоров значение состояния, вызванного предшествующим действием, находит последовательное выражение не только в страдательных, но и в действительных кон-

струкциях. В последних это значение передается при помощи деепричастий и страдательных причастий, образованных от непереходных глаголов. В основной массе случаев (обычно при совершенном виде производящего глагола) значение предикативных деепричастных и кратких причастных форм можно квалифицировать более определенно как значение состояния, являющегося результатом законченного ранее действия, т.е. как перфектное значение.

Таким образом, можно считать, что в говорах на территории северо-запада наблюдается тенденция к сложению особой грамматической категории перфекта. Под перфектом понимается система грамматических единиц, специально предназначенных для выражения значения состояния, явившегося результатом предшествующего действия. Формы перфекта, фиксирующие завершающий момент действия или, вернее, его следствие, противостоят в системе глагола формам, обозначающим действие как процесс, непосредственно не соотносящийся с результатом (т.е. спрягаемым формам). Формами категории перфекта являются сочетания кратких страдательных причастий и деепричастий с разными формами служебного глагола *быть* (включая нулевую):

<i>(есть) поставлен</i>	<i>был поставлен</i>	<i>будет поставлен</i>
<i>(есть) вставши</i>	<i>был вставши</i>	<i>будет вставши</i>

Сочетания типа *(есть) поставлен, был вставши* характеризуются тенденцией к превращению в аналитические глагольные формы, о чем свидетельствует, в частности, факт развития на русском северо-западе — в параллель к деепричастиям — неизменяемых форм страдательных причастий. (На материале разных языков установлено, что неизменяемость знаменательной части сочетания является одним из признаков, указывающих на движение сочетания в сторону морфологии.)

Диалектные различия, связанные с употреблением причастных и деепричастных форм, являются результатом процессов разного времени, в том числе последних веков. Некоторые из этих процессов были локально ограничены, хотя для них и можно указать общерусские предпосылки. Такой характер имели и процессы, приведшие в своей совокупности к сложению категории перфекта: вовлечение широкого круга непереходных глаголов в формообразующую базу кратких страдательных причастий; развитие неизменяемых причастных образований на *-но, -то* и *-н, -т*; включение деепричастных форм в круг грамматических единиц, регулярно употребляющихся в предикативной функции.

§ 131. Именные и глагольные конструкции, включающие в свой состав слово *есть*. В русских говорах словоформа *есть* (*е*) может входить в состав разных типов простого предложения. Употребление *есть* в составе предложений без спрягаемого глагола характерно для говоров Северо-Западной диалектной зоны. Словоформа

есть выступает здесь в двусоставных предложениях со сказуемым, выраженным существительным, прилагательным, местоимением, причастием, деепричастием, именным сочетанием, а также в односоставных предложениях с главным членом, выраженным причастием и наречием: *она девкам мать есть; его жена есть секретарем; они бедные есть; дак ваш муж жив есть? ведро мое есть; церковь здесь сломана есть; она немножко есть рехнувши; отец-то еговый есть из-под Костромы; собака есть на цепи; вода на воды дом е* [о гниющем от сырости доме]; *молока есть дано; что у меня е окомежено — сарафан-то налево надет; у нас здесь красиво есть; на лежанке теплее есть.*

Глагольные предложения типа *в теплых сторонах — там всего есть naroslo; у его глаза маленько покосило есть*, где сочетание *есть* с глаголом прошедшего времени (по преимуществу совершенного вида) восходит к древнерусскому перфекту, изредка отмечаются в разных говорах Северной диалектной зоны. На территории же, характеризующейся употреблением *есть* без спрягаемого глагола (Северо-Западная диалектная зона), отмечаются случаи включения *есть* в такие глагольные предложения, где глагол имеет форму не прошедшего, а настоящего-будущего времени, ср.: *так-то молчит все боле есть — не горазно разговорчивая; чуешь ты, девка, есть? а потом у тебя сын е поидет учиться; може, есте не пустят* [мальчика в кино] — *не детское.*

По всей вероятности, включение *есть* в предложения без спрягаемого глагола и с глаголом настоящего-будущего времени не меняет ни их временного значения, ни их модальной окраски: предложения с *есть* вполне тождественны по значению предложениям той же структуры без *есть*. Сравнительно часто предложения с *есть* употребляются только в говорах Прионежья (часть Ленинградской области, пограничная с Карелией) и в говорах той части Псковской области, которая примыкает к территории Латвии и Эстонии. Можно предполагать, что употребление в предложениях без спрягаемого глагола формы настоящего времени глагола *быть — есть* поддержано в этих говорах влиянием аналогичных конструкций в языках живущего по соседству нерусского населения. Что же касается предложений с *есть* и глаголами настоящего-будущего времени, то они могут быть квалифицированы только как развившиеся по аналогии с безглагольными предложениями, включающими в себя *есть*.

§ 132. Употребление некоторых частиц. Диалектная речь характеризуется весьма интенсивным употреблением разнообразных частиц. Состав частиц несколько варьируется по говорам; кроме того, отмечаются локальные особенности и в употреблении ряда общерусских частиц. Рассмотрим некоторые из них.

1. Русским говорам известны вопросительные частицы *ти, чи*. Первая из них характерна для говоров на территории, гранича-

щей с Белоруссией, вторая — для говоров, соседних с Украиной. В этих говорах вопросительная частица оказывается почти неизменным компонентом вопросительных предложений, не включающих в свой состав вопросительного местоимения или наречия. Здесь скажут: *ти бачила ты его? а деньги ти оплачивают вам за это? чи у нас в лампе есть керосин? хлеб чи надо?*

Говорам, где употребляются вопросительные частицы *ти* и *чи*, известны и *ти*, *чи* — разделительные союзы: *куренок ти кошка пробежала; продал бы ти быка, ти телку; чи хочешь, чи не хочешь, а робить надо; чи она меня обеспечивает, чи я ее.*

Частицы и союзы *ти*, *чи*, известные лишь небольшой части русских говоров, являются общенародными элементами других восточнославянских языков: *ти* — белорусского, *чи* — украинского.

Употребление *ти* и *чи* в разных функциях имело место и в древнерусском языке.

2. Для подчеркивания, выделения в речи отдельных слов, относящихся к классу имен, в литературном языке нередко употребляется частица *то*; ср.: *зачем ты на крышу-то полез? мне-то они могли бы все рассказать.* Одни говоры совпадают по этой черте с литературным языком, другие от него отличаются, причем отличия идут по двум направлениям.

Есть русские говоры, где (как и в украинском и белорусском языках) усилительно-выделительная постпозитивная частица *то* вообще не употребляется. Это говоры территории, примыкающей к Белоруссии и Украине. В других говорах частица *то* выступает в формах: *от, та, то, ту, те, ти, ты.*

В севернорусских говорах эти формы генетически связаны с формами древнерусского указательного местоимения *тътъ*. Их употребление определяется по преимуществу грамматическим принципом: имеются специальные формы для им. и вин. п. ед. и мн. ч. В ед. ч. формы различаются в зависимости от рода существительного, во мн. ч. совпадают у всех родов: *стол-от, окно-то, крыша-та, крышу-ту; столы-те, окна-те, крыши-те* или *столы-ти, столы-ты* и т. п. В остальных косвенных падежах ед. и мн. ч. обычно выступает форма *то*. Эта же форма употребляется с одушевленными существительными в вин. п.

В тех средне- и южнорусских говорах, где используется несколько форм частицы, сочетаемость их с существительным определяется стремлением к созвучию гласных в частице и окончании существительного: форма *ту* может появиться здесь при любых формах существительного на *-у*: *в избу-ту, на берегу-ту, сахару-ту*; формы *ти, ты* выступают после имен, оканчивающихся на *-и, -ы*: *без соли-ти, колхозы-ти, на печи-ты* и т. д.

3. Русским говорам известно два типа предложений с отрицательными местоимениями или наречиями *никто, ничто, никуда* и др.: предложения, где в предикат входит отрицательная частица *не* (*ни-*

кто не приходил) и предложения без этой частицы (*никто приходил*); первые принадлежат к числу общерусских, вторые составляют диалектное явление. Предложения типа *никто осудит; ничто ему и сказано; никуда меня возьмут* отмечаются в Северной диалектной зоне.

Отрицательные предложения без частицы *не* в предикате представляют собой архаизм: они употреблялись в памятниках письменности (наряду с предложениями, включающими в свой состав частицу *не*) с древнейшей поры по XVIII в. включительно.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 133. Структура сложных предложений и компоненты, соединяющие их части. Сложное предложение — такое звено синтаксической системы, где территориальные различия в русском языке, видимо, минимальны, но где говоры в целом, а также просторечие довольно значительно отличаются от литературного разговорного языка и где любая звучащая речь (как диалектная, так и литературная) максимально противопоставлена кодифицированному языку в его письменной форме.

Среди явлений, присущих говорам в отличие от разговорного литературного языка, имеются такие, которые касаются как структуры, так и функционирования сложных предложений.

Так, не свойственны литературному языку: 1) распространенные, видимо, во всех говорах сложные предложения с союзом *потому*: *А ноне-то, может, дома коровы, потому дождь идет*; 2) предложения, начинающиеся придаточным определительным с относительным словом *который* или *какой*: *Которы старухи не ушодци, дак со старушкам поговорить*; *Какие с наседкою, так энти дикие*; 3) предложения, характеризующиеся сочетанием признаков сочинительных и подчинительных конструкций: *Из какого дома брат вышел, и такой же мы построили*; *Которая бедная девушка замуж идет, и он давал на свадьбу*; 4) сюда же относится неразграничение прямой и косвенной речи: *Мне говорил прокурор, что подавай заявление*; *Сын ушел, говорил, что мне [т. е. сыну] уж не воротиться*.

В говорах употребление подчинительных союзов менее дифференцировано, чем в литературном языке: они нередко используются для выражения более широкого круга смысловых отношений. Например, союз *как*, выполняя в говорах функции, присущие ему в литературном языке, используется и как условный союз: *Ты поедешь на праздник? — Как тихо. А ветер, дак ни за что; Вот бы как ходили в школу мы, так лучше бы воспитывали*; и причинный: *Ведь я-то не напишу, как я неграмотна; Немного надо народу, как уже набрано*. Широко употребляется в говорах и союз *что*, выступаю-

щий здесь, в частности, в функции причинного союза: *Ему надо ходить, да вот не пускаю, что грязно; Ну, а все-таки мне было легче тогда, что я была сама пока в силе.*

Диалектные различия в области сложных предложений могут касаться служебных компонентов, соединяющих их части друг с другом.

1. Не вполне идентичен по говорам состав как подчинительных, так и сочинительных союзов. Не имеют повсеместного распространения, например, такие условные союзы, как *буде* и *лели*: *Буде отцу да матери жениховым любя девка, дак не спрашивают жениха; Лели ты корову не купишь, я с тобой жить не буду.* Союз *буде* распространен в говорах Северного наречия, союз *лели* известен некоторым говорам Южного наречия.

Значительно варьируется по говорам состав разделительных союзов, служащих для соединения частей сложносочиненных предложений, а также однородных членов предложения. Так, только некоторым северным говорам известны союзы *буде*, *ни*, *нись* (*несь*): *Буде затоплять печь, буде рано; Возьмет сенца, буде овсеца; Ни у него комнатка, ни она его к себе в комнатку взяла; Ни домой-то идти, ни не ходить; Нись его убили, нись сам умер; Свою нись вашу сумку утащила; Несь делает она, несь не делает — не поймешь.* Только в южнорусских говорах встречается союз *нино* (*ино*): *Нино поросятам дать, нино нехай подождут; Нино она на свекольник, нино к тебе шла даве; Ино ваша собака гавкает, ино не.* На западе и юго-западе России локализуются союзы *ти* и *чи* (см. § 118). Различия в составе союзов являются прежде всего различиями лексическими, но вместе с тем они имеют отношение и к синтаксису предложения.

2. В севернорусских говорах широко употребляется служебное слово *дак*. Помимо функции усилительно-выделительной частицы и союза, *дак* может выполнять функцию особого служебного форманта, заключающего собой сложное предложение: *Крышу крыть надо, бежит дак; Спит, вчера просидел дак; Не дичай, не ори — голос-то сорвешь дак; Стала бы косить, могла бы дак; Потом гребем граблями, подсохнет дак.* В предложениях с заключительным *дак* выражаются различные обстоятельственные отношения — чаще других, по-видимому, причинные.

В отличие от большинства диалектных особенностей, характеризующих сложные предложения и относящихся к числу синтаксических архаизмов, употребление заключительного слова *дак* представляет собой новообразование, которое, возможно, связано с влиянием на русские говоры финноугорских и тюркских языков.

3. Некоторые союзы и союзные слова, будучи известны всем говорам, широко употребляются только в какой-нибудь их части. Так, из двух союзных слов *который* и *какой* первое характерно для говоров Северного наречия, второе — для говоров Южного; на севере обычно скажут: *мальчик, который принес молоко...; маль-*

чик, *которого я встретил...*; а на юге — мальчик, *какой принес молоко...*; мальчик, *какого я встретил...* В говорах Северного наречия широко употребляется в качестве временного союз *как*: *Как жарко было, дак в траву картофельну ложились* [о кошках]; *Эту [икону] купила в монастыри, как нарушался монастырь*. В говорах Южного наречия во временных конструкциях широко выступает союз *когда*. Сочинительные союзы *и* и *а* чаще встречаются в южных говорах, чем в северных, где очень употребительным в качестве соединительного и противительного является союз *да*: *Приехал приказчик, да закатись ему вечеринка собрать*; *Прялка-то есть, да ноне не пряду*. Следует отметить, что сложное предложение — наименее изученный раздел диалектного синтаксиса.

§ 134. Противопоставленные и непровопоставленные различия в области синтаксиса. Различия, относящиеся к синтаксическому строю говоров, могут быть противопоставленными и непровопоставленными.

Синтаксическое различие является *противопоставленным* в том случае, когда при помощи двух (или нескольких) синтаксических конструкций различной структуры, употребляющихся в разных говорах, выражается один и тот же круг смысловых отношений. К числу синтаксических построений, полностью идентичных по выражаемым смысловым отношениям, принадлежат, например, следующие: *проехать мимо лес* и *проехать мимо леса*; *косить трава* и *косить траву*; *люди уж собрано*, *люди уж собран* и *люди уж собраны*.

Синтаксическое различие является *непротивопоставленным* в том случае, когда при помощи синтаксической конструкции, употребляющейся лишь в части говоров, выражается такой круг смысловых отношений, который не передается в других говорах какой-либо определенной синтаксической конструкцией. Непровопоставленные различия создаются, например, за счет употребления в части говоров конструкций с двойными предлогами *по-над*, *по-под*, *по-за*, безличных предложений с главным членом — сочетанием инфинитива *быть* с инфинитивом значимого глагола (*быть дождю идти*) или предложений с предикативным членом — деепричастной формой (*что посеяно — все засохши*).

§ 135. Утрата диалектных синтаксических особенностей. Как уже отмечалось, различные говоры русского языка характеризуются в области синтаксиса значительным единством. Многие из локально ограниченных синтаксических конструкций постепенно утрачиваются современными говорами: сужается территория распространения конструкций и снижается или даже сходит на нет их употребительность. Утрата диалектных особенностей говора происходит прежде всего под влиянием литературного языка. Синтаксический строй принадлежит к числу тех уровней языка, которые сравнительно легко поддаются изменению под влия-

янием таких факторов, как школа, печать, радио, кино, телевидение и т. п. Кроме того, утрата диалектных синтаксических особенностей происходит в процессе взаимодействия с говорами, где для выражения соответствующего содержания употребляются только общерусские синтаксические конструкции. Сравнение диалектных материалов, различающихся по времени, а также изучение данных, относящихся к разным современным говорам, свидетельствуют о том, что утрата диалектных конструкций нередко предваряется или сопровождается процессом их внутреннего разрушения.

Из сравнения диалектных материалов конца XIX — начала XX в. и второй половины XX в., отражающих использование форм им. п. существительных женского рода в объектной функции (*кошитъ, кошу трава*; см. § 121), следует, что на протяжении XX в. относительная частота употребления исконных и неисконных конструкций — сочетаний форм им. п. с инфинитивом, не зависящим от личной формы глагола, и сочетаний со всеми другими глагольными формами — претерпевает существенное изменение. При этом возрастает удельный вес неисконных конструкций, особенно в тех говорах, где употребление форм им. п. существительных женского рода в объектной функции не представляет собой регулярного явления.

По материалам, относящимся к западной части России — к территории, где деепричастные формы на *-ши* регулярно выступают в предикативной функции (*фикус разрогативши*; см. § 129), можно проследить следующую закономерность: в направлении с северо-запада на юго-восток падает интенсивность употребления этих конструкций и одновременно возрастает удельный вес примеров, свидетельствующих о разрушении перфектного значения предикативных деепричастий (в частности, примеров с деепричастными формами, образованными от глаголов несовершенного вида).

Некогда общерусские конструкции, состоящие из словоформы *быть* и инфинитива значимого глагола, выражающие различные модальные значения (*Быть опять завтра ехать в город; Быть сидеть мне все лето дома*; см. § 125), в большинстве говоров полностью вышли из употребления. Их заменили другие конструкции, в том числе с наречиями и глаголами, лексически выражающими ту или иную модальность (*Надо опять завтра ехать в город; Придется сидеть мне все лето дома*). Диалектные материалы свидетельствуют о том, что утрата конструкций типа *быть ехать, быть сидеть* связана с их десемантизацией: на разных территориях зафиксированы предложения, в структурную схему которых помимо словоформы *быть* и инфинитива значимого глагола включаются наречия или глаголы с модальным значением (*Быть работать надо, да сушилка ушла; Быть жить придется, хоть не люб*).

Еще в конце XIX — начале XX в. на территории северно-русских и восточных среднерусских говоров отмечались архаические конструкции с предлогом *для*, выражавшие широкое значение мотивации действия, в которой объединены цель и причина. Диалектологи того времени отмечают, что конструкции типа *он пошел для овса, для ржи* употребляются в тех случаях, когда возможность приобретения того или иного предмета является проблематичной. При этом значение предлога *для* сближается со значением предлога *насчет*: *он пошел для овса, для ржи* означает 'он пошел на счет овса, ржи'. О начавшемся процессе десемантизации конструкций с *для* свидетельствуют случаи употребления рядом предлогов *для* и *насчет* (*поехать на счет для коровы*). Более поздние материалы показывают, что конструкции с предлогом *для* потеряли свое специфическое значение и вошли в ряд объектно-целевых: *он поехал за овсом, за рожью* или *он поехал по овес, по рожь* (см. § 123). В настоящее время объектно-целевые конструкции с предлогом *для* утрачены, по-видимому, во всех говорах.

Сближению разных говоров русского языка содействует и то, что в речь диалектоносителей, главным образом молодежи, входят конструкции, присущие только литературному языку, и в том числе такие, которые характерны для книжного и делового стилей (обособленные обороты, конструкции с полными причастными формами, сложные предложения с составными союзами и др.).

Утрата диалектных особенностей и увеличение доли общерусских элементов — процесс, определяющий развитие синтаксических систем всех говоров в настоящее время. Он не исключает, однако, частных процессов, происходящих только в некоторых говорах и связанных с отдельными диалектными конструкциями. Из числа этих последних процессов назовем два. В севернорусских говорах (а частично и в средне- и южнорусских на западе России) имеет место взаимодействие разных конструкций, в которых форма им. п. существительного употребляется для обозначения семантического объекта: *косить трава; надо трава, куры; трава скошено; куры куплен; купили куры* (см. § 121, 126, 128).

В западных среднерусских говорах и западной части севернорусских на протяжении всего XX в. и в настоящее время интенсивно развиваются неизменяемые причастные формы на *-н, -т*: *люди собран, чашка разбит*, конкурирующие здесь с неизменяемыми же образованиями на *-но, -то*: *люди собрано, чашка разбито* (см. § 128).

Дополнительная литература

Георгиева В. Л. Синтаксические конструкции, образованные сочетанием именительного падежа с инфинитивом или наречием *надо* в современных русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии / Отв. ред. С. П. Обнорский и др. — М.; Л., 1949. — Т. 3. — С. 40—58.

Кузнецов П. С. К вопросу о сказуемости употреблении причастий и деепричастий в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии / Отв. ред. С. П. Обнорский и др. — М.; Л., 1949. — Т. 3. — С. 59—83.

Кузьмина И. Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. — М., 1993.

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. К вопросу о значении данных диалектологических атласов для изучения синтаксиса в диахроническом аспекте (на материале русского языка) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1976 / Отв. ред. Р. И. Аванесов. — М., 1978. — С. 25—38.

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. — М., 1971.

Матвеев В. А. Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Вып. 2 / Отв. ред. В. Г. Орлова. — М., 1961. — С. 103—139.

Преображенская М. Н. О некоторых проблемах исследований синтаксиса диалектного русского языка // Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рождения Р. И. Аванесова / Отв. ред. Н. Н. Пшеничнова. — М., 2002. — С. 118—124.

Преображенская М. Н. Служебное слово *дак* в севернорусских говорах // Восточные славяне. Языки, история, культура. К 85-летию академика В. И. Борковского. — М., 1985.

Собинникова В. И. Строение сложного предложения в народных говорах: (По материалам говоров Гремяченского района Воронежской области). — Воронеж, 1958.

Собинникова В. И. Простое предложение в русских народных говорах: (По материалам говоров Воронежской области.). — Воронеж, 1961.

Трубинский В. И. Очерки русского диалектного синтаксиса. — Л., 1984.

Шуйская Ю. В. Слово *дак* в аспекте дискурса // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII): К 100-летию со дня рождения Р. И. Аванесова / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. — М., 2002. — С. 189—2006.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ ГОВОРОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 136. Понятие диалектного (областного) слова и недиалектные группы лексики русских говоров. Говоры русского языка характеризуются значительным единством словарного состава и наличием известного количества различающихся лексических единиц. Всю лексику говоров русского языка можно разделить на три группы. Первую группу составляют собственно диалектные, или областные, слова. Это лексические единицы, имеющие ограниченную территорию распространения и не входящие ни в одну из общерусских форм языка. Вторая группа представлена словами, ограниченными в своем территориальном распространении, но входящими в словарный состав литературного языка либо городского просторечия. К третьей группе относится лексика, не имеющая территориальных ограничений и также входящая в словарный состав литературного языка и просторечия.

§ 137. Диалектные различия плана выражения и плана содержания. Признаки, по которым различаются их члены, — **разные слова и варианты одного слова.** Лексические единицы — разные слова и варианты одного слова — могут различаться между собой звуковой формой или значением. Разные слова и варианты одного слова, имеющие в разных говорах одно и то же значение, как, например, *ра́дуга* — *ра́йдуга* — *весёлка* — *веселуха* — *гра́да* — *гра́довка* — *гра́довица* и др., *морко́вь* — *морко́шка* — *борка́н* и др., составляют диалектное различие плана выражения, или лексическое диалектное различие.

Различаться по говорам могут и значения, соответствующие одной звуковой форме. Например, существительное *мост* в одних говорах, как и в литературном языке, означает 'сооружение, по которому переходят через реку', в других — 'пол в различных помещениях', в третьих — 'пол в сенях', в четвертых — 'сени' или 'часть сеней' и т.д. Такие различия называются диалектными различиями плана содержания, или семантическими диалектными различиями.

Лексические единицы, входящие в лексические и семантические диалектные различия, являются их соотносительными членами. Для

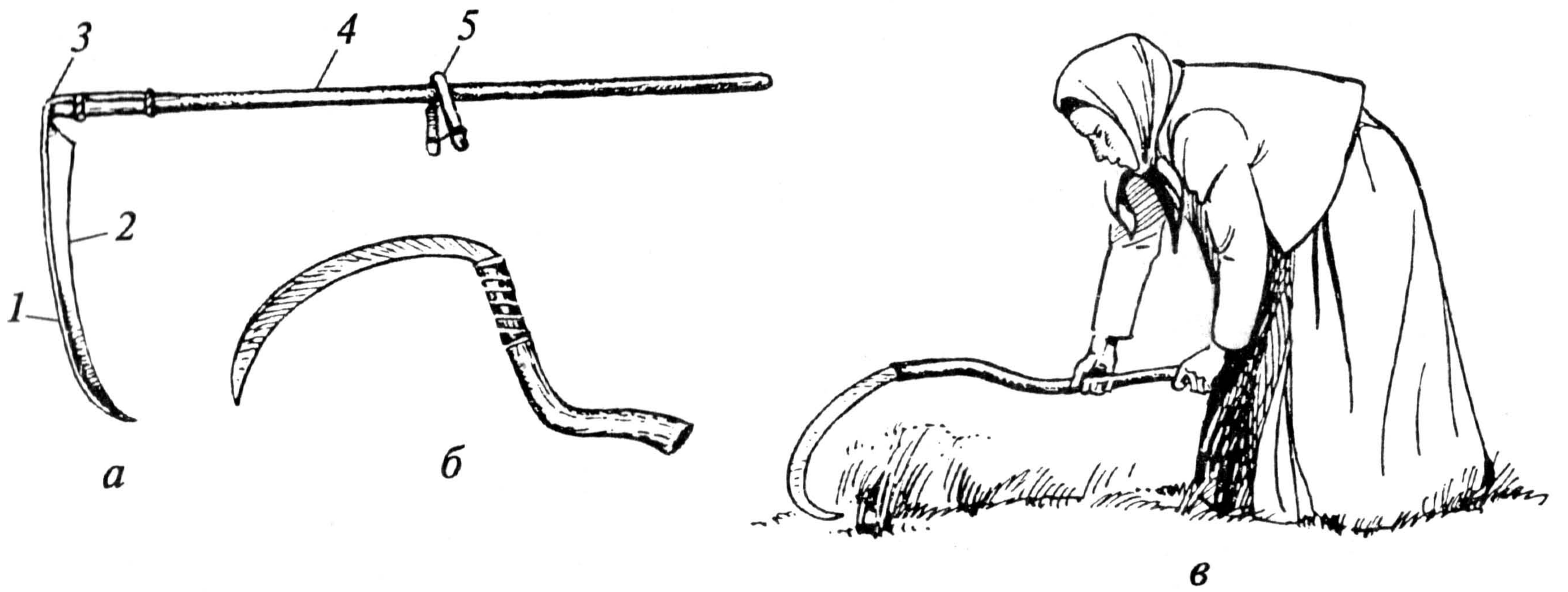
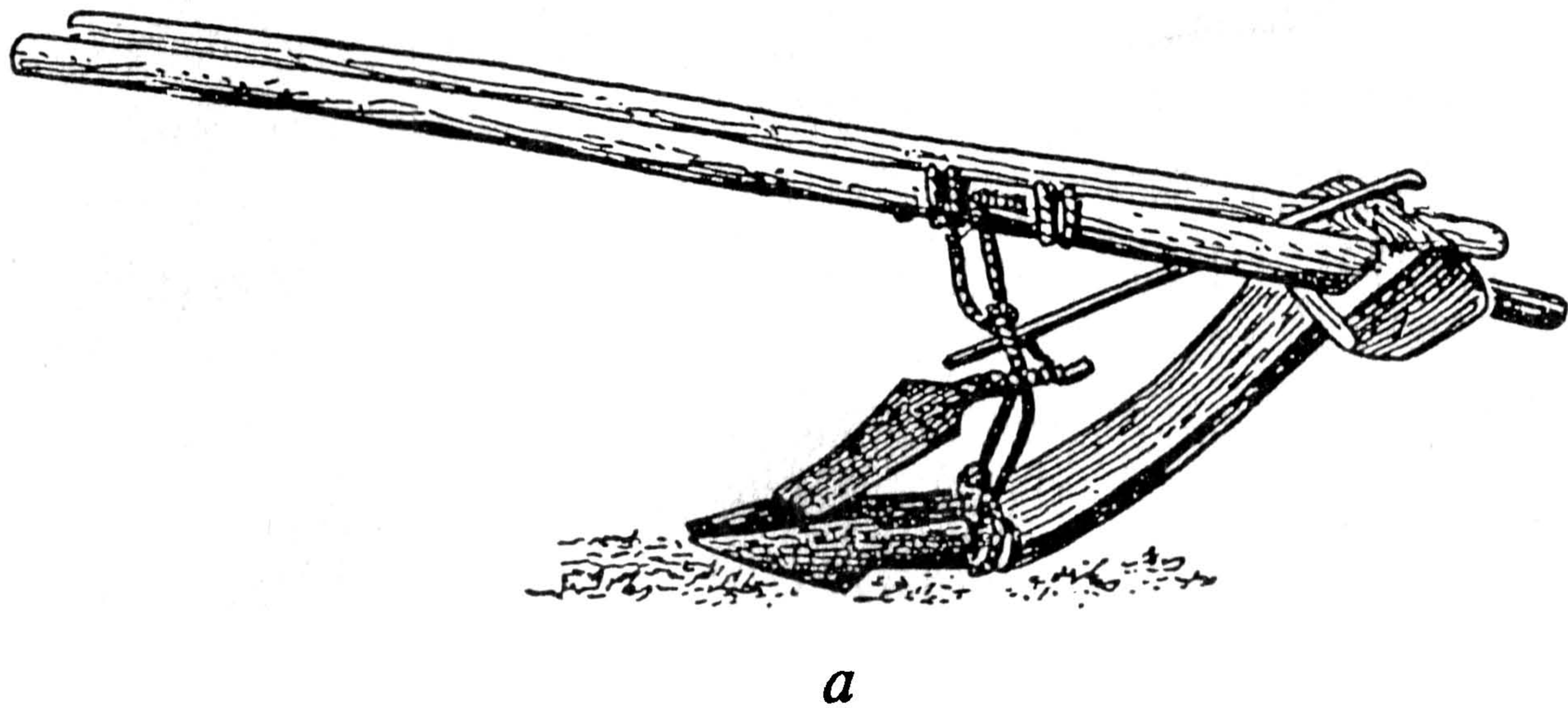

Рис. 1. Орудия для косьбы:

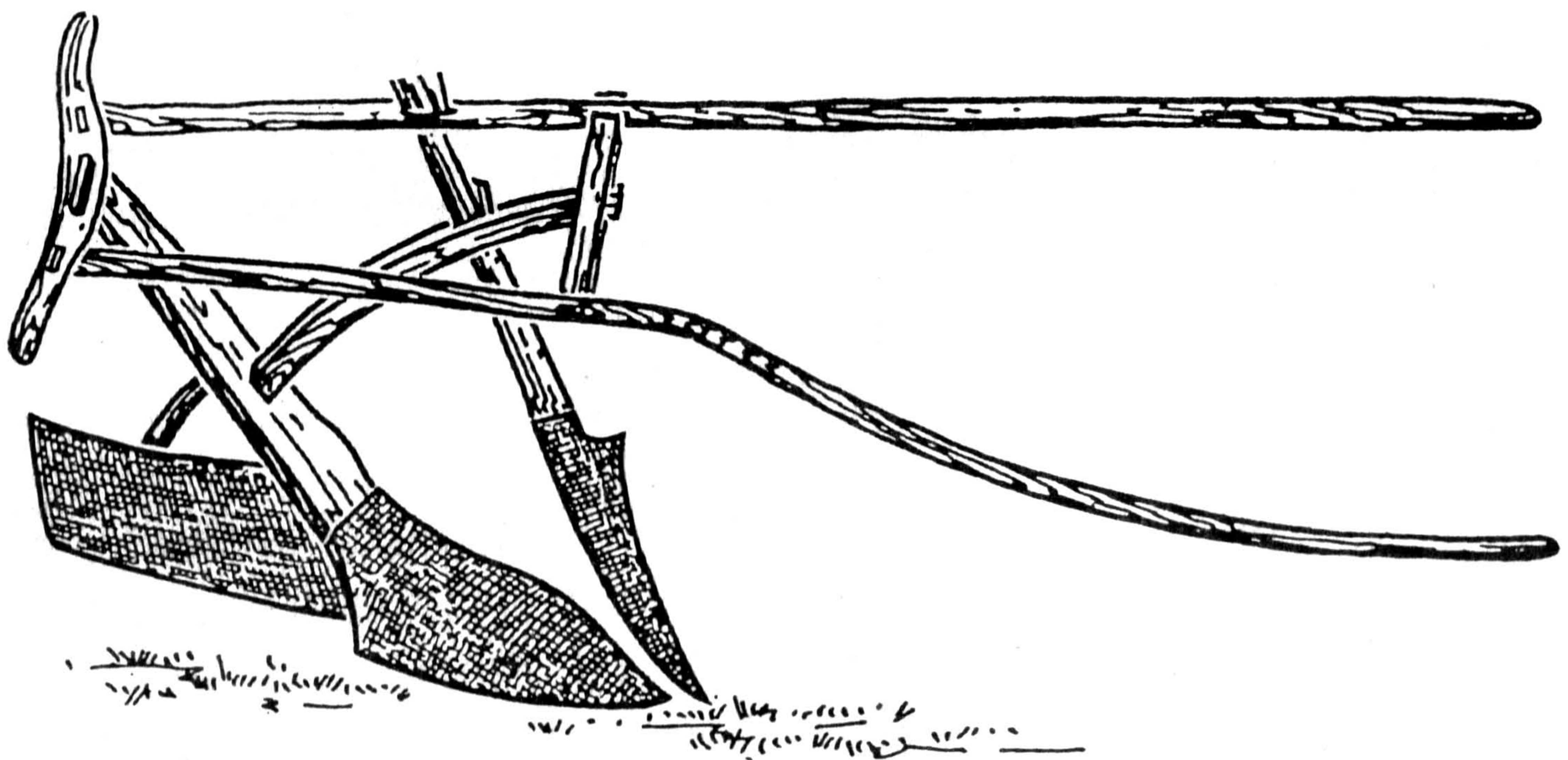
а — коса: стойка: литовка...

1 — обух: обушок: рубец: порубень: парубень...; 2 — лезвие: лезвиё: лезво: лезьво: лезо: лезиво: резвие: резьво: резево: острей: вострей: вострево: жало: жгало...; 3 — держака: пятка; 4 — косьё: косовьё: косовище: косьёвище: окосье: окосево: черен: держалка: ратовище: литовище...; 5 — ручка: держалка: дужка: лучок: огибка: вязок...;

б — горбуша; в — косьба горбушей

а

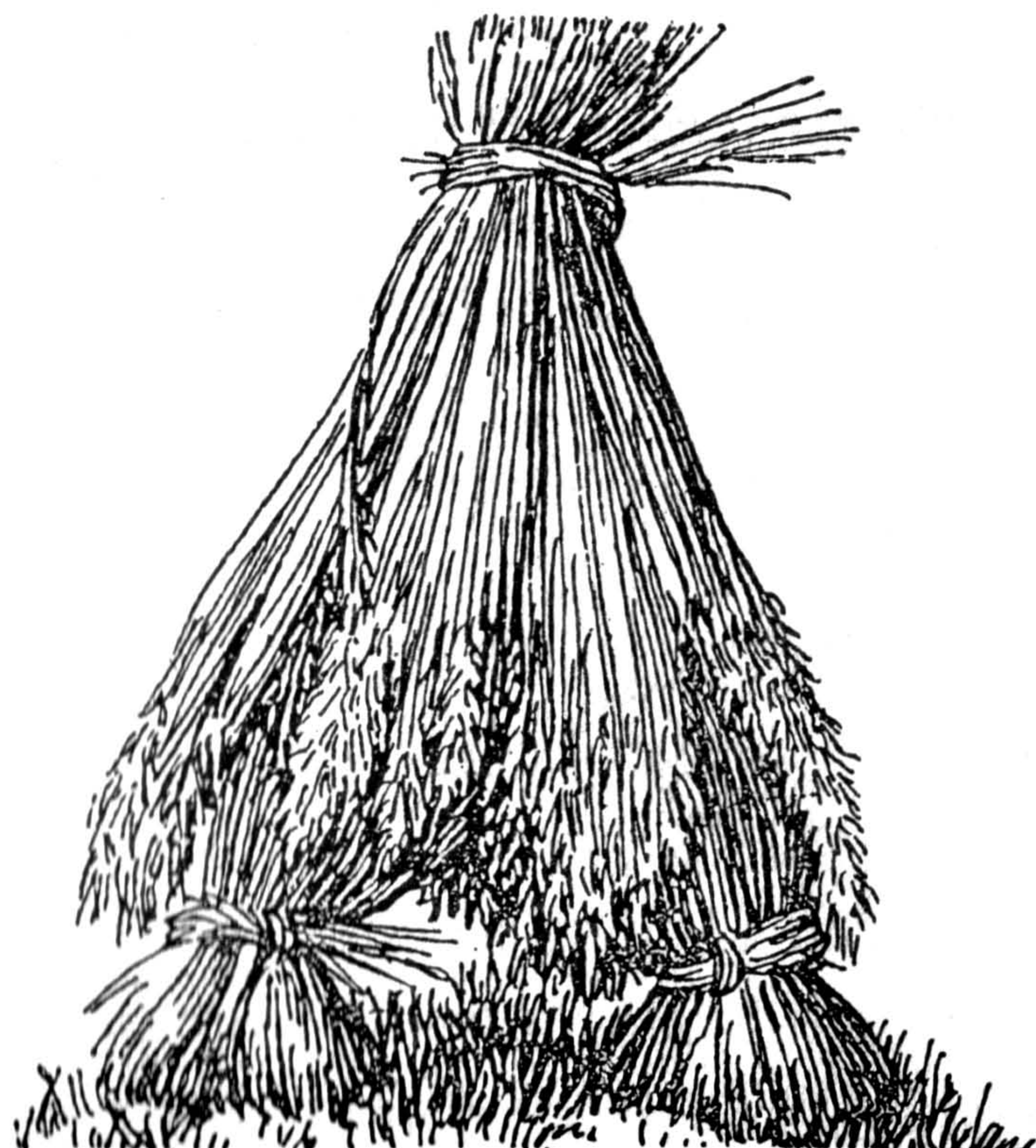
б

Рис. 2. Виды пахотных орудий:

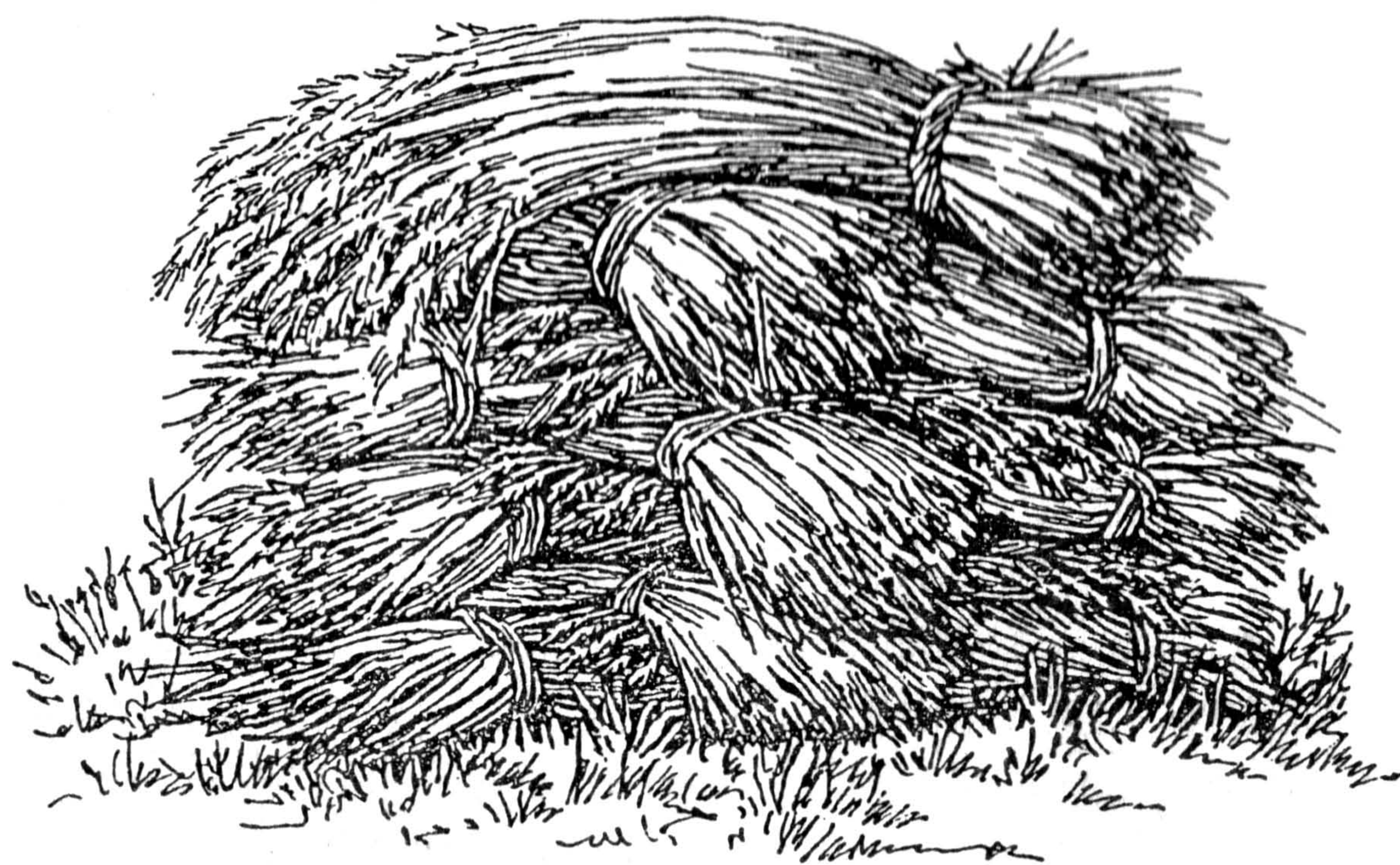
а — соха; б — косуля

a

б

в

Рис. 3. Основные типы укладки снопов в поле:
a — суслон; *б* — бабка; *в* — крестец (хрестец) : крест (хрест)

каждого типа диалектных различий, как и вообще для различий между лексическими единицами языка, существуют определенные дифференциальные признаки.

Различительные признаки плана выражения выделяются у соотносительных членов на основании тождества их значения.

1. Для выражения одного и того же понятия в разных диалектах могут существовать разные слова. Несомненно, разными словами являются лексические единицы, образованные от разных корней, как, например, *льдины* (название, распространенное повсеместно, кроме Юго-Западной зоны), *крьги* (другое название льдин, характерное для говоров Юго-Западной зоны), *чки* (отмеченное в том же значении в некоторых восточных среднерусских говорах) и т. п.

Разными словами являются и лексические единицы, различающиеся при тождестве корневой морфемы словообразовательными аффиксами — приставками и суффиксами: например, *ухва́т* — *обхва́тник* — *вы́хватень* — *хвата́лка*; *изгорóда* — *огорóда* — *загорóда*.

2. Одно и то же понятие может передаваться в разных диалектах вариантами одного слова.

Варианты одного слова имеют частные различия в звуковой форме (в корне или в словообразовательном аффиксе): в словесном ударении (например, *ту́ча* — *туча́*; *сосна́* — *со́сна*), в составе фонем (например, *ви́шня* — *вы́шня*; *высо́кий* — *висо́кий*; *ра́дуга* — *ла́дуга*; *ху́тор* — *ку́тор*; *клубни́ка* — *клубни́ца*), в их распределении (например, *гли́на* — *гни́ла*).

Слово может существовать по говорам в вариантах, различающихся грамматическими характеристиками: типом склонения или спряжения, принадлежностью к мужскому, женскому или среднему роду и т. п. Например, название верхнего слоя березовой коры в одних говорах представлено вариантом *береста́* женского рода, в других среднего — *берестó*. Эти варианты соответственно относятся и к разным типам склонения.

Различительные признаки плана содержания можно обнаружить у соотносительных членов диалектного различия, выделяемых на основании тождества их звуковой формы.

1. Одной и той же звуковой форме в разных диалектах могут соответствовать такие разные значения, которые не могут быть выведены одно из другого как результат закономерных семантических изменений. Такие значения создают разные слова, которые в пределах одной системы квалифицировались бы как омонимы. Например, звуковая форма *ля́да* в большинстве говоров может относиться к названию какого-либо природного объекта, например, 'лес на болотистом месте'. Та же звуковая форма может в некоторых говорах иметь значение 'крышка от погреба, хода в подполье или на чердак'.

2. Одной и той же звуковой форме в разных диалектах могут соответствовать и такие разные значения, которые в одной языковой системе квалифицировались бы как разные значения одного слова. Так, той же звуковой форме *ля́да* по говорам могут соответствовать значения, связанные с такими природными объектами, как разновидности леса — 'на болотистом месте', 'небольшой', 'частый', 'на высоком месте' и т. д.; болота — 'заросшее кустами', 'не топкое' и т. д.; участка, используемого в сельском хозяйстве, — 'луг', 'заливной луг', 'поле', 'росчисть под пашню или покос'. Значения эти принадлежат к одной области понятий. Их возникновение представляет результат метонимии — переноса названия по смежности. Такие лексические единицы не различаются по номинативной функции.

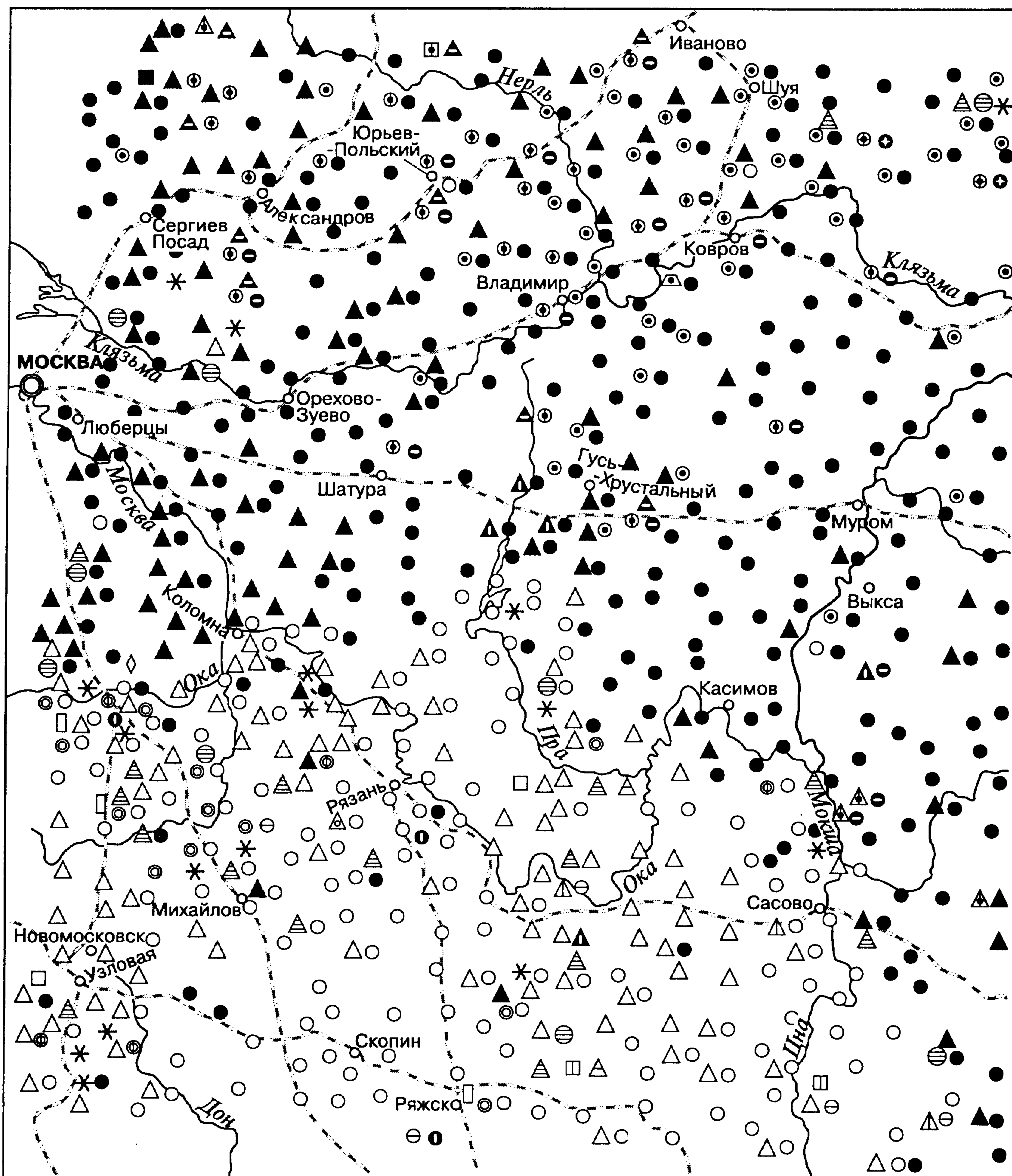
В других случаях может действовать иная семантическая закономерность. Например, звуковой форме *бирюк* в некоторых говорах соответствует значение 'волк', в других — значение 'угрюмый, нелюдимый человек', 'злой человек'. Лексическая единица, возникшая на основе метафоры — переноса названия по сходству какого-то признака, — является не столько номинативной (называющей предмет), сколько характеризующей, подчеркивающей какой-то признак объекта наименования.

Лексические единицы, обладающие такими типами значений при тождестве звуковой формы, представляют собой лексико-семантические варианты одного слова.

§ 138. Единство словарного состава русских говоров. Оно основано в первую очередь на наличии в лексике говоров основного общерусского фонда, состоящего из тех же слов, что и в общенародных формах языка — литературном языке и просторечии. Таковы, например, местоимения *я, ты, мы, вы*, существительные *вода, земля, ветер, дождь, река, море, люди, народ* и др., глаголы *ходить, бегать, знать, слышать, делать* и многие другие слова. Кроме общерусских слов, которые входят в состав всех форм национального языка, существуют слова диалектно-просторечные, свойственные диалектам и городскому просторечию как сниженной, некодифицированной устной форме национального языка. Например, *хозяин, хозяйка* в значении 'муж', 'жена', *цвет* 'цветок', *получка* 'зарплата', *вино* 'водка', *пособить* 'помочь'. Единство проявляется также в тождестве морфем — словообразовательных средств, используемых для образования новых слов, и в тождестве моделей, по которым создаются новые слова.

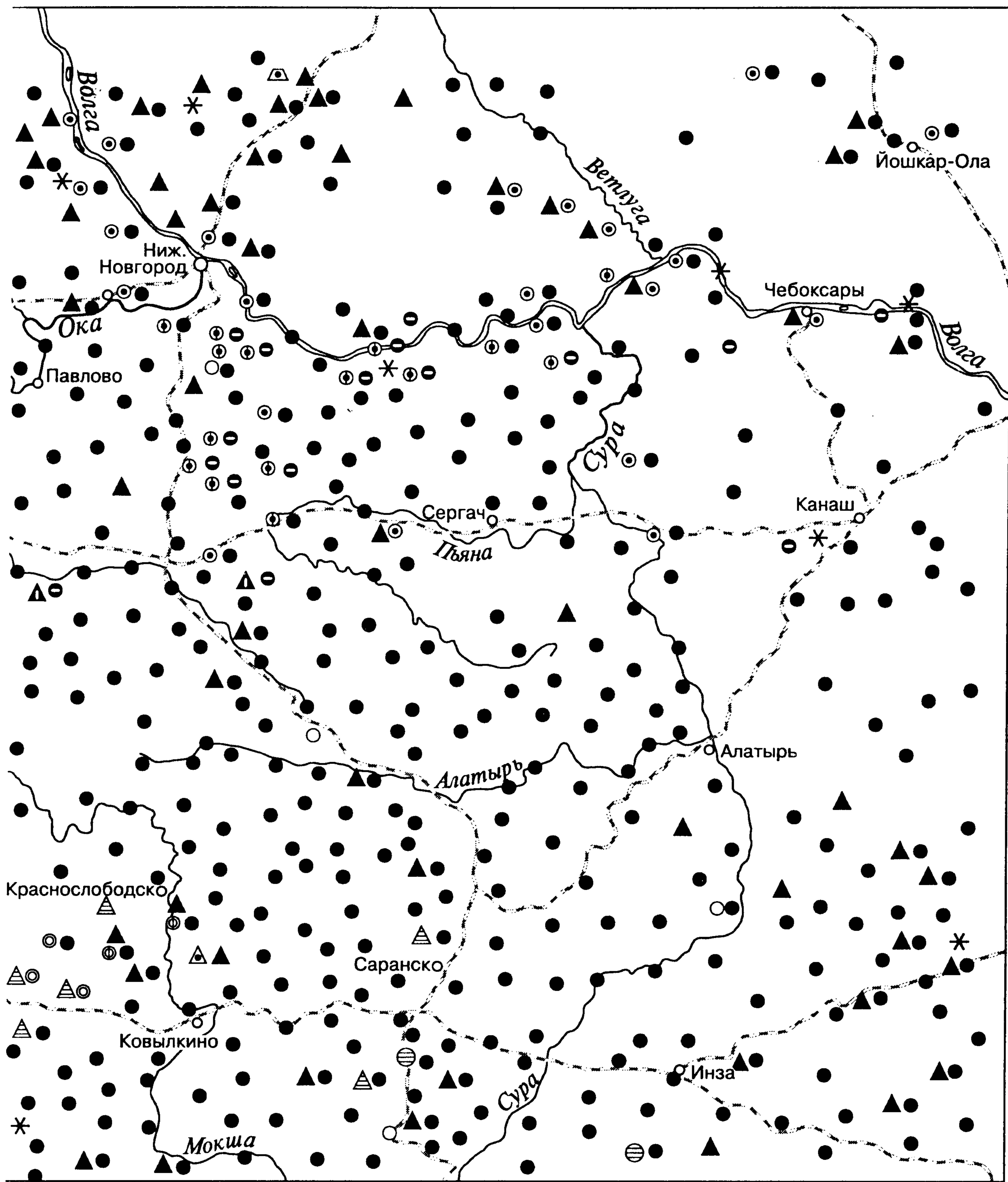
§ 139. Диалектные слова, распространенные на территории наречия, группы говоров, одного говора. Диалектные, или областные, слова могут характеризовать обширные пространства, например территорию целого наречия. Так, для территории Северного наречия и среднерусских говоров характерны такие слова как *кринка* 'посуда для молока', *озимь* 'всходы ржи', *квашня* 'посуда для приготовления ржаного теста' и ряд других. Преимущественно на территории Северного наречия бытуют областные слова *баской* 'красивый', *баско* 'красиво', *суслон* 'малая укладка снопов в поле' и др. Для Южного наречия характерны слова *зеленя, зэленя, зель* 'всходы ржи', прилагательные *сукотная, сукочая* 'сугная (об овце)' и соответственно глагол *окотиться* 'объягниться', *брешет* 'лает (о собаке)' и др.

Диалектные слова могут характеризовать группы говоров или диалектные зоны. Они могут входить и в словарный состав лишь отдельных говоров. Например, в говоре одного села Верхне-Кетского района Томской области отмечено слово *хлюхолка* 'наземный плод картофеля', в другом говоре Томской области — слово *ургай* 'жердь, употребляемая при запуске сети под воду [при за-

● <i>квашня</i>	○ <i>дежá</i>	⊙ <i>опарница</i>
▲ <i>квашонка</i>	△ <i>дежка (дѣжка, дїжка)</i>	▲ <i>опáренка</i>
■ <i>квашоночка</i>	□ <i>дѣжечка</i>	◻ <i>опáрник</i>
	◇ <i>дежня</i>	⊠ <i>другие образования того же корня</i>
	▭ <i>дѣжница</i>	

Карта 7. Название посуды,

- ◎ *пирóжница* ⊕ *ка́дка, ка́дочка* * другие единичные названия
- △ *пирóженка* ▲ *каду́шка, каду́шечка*

Вертикальные линии в знаке даны при наличии указаний: «для пшеничного теста», «для пирогов», «для блинов»; горизонтальные при наличии указаний: «для ржаного теста», «для хлеба». Карта дана по «Атласу русских говоров центральных областей к востоку от Москвы». — М., 1957.

в которой замешивают тесто

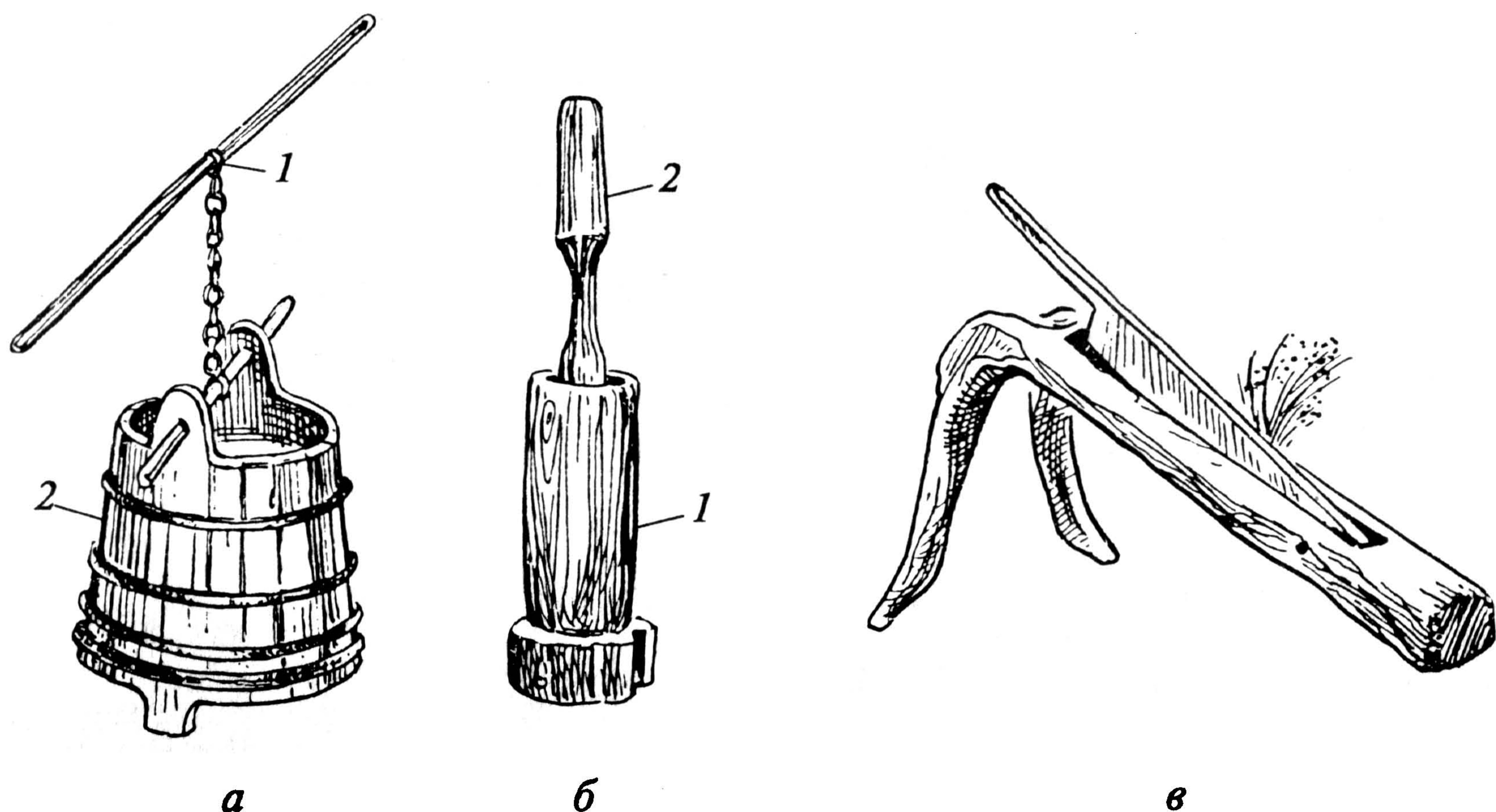

Рис. 4.

a — водонос с ушатом (1 — водонос: хлуд, 2 — ушат: извара); *б* — ступа с пестом (1 — ступа, 2 — пест); *в* — мялка для льна

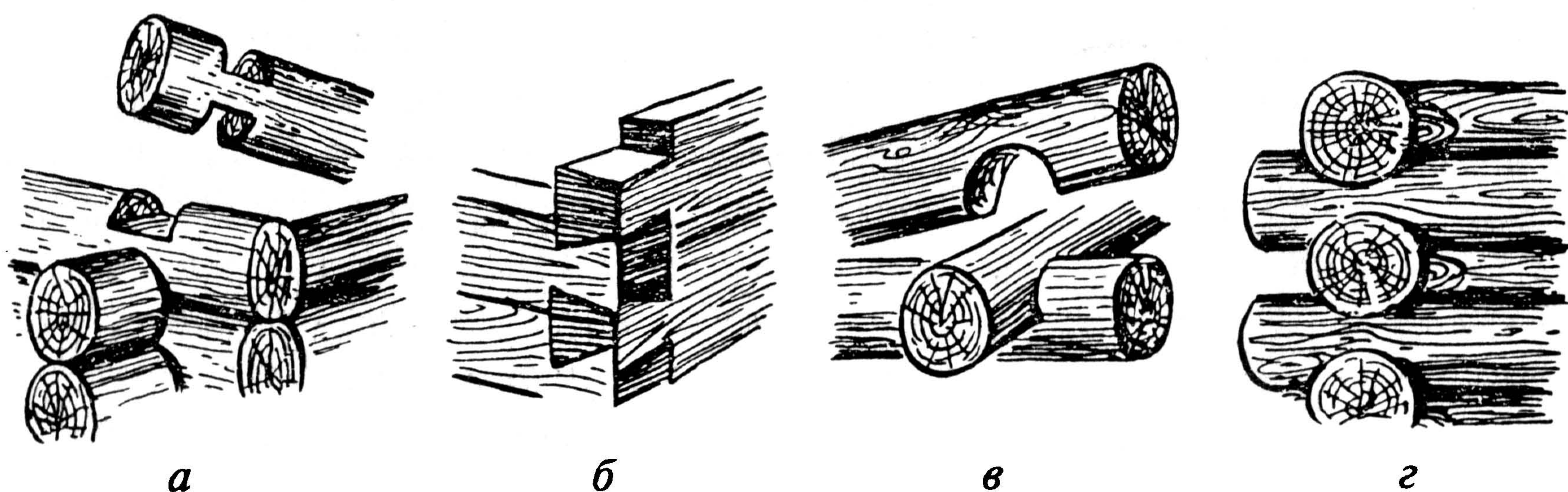

Рис. 5. Способы соединения бревен в срубе:

a — в охрянку; *б* — в лапу; *в* — в обло: в угол: в чашу: в охлуп; *г* — в погон: в иглу

пускном лове]'. Многие слова, отмеченные лишь в одном говоре, образованы по продуктивным словообразовательным моделям, например *чайнушка* 'чайная чашка', *потопок* 'грузило у сети' (говор Кыштовского района Новосибирской области), что указывает на возможность подобных образований и в других говорах.

§ 140. Интердиалектная лексика. Некоторые исследователи выделяют в говорах интердиалектную лексику. Она представлена словами, входящими в различные наиболее древние ремесленно-промысловые терминологии, такие как ткачество, плотничье ремесло, рыболовство и др. Повсеместно известны, например, названия основных частей ткацкого стана — *нит*, *бёрдо*, *ниченки*, *подножки*, самого стана — *стан* или *крósна* — термины, воз-

никновение которых уходит в глубь веков. В плотничьей терминологии существовали некоторые общераспространенные термины срубной техники: соединение бревен *в обло*, *в лапу*, *в охрянку* (см. рис. 5), поскольку срубные дома строили повсеместно. Избы *рубил*, термин *сруб* для обозначения основного элемента постройки тоже существовал везде. Термин *связь* для обозначения трехкамерной постройки с сенями посередине тоже был интердиалектным. Большинство этих терминов вошло в специальные терминологии литературного языка.

ХАРАКТЕР ДИАЛЕКТНЫХ РАЗЛИЧИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА В ОБЛАСТИ ЛЕКСИКИ

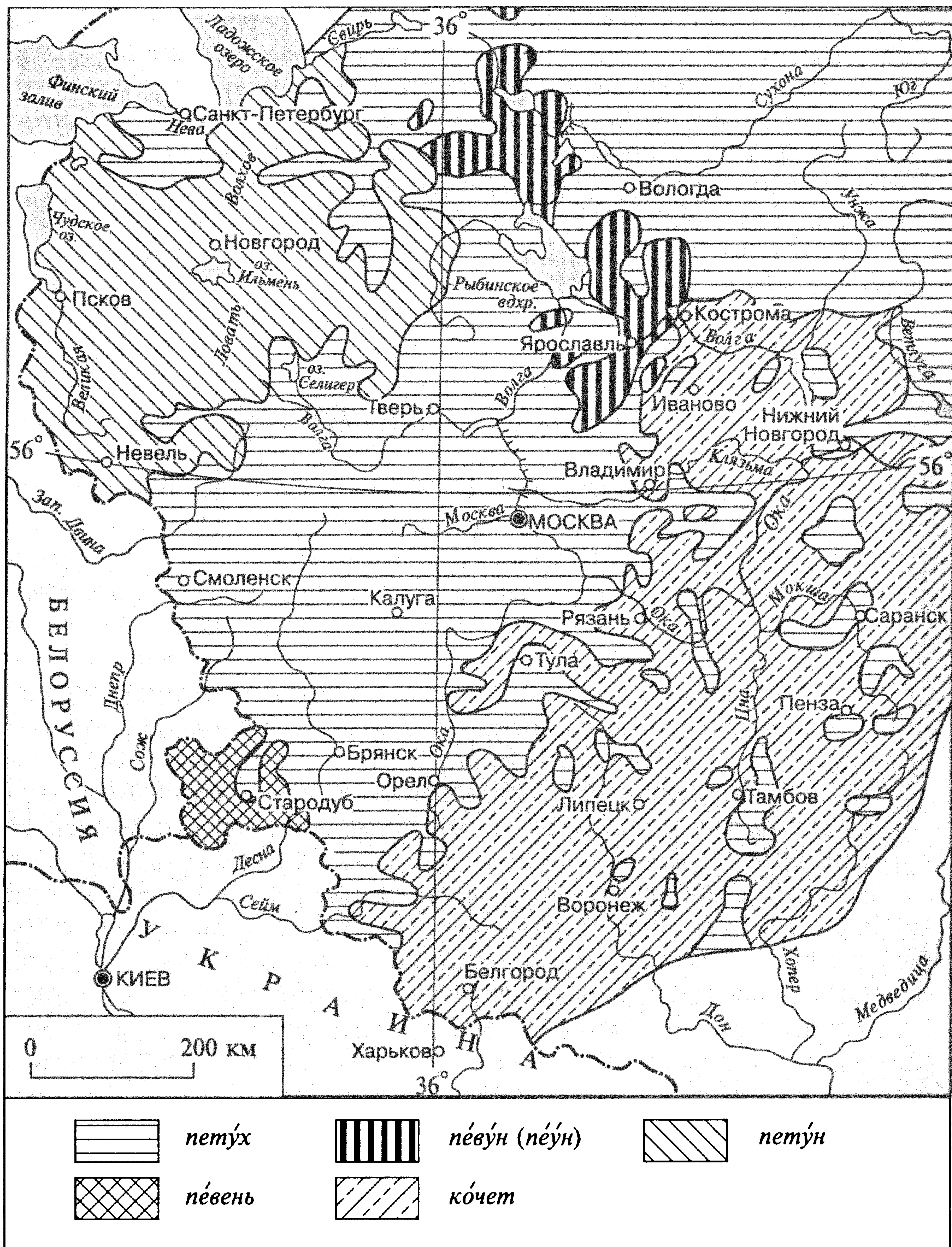
§ 141. Сложные и лексико-этнографические диалектные различия. В понятие лексико-семантических диалектных различий, кроме простых лексических диалектных различий и простых семантических диалектных различий, входят сложные диалектные различия или различия в отношениях между словами, а также лексико-этнографические различия.

Сложные диалектные различия — это такие различия в отношениях между словами, которые наблюдаются, например, в синонимических рядах. В одних говорах понятие ‘много’ передается рядом слов, различающихся сочетаемостью и некоторыми оттенками значений: *много* (*людей, волков, дров, грибов, сахару*): *дивно* (*дров, грибов, сахару*): *людно* (*девок, ребят*): *грудно* (*волков, домов*): *полно* (*дров, грибов, домов*). В других существует только часть этих слов, например: *много* (*людей, ребят, волков, ягод, дров, сахару*): *людно* (*людей, ребят*): *дивно* (*волков, ягод, дров, сахару*). В третьих существуют только слова: *много*, сочетающееся со всеми этими существительными (одушевленными и неодушевленными, лица и не лица и т. д.), и *полно* с каким-нибудь ограничением сочетаемости. Сложные диалектные различия могут быть и при других отношениях между словами (см. § 143).

Лексико-этнографическими называются такие различия, которые соответствуют различиям в предметах: в одних областях известны устройства хода в подполье типа чулана, называемые *го́лбец*, в других — типа сундука, именуемые *ка́ржиной* или *рундуко́м*, а в третьих отверстия в полу закрываются крышкой или подъемной дверцей и называются *западнёй*, *твори́лом* и некоторыми другими словами.

§ 142. Непротивопоставленные и противопоставленные диалектные различия. Лексико-семантические диалектные различия могут быть противопоставленными и непровотпоставленными.

Непротнвопоставленными являются такие диалектные различия, члены которых характерны только для части говоров и

Карта 8. Диалектные названия петуха

не находят соответствий в других говорах. Так, в некоторых говорах (преимущественно на северо-западе) есть глагол *дождя́ть(ся)*, употребляемый, кроме инфинитива, в безличной форме ед. ч. наст. и прош. вр.: *дожди́т* и *дождя́ет*, *дождя́ется*, *дождя́ло(сь)* в значении 'идет (шел) дождь'. Этот глагол означает явление природы,

которое в большинстве говоров и в литературном языке обычно передается словосочетанием существительного *дождь* в функции подлежащего с глаголом в личной форме в качестве сказуемого: *дождь идет, льет, прошел, моросит...*

Непротивопоставленность проявляется и в отсутствии в других говорах соотносительных безличных глаголов. Другой пример: пространство между потолком и крышей дома во многих говорах русского языка не имеет специального обозначения, а передается описательно — с помощью предложных сочетаний *на потолке́, на избе́, на хате́*, хотя само это пространство в жилых постройках крестьян повсеместно имеется и в большинстве говоров имеет специальное название: *пóдволо́ка, пóдлавка, пóтоло́к, черда́к, горю́ще* и др. (в этой части говоров рассматриваемое диалектное различие является противопоставленным).

Непротивопоставленные диалектные различия плана выражения могут иметь внеязыковую обусловленность: при особой значимости для носителей диалекта тех или иных предметов, явлений (например, направлений и силы ветра на побережьях морей и озер) все их виды получают свои наименования, отсутствующие в говорах других территорий.

Непротивопоставленными являются и многие диалектные различия плана содержания — в тех случаях, когда слово распространено не во всех говорах (например, *ля́да, ку́рeнь, те́не́та*).

§ 143. Многочленность и многоплановость лексико-семантических диалектных различий, их взаимосвязь. Характерными чертами многих диалектных различий лексико-семантического уровня являются их **многочленность и многоплановость**. Эти свойства взаимосвязаны. Они создаются разными типами и соотношением различительных признаков.

1. Диалектное различие плана выражения в названиях ухвата насчитывает более 20 членов, которые в разной степени распространены в говорах. Одни из них представляют собой самостоятельные слова, образованные от разных корней: *карга́ч, ро́чаг* и *ручни́к*. Другие — самостоятельные слова, образованные от одного корня: *ухва́т, ухва́тник, обхва́тник, хва́тник, вы́хватень, хвата́лка, подхва́т, ухва́тчик; отъeм, подъeм; рога́ч, ро́жки...* Третьи лексические единицы являются вариантами одного слова: *охва́т/обхва́т; хват/хва́ты; емо́к/емки́; рога́ч/рогачи́; ви́лы/ви́ла/ви́лки/ви́лка*.

В названиях сковородника можно выделить две группы однокоренных слов — с корнем *-цап-/-чап-* и с корнем *сковород-* (первый план противопоставлений); выделить в каждой группе слова с одним и тем же суффиксом (*ча́пельник : чапе́льник : чапельни́к*) : *сковоро́дник* и противопоставить всем остальным членам диалектного различия (второй план противопоставления). В группе названий с корнем *цап-/цеп-/чап-/чеп-* слова разбиваются на подгруппы по вариантам корневой морфемы — по признакам качества аффри-

каты и корневому гласному (третий и четвертый планы противопоставления) и т. д. В этом диалектном различии еще много членов — слов с другими суффиксами, вариантов с разными ударениями и т. п.

Хотя в структуре языка варианты, не нарушающие тождества слова, менее значимы, но в лингвистическом ландшафте, т. е. в структуре диалектного членения, варианты иногда приобретают большее значение, становясь характерным территориальным признаком. Так, вариант *рѹбель* ('жердь, скрепляющая уладку снопов или сена на возу') последовательно распространен в Западной Брянщине, а вариант *рубѣль* локализован на юге Курской, Белгородской и Воронежской областей. Вариант *емкѹ* дает ареал в Курско-Орловской группе Южного наречия, а вариант *емок* известен главным образом у северной окраины Рязанской группы Южного наречия.

2. Члены диалектных различий плана содержания могут представлять разные типы значений многозначного слова. Среди них выделяют главное (основное номинативное) значение, отличающееся наиболее свободной сочетаемостью, незакрепленностью за отдельными видами контекстов, в отличие от остальных (производных) значений, которые часто выступают только в определенных контекстах или относятся к более конкретным объектам наименования. Так, слово *кут/куть* представлено в некоторых говорах со значением 'любой угол', т. е. 'место, где сходятся внешние и внутренние стороны предмета'. В говорах Юго-Западной зоны и в отдельных ареалах за ее пределами известно *кут* в общем значении 'угол в помещении'. На Смоленщине и в Западной Брянщине *кут* означает 'передний угол' [где висели иконы]. Значения 'угол у входа' и 'угол у печи' тоже являются более конкретными, они распространены небольшими ареалами в разных областях, преимущественно на северо-востоке. В некоторых случаях имеется уточнение: *кут* 'угол в доме для скота'. Отдельные значения, как общие, так и конкретные, в свою очередь являются основными для многих производных лексико-семантических вариантов, приобретающих новые конкретные признаки: так, из значения 'угол, где висят иконы' возникли значения 'лавка в переднем углу, почетное место' и 'занавеска в переднем углу'. Со значением 'угол у печи' связаны значения 'место у печи', 'место за печью', 'кухня', а также 'угол на печи' или 'угол в печи'; со значением 'угол у входа' — значения 'место у входа', 'лавка или нары в заднем углу', 'задняя стена дома', 'углубление для кровати во внутренней стене дома'. Значение 'пристанище' (*свой кут*) тоже восходит к общему значению 'угол в доме'. Значения 'почетное место', 'лавка в переднем углу' и 'место у входа', 'лавка у входа' имеют в своем составе признак оценки — высокой в первом случае, сниженной во втором: в передний угол сажали почетных гостей, он использовался в различных

ритуалах. Место у входа было для тех, кого не приглашали пройти дальше. В ряде случаев *кутом* называют помещение (постройку или пристройку) для какого-либо вида домашней птицы или скота.

В данном диалектном различии насчитывается несколько десятков значений — членов диалектного различия. Такая многочленность наблюдается нередко в диалектных различиях плана содержания. Многоплановость в них проявляется в возможности разбиения множества значений на подмножества, объединяемые общностью семантических признаков.

ЛЕКСИЧЕСКОЕ БОГАТСТВО РУССКИХ ГОВОРОВ

§ 144. Диалектные названия видовых и родовых понятий. Лексическое богатство русских говоров проявляется в большом общем количестве диалектных слов. Собственно диалектная лексика особенно богато представлена в обозначении таких природных объектов или производственных процессов, орудий труда и т. п., каких нет в отдельных местностях, либо они там менее значимы, или обозначаются описательно. Например, описательным выражениям литературного языка *охотиться на белок, охотиться на лис, лосей, соболя, коз, диких гусей* и т. п. в ряде говоров Сибири и Дальнего Востока соответствуют видовые глаголы *белковать* или *белочить, бурундуковать, лисовать, лосевать, соболевать, соболить* и *соболятничать, козовать* или *козлятничать, гусевать, маральничать* и т. п. Более общее понятие здесь разделено на более частные — видовые.

Приведенный выше пример глаголов с конкретными видовыми значениями ('охотиться на разных зверей') иллюстрирует сложное диалектное различие в членении именуемого объекта — «семантического пространства». Для говоров Европейской части России такие глаголы в общем не характерны. Здесь, как и в Сибири, отмечен переходный глагол *лесовать* (*лесовать белку, дичь*) — 'заниматься промыслом лесных зверей и птиц, охотиться'. Этот глагол в некоторых говорах имеет более широкое значение и применим к любому лесному промыслу, например, в Пермской области могут сказать не только *лесовать белку*, но и *лесовать шишки*.

По говорам многие фрагменты действительности могут своеобразно расчленяться языковым сознанием на лексико-семантическом уровне, т. е. получать специальные наименования.

Так, по-разному выделяются на разных территориях возрастные периоды детенышей животных, о чем свидетельствует сложное диалектное различие в названиях жеребят. Наиболее распространено выделение трех периодов, соответствующих примерно трем первым годам жизни: *сосун, стригун, третьяк* или *жеребе-*

нок, лонщак, третьяк. Такое выделение возрастов характерно почти для всего Южного наречия, для многих среднерусских говоров и части говоров Северного наречия. В некоторых говорах может выделяться больше периодов: *сосун, стригун, полуторник, двухлеток, третьяк*. При наличии частных, видовых названий родовое, общее название для всех видов жеребят может отсутствовать. Такие говоры есть в Европейской части России и Сибири. В некоторых севернорусских говорах существует лишь общее название *жеребенок*, а периоды его развития не называются специальными словами, а выражаются описательно. Причины такой структуры этого различия, возможно, связаны с какими-то условиями развития коневодства. Но в первую очередь данное диалектное различие может трактоваться как реализация разных внутриязыковых возможностей. В литературном языке существует общее название *жеребенок*, а в научную коневодческую терминологию входят лишь некоторые специальные обозначения возраста, но не собственно жеребенка, а детеныша любого животного (*сосун, годовик, двухлеток* и т. п.).

§ 145. Этнографизмы. Локальные слова в области обрядовой лексики. Во многих случаях гораздо более очевидны внеязыковые причины диалектных различий, когда какие-либо группы слов известны только на ограниченной территории. Так, берестяные цилиндрические сосуды для жидкости делались не на всей территории, занятой русским населением. Поэтому и слова *туес, тусок, бурак, бурешка* и др., обозначающие такой сосуд, распространены лишь там, где он был известен, — на северо-востоке.

Слова, представляющие местные названия предметов, являющихся продуктом человеческой деятельности и известных на ограниченной территории, называются этнографизмами. Таковы слова, обозначающие многие бытовые предметы, некоторые сельскохозяйственные орудия, местные особенности жилых и хозяйственных построек и т. д.

Еще сравнительно недавно, в середине XX в., сохранялись местами старинные виды одежды, головных уборов, обуви. Существовавший во многих разновидностях женский сарафан был характерен для севера. На юге бытовал особый вид женской поясной одежды типа юбки из домотканной шерстяной ткани, называющийся *понёвой*. Различия лесопольной, паровой и залежной систем земледелия выражались и в наличии особых типов орудий обработки почвы, имевших каждое свое название. На севере, где пашни отвоевывали у леса, бытовали *копáч* (вроде мотыги), деревянная *боронá* — *суковáтка*, *сохá* без полицы, *отрѐз*; на черноземах юга — *рáло*, *плугí*, *сабанý*. Различались орудия обмолота снопов, имевшие соответственно разные названия. В середине XIX в. обмолот кое-где на севере и в средней полосе производили *кíчýгами* — искривленными палками с утолщенным концом. Местами, например во Владимирской и Вологодской губерниях, для этой цели

а

б

в

г

Рис. 6. Народная одежда:

а — южнорусский тип женской одежды — *понёва*: *поня́ва*: *по́нька* ‘разновидность юбки’; *б* — южнорусский тип верхней женской одежды — *шушпа́н*: *шушúн*: *шúшка*: *костала́н*: *чупру́н*: *сукма́н*: *коро́тыш*: *наве́ршник*...; *в* — женщина за прялкой; *г* — мужская верхняя одежда — *армяк*: *азям*: *зипун*

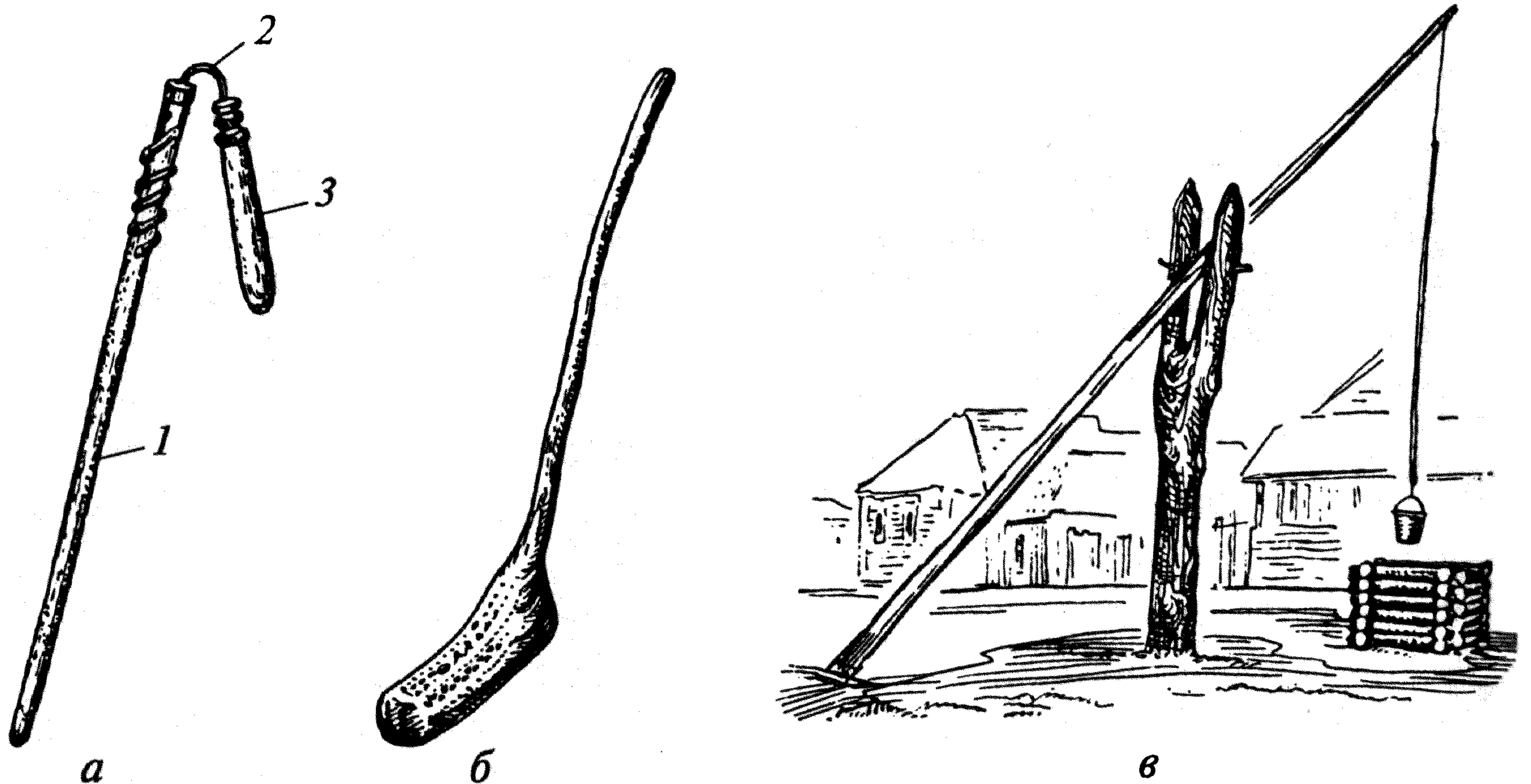

Рис. 7

Орудия для ручной молотбы: а — цеп: 1 — цепілина: цеповільня: держалка: держалень: держак: кадка: кадца: кадочка: кадúшка...; 2 — ремёнъ: гуж: гужок: гужик: привязь: навязь: увязка: пúтце: пúто...; 3 — цепеёц: цепінка: цепнік: біло: бич: бичик: батог: батожок: молотіл: молотілка: молотільник...
 б — кічига: клепалка: колоталка: копыл: палица...
 в — колодезный журавль: журавель: журавец: очеп...

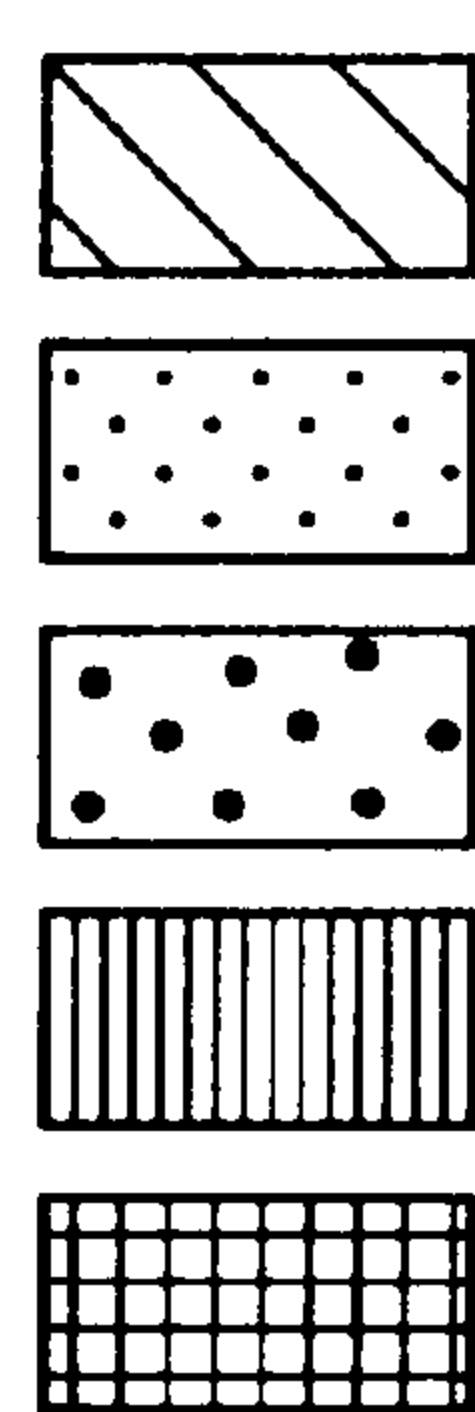
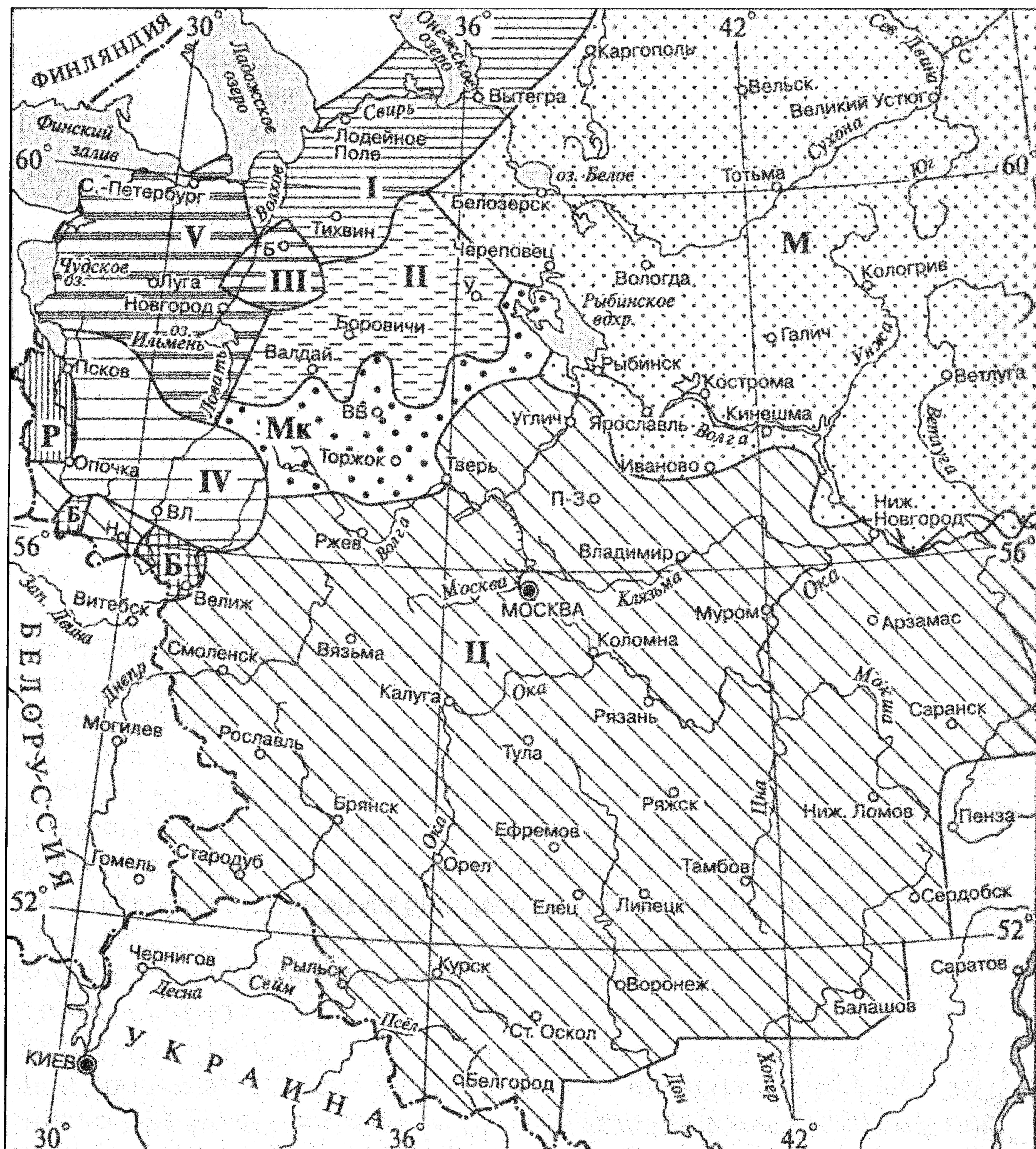
служил *каток* или *молотильня*, были и молотилки с конным приводом и ручные, называвшиеся *рязанками* — по месту изготовления в Рязанской губернии, *смыковками* — по названию села, где были изобретены.

Из названий этих предметов только некоторые можно считать этнографизмами, другие составляют лексические различия. Так, по данным середины XX в. цеп, который был раньше распространен повсеместно, имел несколько разных названий: на северо-востоке — *молотило*, на северо-западе — *привязь: приузь: приуз: приуз*, в северо-западных районах Тверской области — *молотілка*. Название *цеп* существовало на юге и в средней полосе. Названия цера составляют лексическое диалектное различие, т.е. различие собственно языковое, этнографизмами они не являются.

В области духовной культуры также существуют локальные слова, которые относятся к обрядовой и поэтической лексике, социальным установлениям, обычаям. Среди многих терминов русского свадебного обряда на севере известны слова *воля* и *красота*, символизирующие девичество, с которым невесте предстоит расстаться. На русском Севере и в Поволжье существовал обычай при моровых поветриях добывать огонь трением дерева о дерево, окуривать добытым огнем стадо и разносить его по деревне. Этот обычай называли в одних местах *живым огнем*, в других — *деревянным огнем*, в третьих — *новым огнем*. Считалось, что он предохраняет скот от заболевания.

§ 146. Тематические группы диалектной лексики. Группы слов, обозначающие понятия, близкие или непосредственно связанные благодаря связям именуемых объектов в реальной действительности или в человеческом сознании, называются тематическими группами. Их выделение возможно на разных основаниях в зависимости от степени обобщения предметов реальной действительности. Например, выделяется тематическая группа строительства, может быть выделена более узкая тематическая группа построек. Диалектные слова (и варианты слов) представлены в самых разнообразных тематических группах. Так, в тематической группе земля известны диалектные глаголы, обозначающие обязательные виды сельскохозяйственных работ: *орать* 'пахать' (северное); *скородить* 'бороновать' (западная часть Южного наречия), *волочить* (центральная часть Южного наречия); *брать лен* 'убирать лен с поля' (Южное наречие), *тягать лен* (Псковщина). Общее название сжатого поля представлено большим количеством лексических единиц с вариантом корня *-жн-*: *жнивье́*, *жнитво́*, *жнёвенье*, *жнёвник*, *жнивня́к* и др. и с другим вариантом корня — словом *жа́тье*, распространенным в немногих севернорусских говорах, а также образованиями от других корней: *жи́твина*, *жито́вье*, *жи́вье* (имеющие незначительное распространение в пределах Северной зоны), *сте́бель* (восточные районы Ленинградской области, Прионежье) и др. Небольшие укладки снопов зерновых культур различаются по способу укладки и по форме. В пределах почти всего Южного наречия (кроме западной группы) и на значительной части территории среднерусских говоров распространены названия с корнем *-крест-/хрест-*, так как снопы в этих укладках кладут крест накрест. В Западной зоне (с другим типом укладки) распространено название *бабка*, а в Северном наречии — *суслон* (по типу укладки, близкой к западному). Известно также много названий, распространенных небольшими ареалами в пределах Северного наречия и среднерусских говоров: *ки́лоса*, *кочу́ра*, *шиш*, *поп*, *попо́к*, *деся́ток* и др.

В тематической группе названий географических объектов особенно много диалектных слов в тех регионах, где русское население контактировало с инодиалектным или иноязычным населением, — на севере Европейской части России, в некоторых районах Сибири и Дальнего Востока. Известны, например, многочисленные названия леса в его разновидностях: *ко́рба* 'сырой ельник'; *се́льга* 'покрытый лесом горный хребет'; *кули́га* 'частый, молодой березняк, сосняк'; *ля́да*, *ляди́на* 'мелколесье', 'лес на болотистом месте'; *мя́нда*, *пай* и др. Названия луга: *по́жня*, *кули́га*, *поко́с*, *лева́да*, *ля́да*, *ля́га*, *рель*, *лан* и др.; болота: *по́хта*, *вязе́ль*, *мох*, *мохови́на*, *мочеля́га*, *топоче́нь*, *дрябь*, *дрябье́*, *жиде́ль*, *зыбня́к*, *зыбь*, *пучи́на*, *со́гра* и др.; оврагов: *овра́г*, *завра́г*, *враг*, *буера́к*, *бара́к*, *промо́ина*, *водомо́ина*, *ров*, *уры́в*, *прова́л*, *верх*, *кру́ча*, *лощи́на*, *лоск*, *яма*, *яр*, *яру́га*, *ба́лка* и т.д.

Ц — цеп
М — молотило
Мк — молотилка
Р — ручник
Б — бич, обич
I — приуз
II — приузь
III — приузда
IV — привязь
V — привоза

Буквами обозначены:

Б Будогощь
 ВВ Вышний Волочек
 ВЛ Великие Луки
 Н Невель
 П-З Переславль-Залесский
 С Сольвычегодск
 У Устюжна

Карта 9. Названия орудия для ручной молотьбы — цепы (автор О. Е. Кармакова)

Областные слова в большом изобилии представлены в разных тематических группах наречий. Например, среди слов со значением 'недавно' отмечены такие как *надысь, намедни, восей, восейка, ономнясь* и др. Значение 'очень' передается такими областными словами как *бóльно* (Северо-Восточная зона), *рэзко* (к юго-востоку от Тамбова), *шйбко* (в основном в пределах Северо-Восточной зоны), *дўже* и *дьюже* (Южное наречие), *горáздо* и *горáзно* (Северо-Западная зона), *порáто* (на самом севере), а кроме того дающими небольшие ареалы словами *пылко, прытко, сйльно, крёмко, дóбрé, лйхо* и др.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

§ 147. Отражение функционально-стилевой дифференциации в лексике современного говора. В диалектах наблюдается стилевая дифференциация, которая проявляется в первую очередь в лексике. Кроме обиходно-бытового стиля различают народно-поэтическую речь, элементы публичной речи, профессионально-технический и официально-деловой стили.

Диалектная речь, для которой характерна устная форма реализации, в разных своих проявлениях располагает неодинаковыми лексическими средствами. Это связано с условиями, в которых она осуществляется, а также с возрастной и иной дифференциацией ее носителей, с индивидуальными особенностями владения речью и т.д. При этом в каждом стиле одного говора обязательно используется общая для всех стилей нейтральная лексика, относящая их к одной диалектной системе.

Для народно-поэтической речи характерно включение в текст средств художественной выразительности. К ним в старинных жанрах фольклора (былины, обрядовые и лирические песни, волшебные сказки и др.) относятся постоянные эпитеты, метафоры и сравнения типа *бел горюч камень, бел денечек, красная девица, ясное солнышко, синее море, белая лебедушка* 'девушка, невеста', *ясный сокол* 'жених', *плывет серой утицей* (о девушке) и т.п., особенно частое употребление некоторых прилагательных в значениях, не свойственных им в литературном языке. Например, прилагательное *красный* употребляется в значениях не только цвета, но и 'высшего качества', 'ценный', 'нарядный', 'красивый', 'яркий'. В народно-поэтической речи очень употребительны слова, имеющие в своем составе суффиксы субъективной оценки, особенно много уменьшительно-ласкательных образований. Они характерны не только для старинных произведений, но включаются и во вновь создаваемые, например современные частушки: *Самолет — зелены крылышки, лети, лети, лети...* Или: *Картошечка не копана*

и овсик не дожат; чернобровенький миленочек на курсы уезжат. При помощи таких суффиксов могут быть оформлены и новые слова: *Эй, трактор идет да тракториночка, не моя ли там сидит ягодиночка.*

Профессионально-технический и официально-деловой стили формируются сейчас под сильным влиянием литературного языка в его письменной форме — терминологических подсистем различных отраслей науки, производства и директивно-административной сферы. Владеют ими главным образом лица, причастные к соответствующим видам деятельности. В этих стилях к нейтральным словам прибавляются слова специальные. В прошлом профессионально-промысловая терминология, связанная с повсеместно известными ремеслами и промыслами и включавшая много интердиалектных элементов, не относилась только к определенному стилю речи, так как многими промыслами занималось все сельское население и соответствующие термины никак не выделялись в нейтральной лексике обиходно-бытовой речи. Например, к таким занятиям, как сельскохозяйственное производство, прядение и ткачество, изготовление деревянной посуды, промыслы, связанные с лесом, ловля рыбы, гончарное производство, приучали с детских лет, и это сформировало в языке соответствующие тематические группы слов, стилистически нейтральных и общеупотребительных. В современных диалектах владение профессионально-технической и официально-деловой лексикой присуще, главным образом, лицам, имеющим соответствующую производственно-техническую или административно-управленческую подготовку и уже не являющимся последовательными диалектоносителями.

Элементы публичной речи характеризуются стремлением носителя диалекта, говоря принародно, употреблять более книжные, литературные слова и обороты. Наблюдатели отметили, что в публичных выступлениях диалектоносители употребляют литературные слова вместо своих диалектных: *льдины* вместо *икры*, *низкие заливные луга* вместо *кутовые места*, *прошлым летом* вместо *летось*, *недавно* вместо *надысь*, *огрех* вместо *кулига*, *угловая* вместо *кутная* и т. д. В домашней обстановке те же лица употребляли диалектные слова.

Само собой разумеется, что в публичной речи содержится обычно много терминов, отражающих социальные и производственные сдвиги в жизни деревни (некоторые из них в настоящее время уже историзмы): *трудодень, гектар, полеводческая бригада, мелиорация, МТС, МТФ, агротехника* и т. д.

Что касается обиходно-бытовой речи, то в ней используется либо только нейтральная лексика, либо также экспрессивно-оценочная и эмоциональная лексика в зависимости от того, представляет ли речь спокойный рассказ, эмоциональный мо-

нолог, разговор в конфликтной ситуации и т.д. Устная форма функционирования говоров способствует употребительности экспрессивно-оценочной и эмоциональной лексики в разных ее видах.

§ 148. Экспрессивно-оценочные и эмоциональные элементы в диалектной лексике. Средства экспрессивной выразительности. Указанные элементы представлены в диалектах словами, в значении которых содержится усиление признака оценки или эмоции. Таково, например, слово *варна́к* 'хулиган, жулик, плохой человек', отмеченное в говорах Среднего Урала. Таковы слова *кобызе́к* 'самоуверенный, дерзкий человек', *кобызи́ться* 'хорохориться', *ого́лтыш* 'непослушный, непутевый человек' в говоре д. Деулино Рязанской области.

В псковских говорах известны слова *басала́й* 'озорник, безобразник', 'неряха', *варла́ха* 'несообразительный, рассеянный человек', 'лентяй'. Некоторые слова употребляются в метафорическом значении: *барсучо́к* 'неразговорчивый, замкнутый человек', *воро́на* 'ротозей, зевака' в псковских говорах; *колбя́к* 'глупый, бестолковый, некультурный человек' (прямое значение 'пень') в говоре д. Деулино.

В говорах могут преобладать различные средства экспрессивной выразительности. Например, в псковских говорах очень распространена суффиксация, причем особенно много слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Такие слова употребляются с целью смягчения речи: *балахо́нчики*, *редисточка*, *свеко́лочка*, *барка́нчик* 'морковь', *бары́шечка* 'маленькая круглая булочка'; для выражения эмоции ласки, любви: *скоти́нка*, *кото́к*, *барáнчик*, *бабу́шенька*, *бабу́линка*, *бабу́ничка*, *ба́тенька*, *бра́тец*, *брату́шка*, *брато́чек*.

Отрицательные экспрессивно-эмоциональные элементы также характерны для слов с определенными суффиксами. Такие слова приобретают оттенок пренебрежительности, неуважительности, этими оттенками в псковских говорах отмечены слова *балахони́шко*, *амбари́шко*, *бумажече́нка*, *блыку́шка* 'кто праздно шатается', суффиксы *-уг-*, *-ух-*, *-н-* придают словам оттенок фамильярности, грубости: *бабу́га*, *богачу́га*, *бабу́ха*, *бабно́*, *девно́*, *брюшно́*.

Во многих случаях эти и другие суффиксы подчеркивают большую и малую величину: *балу́шка* 'небольшое бревно' при *ба́ля* 'бревно'; *бревну́шечко*, *бреву́шко*, *бреву́шечко*, *бре́вушко* 'небольшое бревно'; *брёдни́чек* 'небольшой бредень'; *ба́бища* 'рослая, толстая женщина', *брюши́нище* 'большой живот' и т.п.

Другие средства выражения экспрессии отмечены в некоторых рязанских говорах. Здесь употребительны прилагательные со сложными префиксами *несо-*, *нена-*, *неу-*, *непри-*: *пыля́ несосве́тная*, *го́лод ненака́занный*, *дура́к ненака́занный*, *дра́ка неугаси́мая*, *тоска́ неприви́дная*.

В такой же примерно функции отмечены там слова *огребной*, *осыпной*, *обломный*. Они означают очень большое количество в сочетании с другими словами: *огурцы огребные*, *брусника осыпная*, *мухи огребные*, *рыба осыпная* и т. п. Экспрессивность может быть усилена суффиксом *-ущ-* или употреблением двух прилагательных: *яблоки огребущие*, *помидоры осыпущие*; *огурцы огребные-осыпные*, *помидоры огребущие-осыпущие*.

В составе лексики диалектов много сложных слов, в которых экспрессивность присуща одному или обоим корням: *дикошарый* 'дурной, со странностями', *силодёром* 'насильно' (ангаро-ленские говоры); *пустограйка*, *ветродуйка* 'болтливая женщина' (д. Деулино).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ И РАЗВИТИЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

§ 149. Древнейшие пласты лексики русских говоров. В словарном составе русских говоров, как и в любом естественном языке, существуют древние и новые слова. Древнейшие пласты лексики восходят к общеславянскому единству, нередко имеют соответствия в других индоевропейских языках. Таковы многие термины родства и древнейших социальных установлений (*мать, отец, род, племя*), названия животных и растений (*волк, зверь, дуб, дерево*), природных явлений (*осень, буря, вода*), частей тела (*рука, бедро*), термины старых форм земледелия и скотоводства (*овес, горох, свинья*), многие названия поселений, построек, орудий труда, бытовых предметов, отвлеченных понятий, действий и качеств.

§ 150. Пополнение словарного состава русского языка и его говоров в процессе исторического развития исконных элементов словаря. На протяжении веков словарный состав русского языка и его говоров постоянно пополнялся новыми лексическими единицами прежде всего за счет производных слов разных моделей. Так, к древнерусскому периоду появились слова *погост, долгота, держава, сухмень, гниль, заросль*, сохранившееся в диалектах слово *копань* и др.

В старорусский период появляются слова с некоторыми продуктивными суффиксами, причем новообразования эти часто локализованы. Так, в Северном наречии и в среднерусских говорах среди многочисленных названий места, на котором находятся дом с хозяйственными постройками, огород, сад, есть несколько рядов слов с корнем *-двор-*. Ряды эти являются префиксально-суффиксальными образованиями с разными префиксами и суффиксами: *удворина, одворина, ободворина, подворина (одворица, ободворица; удворок, одворок, ободворок, издворок, сдворок)* и беспрефиксное: *двори́на* и др. Эти ряды слов образуют ареалы на основе

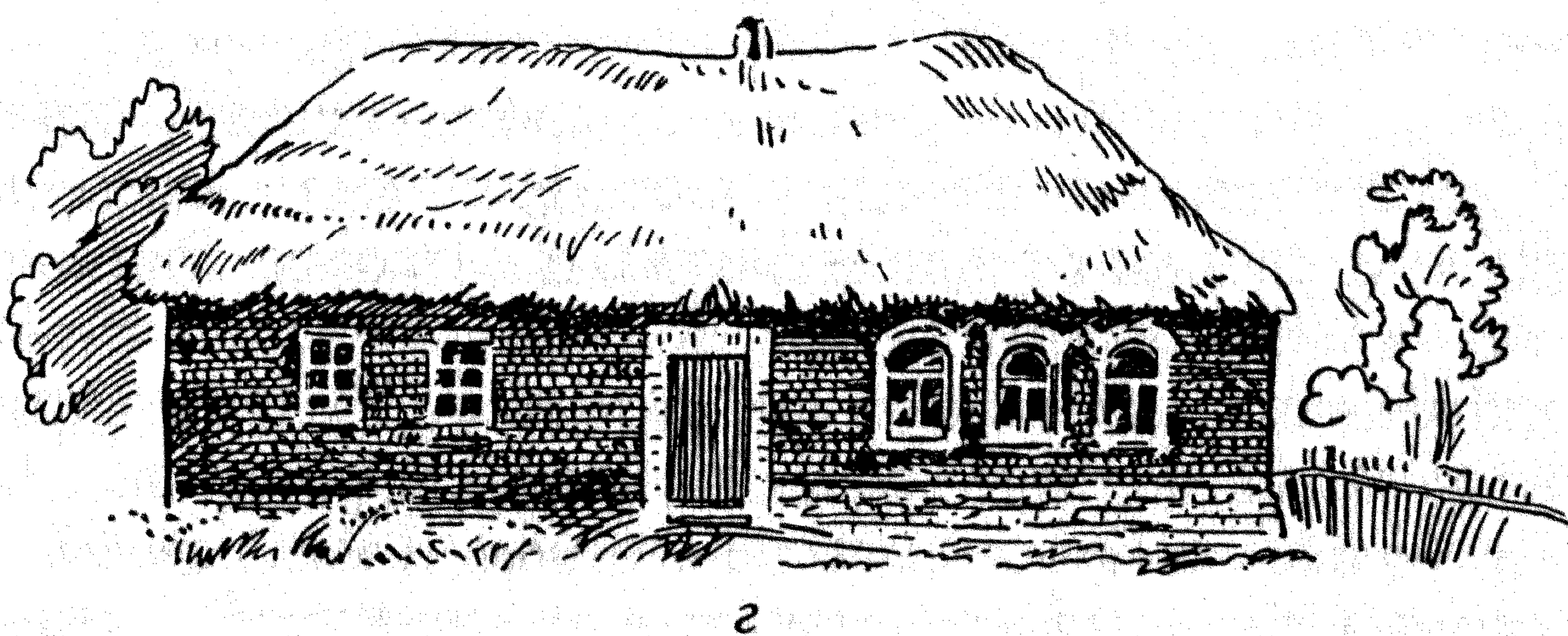
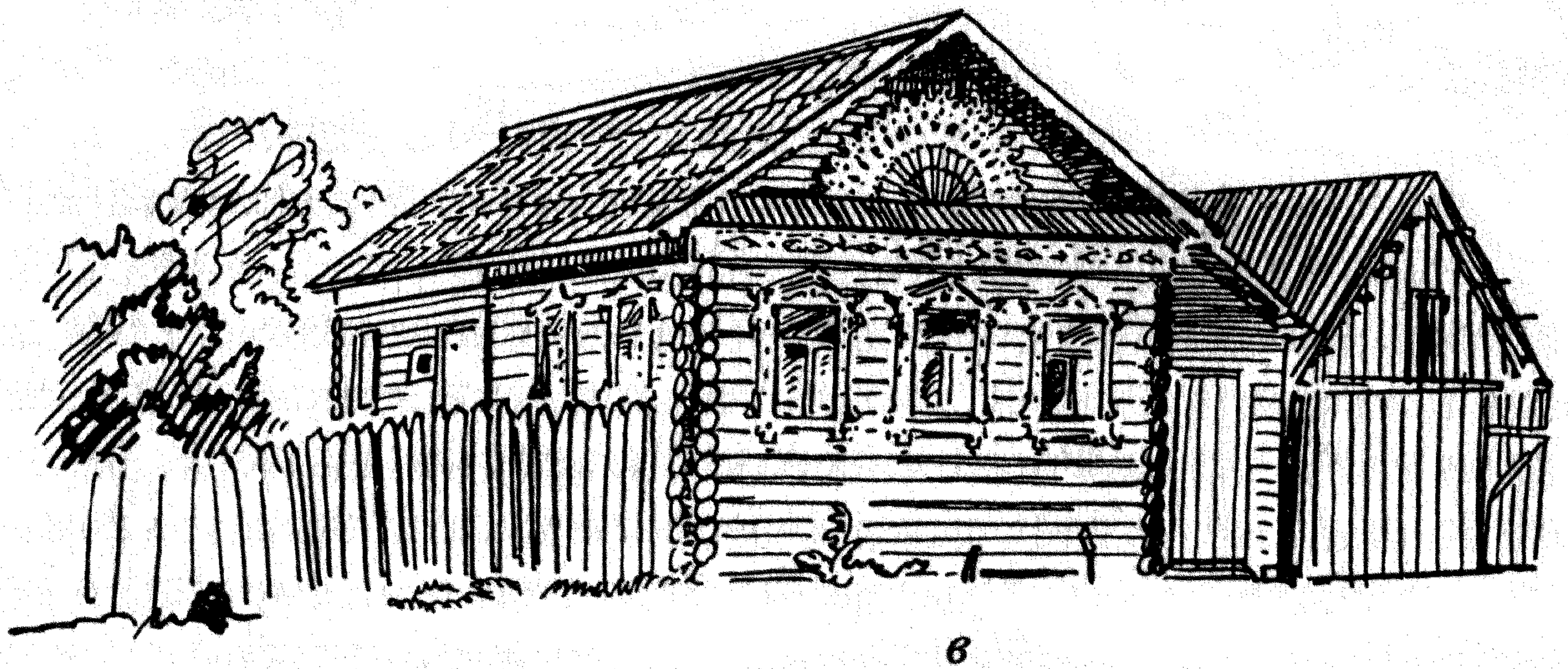
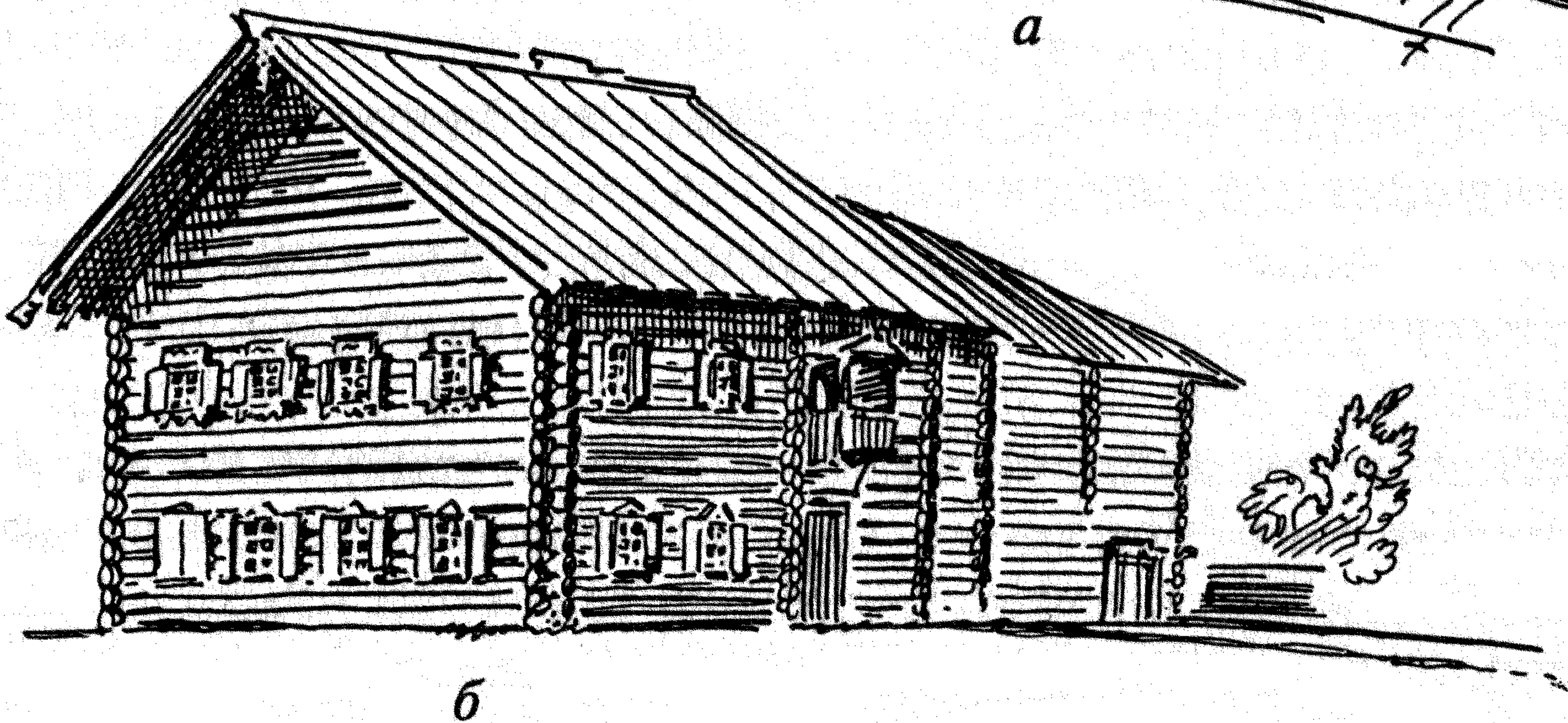
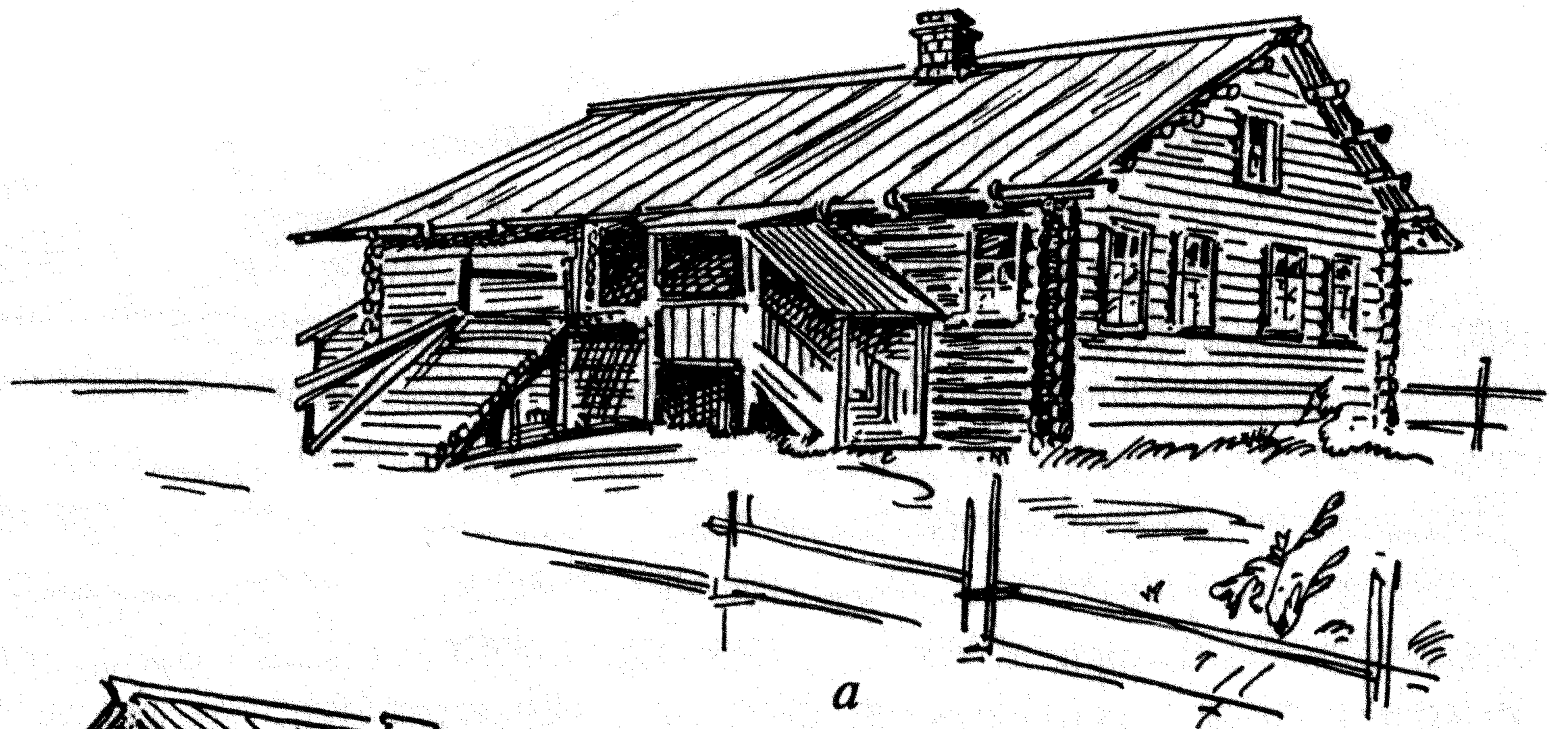

Рис. 8. Типы крестьянской постройки:

а, б — севернорусский тип постройки; *в* — среднерусский тип постройки;
г — южнорусский тип постройки

общности суффикса. При этом каждое слово в пределах таких ареалов также локализовано. Возникновение всех этих слов связано с хозяйственным освоением земледельцами вновь заселенных земель Севера, на которых вырубались леса, создавались пашни и огороды, где поэтому становилось важным различать ближние и отдаленные угодья. С этим процессом связано появление в некоторых севернорусских говорах таких названий земельных участков, как *чисть*, *подсе́ка*, *ни́ва*, *ре́пище*, и других земледельческих терминов.

Диалектные различия возникали в результате выпадения слов из литературного языка. Так, слово *кут*, о значениях которого говорилось выше, еще в XVIII в. употреблялось в литературном языке в значении 'угол (внутренний)', а затем вышло из употребления и стало диалектным. Стало диалектным слово *корёц*, утратившее ряд значений, в которых оно было известно по памятникам старорусской письменности. В современном Южном наречии и в некоторых говорах Северо-Западной зоны оно сохранилось в значении 'ковш'.

§ 151. Пополнение словарного состава русского языка и его говоров путем заимствований из других языков. Важным источником пополнения словарного состава русского языка и причиной многих диалектных различий являются заимствования из других языков. В говоры русского языка заимствования из разных источников стали проникать с самых ранних периодов формирования великорусской народности. В говорах Северного наречия много заимствований из разных угрофинских языков, например, *лы́ва* 'лужа', *мя́нда* 'мелкий сосновый лес', *кули́га* 'участок'; а в южных говорах встречаются украинские заимствования — *лан* 'надел земли', *лева́да* 'выгон' и др., а также заимствования из польского и балтийских языков. На территориях позднего заселения контакты с иноязычным местным населением, приводящие к заимствованиям лексики разных тематических групп, относящихся к актуальным в хозяйственном отношении объектам наименования, образовали за последние столетия значительную часть диалектных различий.

Важным источником заимствований для русского языка с древних времен был старославянский язык. В говорах, относящихся к разным наречиям, к разным группам, выявляется порой довольно значительное число старославянизмов. Известно, что во многих случаях в литературном языке уже давно произошла дифференциация неполногласных и полногласных параллелей — семантическая (*власть* — *волость*, *глава* — *голова*, *прах* — *порох*) или стилистическая (*град* — *город*). Для говоров, заимствовавших эти слова из книжного языка, такая дифференциация не характерна, в них некоторые пары слов становятся дублетами. Например, в воронежских говорах отмечены пары *здрáвый* и *здорóвый*, *нездрáвый* и *нездорóвый*, *дрéво* и *дéрево* в совершенно одинаковых функциях. Кро-

ме неполногласных форм известны и другие старославянизмы, которые утрачивают в говорах элементы значения или стилистической окраски, свойственные им в литературном языке, например, слова с приставкой *воз-* — *возлюб́ить* — ‘полюбить’; *воссия́ть* — ‘засиять’; *возраста́ть* — ‘расти’.

§ 152. Значение заимствований из литературного языка для развития лексики русских говоров в современных условиях. Заимствования из литературного языка — основной источник изменений лексического состава русских говоров за последнее столетие. Если исконные пласты общерусской лексики свидетельствуют об образовании литературного русского языка на народной основе, то огромное количество заимствований из литературного языка, в том числе и слов, едва появляющихся в самом литературном языке, говорит об актуальности влияния последнего на диалекты в современных условиях. Его воздействие ведет к нивелировке диалектных различий. Однако в отдельных случаях заимствования из литературного языка не устраняют диалектное различие, а меняют отношения между лексическими единицами в системе говора.

СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ ГОВОРОВ

§ 153. Полисемия, омонимия, синонимия и антонимия. В лексике говоров наблюдаются те же явления, которые характеризуют любую языковую систему: полисемия, омонимия, синонимия, антонимия.

1. Полисемию, или многозначность, образуют семантические варианты одного слова, его значения. В речи они наделены разными функциями и находятся в отношениях дополнительного распределения, т. е. не могут взаимозаменять друг друга в одном и том же контексте без изменения его смысла.

Многозначными в говорах чаще бывают общенародные слова, так как значительная часть собственно диалектной лексики отличается дифференцированностью наименований, она близка к терминам. В современных условиях многозначность возникает и под влиянием литературного языка, когда в говорах кроме своего диалектного значения появляется значение слова, свойственное литературному языку. Например, у слова *погода* при диалектном значении ‘ненастье’ появляется значение ‘состояние атмосферы’.

2. Омонимию определяют как семантические отношения внутренне несвязанных, немотивированных значений, выражаемых одной звуковой формой. Омонимы, являясь разными словами, могут представлять разошедшиеся значения, восходящие к вариантам одного слова, могут быть образованиями от разных корней, совпавшими по звуковой форме, или однокоренными от разных основ. В говоре д. Деулино отмечены, например, такие омони-

мичные пары: *дор* 'приданое невесты' от того же корня, что и в глаголе *дарить* (с измененным корневым гласным) и *дор* 'мусор в виде щепок, стружек и под.', однокоренное с глаголом *драть*; прилагательное *дворной*, употребляемое как определение (*мои дворные ласточки*) и субстантивированное прилагательное: *дворной* 'дух, живущий во дворе, домовый' — слова одного корня, но разошедшиеся по значению и относящиеся к разным частям речи. К разным корням восходят омонимы *борона*¹ 'сельскохозяйственное орудие' и *борона*² 'ссора, брань'. Омонимами являются и слова *заплата*¹ 'заплата' и *заплата*² 'оплата за труд'. Омонимы *казенка*¹ 'деревянная пристройка к русской печи' и *казенка*² 'казенная винная лавка [в дореволюционной деревне]' представляют образования от разных основ: первое — уменьшительное от *казна* (прежде в ней был ход в подполье — помещение для хранения чего-либо); второе — свернутое из составного наименования. Среди причин возникновения омонимичных пар можно назвать появление в говоре заимствований, в том числе и из литературного языка, совпадающих по звуковой форме с исконными словами, например, *бунт*¹ 'драка, скандал' — *бунт*² 'груда, куча'; *банка*¹ 'банка' [посуда] — *банка*² 'сбербанк' и 'сберкнижка'.

3. **Синонимия** — способность языка выражать одно и то же содержание разными средствами — проявляется на лексико-семантическом уровне в том, что язык располагает большим количеством синонимов — слов, тождественных или близких по значению.

Синонимам в языке свойственны различные функции — семантические и стилистические. Стилистические функции синонимов (функция оценки и эстетическая функция) в современных говорах осуществляются своеобразно благодаря взаимовлиянию говоров и воздействию литературного языка, которое стало особенно интенсивным во второй половине XX в. Включение в синонимические ряды слов из других говоров и литературного языка приводит к перестройке отношений между его членами, что можно видеть на примере рассмотренного выше синонимического ряда со значением 'много' (§ 141). В нем перестройка отношений между членами связана с былой многозначностью некоторых из них и появлением в синонимическом ряду наречия *полно* в значении 'много (только по отношению к предметам)', тогда как первоначально значение множественности в этом слове было обязательно связано с заполненным объемом (*в банке полно воды*). Утрачивая этот элемент значения, наречие *полно* становится дублетом слова *дивно*, вследствие чего слово *дивно* выходит из употребления, оставаясь только в речи старшего поколения. Самым же употребительным является стилистически нейтральное наречие *много*, которое не имеет никаких ограничений в сочетаемости.

Синонимия связана с полисемией благодаря тому, что многозначное слово в разных своих значениях (вариантах) бывает чле-

ном разных синонимических рядов. Например, в нарымском говоре Томской области слово *сильный* входит в три синонимических ряда, поскольку у него здесь обнаруживаются соответствующие значения: 1. *богатый*¹ — *черноземный* — *сильный*¹ — *урожайливый* 'плодородный' [о земле]; 2. *богатый*² — *сильный*² — *крепкий* 'состоятельный' [о хорошем хозяине]; 3. *сильный*³ — *могутный* — *становитый* — *дюжой* 'сильный' [о человеке, животном, машине].

4. Антонимия — это семантические отношения между словами, противоположными по значению. С синонимией ее сближает то, что антонимические противопоставления как бы выстраиваются в соотносительные синонимические ряды. Соотносительность таких рядов лишь приблизительная. В диалектах это прослеживается столь же хорошо, как и в литературном языке. Например, в говоре д. Акчим такие синонимические ряды антонимов образуют наречия со значением 'много' и 'мало'. К наречию *много* относятся его синонимы *дивно* — *людно* — *грудно* — *полно*; к наречию *мало* — синонимы *немного* — *немножко* — *маленько* — *маленечко*. В значении этих слов и в отношениях между ними в каждом ряде существуют различия: слово *дивно* относится к предметам, *людно* — к людям; *грудно* означает 'много и близко друг к другу', употребляется по отношению к предметам и животным; *полно* в значении 'много' относится преимущественно к предметам. Наречия со значением 'мало' выражают главным образом разную степень небольшого количества. Так, слово *мало* прямо сигнализирует об этом, а наречие *немного* — через отрицание *не*, т. е. указывает на недостаточность множества: *немножко* кроме указания на небольшое количество имеет эмоциональный элемент, так же как и *маленько* и в еще большей степени *маленечко*.

§ 154. Влияние литературного языка — основной фактор перестройки лексических систем говоров. Влияние литературного языка и соседних диалектов — значительный фактор перестройки лексических систем говоров, увеличения числа лексических единиц. В последние десятилетия во многих тематических группах происходит замена: исконные слова исчезают, в диалектную систему входят новые слова. Так, например, многое изменилось в сельскохозяйственной терминологии. С изменением форм ведения хозяйства забываются названия старых, вышедших из употребления предметов, новые формы — сельскохозяйственные машины, оборудование лабораторий, наглядные пособия по разным отраслям сельскохозяйственного производства входят в жизнь вместе со своими наименованиями.

Что касается нетерминологической лексики, то она также подвергается воздействию литературного языка, но, отражая устную форму существования говора, усваивает слова литературного языка, не утрачивая сразу исконных слов. Поэтому во многих тематических группах она характеризуется дублетностью, многочленно-

стью синонимических рядов, обилием слов с формальными признаками экспрессивных элементов, но с ослабленной экспрессивностью. Так, синонимические ряды, характеризующие человека по различным качествам, включают абсолютные и относительные синонимы, много лексических единиц с экспрессивной окраской. При этом слово, заимствованное из литературного языка, может быть наименее экспрессивно окрашенным. Так, о болтливой женщине в говоре д. Деулино говорят: *болту́нья, лепни́ца, ляпалка, дор-моза́, тормоза́, дребезга́, красноба́йка, пустогра́йка*. Много таких синонимических рядов наблюдается в глаголах. Например, в том же деулинском говоре отмечены синонимические ряды со значениями: 'есть' — *есть* — *жрать* — *мо́мнить* — *трéскать* — *куса́кать*; 'наесться' — *набула́ниться* — *налупи́ться* — *нагвозди́ться* — *наму-лы́ндиться* — *наниза́ться* — *натрéскаться*; 'болтать, излишне много говорить о несущественном' — *глаголить* — *дребезжать* — *дрозить* — *балакать* — *лалакать* — *краснобаять* — *гамчить* — *балабо-нить*; 'говорить неправду', 'разносить сплетни' — *бла́гостить* — *ту-рурушки перебирать* — *речь переводить* — *навертеть* — *назудеть* — *налопотать*.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

§ 155. Становление русской диалектной лексикографии. Лексические богатства русских говоров — объект диалектной лексикографии. Собираение диалектной лексики началось давно. Уже в первой половине XIX в. стали издаваться небольшие словарики местных слов. Областные слова собирались филологами и краеведами, этнографами и учителями. Материалы эти появлялись в качестве приложений к этнографическим и краеведческим очеркам, описаниям путешествий, попадали в газеты и журналы. Значительная их часть хранилась в научных архивах.

Первое сводное научное издание диалектной лексики — «Опыт областного великорусского словаря» под редакцией А. Х. Востокова и А. И. Коркунова. Он был подготовлен Академией Наук и вышел из печати в 1852 г. В 1858 г. появилось «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря». В эти словари было включено более 40 тысяч слов. Вскоре после этого начал издаваться «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля в 4 томах — капитальный труд, включающий свыше 200 тысяч слов, неоднократно переиздававшийся впоследствии. В конце XIX — первой трети XX в. появились словари, посвященные областной лексике отдельных диалектов: «Словарь областного архангельского наречия» А. О. Подвысоцкого, «Словарь областного олонекского наречия» Г. И. Куликовского, «Материалы для объяснительного словаря вят-

ского говора» Н. М. Васнецова, «Смоленский областной словарь» В. Н. Добровольского, «Донской словарь» А. В. Миртова.

С середины XX в. начинается особый подъем диалектной лексикографии. Работа организуется во многих научных центрах. Уже изданы и продолжают выходить словари многих областей: Архангельской, Мурманской, Вологодской, Кировской, Пермской, Псковской, Новгородской, Тверской, Ярославской, Смоленской, Брянской, Орловской, Новосибирской, Иркутской; других регионов России: Карелии, Нижней Печоры, Русского Севера, Подмосковья, Рязанской Мещеры, Мордовии, Среднего Урала, Дона, Среднего Приобья, Красноярского края, Кузбасса, Прибайкалья, Забайкалья, Приамурья, Камчатки, Сибири и др. В Одесском государственном университете Украины подготовлен и издан «Словарь русских говоров Одесщины».

В отдельных научных коллективах работа по составлению словарей началась позднее, там собираются материалы, создаются картотеки, отрабатывается методика.

§ 156. Характеристика основных типов русских диалектных словарей. Составители областных словарей по-разному подходят к задаче создания того или иного лексикографического труда. Большинство областных словарей содержит только диалектные лексические единицы. Такой принцип составления диалектных словарей называется **д и ф ф е р е н ц и а л ь н ы м**.

В некоторых словарях взят за основу принцип **п о л н о т ы**, заключающийся в том, что в словаре приводится вся зафиксированная в говорах лексика, независимо от ее диалектной или общерусской принадлежности. Таков, в частности, «Псковский областной словарь с историческими данными», задуманный известным лексикологом Б. А. Лариным. В этот словарь включены также диалектные слова, извлеченные из письменных источников — не только памятников письменности с древнейших времен, но и из различных опубликованных и неопубликованных материалов XIX—XX вв. Словарь интересен еще и тем, что в нем при некоторых словарных статьях даны лингвистические карты, на которых показана территория распространения названий предметов (например, *багульник*) или вариантов и значений отдельных слов (*баркан, бор* и др.).

Для большинства областных словарей материал собирается путем непосредственного наблюдения диалектной речи в процессе разговора с ее носителями. Для этого организуются экспедиции, в которых участвуют преподаватели и студенты вузов. Так осуществлялся сбор материала, в частности, для «Архангельского областного словаря», составляемого в МГУ под руководством О. Г. Гецовой. Это наиболее представительный региональный дифференциальный словарь, включающий около 180 тысяч слов.

Для «Словаря русских донских говоров» живой диалектный материал тоже специально собирался, но кроме него в словарь вклю-

чены и все данные «Донского словаря» А. В. Миртова и иллюстрации из художественных произведений, отражающих местную лексику (например, М. А. Шолохова).

Иной замысел лег в основу «Словаря русских народных говоров», главные редакторы которого Ф. П. Филин и Ф. П. Сороколетов. Это словарь, включающий диалектную лексику, извлеченную из относящихся к самым различным областям письменных источников XIX—XX вв., как опубликованных, так и архивных. В него входит около 240 тысяч слов. В первом выпуске словаря, составленном Ф. П. Филиным, содержатся обширные списки источников разных типов. Этот словарь, подобно «Опыту областного великорусского словаря» и словаря В. И. Даля, охватывает всю территорию, заселенную русскими в пределах России.

«Толковый словарь живого великорусского языка», материалы для которого В. И. Даль собирал в течение долгих лет во время своих многочисленных поездок по России, имеет свою специфику. Автор не ограничивался диалектной лексикой, а включал в словарь общерусскую и литературную лексику. В. И. Даль построил словарь по так называемому алфавитно-гнездовому принципу: в нем в одной словарной статье объединены однокоренные слова, что несколько затрудняет его использование. Этот словарь, представляя собой тип полного словаря, содержащего сведения по всей территории России, интересен еще и тем, что в нем толкования значений слов богато иллюстрированы примерами из устной речи, поговорками и пословицами. В нем сохранены многие факты живой русской речи середины XIX в. Третье издание словаря вышло в 1903 г. уже после смерти В. И. Даля под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ, который пополнил словарь многими новыми словами и вынес слова, данные в гнездах, в общий алфавитный список.

Кроме словарей, включающих материал по всем наречиям и говорам, и словарей, посвященных лексике отдельных диалектов (или областей), существуют словари одного говора. Первый из таких словарей был издан в 1969 г. — это «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» под редакцией И. А. Оссовецкого. Это словарь дифференциального типа, однако принцип дифференциальности применяется авторами лишь как практический прием отведения слов, в которых собирателям по разным причинам не удалось подметить и зафиксировать отличия от соответствующих литературных. По мнению авторов, все слова говора в каком-либо отношении отличаются от литературных, и задача лексикографов обнаружить эти отличия. Словарь содержит сведения не только о значениях слов, но и о их сочетаемости, стилистической окраске. В Деулине могут, например, сказать не только *весь в грязи*, но и *весь в костюме*, *весь в сапогах*, не только *дать приказ*, но и *дать укол*, *дать привет*. Слова *древо*, *младость* не относятся в говоре

деулинцев к высокому стилю, как в литературном языке, а слова *кажрый, сродственник* не имеют, как в литературном языке, просторечной окраски.

«Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области», главный редактор которого Ф. Л. Скитова, составлен на материале многолетних наблюдений над лексикой говора одной деревни. Таков же и «Вершининский словарь», главный редактор которого О. И. Блинова. Он охватывает лексику и фразеологию говора с. Вершинино Томского района Томской области. Это полные словари, включающие всю зафиксированную лексику говора, диалектную и недиалектную. Словари одного говора представляют богатейший источник изучения внутрисистемных отношений, динамики диалектной речи, процессов, происходящих в говорах в современной языковой ситуации.

Особый тип представляют словари одного диалектоносителя: «Диалектный словарь личности», составленный В. П. Тимофеевым по наблюдениям за языком уроженки д. Усольцево Шатровского района Курганской области, и «Словарь диалектной личности» В. Д. Лютиковой, отражающий активную лексику жительницы с. Кодского Шатровского района Курганской области. Словари составлены по дифференциальному принципу. Составители пытались установить, в какой степени словарь языка одного человека отражает черты словаря того коллектива, той общности, к которой он принадлежит.

Среди аспектных словарей, характеризующих лексику с различных точек зрения, «Экспрессивный словарь диалектной личности» Е. А. Нефедовой, где отобраны слова, записанные от жительницы д. Судрома Вельского района Архангельской области. В семантике этих слов содержится компонент интенсивности, образности, эмотивной окрашенности, особой коннотации, прагматики (выраженного в слове отношения к собеседнику, сообщаемому или ситуации общения). Включены также индивидуальные слова, созданные этим диалектоносителем.

Несколько аспектных словарей основаны на материалах говоров Среднего Приобья: «Словарь некоторых иноязычных слов в говорах средней части бассейна р. Оби», составленный В. В. Палагиной; «Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья» О. И. Блиновой, В. В. Палагиной, С. В. Сыпченко, «Мотивационный диалектный словарь (говоры Среднего Приобья)» под редакцией О. И. Блиновой, в котором представлены словообразовательные отношения различных типов; «Словарь образных слов и выражений народного говора» под редакцией О. И. Блиновой, включающий образные слова, метафоры, сравнительные обороты и фразеологизмы, свойственные речи русских старожилов Среднего Приобья.

Историческим словарем является лексикографическое описание русских говоров Сибири в начальный период их формиро-

вания — «Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII—первой половины XVIII в.», составленный Л. Г. Паниным главным образом по памятникам деловой письменности. Среди источников «Фразеологического словаря русских говоров Сибири» под редакцией А. И. Федорова данные современных говоров и диалектологические записи сибирской речи, сделанные разными исследователями в XIX—начале XX в. Говоры особой конфессиональной группы отражены в «Словаре говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» под редакцией Т. Б. Юмсуновой.

Обратные словари служат хорошим пособием по словообразованию, анализу диалектной лексики с точки зрения принадлежности к разным морфологическим классам, например, «Опыт обратного диалектного словаря» под редакцией М. П. Янценецкой, «Инверсионный индекс к Словарю русских народных говоров», составленный Ф. П. Сороколетовым и Р. В. Одековым под редакцией Ф. Гледни.

Дополнительная литература

Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период. — Саратов, 1967.

Блинова О. И. Русская диалектология. Лексика. — Томск, 1985.

Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части России / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. 3. Синтаксис. Лексика. — М., 1996; — Минск, 1997; — М., 2004.

Ивашко Л. А. Очерки русской диалектной фразеологии. — Л., 1981.

Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология. — М., 1979.

Оссовецкий И. А. Лексика современных русских народных говоров. — М., 1982.

Пособие-инструкция для подготовки и составления региональных словарей. — М., 1960.

Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. — М., 1964.

Федоров А. И. Сибирская диалектная фразеология. — Новосибирск, 1980.

Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. — Л., 1987.

§ 157. Общие сведения о предмете лингвогеографии. Диалектологию на современном этапе нельзя представить себе без применения в ней метода картографирования языковых фактов. Разработка этого метода привела к созданию особой отрасли диалектологии — лингвогеографии, науки о закономерностях в территориальном распространении языковых явлений. Лингвистическая география — наука относительно новая. Она возникла в Европе в конце XIX в. Немецкий ученый Г. Венкер и французский лингвист Ж. Жильерон стали инициаторами специального лингвистического обследования территории с целью последующего представления собранного диалектного материала на географических картах. С именами этих ученых связаны первые достижения лингвогеографии, им принадлежат и формулировки ее основных понятий.

Толчком к широкому применению методов лингвистического картографирования во многом послужила оживленная научная дискуссия того времени о существовании границ между отдельными диалектами. Накопленный диалектный материал показывал, что границы отдельных диалектных черт часто не совпадают друг с другом. Это приводило к неверной мысли о том, что диалектов как самостоятельных территориальных единиц не существует. Споры по этому вопросу могли быть решены только систематическим картографированием множества отдельных языковых явлений. Такое положение привело в конечном счете к идее создания диалектологических атласов как собрания лингвистических карт, каждая из которых посвящена отдельному языковому явлению. С этой идеей и связывается выделение лингвистической географии в самостоятельную дисциплину, объектом которой является установление границ территориального распространения языковых явлений.

Однако картографирование языковых фактов не является самоцелью. Их географическое распространение отражает закономерности развития языка и является источником данных об истории и особенностях строения его территориальных диалектов. В террито-

риальном распределении языковых фактов отражается и судьба самих носителей языка, история народа, культурные, политические и социально-экономические отношения населения в прошлом.

Задачи лингвогеографии как науки поэтому далеко выходят за рамки простого картографирования, которое лишь дает в руки исследователей систематизированный и наглядно представленный на картах материал. Содержательной же стороной этой науки является комплексное изучение языковой информации, заключающейся в лингвистических картах, в связи с данными истории языка и историей народа.

§ 158. Лингвистические атласы. Сконца XIX века диалектологические атласы стали создаваться во многих странах мира. В числе первых был «Лингвистический атлас Франции» (авторы Ж. Жильерон и Э. Эдмон), который с 1903 г. начал уже издаваться в Париже.

При всем многообразии подходов к картографированию материала в диалектологических атласах разных языков работа над ними базируется на некоторых общих установках. Основные из них следующие.

Сбор языкового материала производится по специально разработанной для атласа программе. Сельские населенные пункты обследуются все либо, чаще, по более или менее густой сетке. Собираение материала ведется, как правило, лицами, имеющими специальную лингвистическую подготовку (от студентов до профессоров), путем непосредственных наблюдений над говорами и записи материала в единой фонетической транскрипции. Иногда допускается анкетный метод, ориентированный на сельскую интеллигенцию. Материал собирается в относительно сжатые сроки, так как имеется в виду синхронность собранных данных.

Каждая карта атласа строится обычно на материале, собранном по определенному вопросу программы. Поэтому характер вопросов программы во многом предопределяет и содержание карт. Сами программы и способы картографирования в диалектологических атласах разных языков могут существенно различаться.

Лингвистические атласы отдельных языков (или диалектологические атласы) представляют структуру диалектных систем на определенный момент времени, дают синхронный срез языка в его территориальной проекции. Атласы содержат бесценный материал для решения самых разнообразных задач как синхронного, так и, в первую очередь, исторического языкознания. Поэтому создание диалектологического атласа всегда является мощным толчком для дальнейшего изучения языка, на многие годы определяющим прогресс национального языкознания.

Кроме атласов отдельных национальных языков создаются и атласы более специализированного характера, например, атласы отдельных регионов распространения языка вне основной терри-

тории его бытования, атласы, посвященные узкой проблематике: фонетические, лексические с детальной разработкой определенного круга семантических отношений, атласы распространения тех или иных словообразовательных моделей и др.

По охвату языкового материала лингвистические атласы могут выходить за пределы диалектов одного языка и представлять на своих картах данные по географии языковых явлений в масштабах родственных языков, например, «Общеславянский лингвистический атлас» или «Атлас тюркских языков», а также и языков неродственных, как «Лингвистический атлас Европы» или «Карпатский лингвистический атлас». Все они представляют собой грандиозные работы, демонстрирующие плодотворность международного сотрудничества в сфере науки. Их значение неопределимо для разработки проблем происхождения языков, истории межъязыковых контактов, а также вопросов типологии применительно к языкам разной степени близости.

§ 159. Развитие лингвогеографии в России. В России еще в середине XIX в. была осознана необходимость географического изучения диалектных данных. И. И. Срезневский в своих «Замечаниях о материале для географии языка» (1851 г.) говорил о «первой насущной потребности науки — составлении языковой карты». Сторонником этого метода был и А. И. Соболевский, настаивавший на необходимости изучения территориального распространения отдельных языковых явлений.

Первые практические шаги в этой области связаны с именем А. А. Шахматова, под руководством которого была разработана «Программа для собирания особенностей народных говоров» (В 2 ч. — изданы в 1895, 1896 г.). В ней нашли свое отражение все известные к тому времени диалектные особенности русского языка в области фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики. Публикация собранного по этой программе материала дала значительный импульс к изучению территориальных различий русского языка.

Работа, нацеленная непосредственно на картографирование, началась в 1903 г., когда при Академии Наук под председательством Е. Ф. Корша была создана Московская диалектологическая комиссия (МДК), просуществовавшая до середины 1930-х гг. В число ее членов в разное время входили такие ученые, как Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушаков, Е. Ф. Корш, И. Г. Голанов, Р. И. Аванесов. Комиссией была разработана и распространена «Программа собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка». Построенная с учетом прежних, эта программа была менее громоздка и отличалась лучшей организацией материала. В особенности удачно и детально была в ней разработана фонетика. На основе собранного по этой программе (главным образом анкетным путем) материала члены МДК Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков подготовили и в 1915 г. опубликовали

«Диалектологическую карту русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии». Эта работа в истории русской лингвогеографии стала этапной. На карте МДК впервые были очерчены территории распространения трех восточнославянских языков — русского («великорусского»), украинского («малорусского») и белорусского и показано их внутреннее диалектное членение. Для русского языка выделились территории двух основных наречий — Северного и Южного, а между ними определилась полоса среднерусских говоров.

Однако при всем положительном значении «Опыта», карта МДК, построенная с учетом распространения всего нескольких, по преимуществу фонетических, черт, страдала схематизмом. Связанная с этим условность выделения на ней диалектных подразделений с самого начала вызвала критическое отношение А. И. Соболевского и ряда других ученых, считавших необходимым уточнение ее данных на основе картографирования множества отдельных языковых явлений. Тем самым утверждалась мысль о необходимости создания диалектологического атласа русского языка.

§ 160. Диалектологический атлас русского языка. Его теоретические основы. Подготовительные работы по созданию диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ) начали вестись со второй половины 30-х гг. в Ленинградском Отделении АН СССР. Здесь был составлен «Вопросник для создания диалектологического атласа русского языка» (1936 г., авторы Б. А. Ларин, Ф. П. Филин, Н. П. Гринкова), началось обследование говоров Северо-Запада и пробное картографирование. Работа, прерванная войной, возобновилась сразу после ее окончания. Центр диалектологических исследований переместился в Москву, где руководителем работ по созданию атласа стал Р. И. Аванесов. Он возглавил и организовал грандиозную по своим масштабам работу по сбору материала для атласа на огромной территории наиболее древнего русского заселения (Центр Европейской части России). В этой работе в 1940—1960-х гг. принимали участие работники филологических факультетов многих вузов страны. Был собран материал более чем из 5000 населенных пунктов по новой, значительно расширенной и переработанной программе («Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка». Ярославль, 1945), заменившей собой довоенный «Вопросник».

Картографирование собранного материала первоначально было проведено в пределах пяти отдельных регионов распространения русского языка. Этот этап работы завершился к 1970 г. Из региональных атласов был издан только один — «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (М., 1957)¹.

¹ Неопубликованные региональные атласы хранятся в рукописном виде в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

В этом атласе разработанная Р. И. Аванесовым теория лингвистической географии была впервые применена на практике к конкретному диалектному материалу.

Разработка теории шла параллельно с накоплением опыта создания лингвистических карт русского атласа. В 1962 г. вышла в свет книга «Вопросы теории лингвистической географии», где были изложены принципы лингвистического картографирования всех уровней языка в понимании Московской школы лингвогеографии (ее авторы: Р. И. Аванесов, С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, Л. П. Жуковская, И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко, В. Г. Орлова). Потребовалось еще десять лет (1971 — 1980 гг.) для обобщения пяти региональных атласов в сводном «Диалектологическом атласе русского языка: Центр Европейской части СССР» (ДАРЯ), который опубликован в 3 выпусках: I — «Фонетика», II — «Морфология», III — «Синтаксис. Лексика».

Работа над ДАРЯ началась в тот период, когда в трудах по лингвогеографии европейских языков еще преобладал эмпирический, атомарный метод. Объектом картографирования были обычно отдельные слова, которые фиксировались на карте (часто просто на ней записывались) с отражением всех особенностей их произношения, без попыток разграничить качественно разные явления, отраженные в варьировании тех или иных элементов слова.

В работах коллектива московских диалектологов с первых шагов стал проводиться системный подход к языку, и прежде всего это отразилось в выборе объекта картографирования. В основу теории лингвистической географии, разработанной в рамках Московской школы, легла теория диалектного различия Р. И. Аванесова, основанная на понимании русского диалектного языка как сложной системы, включающая черты общие и частные, черты единства и различий. Те звенья общей системы языка, в которых по говорам обнаруживаются различия, составляют междиалектное соответствие (см. § 9). Именно междиалектное соответствие и является объектом лингвистической географии, т.е. предметом картографирования на лингвистических картах.

Члены междиалектных соответствий противопоставляются друг другу на карте не однолинейно, а с учетом тех признаков, по которым они объединяются или различаются. «На картах диалектологического атласа, — пишет Р. И. Аванесов, — систематически учитывается, что каждый отдельный факт обычно представляет собой, так сказать, линию пересечения разнокачественных общих и частных диалектных явлений — фонетических, морфологических, синтаксических, лексических. Поэтому задача многих, наиболее сложных лингвистических карт <...> распутать клубок явлений, на линии пересечения которых каждый из этих диалектных фактов встретился, чтобы выделить скрестившиеся в данном кон-

кретном факте отдельные диалектные явления в их структурных связях»¹.

Практическим следствием такого взгляда на объект картографирования стало стремление строить лингвистические карты так, чтобы их «язык», т. е. система употребляемых на них условных обозначений, наиболее полно отражала структуру картографируемых междиалектных соответствий, характер соотношения между собой его членов. Поэтому в методах картографирования не последнее место занимает выработка такой системы употребляемых на карте знаков, где каждый знак карты не просто обозначает один из членов данного междиалектного соответствия, а показывает те связи и противопоставления, в которых этот член находится по отношению ко всем другим членам соответствия, отмеченных другими знаками.

§ 161. Различение языковых уровней при картографировании. При картографировании осуществляется последовательное различение разных уровней языка. Каждая карта посвящена явлению одного уровня. При этом на каждом следующем, более высоком уровне не учитываются (объединяются) те языковые различия, которые связаны с варьированием единиц более низкого уровня. Продемонстрируем это положение на соотношении явлений фонетического и грамматического уровней. Например, в форме твор. п. ед. ч. существительных жен. р. 1-го скл. окончания могут выступать в следующем виде: *ба́б*[ой], *ба́б*[ай], *ба́б*[эй], *ба́б*[уй]. Первые три варианта при картографировании объединяются, так как их различие относится к фонетике (безударному вокализму). На морфологическом уровне все они как формы с фонемой /о/ противопоставят варианту *ба́б*[уй], так как [у] ни в одной из диалектных систем не является регулярным безударным вариантом фонемы /о/, а представляет самостоятельную фонему /у/.

Подобным же образом строятся и отношения между единицами других уровней.

§ 162. Определение круга лингвистических фактов, отражаемых на отдельной лингвистической карте атласа. Важным в теории лингвогеографии является определение круга языковых фактов, подлежащих учету при картографировании того или иного междиалектного соответствия. Этот вопрос также решается в связи с их местом в системе языка. Фонетике свойственны, как правило, регулярные явления, ограниченные лишь фонетической позицией. Они представлены в неограниченном круге слов. Поэтому при картографировании, например, звуков на месте *в* в середине слова перед глухими согласными учитываются любые словоформы, содержащие этот этимологический звук: *травка*, *лавка*, *овса*, *ковшом* и т. д.

¹ Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Вступительные статьи и комментарии. — М., 1957. — С. 16.

В морфологии также обычно явления охватывают все слова данного грамматического класса. Например, [т] твердый или [т'] мягкий в окончаниях 3-го л. представлен одинаково у всех глаголов. Поэтому при картографировании этого признака учитываются любые глаголы, зафиксированные в этой форме: *идёт, едет, сидит, видит, бегут, глядят* и т. д.

Класс слов, в пределах которого представлено в языке то или иное междиалектное соответствие, может включать разное количество единиц, от неопределенного множества (как показано выше) до нескольких слов и даже одного слова. Данная фонетическая позиция может быть представлена в языке всего одним словом. Например, сочетание /жд'/ в конце слова встречается только в слове *дождь*. В морфологии такая ситуация связана обычно с изолированным типом словоизменения, например, склонение слова *путь*. В зависимости от характера языкового явления и карта строится с учетом того круга фактов (слов, словосочетаний и т. п.), которыми это явление представлено в языке.

§ 163. Основные понятия, используемые при анализе лингвогеографических данных. На основе карт атласа решаются многие важные задачи, связанные с изучением синхронного состояния языка, а также с историей его строя и формированием самих диалектов как территориальных общностей разной степени близости.

Но чтобы эти задачи решать, необходимо умение читать карту, понимать ее «язык», анализировать ее содержание.

Основным понятием лингвогеографии является *изоглосса*. Изоглоссой называют линию на карте, ограничивающую территорию распространения отдельного языкового явления или члена междиалектного соответствия. Если члены междиалектного соответствия полностью исключают друг друга на одной территории, то изоглосса является одновременно и границей распространения разных членов междиалектного соответствия. На практике в русских говорах такая ситуация встречается редко. Приближаются к такому территориальному разграничению членов междиалектного соответствия изоглоссы [г] и [γ], оканья и аканья, форм твор. п. мн. ч. существительных на *-ами* и *-ам*. Обычно же изоглоссы разных членов междиалектного соответствия хотя бы на части территории накладываются друг на друга. При этом между ними образуются *зоны сосуществования* разной величины и конфигурации.

С понятием изоглоссы тесно связано понятие *лингвистического ареала* — территории, ограниченной изоглоссой, на которой распространено данное языковое явление. Совокупность типических ареалов, представленных на картах диалектологического атласа, часто называют *лингвистическим ландшафтом* данного языка.

Конфигурация лингвистических ареалов является объектом специального ответвления лингвогеографии — *ареальной лингвисти-*

ки. Она занимается выявлением типологии ареалов, связывая их конфигурацию с характером самого языкового явления. Например, явления, представленные большими массивами и располагающиеся в центре лингвистического ландшафта — центральные ареалы, связываются обычно с новациями, тогда как явления, располагающиеся на периферии — маргинальные ареалы, представленные разорванными («кружевными») ареалами, связываются с архаизмами. Это направление берет свое начало от работ школы итальянского ученого М. Бартоли. Им было введено понятие ареальной нормы как типа отношения между степенью архаичности или новизны языкового факта и характером ареала.

Изоглоссы разных уровней языка имеют свои характерные особенности. Так, например, изоглоссы типичных фонетических явлений, а также морфологических, если они представляют собой регулярные различия (см. § 9), обычно выделяют более целостные и определенные по своим очертаниям массивы территорий, тогда как с лексическими изоглоссами чаще связывается выделение множества мелких ареалов (лексические междиалектные соответствия чаще бывают многочленными, см. § 143). Именно поэтому выделение крупных единиц диалектного членения опирается главным образом на изоглоссы типичных фонетических и морфологических явлений.

Изоглоссы разных диалектных явлений пересекают территорию распространения языка в самых различных направлениях. Однако в каких-то ее частях изоглоссы, идущие в одном направлении, сгущаются, образуя так называемые пучки изоглосс. Пучок изоглосс сигнализирует о том, что здесь проходит диалектная граница.

Чем больше явлений входит в пучок изоглосс, тем более значительны по своей иерархии единицы диалектного членения, которые он разграничивает. Выделяющиеся такими пучками крупные диалектные массивы в свою очередь пересекаются определенными пучками изоглосс, выделяя в них более мелкие единицы диалектного членения — группы говоров.

Даже самые близкие по своему характеру языковые явления дают некоторое, хотя бы и очень незначительное несовпадение своих границ. Однако наличие между крайними изоглоссами, входящими в пучок, более или менее широкой полосы переходных говоров (или, по терминологии ареальной лингвистики, «зоны вибрации»), не означает, что диалекты не существуют, так как на территориях по обе стороны от пучка изоглосс говоры могут проявлять значительное единство своего строя на всех уровнях системы.

Каждый язык характеризуется только ему присущими особенностями языкового ландшафта. В русском языковом ландшафте наиболее значительный пучок изоглосс, характеризующийся очень большим расстоянием между крайними изоглоссами, разграничи-

вает Южное и Северное наречия. В широкую полосу, образуемую изоглоссами этого пучка, по-существу входят все среднерусские говоры с разнохарактерным сочетанием в разных своих подразделениях признаков обоих наречий.

§ 164. Изучение диалектов методами лингвистической географии. Возможности как синхронного, так и исторического изучения диалектов методами лингвистической географии тесно связаны с принципами построения самих лингвистических карт. Русский диалектологический атлас с его системным подходом к выделению объекта картографирования, расчленением в знаках карты признаков, по которым в диалектах осуществляется противопоставление языковых фактов, раскрывает для такого изучения широкие возможности. В распоряжение исследователей представлен не сырой материал, который еще предстоит осмыслить и классифицировать, а отдельные кирпичики или целые (более или менее крупные) блоки, составляющие структурно вычленимые элементы современных диалектных систем.

Это дает возможность непосредственно из карт (сравнивая их между собой) извлекать информацию о характерных особенностях структуры диалектов. Например, можно увидеть различную степень развитости категории твердости-мягкости согласных в разных типах говоров (большую ее развитость в центральных), заметить различия в фонетическом оформлении флексий (сохранение в них конечных гласных в Северо-Восточной диалектной зоне, ср. формы типа *ма́ти*, *ходи́ти*, *не трóни* и др.), развитие новообразований в области ударения (в говорах Западной зоны) и многие другие явления, ранее или совсем неизвестные, или же не имевшие точных территориальных координат.

Еще значительнее роль лингвогеографических данных для исторического изучения языка.

Хотя карты атласа в своей совокупности дают синхронный срез структуры языка, а созданная на их основе карта диалектного членения представляет собой картину диалектов в том виде, в каком она сохранилась на сегодняшний день, — обе эти разновидности географического способа представления лингвистических данных с успехом могут быть интерпретированы ретроспективно для восстановления истории фонетического и грамматического строя языка и истории формирования его диалектов.

В обоих случаях основное внимание должно быть направлено на интерпретацию изоглосс и установленных на их основе диалектных границ, так как «изоглосса <...> есть результат всего пройденного данным языком исторического пути развития»¹. Неслучайно уже давно было замечено, что диалектные границы, определяе-

¹ Аванесов Р. И. Лингвистическая география и история русского языка // Вопросы языкознания. — 1962. — № 6. — С. 27.

мые пучками изоглосс, часто соотносятся в той или иной мере с границами прежних государственных, феодальных, а иногда даже племенных объединений.

Интерпретация карт с целью изучения языковых явлений в их развитии предполагает поэтому не только обращение к памятникам письменности, отражающим язык соответствующих территорий, но и привлечение конкретных данных истории народа, исторической географии, этнографии, археологии. Характер языкового ландшафта не может быть единственным (и даже главным) критерием при оценке относительной древности языковых вариантов, так как формирование элементов этого ландшафта может происходить не только в результате разных процессов внутреннего развития языка, но и при разных исторических условиях.

Показать конкретный путь развития языкового явления, относительную хронологию появления разных его вариантов, исходя из данных лингвистических карт, можно лишь анализируя соотношение ареалов этих вариантов, сопоставляя их с ареалами других, структурно с ними связанных, явлений, а также учитывая данные памятников письменности, если они имеются. Последние могут быть вехами на пути установления абсолютной хронологии возникновения тех или иных явлений или процессов. В русской лингвистической географии есть уже много удачных опытов такой интерпретации, исходящей из совмещения изоглосс внутренне связанных явлений.

Таким образом, данные лингвистической географии дают возможность отвечать на вопросы, где, как и в какой последовательности появлялись те или иные языковые варианты. Но ответ на вопрос, когда они возникли, могут дать лишь памятники письменности. Многие реконструкции в области истории языка до сих пор остаются гипотетическими из-за отсутствия памятников письменности, которые отражали бы язык разных территорий в различные исторические периоды. Карты диалектологических атласов в этой ситуации становятся для историков языка существенным подспорьем. И хотя они отражают состояние диалектных явлений только в поздний период их развития, но тем не менее дают полную картину всех вариантов каждого языкового явления в его территориальной проекции. Учитывая тот факт, что разные диалектные системы отражают разные стадии и направления развития языкового строя, на лингвистических картах перед нами предстает как бы «диахрония в синхронии». Эту диахроническую информацию нужно только уметь извлекать из лингвистических карт.

Неслучайно поэтому одной из главных задач лингвогеографии на современном этапе является дальнейшая разработка и совершенствование методов исторической интерпретации лингвистических карт.

Дополнительная литература

Аванесов Р. И. Лингвистическая география и история русского языка // Вопросы языкознания. — 1952. — № 6.

Аванесов Р. И. Проблемы лингвистической географии русского языка // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. — М., 1957.

Бромлей С. В. Русский диалектологический атлас как источник изучения русского языка // Диалектология и лингвогеография русского языка. — М., 1981.

Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. Р. И. Аванесова. — М., 1962.

Жирмунский В. М. О некоторых проблемах лингвистической географии // Общее и германское языкознание. — Л., 1976.

Орлова В. Г. К вопросу об интерпретации изоглосс. (На материале диалектологических атласов русского языка.) // Вопросы языкознания. — 1961. — № 1.

ДИАЛЕКТНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 165. Единство русского языка в его говорах. Русский национальный язык представляет собой сложную иерархическую систему, включающую в себя диалекты и литературный язык в его письменной и устной формах. Единство этой системы определяется наличием у всех форм ее существования одной общей основы и характером диалектных различий в русских говорах, которые, будучи соответственными членами одних и тех же звеньев системы, взаимозаменяются и поэтому понятны всем носителям языка, на каком бы диалекте они ни говорили. Кроме того, действие основных тенденций развития фонетического строя русского языка распространяется на все его говоры, хотя и в разной степени. Этому способствует и литературное произношение, корни которого также связаны с образованием и развитием одного из исконных русских диалектов, современным центром которого является Москва.

§ 166. Цели и принципы диалектного членения русского языка. Спецификой диалектологии как лингвистической дисциплины является пространственное определение имеющихся в языке структурно-типологических разновидностей. В диалектологии русского языка первостепенной целью диалектного членения всегда было представление модели национального языка в его территориально-структурных разновидностях, спроецированных на географическую карту.

При одних и тех же целях степень соответствия диалектного языка и карты диалектного членения может быть разной, что зависит от объективных и субъективных причин, а именно: от характера диалектных различий самого языка и от уровня развития науки о них, иначе говоря, от исходного научного материала, лежащего в основе карты, и от принципов его обработки и обобщения.

В настоящее время существуют две карты диалектного членения русского языка с временным промежутком в 50 лет. Возможно также создание других карт на том же материале, основанных или на других принципах использования и обработки исходного

материала, или имеющих иные цели — типологические¹, генетические и др.

§ 167. Диалектологическая карта русского языка 1914 г. Создание в 1914 г. первой карты — «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе», составленной Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым, стало выдающимся научным событием своего времени и имело не только практическое, но и важное теоретическое значение. Этой картой утверждалось наличие в современном языке диалектов как местных разновидностей национального языка. Тем самым создатели карты опровергали распространенное в то время мнение о том, что в языке реальны только изоглоссы отдельных диалектных явлений и нет целостных территорий языковых общностей.

В карту «Опыта...» входила вся территория русского языка в Европе, включая территории позднего заселения, где русское население перемежалось с иноязычным, и территории на севере, где русские селились главным образом вдоль рек, не занимая сплошь всей территории. Кроме того, украинский и белорусский языки в соответствии с взглядами того времени также были представлены на карте в виде наречий русского языка.

Главное внимание было уделено наибольшим лингво-территориальным величинам — наречиям. Наречия русского языка — северновеликорусское (с-в-р) и южновеликорусское (ю-в-р) — выделялись изоглоссами четырех попарно противопоставленных вариантов явлений, один член которых был диалектным, а другой совпадал с русским литературным языком. Явления эти (соответственно для с-в-р — ю-в-р наречий) следующие: оканье — аканье, [г] — [γ], /т/ — /т'/ в окончании 3-го л. ед. и мн. ч. глаголов, /а/ — /е/ в окончании род. и вин. п. местоимений: *меня́, тебя́, себя́* — *менé, тебé, себé*. Каждое наречие характеризовалось своим комплексом этих четырех членов. При этом ю-в-р наречие выделялось сочетанием изоглосс диалектных членов: наличием [γ], /т'/, /е/ (*менé*), а с-в-р наречие — только одним — оканьем, так как соответственные члены остальных явлений совпадали с литературным языком.

Такое диалектное членение неправомерно объединяло окающие говоры, характеризующиеся структурно различными типами вокализма, в одно наречие. Кроме того, такое членение русских говоров отрывало акающие московские говоры от окающих владимирско-поволжских, которые в прошлом имели одну и ту же основу, принадлежа к ростово-суздальскому диалекту. Тем самым роль старых диалектов (в частности, диалекта Ростово-Суздальской зем-

¹ См.: Пшеничнова Н. Н. Типология русских говоров. — М., 1996.

В основу этой типологии положен статистический метод оценки соотношения всех диалектных черт, отмеченных в ДАРЯ.

ли) в диалектном членении современных говоров выпадала из поля зрения исследователей. Одновременно с этим затемнялось лингвистическое значение наречий. Они стали считаться исконными данностями языка, в то время как сами наречия — исторические образования лингвистического плана — возникали в результате взаимодействия диалектов в условиях образования русского государства и русского языка во главе с Великим Московским княжеством при главенстве в нем ростово-суздальского диалекта.

Границы наречий в «Опыте...» определены и описаны очень точно, так как проведены по одной черте: в с-в-р наречии по оканью; в ю-в-р наречии по щелевому [y]. Между с-в-р и ю-в-р наречиями находились акающие среднерусские говоры, которые считались «переходными», имеющими северновеликорусскую основу и южно-великорусское наслоение.

Карта 1914 г. дает линейный характер диалектного членения. При этом вся сложность диалектного языка выражена выделением двух больших лингво-территориальных величин — наречий и переходных между ними среднерусских говоров. Наречия, в свою очередь, делятся на меньшие величины — группы говоров на основе одного признака, разного для каждого из наречий. Это диалектное членение говоров русского языка существенно упрощало реальное соотношение территориально-диалектных объединений и влияло на понимание истории их образования.

§ 168. Диалектологическая карта русского языка 1964 г. Новая карта диалектного членения охватывает русские говоры только на территории исконного поселения восточных славян, где первоначально сформировались русские диалекты и русский национальный язык. В основном эта территория представлена на картах «Диалектологического атласа русского языка». Материалы и карты этого атласа явились основой и источником диалектологической карты русского языка 1964 г.

Анализ карт «Диалектологического атласа...» позволил обнаружить сложный лингво-территориальный ландшафт русского диалектного языка благодаря тому, что соответственные междиалектные члены каждого явления показаны в нем отдельно, аналитически согласно их уровню. Это давало возможность представить характер распространения разноуровневых фактов языка и соотнести их территории между собой. Оказалось, что лишь меньшинство диалектных явлений имеют одиночный, индивидуальный и рассеянный, островной тип территориального распространения. Большинство диалектных явлений имеют повторяющиеся ареалы распространения (хотя полностью обычно не совпадают), которые накладываются друг на друга, пересекаются или взаимно исключаются, создавая сложное переплетение пучков изоглосс.

Этот ареальный тип территориального распространения диалектных явлений и послужил основой для группировки говоров

русского языка. При этом для создания карты диалектного членения был применен дифференциальный принцип отбора материала — брался только диалектный материал, имеющий ареальный характер распространения. Лингво-территориальные объединения выделялись по сумме всех диалектных явлений, присущих каждому ареалу. При этом учитывалась их лингвистическая характеристика и характер пучка изоглосс, выделяющих ареал. В результате было выявлено три типа лингво-территориальных объединений, существующих в русском диалектном языке, их иерархия и взаиморасположение определили характер диалектного членения.

§ 169. Три типа лингво-территориальных единиц: наречия, диалектные зоны, группы говоров. Первый тип лингво-территориального объединения — наибольший по охвату территории. Ареалы этого типа делят всю территорию русского языка на две большие части — северную и южную и образуют Северное и Южное наречия русского языка.

Второй тип лингво-территориальных ареалов — диалектные зоны. Они, так же как наречия, представляют большие территории, объединяющие говоры суммой общих признаков. Всего выделяется восемь диалектных зон.

Третий тип лингво-территориальных объединений — группы говоров. Они представляют относительно мелкие ареалы, которые всегда вписаны в территории наречий и диалектных зон и отделены друг от друга пучками изоглосс диалектных зон.

Три типа лингво-территориальных объединений отличаются не только величиной ареалов, но, главное, иерархическими отношениями.

1. И наречия, и диалектные зоны выделяются по сумме отдельных диалектных черт, структурно между собой не связанных, относящихся к разным уровням языка и объединяющих в своих ареалах разные диалекты. Но при диалектном членении наречия имеют большее значение, так как они являются попарно противопоставленными диалектными объединениями, имеющими в комплексе своих черт одни и те же соответственные явления.

2. Характерной особенностью диалектных зон является их несоотнесенность друг с другом по комплексу явлений. Каждая диалектная зона, хотя территориально и охватывает значительные части Северного или Южного наречий, относится к членению не наречий, а всего русского диалектного языка.

По особому принципу выделена Центральная диалектная зона. Свойственные ее говорам черты звукового и грамматического строя и лексического фонда, характерные и для литературного языка, органически ей присущи и исконны, а не являются усвоенными из литературного языка. Выделение Центральной диалектной зоны имеет принципиально важное значение, потому что на этой территории зарождался собственно русский язык, отличный от дру-

гих восточнославянских языков. Современные различия между говорами на территории Центральной зоны возникли в более позднее время в результате перераспределения феодальных центров на территории Великого княжества Московского. Потому при видимых, бросающихся в глаза различиях между московскими и владимирскими говорами (таких, например, как аканье и оканье) эти говоры имеют много общего в своем звуковом и грамматическом строе и вместе противостоят как акающим говорам Южного наречия, так и окающим говорам Северного наречия.

Присущие говорам Центральной диалектной зоны явления, которыми она противостоит всем другим диалектным зонам русского языка, представляют новообразования древнего Ростово-Суздальского диалекта в области ритмико-динамической структуры слова, звукового и грамматического строя. К ним относятся: пятифонемная система вокализма и отсутствие фонем /ω/ и /ѣ/, наличие [e] на месте /ѣ/, [o] на месте *e, ь перед твердыми согласными, губно-зубные /в/ — /ф/, различение аффрикат /ц/ — /ч/; тип склонения существительных по модели твердой разновидности и др.

Диалектные зоны имеют вспомогательное значение для карты диалектного членения, поэтому они не показаны на основной карте. Они в сочетании с наречиями характеризуют диалектную основу групп говоров, показывая степень их близости между собой. Но значение диалектных зон важно для понимания истории отдельных языковых явлений и истории русского языка в целом. Локализация тех или иных языковых черт на территории отдельных зон указывает на то, что в пределах этих территорий на определенных исторических этапах действовали местные тенденции языкового развития. Ср., например, близость границ Северо-Западной зоны и Новгородской земли до XIV в., Юго-Западной зоны и Великого княжества Литовского, Юго-Восточной зоны и Рязанского княжества. Диалектные зоны свидетельствуют о междиалектных контактах и о путях распространения языковых тенденций. Все это делает диалектные зоны существенным фактом диалектного членения.

3. Группы говоров — главная величина современного диалектного членения. Диалектными явлениями, выделяющими группы говоров, обычно бывают структурные разновидности явлений, представленных в наречиях и диалектных зонах в обобщенном виде, лексико-грамматические и словообразовательные варианты явлений диалектного языка и отдельные лексемы. Главное отличие групп говоров от других типов лингво-территориальных объединений заключается в том, что группы говоров выделены на основе явлений, образующих звенья системы, а не просто сумму признаков. Поэтому именно группы говоров, в которых совокупность всех диалектных и общерусских явлений структурно связана, представляют системы современных диалектов.

§ 170. Характер межзональных говоров. Изоглоссы, выделяющие наречия и диалектные зоны, образуют пучки, имеющие значительные расхождения между собой. Территория, на которой встречаются, пересекаясь, пучки изоглосс и отдельные изоглоссы противоположных диалектных зон, является территорией межзональных говоров. (Межзональные говоры, расположенные между Северным и Южным наречиями, называются также среднерусскими говорами.)

Границами наречий и диалектных зон является условная линия полного совмещения всех ареалов, свойственных им диалектных явлений. Поэтому наречия и диалектные зоны непосредственно не граничат друг с другом: между наречиями лежат среднерусские, а между диалектными зонами — межзональные говоры.

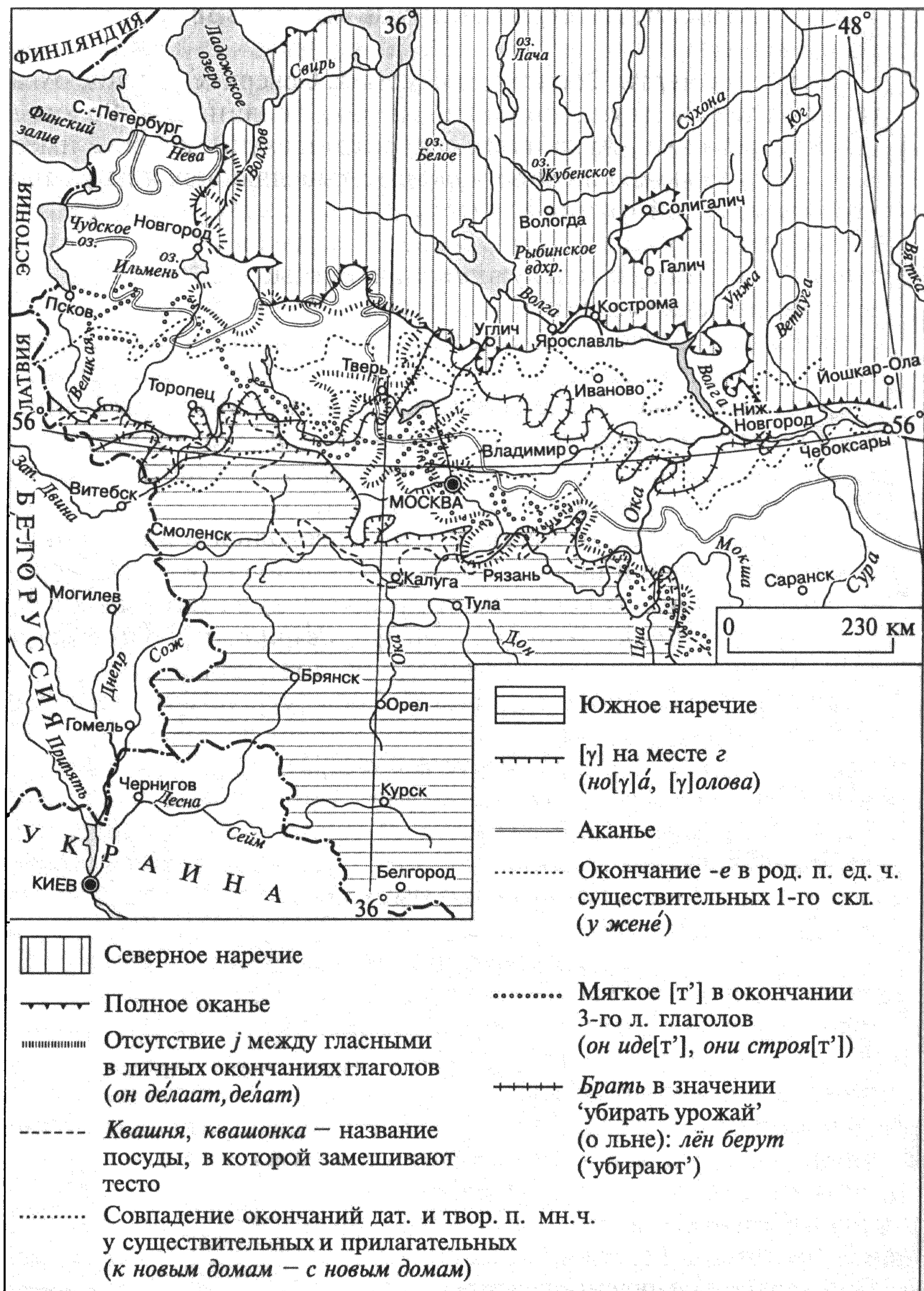
Особенностью межзональных и среднерусских говоров является отсутствие в них единого комплекса только им присущих диалектных черт.

ОБЗОР ДИАЛЕКТНОГО ЧЛЕНЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

НАРЕЧИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 171. Границы и общая характеристика комплексов диалектных групп. Северное и Южное наречия выделяются комплексом диалектных явлений, изоглоссы которых по-разному завершаются в среднерусских говорах. Территории наречий отграничиваются от территории среднерусских говоров полным совмещением комплекса диалектных явлений, присущих каждому из наречий. Именно потому, что границы наречий проводятся так, а не по одной произвольно выбранной черте, они несколько условны. Однако судя по явлениям, типичным только для наречий и неизвестным среднерусским говорам, границы наречий достаточно точны. К таким явлениям относятся полное оканье — для Северного наречия и наличие щелевого звука [ʏ] в соответствии с фонемой /y/ для Южного. Границы наречий проходят очень близко к границам распространения этих явлений (см. карты 1, 10 на с. 38, 252).

При характеристике диалектных комплексов наречий в первую очередь выделяются двучленные соответственные явления, члены которых попарно противопоставлены, при этом один из них совпадает с литературным. Согласно принципу выделения лингво-территориальных единиц по комплексу диалектных явлений, член, совпадающий с литературным, в комплексе диалектных явлений наречия, как правило, не приводится. Однако отнесение диалект-

Карта 10. Наречия русского языка

ного явления, характерного для одного из наречий, к двучленному соответствующему явлению дает информацию и о другом наречии, в котором второй член того же явления совпадает с литературным.

СЕВЕРНОЕ НАРЕЧИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Диалектные черты Северного наречия. Северное наречие охватывает следующие группы говоров: Ладого-Тихвинскую, Вологодскую, Костромскую, Архангельскую (Поморскую), а также имеет в своем составе межзональные говоры с выделяющейся на их территории Онежской группой.

На основе двучленных соответственных явлений Северное наречие характеризуют следующие диалектные черты.

1. Фонетические явления:

1) различие гласных неверхнего подъема во всех безударных слогах, т.е. полное оканье — основной принцип структуры безударного вокализма. После твердых согласных: а) в первом предударном слоге: *д[о]ма́, н[о]шу́* — *д[а]ва́й, вст[а]ю́*; б) во втором предударном слоге: *м[о]локó* — *д[а]лекó*; в) в заударных слогах: *в гóр[о]де, гóр[о]д* — *вы́д[а]л; на́д[о] — óкн[а]*;

2) отсутствие звука на месте /j/ в интервокальном положении в ряде форм глаголов и прилагательных; ассимиляция и стяжение в возникающих при этом сочетаниях гласных: а) в глагольных формах при сочетании *aje*: *дél[аэ]т, dél[аа]т, dél[а]т; зн[áэ]т, зн[áа]т, зн[а]т*; б) в формах прилагательных при сочетаниях *aja, ују, ыје, ије*: *нóв[аа], нóв[а], молод[áа], молод[á]*; *нóв[уу], нóв[у], молод[úу], молод[ú]*; *нóв[ы], молод[ы́], сún[и]*;

3) произношение [̄m] на месте *бм*: *о[̄m]áн, о[̄m]éрить*;

4) произношение [с] в соответствии с /ст/ в конце слов: *мо[с], хво[с]*.

2. Грамматические явления:

1) принадлежность существительных муж. р. с суффиксами *-ушк-, -ишк-* ко 2-му скл.: *дéдушко, дéдушка, дéдушку; мальчúшко, мальчúшка, мальчúшку*;

2) безударное окончание *-а* у существительных среднего рода с твердой основой в им. п. мн. ч.: *пýтна, óкна*;

3) формы им. п. мн. ч. существительных типа *волк, вор, орех* с ударением на основе: *вóлки, вóры, орéхи*;

4) общая форма для дат. и твор. п. мн. ч. существительных и прилагательных в большинстве говоров: *к пустýм вéдрам — с пустýм вéдрам, к чúстым рука́м — с чúстым рука́м*;

5) различие гласных в личных безударных окончаниях глаголов 3-го л. мн. ч. I и II спр.: *пúш[ут], кóл[’ут] — дýш[ат], нóс[’ат]*.

3. Лексические явления: распространение следующих слов: *квашня́, квашóнка* ‘посуда для приготовления теста’, *сковорóдник* ‘приспособление для вынимания сковороды из печи’, *зы́бка* ‘колыбель, подвешиваемая к потолку’, *орáть* ‘пахать’, *óзимь, óзима* ‘всходы ржи’, *суя́гная, суя́ная, суя́нная* ‘суягная’ — об овце, *ягнúться, объягнúться, янúться* ‘ягниться’ — об овце, *берёжая* ‘жеребая’ — о лошади, *погóда* ‘плохая погода’, *хоровóд, коровóд* ‘хоровод’.

На основе многочисленных и непротивопоставленных соответственных явлений Северное наречие характеризуют следующие диалектные черты.

1. Фонетические явления:

1) возможность произношения перед мягкими согласными гласного [и] в соответствии с фонемой /Ѣ/ как под ударением, так и в предударном слоге: в *л[и́]се*, *б[и́]ленький*; *зв[и]рьё*, *б[и]лётъ*;

2) возможность произношения [о] в соответствии с /о/ после мягких согласных перед твердыми в первом предударном слоге — ёканье; при этом [о] отсутствует в личных формах глаголов типа *нести́* и *печь*: *[с'о]стра́* и *[с'е]стра́*, *с[в'о]кро́вь* и *с[в'е]кро́вь*, но *[н'е]су́*, *[в'е]ду́т*, *[п'е]ку́* и т.п;

3) заударное ёканье: *вы́н[']с*, *бу́д[']т*, *о́з[']ро*, *но́л[']о*.

2. Грамматические явления:

1) формы мн. ч. существительных муж. р., обозначающих степени родства, с суффиксом *-овј-/-евј-*: *брато́вья*, *зятевья́*, *дядевья́*;

2) принадлежность к ср. р. и образование с суффиксом *-атк-* существительных, обозначающих молодые существа: *цыпля́тко*, *робя́тко*, при формах им. п. мн. ч.: *цыпля́тка*, *робя́тка*;

3) наличие грамматически согласуемой постпозитивной частицы: *-от*, *-та*, *-ту*, *-те* (или *-ты*, *-ти*): *до́м-от*, *женá-та*, *до́чь-ту*, *у́збы-те* или *у́збы-ты*, *у́збы-ти*.

3. Лексические явления: распространение слов: *ухва́т* 'приспособление для доставания горшков из печи', *кринка́* 'посуда для хранения молока', *борони́ть* 'бороновать'.

ЮЖНОЕ НАРЕЧИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Диалектные черты Южного наречия. В Южном наречии выделяются следующие группы говоров: Западная, Верхне-Днепровская, Верхне-Деснинская, Курско-Орловская, Восточная (Рязанская), Донская, а также межзональные говоры типа А и типа Б. В пределах последних выделяются: Тульская группа, елецкие говоры и оскольские говоры.

На основе двучленных соответственных явлений Южное наречие характеризуют следующие диалектные черты.

1. Фонетические явления:

1) различные типы неразличения гласных неверхнего подъема после твердых и мягких согласных во всех безударных слогах;

2) щелевой звук [ʏ] в соответствии со звонкой заднеязычной фонемой и его чередование с [x] в конце слова и перед глухим согласным: *но[ʏ]а́* — *но[x]*, *бере[ʏ]у́сь* — *берё[x]ся*;

3) произношение слов: *п[а]шени́ца*, *п[э]шени́ца* — с вставным гласным; *ко[ʏ]да́*, *кода́* — с согласным [ʏ] или без этого согласного; *иде́*, *ийде́*, *де* — 'где'.

2. Грамматические явления:

1) окончание *-е* в форме род. п. ед. ч. существительных жен. р. 1-го скл. с твердой основой: *у женé, с рабóте* (чаще с предлогом *у*);

2) безударное окончание *-и (-ы)* в им. п. мн. ч. существительных ср. р.: *пýтны, óкны*;

3) форма им. п. мн. ч. существительных типа *волк, орех* с ударением на окончании: *волкú, воры́, орехú*;

4) совпадение окончаний в *-е* у личных и возвратного местоимений в формах род. — вин. и дат. — предл. п. ед. ч. при различении их основ: род. — вин. п. *у менé, тебе́, себе́*; дат. — предл. п. *мне* или *менé, тебе́, себе́*;

5) конечная фонема /т'/ при ее наличии в окончании 3-го л. ед. и мн. ч.: *несé[т'], несú[т'], хóди[т'], хóдя[т']*;

6) совпадение гласных в безударных окончаниях 3-го л. мн. ч. глаголов I и II спр.: *пúш[у]ть, кóл[у]ть — дýш[у]ть, нóс[у]ть*.

3. Лексические явления: распространение следующих слов: *дежа́, де́жка* 'посуда для приготовления теста', *ча́пля, ца́пля, чапельник, чаплéйка* и др. с корнем *-чап-*, *-цап-* 'приспособление для вынимания сковороды из печи', *лю́лька* 'колыбель, подвешиваемая к потолку', *зéлени, зеленя́, зель* 'всходы ржи', *кóтная, скóтная, сукóтная, сукóчая, сукóтая, кóтаная* 'суягная' — об овце, *жерёбая, жерёбаная, сужерёбая, сужерёбная* 'жеребая' — о лошади, *погóда* 'хорошая погода', *корогóд, куро́гóд* 'хоровод'.

На основе многочисленных и непротивопоставленных соответственных явлений Южное наречие характеризуют следующие диалектные черты.

1. Фонетические явления: разные типы яканья.

2. Грамматические явления:

1) склонение слова *путь*, относящегося к муж. р., по типу продуктивного склонения существительных этого рода: *путь, путя́, путю́*;

2) словоформа *воротá* — им. п.;

3) образование личных форм глагола *лечь* от основы *ляж-*: *ля́жу, ля́жешь, ля́жут*. Форма повелительного наклонения — *ляжь*;

4) инфинитивы типа *нести́, плести́, ити́ть* или *иди́ть* в соответствии с *нести́, плести́, иди́ти*.

3. Лексические явления: распространение слов: *ток* 'площадка для молотьбы', *цеп* 'орудие, которым обмолачивают', *брать* 'теребить' — о льне.

ДИАЛЕКТНЫЕ ЗОНЫ

Комплексы явлений, характерных для каждой диалектной зоны, различны по количеству явлений и по их связи с разными сторонами языка.

Выделено восемь диалектных зон: Западная, Северная, Северо-Западная, Северо-Восточная, Южная, Юго-Западная, Юго-Восточная, а также Центральная.

§ 172. Западная диалектная зона. Изоглоссы данной зоны пересекают с севера на юг территории Северного наречия (охватывая Ладого-Тихвинскую и Онежскую группы), западных среднерусских говоров и территорию Южного наречия (его Западную, Верхне-Днепровскую и Верхне-Деснинскую группы).

В диалектный комплекс Западной зоны входят следующие явления.

1. Формы местоимения 3-го л. с начальной фонемой /j/: *јон*, реже: *йенá*, *йены́*.

2. Форма местоимения 3-го л. им. п. мн. ч. с окончанием -ы: *оны́*, *йены́*.

3. Наличие /j/ в основе форм указательного местоимения *тот*: *та́йя* — *ту́йу* (им. — вин. п. ед. ч. жен. р.), *то́йе* (им. п. ед. ч. ср. р.), *ты́йи* (им. п. мн. ч.).

4. Исключительное распространение конструкции с предлогом *с* или *з* типа *вылез с ямы*, *приехал з Москвы* в соответствии с конструкциями с предлогом *из*.

5. Деепричастие в функции сказуемого: *поезд ушо́вши*.

6. Распространение слов *лемешí*, *омешí* ‘сошники у сохи’, *пúто* ‘ремешок, соединяющий части цепа’.

§ 173. Северная диалектная зона. Охватывает почти все Северное наречие, кроме его юго-восточной части (т. е. кроме Костромской группы), и значительную часть западных среднерусских говоров. Для нее характерны следующие явления.

1. Существительное *свекрóвка* ‘свекровь’.

2. Словоформа *деревёң* (род. п. мн. ч. от *дерéвня*).

3. Склонение существительного *сосна* с постоянным ударением на основе: *со́сна*, *со́сну*, *со́сны*.

4. Безличные предложения с главным членом — страдательным причастием и дополнением в форме вин. п.: *всю картошку съедено*.

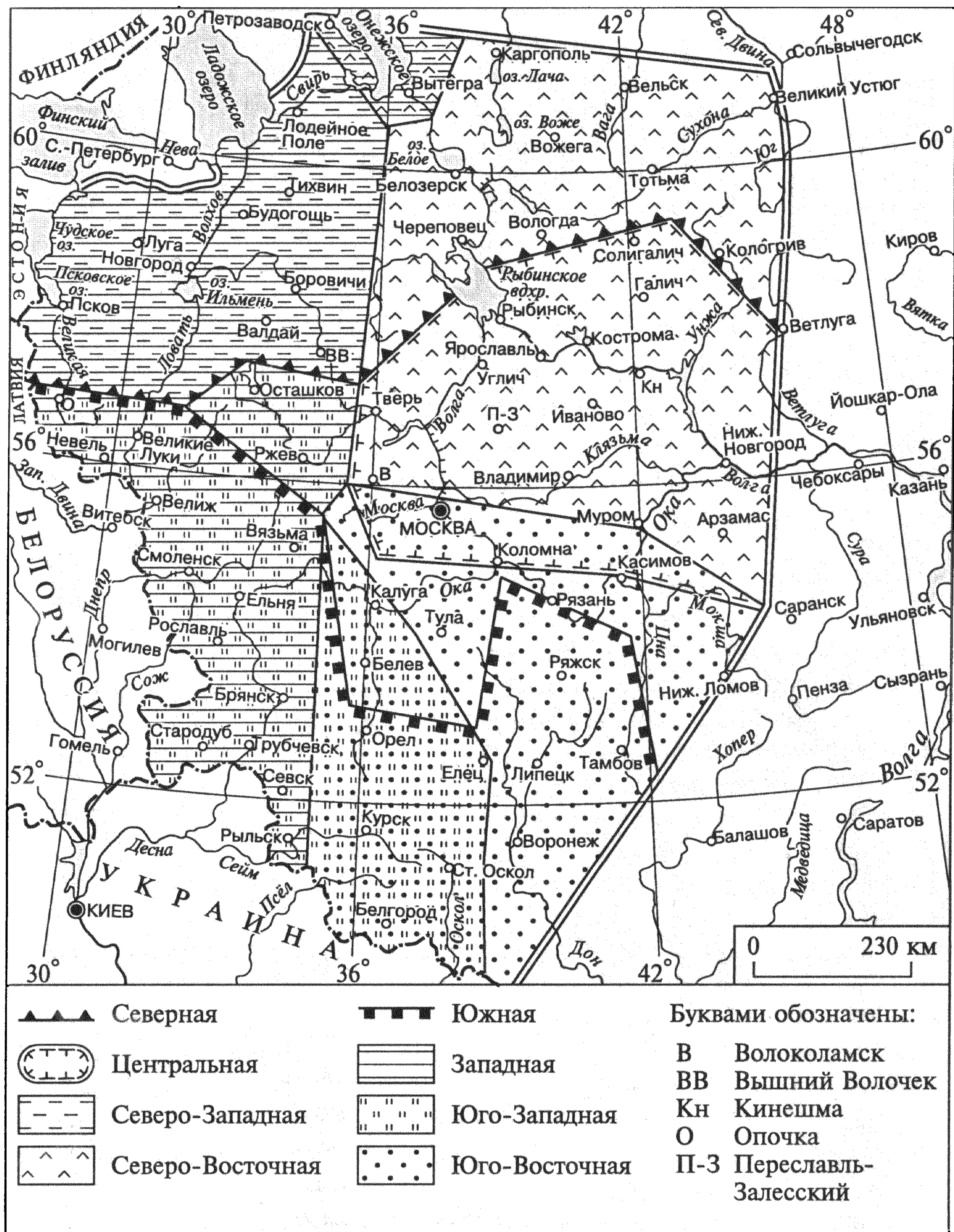
5. Конструкции из инфинитива и прямого дополнения при нем в форме им. п. ед. ч. существительных жен. р. с окончанием -а: *копать картошка*. Реже — употребление прямого дополнения в той же форме при спрягаемых формах глагола.

6. Конструкции с повторяющимся словом *да* при однородных членах предложения: *пропололи картошку да, свеклу да, лук да*.

7. Сочетание предлога *мимо* с вин. п. существительного: *проехать мимо лес*.

8. Слова *рога́ль* ‘ручки и оголовье сохи’, *жи́то* ‘ячмень’, *мура́шки*, *мураши́* ‘муравьи’, *баско́й* ‘красивый’, *баса́* ‘красота’.

§ 174. Северо-Западная диалектная зона охватывает Ладого-Тихвинскую и Онежскую группы говоров Северного наречия, а

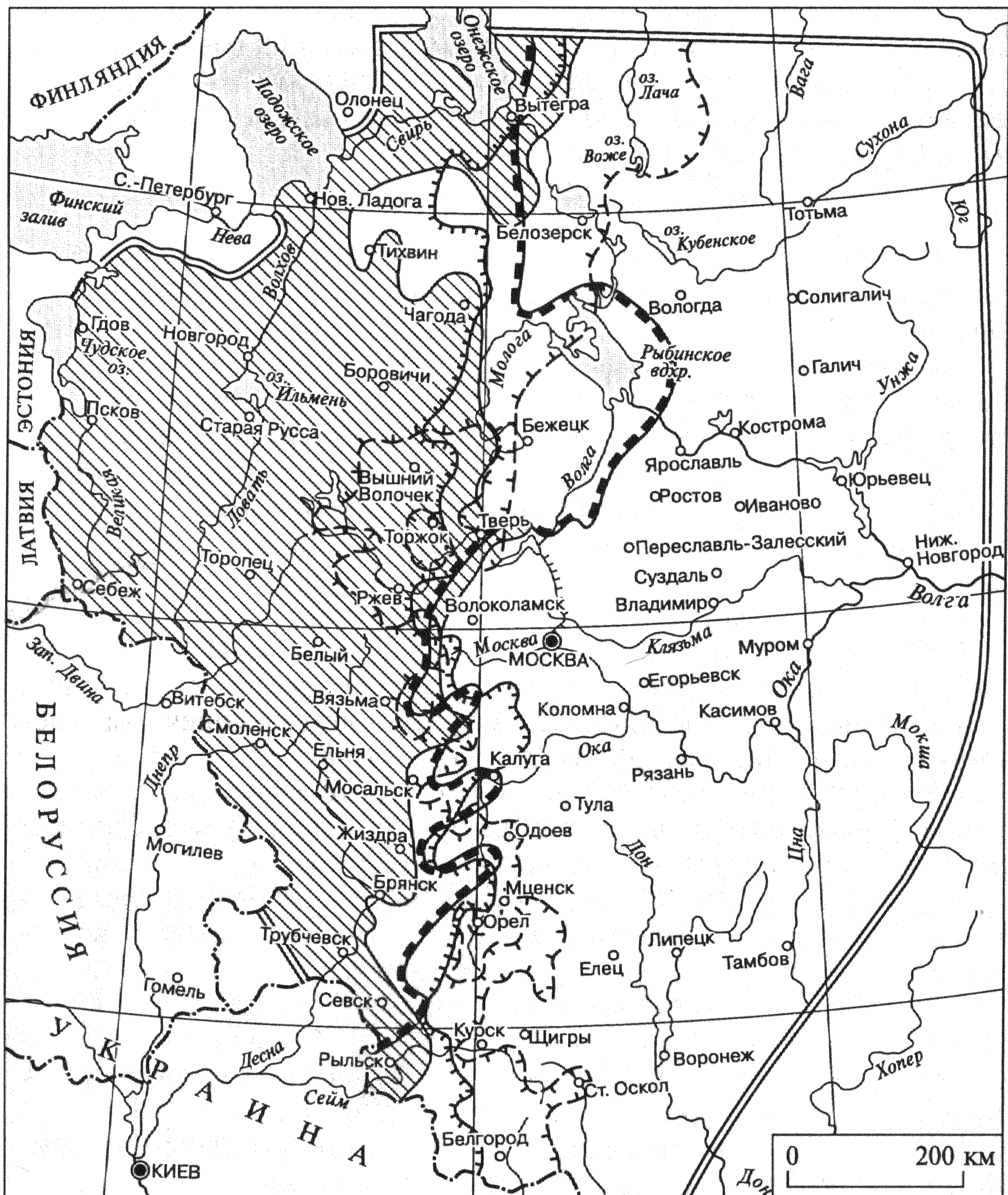

Карта 11. Диалектные зоны русского языка

также западные среднерусские говоры. Для нее характерны следующие явления.

1. Слова со вторым полногласием: *верѣх* или *вѣрех*, *столѣб* или *стѣлоб*, *кѣром*, *сѣреп*, *гѣроб*.

2. Различение твердых [ч] и [ц], а также следы цоканья, представленные формой деепричастия *ушѣдцы*. (Отсутствует в Онежских говорах.)

Изоглосса наличия *j* в основе в формах указательного местоимения *то, та*: *та́йа, то́йе, тыйе*

Изоглосса формы местоимения 3-го л. ед. ч. муж. р. с начальным *j*: *йон*

Изоглосса окончания *ы* в им. п. мн. ч. местоимения 3-го л.: *оны́ (йены́, йаны́)*

Изоглосса употребления деепричастия в роли сказуемого: *поезд ушовши*

Карта 12. Территория западной диалектной зоны и типичных ее изоглосс

3. Двойной согласный [нн], [н'н'] в соответствии с *дн*: *ла́[нн]о* (*ладно*), *ро[н'н']я́* (*родня*). (Отсутствует в Онежских говорах.)

4. Формы дат. — предл. п. ед. ч. с окончанием *-и* (*-ы*) у существительных женского рода на *-а* с твердой и мягкой основами: *к же-ны́, к землі́*.

5. Форма им. п. мн. ч. местоимения *весь*: *вси*.

6. Формы глагола *быть*: *йёсте, йе*.

7. Страдательно-безличный оборот с субъектом действия, выраженным сочетанием предлога *у* с именем в род. п. ед. ч. типа *у меня воды принесено*.

8. Слова: *присо́х, присо́шек* 'палица у сохи', *прі́ввязь, прі́уз* 'цеп', *упря́жка* 'период работы без перерыва', а также (кроме Онежских говоров) слова: *позём* 'навоз', *пету́н* 'петух', *изгорóда* 'вид изгороди'.

§ 175. Северо-Восточная диалектная зона охватывает Вологодскую и Костромскую группы Северного наречия, а также частично восточные среднерусские говоры. Для нее характерны следующие явления.

1. Форма им. п. мн. ч. местоимения 3-го л. *онé*.

2. Формы инфинитива на *-ти́, -чи́* от основ на заднеязычный согласный: *печі́, стеречі́* или *пекчі́, пекти́, стерегчі́, стерегти́*.

3. Формы 2-го л. мн. ч. глаголов с ударением на конечном гласном окончании [е] или [о]: *несетé* или *несетё*.

4. Употребление предлога *по* с вин. п. неодушевленных и одушевленных существительных в конструкциях с целевым значением *пошел по орехи, пошел по топор, пошел по бабушку*.

5. Слова *огорóд* 'изгородь', *молоти́ло* 'цеп', *у́повод* 'период работы без перерыва', *пестéрь* 'приспособление при переноске тяжести'.

§ 176. Южная диалектная зона охватывает говоры Южного наречия, кроме Тульской группы, отдельные ее явления отсутствуют также в орловских и курских говорах и еще более южных. Для нее характерны следующие явления.

1. Различные типы диссимилятивного, умеренно-диссимилятивного и ассимилятивно-диссимилятивного яканья.

2. Окончание *-ого* со звуком [ү] у прилагательных и местоимений в род. п. ед. ч. муж. и ср. р.: *но́во[ү]о, мое[ү]о́*.

§ 177. Юго-Западная диалектная зона. Одни явления из ее комплекса охватывают Западную, Верхне-Деснинскую и Верхне-Днепровскую группы Южного наречия (пучок изоглосс этих явлений совпадает на территории Южного наречия с пучком изоглосс Западной диалектной зоны); другие явления охватывают также и Курско-Орловскую группу.

К явлениям более узкой территории (первого типа) диалектной зоны относятся следующие.

1. Лабиализация гласного на месте *а* и *о* в первом предударном слоге: *л[у]па́та, поп[у]ла́м, рук[у]ва́*.

2. Замена предлога *у*, а также начального гласного *у* согласным *в*: *в нас, в сестры́, вчи́тель* (*у нас, у сестры, учитель*).

3. Словоформа им. п. мн. ч. *сыны́*.

4. Формы род. п. ед. ч. прилагательных и указательного местоимения жен. р. с окончанием *-ей*: *у пло[хэ]й (пло[х'э]й), у моло[дэ]й, у [тэ]й ([т'е]й)*.

5. Формы род. и дат. п. ед. ч. с ударением на основе у отрицательных местоимений: *никóго, ничóго, никóму, ничóму*.

6. Суффикс *-е-* в основе прошедшего времени после шипящих согласных у глаголов II спр.: *кричэ́ть, кричэ́л* (при *кричи́шь*), *дыше́ть, дыше́л*.

7. Основа с гласным [ы] (или [э] на западной окраине ареала) в формах настоящего времени глаголов *рыть, мыть*: *ры́ю, мы́ю* (или *рэ́ю, мэ́ю*).

8. Особый тип чередования [е] — [’о] в формах глаголов настоящего времени I спр. с ударением на тематическом гласном: *не-с[э]ш, нес[э]т, нес[’о]м, нес[э]те*.

9. Ударение на основе в формах глаголов прошедшего времени жен. р.: *бра́ла, зва́ла, тка́ла, вра́ла, сна́ла*, а также *помёрла*.

10. Название коллективной помощи в сельскохозяйственной работе: *толокá*.

Для явлений более широкого распространения (второго типа) характерно.

1. Диссимилятивное аканье и диссимилятивное яканье разных типов.

2. Наличие гласного первого предударного слога перед начальным сочетанием сонорного с последующим согласным: *иржи́, ильну́*.

3. Произношение в соответствии с /в/ [w] в конце слова и перед согласным (*дро[w], ла́[w]ка*), [у] в начале слова ([у]ну́к, [у] до́ме), замена /ф/ на [х], [хв] (*торх, хвакт*).

4. Формы предл. п. ед. ч. существительных с окончанием *-у* типа *на быку́, при помещи́ку, на сто́лику*.

5. Формы вин. п. ед. ч. с ударением на окончании у существительных жен. р. типа *руку́, ногу́, гору́, воду́, борону́, сторону́*.

6. Формы с окончанием *-ей* в косвенных падежах ед. ч. у слова *одна*: *у однэ́й* или *одне́й, к однэ́й* или *одне́й*.

§ 178. Юго-Восточная диалектная зона охватывает Курско-Орловскую, Восточную и Донскую группы Южного наречия. Для нее характерны следующие явления.

1. Возможность совпадения /е/, /а/ и /и/ в звуке [а] в заударном слоге после мягких согласных перед твердыми: *ме́с[’а]ц, де́н[’а]г, бро́с[’а]л*.

2. Ассимилятивное прогрессивное смягчение [к]: *Ва́[н’к’]я, ча[ик’]ю́*.

3. Ассимилятивное смягчение губных согласных перед мягкими заднеязычными: *де́[ф’к’]и, ма́[м’к’]и*.

4. Смягчение заднеязычных согласных в основе существительных при образовании форм твор. п. мн. ч.: *у́т[к']ими, де́нь[г']ими*.

5. Формы вин. п. ед. ч. слов *мать, дочь* с суффиксом *-ер'* и окончанием *-у*: *ма́терю, до́черю*.

6. Окончание *-аја* в им. п. ед. ч. прилагательных ср. р.: *кака́я молокó, больша́я селó*.

7. Ударенное окончание *-у́ј[а]* в вин. п. ед. ч. прилагательных жен. р.: *молоду́я жену́*.

8. Форма им. п. мн. ч. с ударенным окончанием *-а* у существительных жен. р. с основой на мягкий согласный: *деревня́, лошада́, площада́, печа́, шинеля́, зеленя́* и др.

9. Формы им. п. мн. ч. кратких предикативных прилагательных с окончанием *-и* после мягкого согласного: *сы́ти, ра́ди* и т. п.

10. Парадигма глаголов I спр. с гласным [е], не изменившимся в [о]: *нес[é]шь, нес[é]т, нес[é]м, нес[é]те*.

11. Постфикс *-си* после согласных в возвратных формах глаголов: *умы́лси, бои́шси*.

12. Деепричастия прошедшего времени с суффиксом *-мши*: *разу́мши*.

13. Ударенный гласный [о] в формах настоящего времени глагола *тащи́ть*: *то́щишь, то́щит* и т. п.

14. Ударенный гласный [а] в формах настоящего времени глагола *лови́ть*: *ла́вишь, ла́вит* и т. п.

15. Ударенный гласный [о] в формах мн. ч. существительного *пятно*: *[п'ó]тна*.

16. Слова *хресте́ц, хрест* (с начальным [х]) 'малая укладка снопов', *одо́нье* 'большая укладка снопов в поле', *ча́пля* 'сковородник', *махóтка* 'глиняный горшок для молока', *зеленя́* 'всходы ржи'.

ГРУППЫ ГОВОРОВ

Группы говоров являются конкретными территориальными разновидностями русского языка. Они сочетают в себе диалектные черты наречий, диалектных зон и свои собственные, часто представляющие собой разновидность явления более широкого распространения. Именно в группах говоров эти диалектные явления структурно связаны с другими сторонами языка в единую систему.

Границы между группами говоров всегда представляются пучками изоглосс. На карте они условно даны линиями, указывающими на пределы распространения значительных для системы диалекта черт, из которых наибольший вес имеют системы предударного вокализма.

ГРУППЫ ГОВОРОВ СЕВЕРНОГО НАРЕЧИЯ

§ 179. Ладого-Тихвинская группа. Ей свойственны черты диалектных зон: Западной, Северо-Западной и Северной. Кроме того, ее выделяют следующие диалектные явления.

1. Произношение в отдельных словах [и] на месте ъ под ударением не только перед мягкими согласными, но и перед твердыми: *хлиб, бѳлыѳ, зѳирь, бѳленький*.

2. Система различения гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге после мягких согласных с [и] на месте ъ типа: [в'ос]на́, в [л'ис]у́, [п'ат]а́к — [в'ис']не́, [л'ис']ни́к, [п'ат']у́ или типа [в'ес]на́, в [л'ис]у́, [п'ат]а́к — [в'ес']не́, [л'ис']ни́к, [п'ат']у́.

3. Произношение [и] в соответствии с ъ во флексиях и на конце слова: у существительных 2-го скл. в предл. п. ед. ч.: *на стол[и́], в дѳл[и], на кон[и́], при отц[и́]*; у местоимений *мн[и], теб[и́], себ[и́]*, у вопросительного местоимения *гд[и]*; в им. п. мн. ч. указательного местоимения *тот: т[и]* (наряду с *т[ы]*); в постпозитивной частице при существительных в им. п. мн. ч.: *ба́бы-ти* (и *ба́бы-ты*).

4. Произношение отдельных слов: *ве[r'ó]х, сто[лó]б, ко́[ро]м, се[r'e]н, го́[ро]б* (со вторым полногласием).

§ 180. Вологодская группа. В говорах Вологодской группы черты Северной и Северо-Восточной диалектных зон сочетаются со следующими местными диалектными явлениями.

1. В отдельных говорах группы отмечается семифонемная система гласных с /о/ и /ω/, /е/ и /ѳ/.

2. Под ударением и без ударения между мягкими согласными произносятся [и] в соответствии с /ѳ/ и [е] в соответствии с /а/: *в [с'ин']е, [в'ин']ик; г[r'ес'] (грязь), [п'ет'] (пять); [б'ил']ѳть, [с'ин']ни́к; в г[r'ез']у́, [п'ет']у́*.

3. Чередование [в] перед гласными с [w] в конце слова и перед согласным: *тра[в]а́ — тра[w], тра́[w]ка*.

4. Произношение [л] «среднего» перед гласными непереднего ряда и его чередование с [w] в конце слова и перед согласными: *да[l]а́ — да[w], но́[l]очка — но́[w]ка, во[w]к*.

5. Мягкое (шепелявое) цоканье: [ц'']ай, яй[ц'']о́.

6. Ударенное окончание -ѳ у существительных 3-го скл. в дат. и предл. п.: *по грязѳ, в грязѳ*.

7. Двусложные окончания в род. п. ед. ч. женского рода прилагательных: *у молодѳйо, у но́выѳо, у молодѳйе, у но́выѳе, у молодѳйа, у но́выѳа* и местоимений *та, одна: тѳйо́, тѳйѳ, тойо́, тойѳ; одныйо́, одныйѳ, однойо́, однойѳ*.

8. Постфиксы -с'е, -с'о в формах возвратных глаголов: *умѳл[с'е] или умѳл[с'о], умѳеш[с'е] или умѳеш[с'о]*.

9. Ударение на окончании в формах 2-го л. мн. ч. настоящего времени глаголов: *несе[т'ѳ], несе[т'о́]* с конечным [е] в северной части группы и [о] в южной.

10. Предлоги *по-за*, *по-под*, *по-над* с дат. п. имени: *по-за селу́*, *по-под кры́ше*. Предлоги *подле*, *возле* с вин. п. имени: *возле лес*.

11. Слова *ту́ес* 'сосуд из бересты для жидкости', *назём* 'навоз', *ста́я* 'постройка для скота', *ви́ца* 'подвой сохи', *ка́дца* 'ручка цепа'.

§ 181. Костромская группа. В говорах Костромской группы сочетаются черты Северо-Восточной и Центральной зон, но отсутствуют черты Северной диалектной зоны. Для данной группы характерны следующие явления.

1. Предударный вокализм после мягких согласных типа [в'ес]на́, [р'ек]а́, [п'ат]а́к — [в'ес']не́, [р'ик']и́, [п'ет']и́.

2. Прогрессивное смягчение заднеязычных согласных после парных мягких согласных при отсутствии смягчения после непарных /j/ и /ч/: ба́нь[к']я, Ва́сь[к']я — до́ч[к]а, ча́й[к]у́.

3. Произношение [мн] в соответствии с *вн* в лексически неограниченном круге слов: да́мнó, дере́мня, мнук.

4. Склонение притяжательных местоимений по типу местоимения *тот*, *та*, *то*: муж. и ср. р. — *с моём*, *в моём*, женский род — *с моёй*, мн. ч. — *моё*, *моёх*, *моём*.

5. Произношение [т'о] в безударном окончании глаголов мн. ч. повелительного наклонения: *иди́[т'о]*, *неси́[т'о]* и в безударных и ударных окончаниях 2-го л. мн. ч. изъявительного наклонения: *бу́де[т'о]*, *но́си[т'о]*; *несе[т'о́]*, *сиди[то́]*.

6. Инфинитивы глаголов на заднеязычный типа *пекчи́*, *стерегчи́*, *текчи́*.

§ 182. Архангельская (Поморская) группа говоров находится за пределами территории, картографированной в Диалектологическом атласе русского языка. Она выделена на Диалектологической карте русского языка в Европе 1914 г. и не показана на Диалектологической карте русского языка 1964 г. Для нее характерны следующие черты.

1. На месте фонемы /е/ под ударением и в первом предударном слоге перед твердым и мягким согласным произносится [е]: *с[в'ет]*, *[р'эк]ам*; *с[в'эт']ит*, *[р'эк']и*; *с[в'ет]ло́*, *[р'ек]а́*; *с[в'ет']и́ть*, *[р'ек']и́*.

2. В соответствии с /а/ под ударением между мягкими согласными произносится [е]: *[п'ат]ой* — *[п'ет']*, *в[з'ал]* — *в[з'эл']и*.

3. Мягкое («шепелявое») цоканье.

4. Палатальные («шепелявые») [с''], [з'']: *[с'']и́ла*, *ко[с'']и́ть*; *[з'']има́*, *во[з'']и́ть*.

5. Сочетание [с''н'] на месте *чн*: *ску́[с''н']ё*, *моло́[с''н']ёй*, *пе[с''н']ё место*.

6. Окончание -/и/ (-[ы]) в ед. ч. у существительных 1-го скл. в род., дат., предл. п.; 2-го скл. в предл. п.; 3-го скл. в дат. и предл. п.: *от сестры́*, *к сестры́*, *о сестры́*, *без земли́*, *к земли́*, *в земли́*; *на столу́*, *на хребту́*, *в декабру́*, *на стеклу́*, *в молоку́*; *к печи́/к печу́*, *к лошади́/к лошади́*, *в печи́*, *на лошади́*.

7. Окончание - *ей* после *ц* у существительных 2-го скл. род. п. мн. ч.: *огурце́й*, *отце́й*, *за́йцей*, *блю́дцей*.

8. Различение форм дат. и твор. п. мн. ч. у существительных и прилагательных. В твор. п. существительные имеют форму на *-ми*, а прилагательные, местоимения, числительные на *-ма*: *ногáми, деть-мí — сырýма, былыма, этима, всема́, двумá, тро́йма*.

9. Окончание род. п. ед. ч. муж. и ср. р. прилагательных и неличных местоимений с согласными [г], [ҫ]: *бéло[г]о, молодó[г]о, такó[г]о* или *бéло[ҫ]о, молодó[ҫ]о, такó[ҫ]о*.

10. Форма местоимения 3-го л. жен. р. вин. п. *ей* (реже *ней*).

11. Ударение на конечном гласном [е] в форме 2-го л. мн. ч. глаголов с постоянным ударением на окончании: *несетé, сидитé*.

12. Гласный [е] в постфиксе возвратных глаголов: *бойлсе, взялáсе, моётце*.

13. Предлоги *возле, мимо, подле* с вин. п. имени: *вóзле амбáр, мýмо дом, пóдле реку́*.

14. Предлоги *по-за, по-над, по-под* с дат. и твор. п. имени: *по-за дворú и по-за дворóм, по-над бéрегу и по-над бéрегом, по-под горý и по-под горóй*.

15. Предлоги *в-за, в-под* с вин., твор. и предл. п. имени; *в-по-за* с вин. и предл. п.: *в-за реку́, в-под лáвку, в-по-за крýшку; в-за столóм, в-под горóй; в-за плéцях, в-под пáзухи, в-по-за кóцьи*.

§ 183. Межзональные говоры Северного наречия. Онежская группа. Межзональные говоры Северного наречия разделяются на Онежскую группу, лачские и белозерско-бежецкие говоры.

В межзональных говорах отмечаются все черты, свойственные Северной диалектной зоне. По их территории проходят пучки изоглосс Западной, Северо-Западной и Северо-Восточной диалектных зон. Здесь также оканчиваются изоглоссы некоторых явлений Вологодской и Костромской групп говоров.

Для большинства межзональных говоров характерны формы 2-го л. ед. ч. *дасú, йесú* от глаголов *дать, есть*. В северной части этих говоров распространено окончание род. п. ед. ч. муж. и ср. р. прилагательных и местоимений с [ҫ] и с выпадением согласного: *нóв[оҫо], сýн[’оҫо], к[оҫó]; нóв[оо], сýн[’оо], к[оó]*.

Для Онежской группы характерны.

1. Ударенный и предударный вокализм после мягких согласных, близкий к вологодскому, но с произношением [а] в соответствии с /’а’/.

2. Формы на *-ей* без смягчения предшествующего согласного у существительных 1-го скл. твор. п. ед. ч. — *с сестрэй*; у прилагательных и местоимений муж. р. им. п. ед. ч.: *молодэй* (реже *молодый*), *такэй*; в косвенных падежах ед. ч. жен. р. прилагательных и местоимений: *к молодэй, у тэй, с однэй*.

3. Форма твор. п. мн. ч. имен с окончанием *-амы* у существительных и *-има* у прилагательных: *с худýма рукáмы*.

ГРУППЫ ГОВОРОВ ЮЖНОГО НАРЕЧИЯ

§ 184. Западная группа. Ей свойственны явления Южной, Западной и Юго-Западной диалектных зон, а также следующие специфические явления.

1. Диссимилятивное яканье жиздринского типа.
2. Морфологически и лексически ограниченные случаи чередования [л||ў] в соответствии с /л/ типа: *да[л]á* — *да[ў]*, *во[ў]к*.
3. Форма им. п. мн. ч. существительных *город*, *брат*, *лес* с ударенным окончанием *-и* (*-ы*): *городы́*, *браты́*, *леса́*.
4. Формы им. п. ед. ч. прилагательных муж. р. с ударенными окончаниями *-ый*, *-ей* без смягчения предшествующего парного по твердости и мягкости согласного основы: *моло[ды́]й*, *моло[дэ́]и*, а также после заднеязычных согласных со смягчением и без смягчения основы: *пло[хэ́]й*, *пло[х'э́]й*, изредка *пло[хы́]й*.
5. Словоформа им. п. ед. ч. муж. р. указательного местоимения *тэй*.
6. Словоформы 2-го л. ед. ч. глаголов *дать*, *есть* — *дасі́*, *йесі́*.
7. Сочетание числительных *два*, *три*, *четыре* с формами им. п. мн. ч. существительных муж. р.: *два мужикі́*, *три столы́*.
8. Вопросительная частица *ти*.
9. Слова *ві́лки*, *ві́лы* 'ухват', *чапелá* 'сковородник'.

§ 185. Верхне-Днепровская группа. В Верхне-Днепровской группе явления Южной, Западной и Юго-Западной диалектных зон, общие с Западной и Верхне-Деснинской группами, сочетаются с отдельными чертами Юго-Восточной зоны: ударенным [о] в слове *п[’о́]тна* 'пятна'; формой им. п. мн. ч. с ударенным окончанием *-а* у существительных жен. р. с основой на мягкий согласный: *деревня́*, *лошадя́*; деепричастием прошедшего времени с суффиксом *-мши*: *разумши*.

Говорам этой группы свойственны некоторые черты, общие с говорами Верхне-Деснинской группы: гласный [а] в случаях типа *[а]ржі́*, *[а]льну́*; отсутствие начального гласного в слове *огурцы́*: *гурцы́*; деепричастия прошедшего времени с суффиксом *-мши* и ударенным [о] от глаголов на *-ить*: *покур[’о́]мши*.

Отличительной чертой этой группы является диссимилятивно-умеренное яканье, при котором перед группами согласных с первым твердым и конечным мягким произносится [а]: *к с[’а]стрé*, *п[’а]кли́*.

§ 186. Верхне-Деснинская группа. В Верхне-Деснинской группе сочетаются черты тех же диалектных зон, что и в Верхне-Днепровской группе, но из черт Юго-Восточной зоны отмечаются только формы деепричастий прошедшего времени с суффиксом *-мши*: *разумши*. Имеются некоторые черты, общие с Верхне-Днепровской группой (см. выше).

Характерные черты рассматриваемой группы следующие.

1. Жиздринский тип диссимилятивного яканья.
2. Произношение [и] в соответствии с /о/ в начале слова: *итѐц*, *ибѐдать*, *инá*, *ипя́ть*, *итопри́* или отсутствие начального гласного: *тец*, *бѐдать*.
3. Словоформа им. п. ед. ч. *свекра́* 'свекровь'.
4. Формы сравнительной степени прилагательных с суффиксом *-е́йше*: *добрѐйше*, *белѐйше*.
5. Словоформы глаголов *дать*, *есть* — *дади́шь*, *йеди́шь* 2-го л. ед. ч.
6. Обобщение согласных в основе настоящего времени глаголов II спр.: *ви́[д']у*, *про́[с']у*, *лю́[б']у*.
7. Распространение слов *пра́льник* 'валек', *горóжа* 'определенный вид изгороди', *другáк*, *другáч* 'жеребенок по второму году'.

§ 187. Курско-Орловская группа. В ней сочетаются черты Юго-Восточной диалектной зоны и явления Юго-Западной зоны второго типа.

Выделяют Курско-Орловскую группу следующие черты:

1. Диссимилятивное яканье суджанского типа.
2. Произношение [ш'] на месте *ч*: [ш']*ай*, *хо*[ш']*у́*, *но*[ш'], *до́*[ш']*ка*.
3. Прогрессивное смягчение [к] после парных мягких согласных и /j/, но не после *ч* — [ш']: *ба́нь*[к']*я*, *чай*[к']*ю́*, но *до́*[ш'к]*а*, *до́*[ч'к]*а*.
4. Произношение [м] в соответствии с *в* перед *н* в словах: *дамно*, *рамно*.
5. Словоформа им. п. ед. ч. *свекро́вья* 'свекро́вь'.
6. Слова *йемо́к*, *йемки́* 'ухват', *изва́ра* 'ушат', *держáлен* 'ручка цепа', *цепи́нка*, *тепи́нка* 'бьющая часть цепа', *козю́ля* 'змея'.

§ 188. Восточная (Рязанская) группа. В ней сочетаются черты Юго-Восточной и Южной диалектных зон, а также следующие явления.

1. Отсутствие перехода [е] в [о] перед твердыми согласными в отдельных словах: *св[é]кор*, *с[é]стры*, *кот[é]нок* и в личных окончаниях глаголов: *нес[é]шь*, *нес[é]т*.
2. Наличие говоров с различием фонем /о/ и /ω/, /е/ и /ѐ/.
3. Ассимилятивно-диссимилятивное яканье (ореховский, новоселковский, култуковский, кидусовский типы) и умеренно-диссимилятивное яканье.
4. Произношение слова *де́верь* с гласным [и]: *д[и́]верь*.
5. Прогрессивное смягчение [к] после парных мягких согласных, /j/ и /ч/: *ба́нь*[к']*я*, *чай*[к']*ю́*, *до́ч*[к']*я*.
6. Словоформа им. п. ед. ч. *свекры́* (свекровь).
7. Формы предл. п. ед. ч. на *-é*: *в грязé*, *в степé*, *в пылé*.
8. Слова *рога́ч* 'ухват', *ца́пля* и *ча́пля* 'сковородник', *городьба́* 'изгородь', *велёк* 'валек'.

§ 189. Донская группа не выделена на Диалектологической карте 1964 г., почти вся она находится за пределами территории, картографированной в Диалектологическом атласе русского языка, и

расположена вдоль Дона и его притоков Хопра, Медведицы и др. в Волгоградской и Ростовской областях. Кроме черт, характеризующих Юго-Восточную диалектную зону, в Донской группе встречаются черты, характеризующие бóльшую или значительную часть ее говоров, а также черты, отмеченные только в некоторых говорах этой группы.

1. Сильное и диссимилятивное аканье жиздринского и прохоровского типов.

2. Донской тип диссимилятивного яканья отмечен только в ряде говоров этой группы; многие говоры характеризуются кидусовским и култуковским типами ассимилятивно-диссимилятивного яканья.

3. Диереза (выпадение) безударных гласных главным образом заударных слогов, чаще всего конечного открытого слога, обычно с переносом слоговости на согласный звук: *вѳ́р(о)сли, накѳ́с(и)ть, разрѳ́х(а) стѳ́ла, два брѳ́т(а) поженились, забѳ́л(а), как звать, приѳ́хал(и) домоѳ́й, неѳ́ком(у) работ(а)ть.*

4. Фонема /о/ в корнях слов *вѳ́ришь, дѳ́ришь, кѳ́тишь, сѳ́дишь, свѳ́лишь.*

5. Фонема /и/ на месте *ѳ́* в словах *дѳ́верь, сѳ́верко* 'холодно'.

6. Фонема /е/ на месте *а* в суффиксе основы прошедшего времени глаголов II спр. после шипящих согласных: *стучѳ́ть, стучѳ́л; пишѳ́ть, пишѳ́л; вижжѳ́ть, вижжѳ́л.*

7. В части говоров на месте [ч'] произносится [ш']: [ш']*ѳ́стый, мо[ш']ѳ́ть, но[ш']ѳ́.*

8. Мягкий [к'] после парных мягких согласных и /j/, но твердый [к] после [ч'] ([ш']): *уго[л'к']ѳ́я, ча[ѳ́к']ѳ́ю; моло[ч'к]ѳ́ (моло[ш'к]ѳ́).*

9. В некоторых говорах Нижнего Дона следы древнего неразличения, совпадения свистящих и шипящих согласных в свистящих, проявляющиеся в произношении свистящих апикальных согласных на месте шипящих и реже (как гиперизм) шипящих на месте свистящих: [с]ѳ́ба, [с]ѳ́пка, бѳ́бу[с]ка, хоро[с]ѳ́; [з]ѳ́ить, [з]ѳ́арко, по[з]ѳ́ар, невозмѳ́[з]но; клюѳ́[ц']ик, дѳ́во[ц']ка, на не[ц']ѳ́и, до[ц']ѳ́ — [ш]пѳ́чки, [ш]ѳ́рок, вѳ́[ш]ушить, у нѳ́[ш]; [ж]ѳ́бы, [ж]ѳ́абрѳ́ли, спо[ж]ѳ́арѳ́нку.

10. В некоторых говорах Нижнего Дона на месте /j/ после согласного перед гласным нуль звука: *сви[н'ѳ́], жи[т'ѳ́], [ш'у]ѳ́т (шьют), [л'у]ѳ́ (лью), полѳ́[з'ѳ́а], грѳ́[д'у].*

11. Особенности в фонемном составе некоторых слов: мягкие согласные в слове *дирѳ́я (дыра)*, /р'/ в словах типа *комѳ́[р']*, *нут[р'ѳ́]*, /л'/ в слове *дуп[л'ѳ́]*, /в'/ в слове *[в']исѳ́кий*, /в/ в слове *[в]ѳ́шня.*

12. В части говоров ударное окончание -о в им. п. ед. ч. у некоторых существительных, перешедших в этот разряд из 1-го скл., реже из муж. р. 2-го скл.: *звездѳ́, стенѳ́, копнѳ́, метлѳ́, стрелѳ́, блеснѳ́; дернѳ́, чехлѳ́, рулѳ́* и др.

13. Окончание -ей в форме твор. п. ед. ч. существительных 3-го скл.: *пѳ́чей, двѳ́рей, грѳ́зей.*

14. Ударенное окончание -é в форме предл. п. ед. ч. существительных 3-го скл.: *на печé, в степé, в грязé, в кровé.*

15. Окончание ударенное -ми у некоторых существительных, имеющих окончание -ами в других говорах: *сетьми́, ночьми́, грудьми́, слезьми́, зорьми́, курми́, вилми́, саньми́, гусьми́, коньми́* и др.

16. Окончание род. п. ед. ч. муж. и ср. р. прилагательных и неличных местоимений с согласным [в]: *бéло[в]о, молодó[в]о, такó[в]о.*

17. Окончание предл. п. ед. ч. муж. и ср. р. прилагательных и неличных местоимений -им, -ым: *в больш́им, в каќим, в худ́ым, в т́ым.*

18. В говорах по рекам Хопру и Медведице у глаголов в безударном окончании 3-го л. мн. ч. наблюдается эпитеза (вставка) гласного, который под влиянием предыдущего гласного лабиализуется: *бéгаютю, забирáютю, работáютю, сдéлаютю, вóзютю, гóнютю, насóдютю.*

В этих говорах возвратный постфикс после гласных может выступать в виде -ся: *лож́ися, сошл́ася, жилóся, спис́алися.* В форме 1-го л. ед. ч. выступает фонетический вариант постфикса с прогрессивной лабиализацией конечного гласного: *помóюсю, присл́ухаюсю, разбирáюсю.* То же явление в форме 3-го л. мн. ч.: *занимáютцу, кру́жуютцу, собирáютцу.*

19. Предлог с вместо из: *выгружали с баржи, приехала с Волгограда, они с Москвы.*

20. Слова баз 'огороженное место для скота', 'двор'; *курéнь* 'квадратный казачий дом с четырехскатной крышей', 'жилой дом'; *волоч́ить* 'бороновать'; *арья́н, ирья́н, иря́н* 'напиток из разведенного водой отцеженного кислого молока'; *нурё* 'нора'; *лазоре́вый цветок* 'красный степной тюльпан'.

§ 190. Межзональные говоры Южного наречия. Имеется два типа межзональных говоров: тип А и тип Б.

Межзональные говоры типа А. Спецификой этих говоров является то, что они находятся на стыке изоглосс Юго-Западной, Западной и Юго-Восточной диалектных зон, а также Верхне-Деснинской и Курско-Орловской групп говоров, изоглоссы которых то полностью их охватывают, то исключают из своего комплекса, то проходят по середине их.

К числу явлений, характерных только для данных говоров, относятся.

1. Случаи замены ср. р. на муж. р.: *такóй молоко, большóй окно.*

2. Отсутствие смягчения заднеязычных согласных в основах прилагательных перед флексией, начинающейся с гласного переднего ряда: в косвенных падежах жен. р. — *у пло[хэ]й*; во мн. ч. — *пло[хы]е, тóн[кы]е; пло[хы]х, пло[хы]м* и т. д.

В межзональных говорах типа Б выделяются: Тульская группа, елецкие и оскольские говоры. Всем им свойственно большинство черт Юго-Восточной диалектной зоны. Кроме того, по их территории по-разному проходят пучки изоглосс самых

широких явлений Юго-Западной зоны, явлений Курско-Орловской и Восточной групп говоров.

Межзональные говоры типа *Б* имеют и специфические черты. К ним относятся следующие.

1. Умеренно-диссимилятивное яканье.

2. Наличие глагольных форм 3-го л. без конечного *-т*, среди которых наиболее распространенными на данной территории являются формы ед. ч. глаголов I спр.: *он нес*[’ó], а также формы ед. ч. глаголов общего спряжения с ударением на основе: *он де́ла*[и́а], *он лю́б*[’а]. В отдельных говорах без конечного *-т* встречаются формы мн. ч. глаголов II спр.: *они сидя́*.

3. Личные формы с ударенным гласным [о] у глаголов *валить* и *варить*: *во́лишь*, *во́ришь*.

Для Тульской группы характерно умеренное яканье.

Для елецких говоров характерен щигровский тип диссимилятивного яканья.

Оскольские говоры характеризует обоянский тип диссимилятивного яканья и различение /о/ и /ω/, /е/ и /ѣ/.

СРЕДНЕРУССКИЕ ГОВОРЫ

Широкая полоса говоров, находящихся между Северным и Южным наречиями, называется среднерусскими говорами. Они называются говорами, а не наречием, потому что не имеют своего, единого для всех них комплекса диалектных черт.

Всем среднерусским говорам свойственны лишь некоторые диалектные явления, общие с Северным или Южным наречиями. К ним относятся следующие.

1. Совпадение гласных /а/ и /о/ после твердых согласных в одном звуке типа [э] во втором предударном и в неконечном заударном слогах: *г[э]лова́*, *з[э]боле́л*; *в го́р[э]де*, *вы́д[э]ли* и в звуках типа [э] или [а] в заударных конечных слогах: *го́р[э]д*, *вы́д[э]л*, *на́д[э]*, *до́м[э]* или *го́р[а]д*, *вы́д[а]л*, *на́д[а]*, *до́м[а]* (черта Южного наречия).

2. Слова, характерные для Северного наречия: *квашня́*, *квашо́нка*, *ухва́т*, *сковоро́дник*, *ягни́ться* [об овце].

Среднерусские говоры не однородны по их диалектной характеристике. Они делятся на западные и восточные, на окающие и акающие в зависимости от того, какие черты наречий и диалектных зон для них характерны. Западные среднерусские говоры имеют ряд диалектных черт Северного наречия и диалектных зон Северо-Западной, Западной и Северной. Для восточных среднерусских говоров в целом свойственны отдельные черты Северного наречия, Северо-Восточной, Юго-Восточной и Центральной диалектных зон.

При наличии комплекса собственно местных диалектных явлений в пределах того или иного подразделения среднерусских говоров выделяются группы говоров: Гдовская, Псковская и Владимирско-Поволжская. Среднерусские говоры, не имеющие достаточно своеобразных диалектных комплексов, именуются говорами; таковы новгородские говоры, селигеро-торжковские говоры и восточные среднерусские акающие говоры, которые разделены на отделы *А, Б, В*.

ЗАПАДНЫЕ СРЕДНЕРУССКИЕ ОКАЮЩИЕ ГОВОРЫ

§ 191. Гдовская группа. Ей свойственны следующие явления.

1. Гдовский и полновский типы вокализма, переходные от оканья к аканью.

2. Формы существительных мн. ч. жен. р. с суффиксом *-j-*: *я́мья* — *ям/ја/*, *берёзья*, *корзи́нья*, *же́рдья*.

3. Формы 3-го л. ед. и мн. ч. без конечного *-т* у глаголов обоих спряжений при любом типе ударения: *он несё*, *делае*; *они несú*, *делаю*; *он сидí*, *ходи*; *они сидя́*, *ходя́*.

4. Основа глагольных форм с согласным *х* на месте *ш*, с типа *спра́хывать*, *опоя́хывать* (свойственна и говорам Псковской группы).

5. Словоформы 2-го л. ед. ч. глаголов *дать* и *есть* — *да́стишь*, *е́стишь*.

6. Формы деепричастий прошедшего времени: *ушо́д*, *уэ́хат*.

7. Слова: *печа́йник*, *печа́льник* 'сковородник', *ре́лка* 'участок земли', *мост* 'дно у лодки', *пе́ить*, *по́ять* 'петь песни'.

§ 192. Новгородские говоры окающие. Это отличает их от соседних акающих среднерусских говоров, но новгородские говоры не имеют в своем составе специфических диалектных черт, что не позволяет считать их особой группой. Черты Северного наречия отмечаются в них с большой непоследовательностью.

ЗАПАДНЫЕ СРЕДНЕРУССКИЕ АКАЮЩИЕ ГОВОРЫ

§ 193. Псковская группа. Для нее характерны такие явления.

1. Сильное яканье.

2. Редукция гласного [у] и совпадение его с [э] в заударных слогах и во втором предударном слоге: *о́к[э]нь*, *го́л[э]брь*, *за́м[э]жем*; *р[э]кава́*, *м[э]жикí*.

3. Цеканье и дзеканье — звуки [ц'], [д'з'] на месте /т'/, /д'/: [ц']*íхо*, [д'з']*ень*.

4. Шепелявые [с''], [з''] на месте мягких фонем /с'/, /з'/: [с'']*емь*, [з'']*елёный*.

5. Словоформы род. и вин. п. ед. ч. местоимения 3-го л. жен. р. — *йой* и *йону́*.

6. Формы сравнительной степени с суффиксом *-оше*: *сладо́ше*.

7. Основы с гласным [э] в формах настоящего времени глаголов *рыть* и *мыть*: *рэю́*, *мэю́*.

8. Основа глагольных форм с согласным *х* на месте *ш*, *с* типа *спра́хывать*, *опоя́хывать* (отсутствуют в восточной части).

9. Деепричастие прошедшего времени типа *ходи́вши*.

10. Сказуемое — несогласуемое страдательное причастие в форме муж. р.: *коса́ заплетён*, *ягоды набран*.

§ 194. Селигеро-торжковские говоры не обладают единым языковым комплексом. На разных частях территории распространения этих говоров имеются мелкие ареалы различных явлений: сильного яканья (на границе с Псковской группой), иканья на границе с говорами Ладого-Тихвинской группы), ассимилятивно-умеренного яканья (в юго-восточной части); словоформы указательного местоимения им. п. ед. ч. муж. р. *той*, им. п. мн. ч. *теи*.

ВОСТОЧНЫЕ СРЕДНЕРУССКИЕ ОКАЮЩИЕ ГОВОРЫ

§ 195. Владимирско-Поволжская группа охватывает все окающие восточные среднерусские говоры. Кроме ряда черт Северного и Южного наречий для говоров этой группы характерно большинство явлений Северо-Восточной зоны, ряд явлений Юго-Восточной зоны и все явления, совпадающие с литературной нормой, свойственные говорам Центральной диалектной зоны.

Специфическими для данной группы являются следующие черты.

1. Различение гласных [о]—[е]—[а] в первом предударном слоге после мягких согласных перед твердыми: [н'ос]у́, [р'ек]а́, н[р'ад]у́; перед мягкими согласными различаются [е] — [а]: [н'ес']и́, к [р'ек']е́, н[р'ад']и́.

На окраинных частях территории Владимирско-Поволжской группы возможны варианты в системе произношения гласных первого предударного слога. Так, в восточных говорах группы (нижегородские говоры) в положении перед твердыми согласными произносятся [о] не только в соответствии с /о/: [н'ос]у́, но и в соответствии с /е/ на месте ъ, но не во всех категориях слов, ср.: с[л'оп]о́й, д[в'он]а́дцать, но [л'ес]а́, [м'ес]та́ и др. В западных говорах группы (тверские говоры) в положении перед мягкими согласными произносятся [и] в соответствии с /о/ и /е/: [н'ис']и́, [р'ик']и́, если [и] между мягкими согласными в том же соответствии известно и под ударением: [д'ин'], д[в'ир'].

2. Произношение ударенного [е] в словах зв[é]зды, гн[é]зда, в[é]дра.

3. Произношение [y] в соответствии с /o/ во втором предударном слоге в абсолютном начале слова: *утопрѹ́*, *утняла́*, *угурцы́* и др.; в тверских говорах отмечается произношение [y] также и в словах *уржаной*, *ульняной*, исконно не имевших начального гласного.

4. Неразличение гласных /o/, /a/ и /y/ во втором предударном слоге после твердых согласных и совпадение их в [ə]: *г[ə]лова́*, *с[ə]довод*, *к[ə]лакѹ́* (тверские говоры).

5. Произношение [сн] ([с'н']) на месте *чн* в слове *пшени́чный* — *пшени́сный* (по всей территории группы) и в словах *моло́чный*, *яйчи́ца* — *моло́сный*, *яй́сница* (в северной части группы).

6. Гласная /и/ в формах твор. и предл. п. ед. ч. и в косвенных падежах мн. ч. прилагательных и притяжательных местоимений: *с ху[ды́]м*, *в ху[ды́]м*, *ху[ды́]х*; *с мо[и́]м*, *в мо[и́]м*, *мо[и́]х*, но /е/ в им. п. мн. ч.: *ху[дэ́]и* (наряду с *худы́*), *мо[јé]*.

В нижегородских говорах в этих формах выступает только /е/: *с ху[дэ́]м*, *в ху[дэ́]м*, *ху[дэ́]и*, *ху[дэ́]х*, *с мо[јé]м*, *в мо[јé]м*, *мо[јé]*, *мо[јé]х*.

7. Названия ягод с основой на *-иг-*: *земляни́га*, *брусни́га*.

8. Суффикс *-е-* после мягкого шипящего в основе прошедшего времени у глаголов II спр.: *крич[é]ть*, *крич[é]л*; в нижегородских говорах также и у глаголов с корнем на твердый шипящий: *дыш[é]ть*, *дыш[é]л*.

9. Отсутствие интервокального *j* и результаты стяжения гласных в сочетании *-aje-*: *зн[а]т*, *дѣл[а]т* (повсеместно); в сочетании *-aju-*: *дѣл[у]т*, *дѣл[у]* (отсутствуют в нижегородских говорах); в сочетании *-eje-*: *ум[é]т* (отмечены только в нижегородских говорах).

При характеристике Владимирско-Поволжской группы важно отметить неоднородность включенных в нее говоров. На территории северной половины группы распространены окраинные части ареалов ряда явлений Северного наречия, а также его Костромской группы, неизвестных в южной половине. Обособлены отдельные ее части вокруг городов Тверь и Нижний Новгород, чем объясняется выделение в пределах Владимирско-Поволжской группы Тверской и Нижегородской подгрупп говоров.

ВОСТОЧНЫЕ СРЕДНЕРУССКИЕ АКАЮЩИЕ ГОВОРЫ

§ 196. Отделы **А**, **Б**, **В**. Специфических диалектных черт эти говоры не имеют, хотя и не являются однородными, поэтому они разделены на отделы **А**, **Б**, **В**. Черты Южного наречия и Юго-Восточной диалектной зоны свойственны этим говорам в разной степени в разных отделах.

Для отдела **А** характерно умеренное яканье и иканье.

Для отдела **Б** — еканье и иканье; безударное окончание *-уј* у существительных жен. р. твор. п. ед. ч.: *пáлкуй*, *бáбуй*, *дерéвнюй*; окончание *-еј* в род. п. мн. ч. у существительных с основой на *-ц*: *огурце́й*, *купце́й*; дзеканье: [д'з']ень и шепелявенье: [с'']емь, [з'']елёный.

Для отдела *В* характерно умеренное яканье; окончание *-ох* в род. п. мн. ч. у существительных муж. р.: *домóх, купцо́х*; стяженные формы в личных окончаниях глаголов: *ум[é]т (умеет), м[о]т (моем), торг[ú]т (торгует)*.

§ 197. «Чухломской остров». На территории Костромской группы Северного наречия имеется ареал акающих говоров, названный «чухломским островом». Говоры вокруг г. Чухломы содержат большинство диалектных черт, характерных для Северного наречия, Северо-Восточной диалектной зоны и Костромской группы говоров, и некоторые черты Южного наречия, из которых главная — аканье. После мягких согласных для них характерно диссимилятивно-умеренное яканье особой разновидности, не отмеченной в говорах Южного наречия.

Дополнительная литература

Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. Р. И. Аванесова. — М., 1962. (Глава 4. «Вопросы интерпретации данных лингвистической географии».)

Гецова О. Г. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопросы русского языкознания. — Вып. VII. Русские диалекты: история и современность / Отв. ред. К. В. Горшкова, М. Л. Ремнева; Сост. Е. А. Галинская, М. Н. Шевелева. — М., 1997.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. — М., 1970.

Орлов Л. М. Русские говоры Волгоградской области. — Волгоград, 1984.

Пожарицкая С. К. Северные говоры за чертой ДАРЯ. К вопросу о диалектном членении русского языка // Исследования по славянской диалектологии. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст / Отв. ред. Л. Э. Калнынь. — М., 2002.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

ВВЕДЕНИЕ

Предмет и основные понятия диалектологии	5
§ 1. Литературный язык и диалекты	5
§ 2. Основные единицы диалектологии	6
Связь диалектологии с другими науками	7
§ 3. Диалектология и история языка	7
§ 4. Диалектология и другие филологические науки	9
§ 5. Диалектология и история народа	9
Применение диалектологии в преподавании языка и в практической работе по культуре речи	10
Русские диалекты в свете языковой политики	12
§ 6. Уважительное отношение к диалектам в XIX — начале XX в.	12
§ 7. Взгляд на диалекты с 1930-х гг. как на пережитки прошлого	13
§ 8. Диалекты — богатство русского языка	15
Русский язык в его наречиях и говорах	16
§ 9. Диалектный язык	16
§ 10. Типы диалектных различий	17
§ 11. Сосуществование различных членов междиалектного соответствия в одном говоре	20

ФОНЕТИКА

Суперсегментные единицы	22
§ 12. Сегментные и суперсегментные единицы	22
§ 13. Слог	22
§ 14. Ударение	24
§ 15. Интонация	26
§ 16. Темп речи	29
Сегментные единицы	29
Вокализм	29
Ударный вокализм	30
§ 17. Сильная позиция для гласных фонем во всех говорах	30
§ 18. Фонемы /e/, /o/, /ѣ/, /ω/	30
§ 19. Состав гласных фонем	31
§ 20. Система гласных фонем	32
§ 21. Сфера употребления гласных фонем	34
§ 22. Качество звуков, представляющих одни и те же фонемы	35
Безударный вокализм	36

§ 23. Условия, влияющие на количество и качество безударных гласных	36
Гласные первого предударного слога после твердых согласных	36
§ 24. Оканье	36
§ 25. Аканье	37
Гласные первого предударного слога после мягких согласных	40
§ 26. Фонемы /у/, /и/, /ъ/, /ω/	40
§ 27. Фонемы /о/, /е/, /а/ в окающих говорах; еканье, ёканье	41
§ 28. Фонемы /о/, /е/, /а/ в акающих говорах; еканье, иканье, яканье	42
§ 29. Типы диссимилятивного яканья	44
§ 30. Другие типы яканья	46
Гласные первого предударного слога после шипящих и [ц]	50
§ 31. Особенности произношения гласных первого предударного слога после [ш], [ж], [ц]	50
Переходные системы от оканья к аканью	51
Гласные второго предударного и заударных слогов	53
§ 32. После твердых согласных и в начале слова	53
§ 33. После мягких согласных	53
§ 34. Диереза и эпентеза гласных	55
Консонантизм	55
§ 35. Глухие и звонкие заднеязычные фонемы	55
§ 36. Чередование твердых заднеязычных с мягкими среднеязычными и переднеязычными	57
§ 37. Твердые и мягкие заднеязычные фонемы	58
§ 38. Губные щелевые согласные	58
§ 39. Боковые согласные	60
§ 40. Аффрикаты	62
§ 41. Щелевые согласные на месте аффрикат	65
§ 42. Согласные /с/, /з/, /с'/, /з'/	66
§ 43. Согласные /ш/, /ж/	67
§ 44. Долгие шипящие и их соответствия	68
§ 45. Согласные /т'/, /д'/	70
§ 46. Реализации фонемы /j/	70
§ 47. Согласные /р/, /р'/	72
§ 48. Глухие и звонкие согласные	72
§ 49. Напряженные и ненапряженные согласные	73
§ 50. Твердые и мягкие согласные	75
§ 51. Характер мягких и твердых согласных	76
§ 52. Результаты ассимиляции согласных по мягкости	77
§ 53. Результаты ассимиляции согласных по способу образования	79
§ 54. Прогрессивная ассимиляция согласных по глухости	80
§ 55. Диссимиляция согласных как результат разных фонетических процессов	81
Основные фонетические изменения в современных диалектах под воздействием литературного языка	82

§ 56. Утрата и трансформация диалектных черт	82
§ 57. Гиперкоррекция	83

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

§ 58. Типы диалектных различий в словообразовании	86
§ 59. Состав словообразовательных типов и словообразовательных аффиксов	87
§ 60. Значение словообразовательных единиц	95
§ 61. Сочетаемость мотивирующих основ со словообразовательными аффиксами	99
§ 62. Продуктивность словообразовательных единиц	104
§ 63. Состав слов, относящихся к одному словообразовательному типу	105
§ 64. Сложные слова	108

МОРФОЛОГИЯ

Диалектные различия в морфологии	114
§ 65. Различия в грамматических значениях	114
§ 66. Различия в словоизменительных аффиксах	114
§ 67. Различия в чередованиях фонем, стоящих в основе, и в месте ударения	115
Имена	116
§ 68. Категория рода	116
§ 69. Категория падежа	117
Имя существительное	117
Единственное число	117
§ 70. Типы склонения существительных единственного числа	117
Основные типы склонения	119
Склонение существительных женского рода на -а (1-е склонение)	119
§ 71. Форма родительного, дательного и предложного падежей	119
§ 72. Форма творительного падежа	120
Склонение существительных женского рода с нулевым окончанием в именительном падеже (3-е склонение)	121
§ 73. 3-е склонение в его отношениях к 1-му склонению	121
Склонение существительных мужского и среднего родов (2-е склонение)	122
§ 74. Склонение существительных, относящихся ко 2-му склонению	122
§ 75. Форма родительного падежа	122
§ 76. Форма предложного падежа	123
Нерегулярные типы склонения	125
§ 77. Склонение существительных <i>мать, дочь, свекровь</i>	125
§ 78. Склонение существительных на <i>-мя</i>	126
Множественное число	126

Основы множественного числа	126
Склонение существительных множественного числа	127
§ 79. Форма именительного падежа	128
§ 80. Форма родительного падежа	128
§ 81. Форма дательного и предложного падежей	128
§ 82. Форма творительного падежа	129
Ударение	131
Личные и возвратное местоимения	132
§ 83. Падежные окончания	132
§ 84. Система противопоставления падежных форм	133
Прилагательные и неличные местоимения	134
§ 85. Различия в формах словоизменения	134
§ 86. Окончания отдельных форм	134
§ 87. Построение парадигмы среднего рода и множественного числа	135
§ 88. Стяженные окончания	137
§ 89. Особенности склонения неличных местоимений	137
§ 90. Диалектные варианты сравнительной формы	138
Имя числительное	138
Глагол	139
Основы глаголов	139
§ 91. Формообразовательные разряды глаголов	139
§ 92. Обязательные и необязательные разряды глаголов	140
§ 93. Количество разрядов и их словарное наполнение	141
§ 94. Происхождение различий в разрядной принадлежности глаголов	142
Формы инфинитива	142
§ 95. Закономерности строения систем инфинитива в разных говорах	142
§ 96. Три основные системы инфинитива	143
Формы изъявительного наклонения	144
§ 97. Различия в формах времени	144
Формы настоящего времени и простого будущего	145
Типы спряжения	145
§ 98. Особенности противопоставления в говорах I и II спряжений. Общее спряжение	145
§ 99. Чередования в основе глаголов I и II спряжений	146
§ 100. Чередования в основе глаголов общего спряжения	147
§ 101. Ударение у глаголов I и II спряжений	148
§ 102. III спряжение. Его формальные признаки и разно- видности	149
§ 103. Нетематическое спряжение	150
Варианты личных окончаний	151
§ 104. Конечный [т] или [т'] в формах 3-го лица и его отсут- ствие. Фонемы /о/ или /е/ в окончаниях глаголов I спряжения	151
Формы прошедшего времени	153

§ 105. Место ударения в формах прошедшего времени	153
Формы повелительного наклонения	153
§ 106. Различия форм повелительного наклонения, связанные с основами и распределением окончаний	153
Возвратные глаголы	154
§ 107. Общие замечания. Наличие или отсутствие возвратного постфикса	154
§ 108. Модификации возвратного постфикса	155
§ 109. Явления на стыке возвратного постфикса с предшествующими согласными в различных глагольных формах	156
Категория вида и способы глагольного действия	157
§ 110. Общие замечания. Аспектуальная система и ее специфика в диалектном языке	157
§ 111. Перфективация	158
§ 112. Имперфективация	161
§ 113. Двувидовые глаголы	165
§ 114. Способы глагольного действия	166
Причастие и деепричастие	170
Причастие	171
§ 115. Разряды причастий	171
§ 116. Образование причастий страдательного залога прошедшего времени	172
Деепричастие	173
§ 117. Разряды деепричастий; образование деепричастий	173
Современные морфологические процессы в русских говорах	175
§ 118. Закономерности изменения морфологических диалектных систем в современную эпоху	175
§ 119. Переходные морфологические системы	176

СИНТАКСИС

Словосочетание	179
§ 120. Типы словосочетаний, являющиеся неразличительными и различительными элементами синтаксического строя говоров	179
§ 121. Необщераспространенные типы предложных словосочетаний	180
§ 122. Необщераспространенные типы беспредложных словосочетаний	182
§ 123. Область функционирования словосочетаний	185
Предложение	187
Простое предложение	187
§ 124. Типы предложений, являющихся неразличительными и различительными элементами синтаксического строя говоров	187
§ 125. Предложения типа <i>быть дождю идти</i>	187
§ 126. Предложения типа <i>для этой работы машина надо</i>	188

§ 127. Предложения типа <i>есть у нас ржи, ездило всякого народу</i>	188
§ 128. Конструкции с краткими страдательными причастиями	190
§ 129. Конструкции с предикативными деепричастными формами	192
§ 130. Категория перфекта в русских говорах	193
§ 131. Именные и глагольные конструкции, включающие в свой состав слово <i>есть</i>	194
§ 132. Использование некоторых частиц	195
Сложное предложение	197
§ 133. Структура сложных предложений и компоненты, соединяющие их части	197
§ 134. Противопоставленные и непротивопоставленные различия в области синтаксиса	199
§ 135. Утрата диалектных синтаксических особенностей	199

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

лексикология	203
Словарный состав говоров русского языка	203
§ 136. Понятие диалектного (областного) слова и недиалектные группы лексики русских говоров	203
§ 137. Диалектные различия плана выражения и плана содержания. Признаки, по которым различаются их члены, — разные слова и варианты одного слова	203
§ 138. Единство словарного состава русских говоров	207
§ 139. Диалектные слова, распространенные на территории наречия, группы говоров, одного говора	207
§ 140. Интердиалектная лексика	210
Характер диалектных различий русского языка в области лексики	211
§ 141. Сложные и лексико-этнографические диалектные различия	211
§ 142. Непротивопоставленные и противопоставленные диалектные различия	211
§ 143. Многочленность и многоплановость лексико-семантических диалектных различий, их взаимосвязь	213
Лексическое богатство русских говоров	215
§ 144. Диалектные названия видовых и родовых понятий	215
§ 145. Этнографизмы. Локальные слова в области обрядовой лексики	216
§ 146. Тематические группы диалектной лексики	219
Особенности функционально-стилевой дифференциации современной диалектной лексики	221
§ 147. Отражение функционально-стилевой дифференциации в лексике современного говора	221

§ 148. Экспрессивно-оценочные и эмоциональные элементы в диалектной лексике. Средства экспрессивной выразительности	223
Историческая обусловленность и развитие диалектной лексики	224
§ 149. Древнейшие пласты лексики русских говоров	224
§ 150. Пополнение словарного состава русского языка и его говоров в процессе исторического развития исконных элементов словаря	224
§ 151. Пополнение словарного состава русского языка и его говоров путем заимствований из других языков	226
§ 152. Значение заимствований из литературного языка для развития лексики русских говоров в современных условиях	227
Системные отношения в лексике говоров	227
§ 153. Полисемия, омонимия, синонимия и антонимия	227
§ 154. Влияние литературного языка — основной фактор перестройки лексических систем говоров	229
Лексикография	230
§ 155. Становление русской диалектной лексикографии	230
§ 156. Характеристика основных типов русских диалектных словарей	231

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

§ 157. Общие сведения о предмете лингвогеографии	235
§ 158. Лингвистические атласы	236
§ 159. Развитие лингвогеографии в России	237
§ 160. Диалектологический атлас русского языка. Его теоретические основы	238
§ 161. Различение языковых уровней при картографировании	240
§ 162. Определение круга лингвистических фактов, отражаемых на отдельной лингвистической карте атласа	240
§ 163. Основные понятия, используемые при анализе лингвогеографических данных	241
§ 164. Изучение диалектов методами лингвистической географии	243

ДИАЛЕКТНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 165. Единство русского языка в его говорах	246
§ 166. Цели и принципы диалектного членения русского языка	246
§ 167. Диалектологическая карта русского языка 1914 г.	247
§ 168. Диалектологическая карта русского языка 1964 г.	248
§ 169. Три типа лингво-территориальных единиц: наречия, диалектные зоны, группы говоров	249
§ 170. Характер межзональных говоров	251

Обзор диалектного членения русского языка	251
Наречия русского языка	251
§ 171. Границы и общая характеристика комплексов диалектных групп	251
Северное наречие русского языка	253
Южное наречие русского языка	254
Диалектные зоны	255
§ 172. Западная диалектная зона	256
§ 173. Северная диалектная зона	256
§ 174. Северо-Западная диалектная зона	256
§ 175. Северо-Восточная диалектная зона	259
§ 176. Южная диалектная зона	259
§ 177. Юго-Западная диалектная зона	259
§ 178. Юго-Восточная диалектная зона	260
Группы говоров	261
Группы говоров Северного наречия	262
§ 179. Ладого-Тихвинская группа	262
§ 180. Вологодская группа	262
§ 181. Костромская группа	263
§ 182. Архангельская (Поморская) группа	263
§ 183. Межзональные говоры Северного наречия. Онежская группа	264
Группы говоров Южного наречия	265
§ 184. Западная группа	265
§ 185. Верхне-Днепровская группа	265
§ 186. Верхне-Деснинская группа	265
§ 187. Курско-Орловская группа	266
§ 188. Восточная (Рязанская) группа	266
§ 189. Донская группа	266
§ 190. Межзональные говоры Южного наречия	268
Среднерусские говоры	269
Западные среднерусские окающие говоры	270
§ 191. Гдовская группа	270
§ 192. Новгородские говоры	270
Западные среднерусские акающие говоры	270
§ 193. Псковская группа	270
§ 194. Селигеро-торжковские говоры	271
Восточные среднерусские окающие говоры	271
§ 195. Владимирско-Поволжская группа	271
Восточные среднерусские акающие говоры	272
§ 196. Отделы А, Б, В	272
§ 197. «Чухломской остров»	273

Учебное издание

**Бромлей Софья Владимировна,
Булатова Лидия Николаевна,
Гецова Оксана Герасимовна и др.**

Русская диалектология

Под ред. Л. Л. Касаткина

Учебник

Редактор *А. В. Птухина*

Технический редактор *Н. И. Горбачева*

Компьютерная верстка: *Н. Н. Лопашова*

Корректоры *Э. Г. Юрга, О. Н. Тетерина*

Диaposитивы предоставлены издательством

Изд. № А-1448-І. Подписано в печать 31.03.2005. Формат 60×90/16.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 18,0.
Тираж 5100 экз. Заказ № 14651.

Издательский центр «Академия».

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.02.953.Д.004796.07.04 от 20.07.2004.
117342, Москва, ул. Бутлерова, 17-Б, к. 360. Тел./факс: (095) 330-1092, 334-8337.

Отпечатано на Саратовском полиграфическом комбинате.
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.